

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 15 № 4 / 2025

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 15 № 4 / 2025

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Гуторова Алла Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Урда Маргарита Николаевна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2025

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 29.08.2025.

Дата выхода в свет 15.09.2025. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,8.

Тираж 1000 экз. Заказ 35.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Alla N. Gutorova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Margarita N. Urda, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Социальное государство в современной России: теоретико- и историко-правовой анализ.....	10
<i>Бутков С.В.</i>	
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	21
Оригинальные статьи	
Признаки правовых экспериментов на примере налога на профессиональный доход.....	21
<i>Бурдакова М.А.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	38
Оригинальные статьи	
Институт гудвилл в России: гражданско-правовой аспект.....	38
<i>Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э.</i>	
Единые правила России и Беларуси: к вопросу об осуществлении прав потребителей и усиления их защиты.....	47
<i>Богдан В.В.</i>	
Взаимодействие норм корпоративного и уголовного законодательства: как синхронизировать направления правотворчества.....	59
<i>Болдырев В.А.</i>	
Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом: пределы и механизмы защиты	75
<i>Емелина Л.А., Яворский С.А.</i>	
Искусственный интеллект в судебном толковании права.....	88
<i>Огарок М.А.</i>	
Авторско-правовая охрана видеоигр в Китае.....	105
<i>Бабенко А.А.</i>	
Документы стратегического планирования и их значение для гражданского и семейного права России.....	124
<i>Мохов А.А.</i>	
Гипотеза развития жилищного права: трансформация жилищного права в инфраструктурное право	137
<i>Ковалева О.А.</i>	
Защита права на свободу и личную неприкосновенность при применении к несовершеннолетним мер воздействия в порядке административного судопроизводства.....	148
<i>Жукова О.В.</i>	
Принципы гражданского судопроизводства: понятие, классификация и способы выражения.....	162
<i>Комаров Д.Н.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	175
Оригинальные статьи	
Преступность несовершеннолетних как «кадровая основа» профессиональной преступности в России.....	175
<i>Зарубина К.А.</i>	

Цель в уголовно-правовой характеристике бездействия.....	187
<i>Квасников Е.С.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	201
Оригинальные статьи	
Традиционные российские духовно-нравственные ценности: от основ мировоззрения к патриотизму и героизму.....	201
<i>Горюшкина Н.Е., Немцев А.Д.</i>	
Граммфон как искушение или дискуссии о «сомнительных новшествах» на страницах старообрядческой периодики начала XX века.....	214
<i>Апанасенок А.В.</i>	
Деятельность органов городского самоуправления уездных центров Курской губернии по обеспечению пожарной безопасности в конце XIX – начале XX века.....	226
<i>Кузнецов В.В.</i>	
Духовно-правовая деятельность учреждений караимского конфессионального самоуправления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века).....	241
<i>Ткачев А.С.</i>	
Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы	255
<i>Шконда И.А.</i>	
Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года.....	271
<i>Самситдинов И.З., Самситдинов И.З.</i>	
Этика как основа развития научной школы (на примере петербургской исторической школы).....	286
<i>Барыкина И.Е.</i>	
К сведению авторов.....	299

CONTENT

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES.....	10
Original articles	
The welfare state in modern Russia: theoretical, historical and legal analysis.....	10
<i>Sergey V. Butov</i>	
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES.....	21
Original articles	
Signs of legal experiments on the example of tax on professional income.....	21
<i>Margarita A. Burdakova</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	38
Original articles	
The goodwill institute in Russia: the civil law aspect.....	38
<i>Elena A. Kirillova, Teymur E. Zulfugarzade</i>	
Uniform rules of Russia and Belarus: on the issue of implementing consumer rights and strengthening their protection.....	47
<i>Varvara V. Bogdan</i>	
Interaction of corporate and criminal law norms: how to synchronize the directions of lawmaking.....	59
<i>Vladimir A. Boldyrev</i>	
Inheritance agreements and freedom to dispose of property: limits and protection mechanisms.....	75
<i>Ludmila A. Emelina, Sergey A. Yavorsky</i>	
Artificial intelligence in judicial interpretation of law.....	88
<i>Mikhail A. Ogarok</i>	
Copyright protection of video games in China.....	105
<i>Alexander A. Babenko</i>	
Strategic planning documents and their significance for Russia in civil and family law.....	124
<i>Alexander A. Mokhov</i>	
The hypothesis of the development of housing law: the transformation of housing law into infrastructure law....	137
<i>Olga A. Kovaleva</i>	
Protection of the right to freedom and personal inviolability when applying measures of influence to minors in administrative proceedings.....	148
<i>Olesya V. Zhukova</i>	
Principles of civil procedure: the concept, classification and ways of expression.....	162
<i>Dmitry N. Komarov</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCES.....	175
Original articles	
Juvenile delinquency as the “personnel basis” of professional crime in Russia.....	175
<i>Kristina A. Zarubina</i>	
The purpose of the criminal law characterization of inaction.....	187
<i>Evgeny S. Kvasnikov</i>	

HISTORICAL SCIENCES.....	201
Original articles	
Traditional Russian spiritual and moral values: from the foundations of worldview to patriotism and heroism....	201
<i>Natalia E. Goryushkina, Alexander D. Nemtsev</i>	
The gramophone as a temptation or discussions about "dubious innovations" on the pages of the Old Believers periodicals of the early 20th century.....	214
<i>Alexander V. Apanasenok</i>	
The activities of the municipal self-government bodies of the county centers of the Kursk province to ensure fire safety in the late XIX – early XX century.....	226
<i>Vadim V. Kuznetsov</i>	
The spiritual and legal activities of the bodies of Karaite confessional self-government in the Russian Empire (the second half of the 19th century and the early 20th century).....	241
<i>Anton S. Tkachev</i>	
Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930-1950s.....	255
<i>Igor A. Shkonda</i>	
Territorial organization of the bashkirs and features of local self-government in the bashkir region from the second half of the 16th century to 1917.....	271
<i>Ilfat Z. Samsitdinov, Ilnur Z. Samsitdinov</i>	
Ethics as a basis for the development of a scientific school (using the example of the St. Petersburg historical school).....	286
<i>Inna E. Barykina</i>	
For avtors.....	299

Социальное государство в современной России: теоретико- и историко-правовой анализ

С.В. Бутов¹✉

¹Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации
ул. Летчика Пилутова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: scorpioserg@list.ru

Резюме

Актуальность. В условиях динамичных социально-экономических трансформаций и глобализации роль социального государства в России приобретает особую значимость как гаранта социальной справедливости и устойчивого развития общества. Несмотря на закрепление в Конституции Российской Федерации статуса социального государства, в отечественной юридической науке и практике отсутствует единое понимание его сущности и механизмов реализации, что требует глубокого теоретико-правового и историко-правового анализа.

Цель исследования – систематизировать и проанализировать основные теоретические подходы к пониманию социального государства, определить его сущность в современной России через призму социальной справедливости и социальной политики, а также выявить особенности его формирования и реализации в историческом и правовом контексте.

Задачи: сформировать комплексное определение социального государства, учитывающее конституционные положения, исторический опыт и современные социальные реалии; обосновать роль социальной политики как ключевого инструмента реализации социальных обязательств государства и механизмов обеспечения социальной справедливости.

Методология. Для достижения цели работы были использованы методы теоретико-правового и историко-правового анализа, сравнительно-правовой метод, а также системный комплексный подход к изучению правовых институтов.

Результаты. Выявлена многогранная природа социального государства, включающая формально-юридический и практический уровни. Определены ключевые функции социальной политики: защитная, регулирующая, перераспределительная, превентивная и интеграционная. Прослежена эволюция института социального государства в России от пассивной и институциональной модели к более активной, с учетом влияния советского опыта и современных вызовов. Отмечена роль судебной практики в защите социальных прав граждан. Проведен сравнительный анализ с зарубежными моделями социального государства.

Вывод. Социальное государство в России представляет собой сложный институт, формирующийся под воздействием историко-правовых и социально-экономических факторов. Для обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития необходимо дальнейшее совершенствование социальной политики, расширение социальных гарантий и активизация взаимодействия государственных и негосударственных субъектов. Судебная защита социальных прав играет важную роль в реализации конституционных принципов социального государства.

Ключевые слова: социальное государство; социальная политика; социальная справедливость; социальные права, социальная защита.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бутов С.В. Социальное государство в современной России: теоретико- и историко-правовой анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 10–20. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-10-20>.

Поступила в редакцию 14.06.2025

Принята к публикации 06.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The welfare state in modern Russia: theoretical, historical and legal analysis

Sergey V. Butov¹✉

¹Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation
1 Pilyutov Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: scorpioserg@list.ru

Abstract

Relevance. In the context of dynamic socio-economic transformations and globalization, the role of the welfare state in Russia is becoming particularly important as a guarantor of social justice and sustainable development of society. Despite the consolidation of the status of a welfare state in the Constitution of the Russian Federation, there is no unified understanding of its essence and implementation mechanisms in Russian legal science and practice, which requires a deep theoretical, legal and historical analysis.

The purpose of the research is to systematize and analyze the main theoretical approaches to understanding the welfare state, to determine its essence in modern Russia through the prism of social justice and social policy, as well as to identify the features of its formation and implementation in the historical and legal context.

Objectives: to form a comprehensive definition of the welfare state, taking into account constitutional provisions, historical experience and modern social realities; to substantiate the role of social policy as a key instrument for the implementation of social obligations of the state and mechanisms for ensuring social justice.

Methodology. To achieve the purpose of the work, the methods of theoretical-legal and historical-legal analysis, the comparative-legal method, as well as a systematic integrated approach to the study of legal institutions were used.

Results. The multifaceted nature of the welfare state, including formal, legal and practical levels, is revealed. The key functions of social policy are defined: protective, regulatory, redistributive, preventive and integration. The article traces the evolution of the institution of the welfare state in Russia from a passive and institutional model to a more active one, taking into account the influence of the Soviet experience and modern challenges. The role of judicial practice in protecting the social rights of citizens is noted. A comparative analysis with foreign models of the welfare state is carried out.

Conclusion. The welfare state in Russia is a complex institution that is being formed under the influence of historical, legal, and socio-economic factors. To ensure social justice and sustainable development, it is necessary to further improve social policy, expand social guarantees and enhance interaction between state and non-State actors. Judicial protection of social rights plays an important role in the implementation of the constitutional principles of the welfare State.

Keywords: welfare state; social policy; social justice; social rights; social protection.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Butov S.V. The welfare state in modern Russia: theoretical, historical and legal analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):10–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-10-20>.

Received 14.06.2025

Accepted 06.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Понятие социального государства является одним из ключевых в современной теории государства и права Российской Федерации. В условиях глобализации, ускоренных социально-экономических изменений и демографических вызо-

вов, таких как старение населения, рост социального неравенства и уязвимость отдельных групп, роль социального государства становится особенно значимой. Социальное государство в России находится на пересечении различных моделей, что требует комплексного теорети-

ко-правового и историко-правового анализа для выявления специфики его развития и функционирования.

Конституция РФ в ст. 7 закрепляет, что Россия является «социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. Это положение является фундаментальным для понимания роли государства в социальной сфере и определяет правовую основу для реализации социальных прав граждан, которые в России «признаются высшими конституционными ценностями» [1, с. 207]. Однако, несмотря на конституционные декларирования, термин «социальное государство» в отечественной юридической науке и практике остается предметом активных дискуссий среди ученых.

Методология

Использованный в ходе исследования метод теоретико-правового анализа позволил выявить и систематизировать различные определения и концепции социального государства, существующие в отечественной юридической науке. Этот метод обеспечил глубокое понимание сущности социального государства, его функций и правовой природы. Метод историко-правового анализа дал возможность проследить эволюцию института социального государства в России с XVI в. до современности, выявить влияние советского опыта и трансформации в постсоветский период. Этот метод позволил понять специфику формирования социальной политики в контексте исторических и социокультурных условий, а также определить динамику развития социальных моделей. Сравнительно-правовой

метод обеспечил анализ зарубежных моделей социального государства, таких как скандинавская модель «всеобщего благосостояния» и американская рыночная модель. Это позволило выявить особенности и промежуточное положение российской модели, а также определить направления для совершенствования социальной политики с учетом международного опыта.

Системный и комплексный анализ позволил оценить правовую базу социального государства в России, выявить механизмы реализации социальных прав и обязательств, а также проанализировать роль судебных органов в защите социальных прав граждан. Этот метод способствовал выявлению проблем и противоречий в законодательстве и практике, что важно для дальнейшего совершенствования института социального государства.

Результаты и их обсуждение

В отечественной юридической литературе существует множество определений социального государства, отражающих различные аспекты его сущности. Так О.Е. Кутафин отмечает, что социальное государство – это субъект, чья деятельность направлена не только на организацию жизни человека, но и на «удовлетворение его материальных и духовных потребностей, а также на реализацию требований социальной справедливости» [2, с. 343]. Принцип социальной справедливости является краеугольным камнем концепции социального государства.

А.Б. Борисов как неотъемлемую характеристику социального государства отмечает «закрепление в конституции гарантий экономических и социальных прав человека и гражданина, а также соответствующих обязанностей государства»². Он подчеркивает, что социальное

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 14.05.2025).

² Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. С. 701.

государство стремится свести к минимуму неоправданные социальные различия, что является важным условием социальной стабильности и справедливости.

Э.Я. Баталов акцентирует внимание на ответственности государства за социальную сферу, рассматривая социальное регулирование как одну из важнейших функций государства [3, с. 22]. Такой подход отражает понимание социального государства как активного участника, имеющего обязательства перед своими гражданами в сфере обеспечения социальной защиты и социальной стабильности.

С.А. Глотов в своих исследованиях выделяет перераспределение национального дохода в интересах общества, особенно социально уязвимых групп, как ключевой признак социального государства, что находит отражение в юридическом признании и гарантировании социальных, экономических и культурных прав [4, с. 13]. Аналогичное понимание содержится в «Большом юридическом словаре», где социальное государство характеризуется как конституционно-правовой институт, обеспечивающий минимизацию социальных неравенств¹.

М.В. Баглай предлагает рассматривать социальное государство как субъект, который «берет на себя обязанности заботиться о социальной справедливости и благополучии граждан, но при этом не стремится к уравниванию за счет ограничения свободы, что отличает его от социалистического государства»². Однако с учетом исторического опыта нельзя игнорировать влияние советской социальной политики, которая, несмотря на классовую направленность, заложила основы патерналистского подхода в социальной сфере. Советское государство с первых

дней своего существования позиционировало себя как социальное государство, ориентированное на обеспечение социальных прав граждан, хотя и с выраженным классовым характером. При этом, несмотря на декларативный отказ от наследия старого мира, советская социальная политика сохранила многие традиции, в том числе патерналистский характер социальной защиты, что оказало значительное влияние на формирование современной модели социального государства в России.

Следует отметить, что организация социального государства имеет двухуровневую систему. Первый уровень – формально-юридический, который связан с закреплением в конституционных и иных нормативных актах социальных обязательств государства и правовых гарантий их реализации. Второй – практический, включающий конкретные социальные права граждан и механизмы их реализации через социальную политику и социальное регулирование. Здесь можно говорить о статике и динамике, провести аналогию с такими юридическими категориями, как «правовой статус» и «правовое положение» субъекта правоотношений [5, с. 8], где «сущность правового положения, представляет собой совокупность реальных прав и обязанностей, реализующихся в конкретных правоотношениях, в то время как правовой статус соответствует законодательно закреплённому, стабильному состоянию» [6, с. 33].

С сущностью социального государства тесно связана его социальная политика, являющаяся ключевым инструментом реализации социальных обязательств государства перед своими гражданами. В отечественной науке отсутствует единое определение социальной политики, что отражает сложность и многогранность этого института.

Б.В. Ракитский рассматривает социальную политику как «отношения между социальными группами по поводу сохранения и изменения их социального поло-

¹ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1997. С. 647.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 136.

жения»¹. Однако такой подход не охватывает весь спектр социальной политики как института, поскольку не учитывает роль государства и негосударственных субъектов в формировании и реализации социальной политики.

С.А. Коваленко в качестве главного субъекта социальной политики определяет государство, которое обладает исключительным правом законодательного закрепления направлений ее развития и механизмами реализации [7, с. 115]. Государство, обладая административным ресурсом, способно не только формировать, но и направлять социальную политику, что подчеркивает ее институциональный характер.

Е.В. Виноградова расширила понимание социальной политики, включив в нее воздействие как государства, так и негосударственных институтов на социально-экономическое положение различных социальных групп [8, с. 8]. Такой подход отражает современную тенденцию к многообразию субъектов социальной политики, среди которых, наряду с государственными органами, выделяются общественные организации, профсоюзы, работодатели, благотворительные фонды и международные институты. И. А. Григорьева дополнила это определение, указывая на «согласование интересов социальных групп и территориальных общностей с интересами человека и общества» [9, с. 41]. Таким образом расширяется субъектность социальной политики, включая не только деятельность государства, но и результат взаимодействия общественных групп.

Анализ мнений ученых относительно социальной политики показал, что она

выполняет ряд ключевых взаимосвязанных функций, направленных на обеспечение устойчивого развития общества и повышение качества жизни граждан. К таким функциям относятся:

- защитная, обеспечивающая социальную защиту граждан от различных социальных рисков, таких как безработица, болезнь, старость, инвалидность;
- регулирующая, в ходе которой государство устанавливает правила и нормы, регулирующие социальные отношения, включая трудовые, пенсионные, жилищные и другие сферы;
- перераспределительная, подразумевающая перераспределение материальных ресурсов с целью сокращения социального неравенства и обеспечения социальной справедливости;
- превентивная, посредством которой государство предупреждает социальные конфликты и кризисы путем своевременного реагирования на социальные проблемы;
- интеграционная, обеспечивающая содействие социальной интеграции различных групп населения, укрепление социальной солидарности и сплоченности общества.

Социальная политика является инструментом реализации принципа социальной справедливости, который лежит в основе социального государства. Реализация этого принципа требует не только законодательного закрепления социальных прав, но и эффективного функционирования социальных институтов, способных обеспечить доступ к образованию, здравоохранению, социальной защите и другим базовым услугам.

По мнению О.В. Володиной, «характер социальной политики определяется соотношением ролей, которые играют в этом процессе государство и негосударственные, общественные и коммерческие

¹ Социальная политика / Ю.П. Алексеев [и др.]; под общ. ред. Н.А. Волгина; Российская акад. гос. службы при Президенте РФ. Изд. 3-е, стер. М.: Экзамен, 2006. С. 21.

структуры, а также физические лица. Это соотношение определяет характер и модель социальной политики» [10, с. 732]. В научной литературе выделяются различные модели социальной политики, которые отражают соотношение ролей государства и негосударственных акторов, а также характер социальных гарантий и механизмов их реализации. Наиболее распространены следующие модели:

- активная модель; предполагает активное вмешательство государства в социальную сферу, направленное на создание условий для социальной защиты, социальной интеграции и развития человеческого капитала;

- пассивная модель; ориентирована на компенсационный характер социальной помощи, предоставляемой преимущественно в виде социальных выплат и льгот. Пассивная модель предполагает преимущественно компенсационный характер социальной помощи, направленной на поддержание определенного уровня жизни у социально уязвимых групп через социальные выплаты и льготы;

- институциональная модель; характеризуется законодательным закреплением социальных гарантий, превентивным и профилактическим характером социальной помощи, а также универсальностью предоставляемых услуг. Институциональный аспект проявляется в законодательном закреплении социальных гарантий, превентивном и профилактическом характере социальной помощи, а также в универсальности предоставляемых услуг. Такая модель социальной политики способствует минимизации социальных рисков и поддержанию социальной стабильности;

- резидуальная модель; социальная помощь предоставляется только в случае крайней необходимости, при отсутствии других источников поддержки.

Эти модели могут сочетаться и трансформироваться в зависимости от социально-экономических условий и политической воли государства.

С помощью историко-правового подхода открывается возможность проследить эволюцию института социального государства в контексте конкретно-исторических и социокультурных условий, что особенно важно для понимания специфики российского социального государства. В этом контексте социальное государство рассматривается не как статичный институт, а как динамическая система, развивающаяся под воздействием внутренних и внешних факторов.

Используя этот подход, можно утверждать, что в российской практике начиная с XVI в. формировалась система социальной политики, которую можно охарактеризовать как пассивную и институциональную. В советский период социальная политика носила ярко выраженный институциональный и активный характер, направленный на обеспечение занятости, бесплатного образования и здравоохранения, а также социальной защиты трудящихся и военнослужащих [11, с. 21]. Однако после распада СССР произошли значительные изменения, связанные с переходом к рыночной экономике и реформированием социальной сферы. В постсоветский период социальная политика России характеризовалась переходом от институциональной к более резидуальной модели, что связано с сокращением государственных расходов на социальную сферу и усилением роли негосударственных акторов. Тем не менее в последние годы наблюдается тенденция к восстановлению социальной политики как важного инструмента обеспечения социальной справедливости и стабильности. В настоящее время российское государство предпринимает меры по расши-

рению социальных гарантий, развитию системы социальной защиты, поддержке семей, пенсионеров, инвалидов, участников специальной военной операции [12, с. 203]. Важную роль играют также негосударственные институты, которые дополняют государственные усилия и способствуют формированию более гибкой и эффективной системы социальной поддержки.

В современной России социальное государство реализуется через комплекс государственных программ, направленных на поддержку различных категорий граждан. Система обязательного социального страхования в России охватывает риски, связанные с временной нетрудоспособностью, материнством, безработицей и пенсионным обеспечением. Например, программа «Социальная поддержка семей с детьми» включает меры по выплате материнского капитала, пособий по уходу за ребенком, льгот на образование и здравоохранение [13, с. 152]. Эти меры направлены на повышение рождаемости и улучшение демографической ситуации, что является одной из приоритетных задач государства. Другой пример – программа государственной поддержки инвалидов, включающая предоставление социальных пенсий, обеспечение техническими средствами реабилитации, создание условий для трудоустройства и социальной интеграции. Законодательство РФ закрепляет права инвалидов на получение социальной помощи, что отражает конституционные принципы социального государства. посредством пенсионной системы государство обеспечивает материальную поддержку граждан в пожилом возрасте. Проводимые в России в последние годы реформы пенсионной системы направлены на повышение ее устойчивости и адаптацию к демографическим измене-

ниям. Однако они вызывают общественные дискуссии и судебные споры, что свидетельствует о высокой социальной значимости данного института.

Судебные органы, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации, играют важную роль в обеспечении реализации принципов социального государства. Они рассматривают дела, связанные с защитой социальных прав граждан, контролирует конституционность нормативных актов, регулирующих социальную сферу. В практике российских судов часто рассматриваются дела, связанные с нарушением прав на социальное обеспечение, выплату пособий, льгот и компенсаций. Например, споры о праве на получение социальной помощи малоимущими гражданами, о корректности расчета пенсий, о предоставлении жилья инвалидам и ветеранам. Анализ судебных решений показывает, что суды стремятся обеспечить защиту социальных прав, исходя из принципов социальной справедливости и конституционных гарантий. Вместе с тем судебная практика выявляет проблемы в реализации социальных прав, связанные с недостатками законодательства и административной практики.

Рассматривая модель российского социального государства в международной плоскости, можно отметить, что она занимает промежуточное положение между европейской и рыночной моделями. С одной стороны, в России закреплены широкие социальные права и гарантии, а государство активно участвует в социальной сфере. С другой стороны, экономические и институциональные ограничения, а также исторические особенности формируют специфику реализации социальной политики.

Вместе с этим в странах Западной Европы социальное государство традиционно рассматривается как активный

субъект, обеспечивающий высокий уровень социальной защиты и социальной справедливости. Например, в странах Скандинавии (Швеция, Норвегия, Дания) реализуется модель «всеобщего благосостояния» (welfare state), характеризующаяся универсальностью социальных услуг, высоким уровнем налогового бремени и активной социальной политикой [14, с. 84]. Эти страны демонстрируют высокий уровень жизни, низкий уровень бедности и социального неравенства, что достигается за счет эффективного перераспределения ресурсов и развитой системы социальной защиты. При этом социальное государство в этих странах тесно связано с демократическими институтами и высоким уровнем гражданской активности.

В США и ряде других стран с рыночной экономикой социальное государство имеет более ограниченный характер, в них социальная политика в большей мере ориентирована на поддержку наиболее уязвимых групп, а основная ответственность за социальное благополучие возлагается на рынок и частные институты [15, с. 96]. Так, в США социальные программы, такие как Medicaid и Social Security, обеспечивают базовую защиту, но уровень социальной поддержки значительно ниже, чем в европейских странах. Это отражает философию индивидуализма и ограниченного вмешательства государства в социальную сферу.

Выводы

Таким образом, теоретико-правовой анализ позволил определить социальное государство как сложный и многогранный институт, формирующийся на основе конституционных положений, исторического опыта и современных социальных реалий. Его сущность определяется через призму социальной справедливости и социальной политики, которые высту-

пают как взаимосвязанные и взаимодействующие элементы, где социальная справедливость предполагает равенство возможностей, справедливое распределение благ и обязанностей, а также защиту прав и интересов всех членов общества, особенно наиболее уязвимых групп, а социальная политика – комплексную деятельность, в которой участвуют государственные и негосударственные субъекты, направленную на регулирование социальных отношений и обеспечение социальной справедливости. В этом контексте социальная политика выступает как механизм реализации социальных прав и гарантий, закрепленных на формально-юридическом уровне социального государства.

В свою очередь, историко-правовой анализ показал, что социальное государство в России развивается постепенно, отражая специфику национального социально-политического контекста и взаимодействие различных социальных факторов. Реализация социального государства в России осуществляется через комплекс государственных программ, систему социального страхования и пенсионного обеспечения, а также через деятельность различных социальных институтов. Судебная практика подтверждает важность защиты социальных прав и принципов социальной справедливости. Формально-юридический уровень социального государства обеспечивает правовые гарантии социальных прав и обязанностей государства, тогда как практический уровень реализуется через социальную политику, включающую разнообразные механизмы и модели регулирования социальных отношений. В современных условиях важным является дальнейшее совершенствование социальной политики, направленной на обеспечение социальной справедливости и устойчивого развития общества.

Список литературы

1. Дерюгин А.А., Бутов С.В. Права и свободы человека и гражданина как высшие конституционные ценности в Российской Федерации // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ценности, цели и императивы развития Российской государственности: сборник статей и материалов XVII Международной научно-практической конференции: в 2-х т. Т. 1. Брянск: РАНХиГС, 2023. С. 207-214.
2. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 544 с.
3. Янцен А.В., Доронина П.Н. Социальная ответственность государства в сфере обеспечения социальной защиты населения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 7(47). С. 274-277.
4. Глотов С.А. Социальная политика и социальная безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы реализации. М.: Инженер, 2007. 429 с.
5. Бутов С.В. О сущности юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 5-8.
6. Бутов С.В. Сущность юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение» в контексте комплексной теории познания права // Теория государства и права. 2024. № 2-1(37). С. 30-42.
7. Коваленко С.А. Социальная политика: основания и модели // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 4. С. 108-120.
8. Виноградова Е.В. Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России. 2004. № 1. С. 6-52.
9. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 1. С. 29-44.
10. Володина О.В. Социальная политика в области социально-правовой защиты военнослужащих и членов их семей в СССР в первой половине XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД РФ, 2022. С. 732-740.
11. Володина О.В., Пенькова А.Н. Социальное обеспечение семей военнослужащих в первые годы Великой Отечественной войны: историко-правовые аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 21-30.
12. Назарова И.С. Нормативные аспекты социальной защиты военнослужащих – участников специальной военной операции // Политрабoта: история, современность, перспективы (к 80-летию Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации) : материалы межведомственной научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Военная ордена Жукова акад. войск национальной гвардии РФ, 2025. С. 203-206.
13. Заваткина Н.В., Назарова И.С. Институт материнства в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 151-154.
14. Сидорина Т.Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3. С. 84-99.

15. Дубровский Д.А. Основы социальной политики в США, Франции и России (сравнительно-правовой анализ) // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 92-97.

References

1. Deryugin A.A., Butov S.V. Human and civil rights and freedoms as the highest constitutional values in the Russian Federation. In: *Traditsii i innovatsii v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii: tsennosti, tseli i imperativy razvitiya Rossiiskoi gosudarstvennosti: sbornik statei i materialov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *Traditions and innovations in state and municipal administration: values, goals and imperatives of the development of Russian statehood: collection of articles and materials of the XVII International scientific and practical conference*. Vol. 1. Bryansk: RANHiGS; 2023. P. 207-214. (In Russ.)
2. Kutafin O.E. Russian constitutionalism. Moscow: Norma; 2008. 544 p. (In Russ.)
3. Yantsen A.V., Doronina P.N. Social responsibility of the state in the sphere of ensuring social protection of the population. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki* = *Skif. Issues of student science*. 2020;(7):274-277. (In Russ.)
4. Glotov S.A. Social policy and social security of the Russian Federation: constitutional and legal issues of implementation. Moscow: Engineer; 2007. 429 p. (In Russ.)
5. Butov S.V. On the essence of the legal categories "legal status" and "legal status". *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = *Law and order: history, theory, practice*. 2024;(2):5-8. (In Russ.)
6. Butov S.V. The essence of the legal categories "legal status" and "legal status" in the context of the comprehensive theory of legal cognition. *Teoriya gosudarstva i prava* = *Theory of the state and law*. 2024;(2-1):30-42. (In Russ.)
7. Kovalenko S.A. Social policy: foundations and models. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* = *South Russian Journal of Social Sciences*. 2007;(4):108-120. (In Russ.)
8. Vinogradova E.V. Social policy: historical, theoretical, practical aspects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii* = *Economic and social problems of Russia*. 2004;(1):6-52. (In Russ.)
9. Grigorieva I.A. Social policy: basic concepts. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* = *Journal of Social Policy Research*. 2003;1(1):29-44. (In Russ.)
10. Volodina O.V. Social policy in the field of social and legal protection of military personnel and their families in the USSR in the first half of the 20th century. In: *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR): materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* = *State and law: evolution, current state, and development prospects (on the 100th anniversary of the formation of the USSR): Proceedings of the 19th International scientific and theoretical conference*. St. Petersburg: St.-Peterb. un-t MVD RF; 2022. P. 732-740. (In Russ.)
11. Volodina O.V., Penkova A.N. Social security for military families in the first years of the Great Patriotic War: historical and legal aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(2):21-30. (In Russ.)
12. Nazarova I.S. Normative aspects of social protection of military personnel participating in a special military operation. In: *Politrabota: istoriya, sovremennost', perspektivy (k 80-letiyu Voennoi ordena Zhukova akademii voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii): materialy*

mezhdomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Political work: history, modernity, prospects (on the occasion of the 80th anniversary of the Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation): proceedings of the interdepartmental scientific and practical conference with international participation. St.-Petersburg: Voennaya ordena Zhukova akad. voisk natsional'noi gvardii RF; 2025. P. 203-206. (In Russ.)

13. Zavatkina N.V., Nazarova I.S. The institute of motherhood in the Russian Federation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2025;(2):151-154. (In Russ.)

14. Sidorina T.Yu. Operation "Welfare State": has the welfare state solved the problems of an ideal state? *Terra Economicus*. 2012;10(3):84-99. (In Russ.)

15. Dubrovsky D.A. Fundamentals of social policy in the USA, France and Russia (comparative legal analysis). *Nauka. Obrazovanie. Sovremennost' = Science. Education. Modernity*. 2024;(2):92-97. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Бутов Сергей Валерьевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: scorpioserg@list.ru,
ORCID: 0000-0002-5775-0713

Sergey V. Butov, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Researcher at the Military Research Center, Zhukov Military Academy of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: scorpioserg@list.ru,
ORCID: 0000-0002-5775-0713

Признаки правовых экспериментов на примере налога на профессиональный доход

М.А. Бурдакова¹

¹Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ул. им. Гагарина, д. 8, г. Волгоград 400005, Российская Федерация

✉e-mail: burdackova.margarita@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Прогресс цифровых технологий, проникающих во все сферы общественной жизни, часто требует проведения экспериментов. Перед государством стоит не менее важная задача не только обеспечить правильное внедрение современных технологий в общественную жизнь с помощью правовых механизмов, но и решить социально-экономические проблемы. Для достижения целей государство стремится к справедливому и стабильному законодательству. Однако законодатель не всегда может точно предсказать, как будут действовать на практике правовые нормы, регулирующие цифровые технологии. Эксперименты выступают способом проверки эффективности экспериментального законодательства. В области цифровых технологий используется форма экспериментальных правовых режимов, в налоговой сфере – правовой эксперимент. Однако современная наука требует детального рассмотрения правового эксперимента с учетом появления нового вида экспериментального нормотворчества.

Цель. Выявить признаки правовых экспериментов на примере налога на профессиональный доход.

Задачи: рассмотреть налог на профессиональный доход с точки зрения правового эксперимента; сравнить правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим; выявить отличительные особенности правового эксперимента.

Методология. В рамках исследования применялись такие общенаучные методы, как дедукция и анализ, а также методы юридической науки (формально-юридический и сравнительно-правовой).

Результаты. Было выявлено пять признаков правового эксперимента: 1) экспериментально-правовое нормы; 2) апробация созданной модели правового регулирования и выявления ее эффективности; 3) ограниченность территории, периода времени и круга лиц; 4) регулирование новых общественных отношений; 5) отсутствие серьезных изменений в действующих правовых нормах.

Вывод. Суть правового эксперимента заключается в тестировании временной модели правового регулирования для решения определённой проблемы. Ключевой аспект правового эксперимента – применение экспериментальных норм, а его цель – оценка их потенциальной эффективности.

Ключевые слова: правовой эксперимент; экспериментальный правовой режим; налог; профессиональный доход; цифровые технологии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бурдакова М.А. Признаки правовых экспериментов на примере налога на профессиональный доход // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 21–37. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-21-37>.

Поступила в редакцию 23.05.2025

Принята к публикации 23.06.2025

Опубликована 29.08.2025

Signs of legal experiments on the example of tax on professional income

Margarita A. Burdakova^{1✉}

¹Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA
8 Gagarin Str., Volgograd 400005, Russian Federation

✉ e-mail: burdackova.margarita@yandex.ru

Резюме

Relevance. The progress of digital technologies penetrating all spheres of public life often requires experimentation. The state faces an equally important task - not only to ensure the correct introduction of modern technologies into public life with the help of legal mechanisms, but also to solve socio-economic problems. To achieve its goals, the state strives for fair and stable legislation. However, the legislator cannot always accurately predict how legal norms regulating digital technologies will work in practice. Experiments act as a way to test the effectiveness of experimental legislation. In the field of digital technologies, a form of experimental legal regimes is used; in the tax sphere, legal experimentation is used. However, modern science requires a detailed consideration of legal experimentation, taking into account the emergence of a new type of experimental rulemaking.

Purpose. To identify the signs of legal experiments on the example of tax on professional income.

Objective: examine the professional income tax from the perspective of legal experiment; compare legal experiment and experimental legal regime; identify the distinctive features of legal experiment.

Methodology. In the framework of the research such general scientific methods as deduction and analysis. As well as methods of legal science: formal-legal and comparative-legal.

Results. It was revealed five signs of legal experiment: 1) experimental-legal norms; 2) testing of the created model of legal regulation and revealing its effectiveness; 3) limited territory, time period and circle of persons; 4) regulation from new social relations; 5) absence of serious changes in the existing legal norms.

Conclusion. The essence of a legal experiment is to test a temporary model of legal regulation to solve a certain problem. The key aspect of the legal experiment is the application of experimental norms, and its purpose is to assess their potential effectiveness.

Keywords: legal experiment; experimental legal regime; tax; professional income; digital technologies.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Burdakova M.A. Signs of legal experiments on the example of tax on professional income. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):21–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-21-37>.

Received 23.05.2025

Accepted 23.06.2025

Published 29.08.2025

Введение

Каждое государство нуждается в точном, справедливом и стабильном законодательстве, позволяющем обеспечивать реализацию конкретных целей и задач. Качественное правовое регулирование является необходимой составляющей для стратегического развития государства. В процессе создания нормативно-правового акта законодатель не всегда может предусмотреть, предвидеть его действие в реальности. Одним из спосо-

бов апробации работы правовых норм в действительности является проведение эксперимента, который может показать недостатки и пробелы правового регулирования.

Причина обращения законодателя к экспериментам обусловлена рядом факторов, одними из которых являются пробелы и коллизии в праве, сопровождающие нормативно-правовое регулирование любых общественных отношений. При создании нормативно-правового акта не

всегда представляется возможным предусмотреть и предвидеть работу правовых норм в действительности. В вопросах регулирования новых общественных отношений выстроить совершенный нормативно-правовой акт представляется еще более затруднительным, поскольку существуют риски возникновения плохо прогнозируемых событий. С целью реализации правового регулирования новых общественных отношений с минимальным количеством правовых пробелов и коллизий законодатель обращается к эксперименту. Так, по мнению В.В. Лазарева, «эксперимент подтверждает предположение о пробеле в праве, он всегда выступает в качестве средства установления пробелов самого экспериментируемого акта» [1, с. 126].

С 2017 г. определяется тенденция правового регулирования общественных отношений в различных сферах через эксперименты. Так, в июле 2017 г. был начат эксперимент по развитию курортной инфраструктуры. Затем в 2018 г. последовал эксперимент по установлению специального налогового режима – налога на профессиональный доход¹ (далее – Закон о НПД). В 2020 г. был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»² (далее – Закон об экспериментальных правовых режимах). 25 февраля 2022 г. был принят Федеральный закон от № 17-ФЗ «О про-

ведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”»³.

Перечисленные нормативно-правовые акты следует разделить на две группы: правовые эксперименты (Закон о НПД) и экспериментальные правовые режимы (Закон об экспериментальных правовых режимах). Подобное количество экспериментального нормативно-правового регулирования позволяет задуматься о разграничении понятий «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим».

Анализ современных научных исследований позволяет сделать вывод о том, что до настоящего времени не было проведено четкое разграничение между такими понятиями, как «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим».

О.А. Тарасенко, сравнивая правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим, выявляет сходства и отличия данных понятий по различным характеристикам, среди которых регуляторная база, масштаб и сфера применения. Однако особенности правового эксперимента подробно не раскрываются, акцент в исследовании поставлен на новом для законодательства понятии – «экспериментальный правовой режим» [2].

Иной подход к различию данных понятий был отражен в исследовании группы авторов [3, с. 53]. Правой эксперимент представляет собой «юридическое решение некой проблемы», тогда как экспериментальный правовой режим направлен на «тестирование и апробацию технического решения».

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 27.04.2025).

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 27.04.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»: Федер. закон от 25 февр. 2022 г. № 17-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410240/ (дата обращения: 27.04.2025).

Таким образом, анализ современных научных исследований позволяет сделать вывод о том, что несмотря на то, что в науке проводились исследования по разграничению таких понятий, как «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим», больший акцент сделан на выявлении особенностей второго понятия, тогда как, на наш взгляд, следует детально рассмотреть первое понятие с точки зрения выявления его особенностей.

Методология

Данное исследование осуществлялось с помощью дедуктивного метода, посредством которого был достигнут соответствующий результат. С помощью анализа, являющегося общенаучным методом исследования, автором был сформулирован вывод об особенностях и отличительных признаках правового эксперимента.

Помимо общенаучных методов исследования, автором применялись методы, присущие юридической науке. На основе формально-юридического метода исследования автором были проанализированы Закон о НПД и Закон об экспериментальных правовых режимах, что позволило выявить отличительные признаки правового эксперимента и экспериментального правового режима соответственно.

В результате применения сравнительно-правового метода были определены общие и отличительные черты правового эксперимента.

Результаты и их обсуждение

Как правило, при упоминании термина «эксперимент» речь идет о методе научного познания той или иной действительности в аспекте естественных или гуманитарных наук [4]. Указанное понимание является достаточно неопределенным для юридической науки, поскольку охватывает определение эксперимента с научной точки зрения в целом,

не позволяя применить его к частному – правотворческой деятельности.

С лексической точки зрения, в соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, под словом «эксперимент» следует понимать «попытку сделать что-нибудь новое, ранее не испытанное»¹. Данное определение отражает сущность слова «эксперимент» в целом, а именно возможность апробировать в условиях современной реальности то, что не было сделано никогда до этого. Таким образом, следует определить отличительную черту эксперимента – его новизну.

Иное толкование дано А.П. Евгеньевой, которая под «экспериментом» понимает «воспроизведение какого-либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью изучения, исследования»². В данном определении также идет речь о новизне, однако наблюдается один из важнейших признаков слова «эксперимент» – создание условий, в которых он осуществляется.

Следовательно, лексический аспект в понимании слова «эксперимент» позволяет определить две составляющие: новизна и создание соответствующих условий для апробации нового явления. Думается, что данные постулаты представляют собой «красную линию» для дальнейшего теоретического исследования.

Одним из видов эксперимента является эксперимент в области права, который, в отличие от экспериментов, проводимых в других областях, направлен на учет юридических аспектов и последствий для общества, правовой системы и участников правоотношений. В настоящее время существует несколько видов экспериментов в праве: эксперименталь-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

² Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

ный правовой режим, правовой эксперимент и правотворческий эксперимент.

Экспериментальный правовой режим отличается от классического правового эксперимента, что соответствующим образом отражается в соответствующем нормативно-правовом акте.

Законодателем было представлено четкое определение экспериментального правового режима, выразившегося в конкретных дефинициях, установленных в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об обязательных требованиях). Так, обращая внимание на положения ст. 13 Закона об обязательных требованиях, следует выделить несколько основных признаков экспериментальных правовых режимов.

Первый признак – это специфика правового регулирования, выраженная в возможности изменения либо исключения действующих правовых норм, установленных на федеральном уровне, на определенной территории в течение определенного периода времени для определенного круга лиц. Для экспериментальных правовых режимов характерно такое изменение существующего законодательства, которое необходимо для достижения поставленной цели. Подобные изменения устанавливаются в соответствующем нормативно-правовом акте, определяющем условия экспериментального правового режима в соответствующей сфере общественных отношений. При этом экспериментальный правовой режим не должен противоречить Конституции РФ и международным нормативно-правовым актам. Следовательно, экспериментальный правовой режим отличается своим масштабом в

вопросах нормативно-правового регулирования, предоставляя возможность «перекраивать существующее законодательство», т. е. изменять существующие правовые нормы для достижения цели эксперимента. На наш взгляд, указанный признак представляет собой отличительную черту, позволяющую отграничить правовой эксперимент от экспериментального правового режима.

Второй признак экспериментальных правовых режимов заключается в установлении определенного периода времени, в течение которого они действуют.

Третий признак направлен на определение группы лиц, на которую распространяются действия экспериментального правового режима.

Четвертый признак указывает на ограниченность территории, на которой тот или иной экспериментальный правовой режим может распространяться.

Пятый признак вытекает из самого Закона об обязательных требованиях и заключается в ограничении сферы общественных отношений, в рамках которых могут применяться экспериментальные правовые режимы. В данном вопросе законодатель пошел по пути указания ограничений, т. е. общественных отношений, где экспериментальные правовые режимы не устанавливаются, а именно: государственная тайна, сфера государственной безопасности, вопросы внутренней безопасности и правопорядка, возникновение чрезвычайных ситуаций, налогообложение, валютное и таможенное регулирование, закупки для государственных и муниципальных нужд, атомная энергетика, ядерная и радиационная безопасность, порядок и стандарты оказания медицинской помощи, стандарты основных общеобразовательных программ, финансовая отчетность, аудит, бухгалтерский учет.

В Законе об экспериментальных правовых режимах законодателем были подчеркнуты не все указанные выше признаки. Исходя из определения, указанно-

¹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358670/ (дата обращения: 27.04.2025).

го в нормативно-правовом акте об обязательных требованиях, следует, что экспериментальный правовой режим – это специальные нормы права, регулирующие сферу цифровых технологий, в частности для определенного круга лиц в ограниченный период времени.

По мнению М.В. Залоило, одной из ключевых отличительных особенностей экспериментального правового режима является «установление исключений из действующих правовых норм» [5, с. 65].

О.А. Тарасенко, исследуя экспериментальные правовые режимы, дает им характеристику «ординарного, добровольного и срочного правового режима, направленного на совершенствование законодательства и появление новых товаров, работ и услуг в сферах цифровых инноваций» [6, с. 53].

Как было отмечено М.Л. Давыдовой, сущность экспериментальных правовых режимов заключается в том, что «временное “блокирование” некоторых правовых нормативов необходимо здесь как внешнее условие для проведения эксперимента технологического» [7, с. 14].

На наш взгляд, правовые нормы экспериментального правового режима представляют собой «примерочную» модель правового регулирования, включающую в себя возможность «приостанавливать», «перекраивать» действующие правовые нормы, т. е. «подгонять» законодательство под особенности и специфику новых общественных отношений, не помещающихся в систему существующих правовых норм. При этом важно отметить следующее условие: впоследствии по итогам окончательного формирования новых общественных отношений правовые нормы продолжат трансформироваться для модификации уже существующих основ правового регулирования в сфере цифровых технологий. Идейная цель экспериментальных правовых режимов заключается в возможности установления правового регулирования для новых общественных отношений:

существующих в реальности, но не имеющих правового подхода.

Таким образом, экспериментальный правовой режим отличается масштабом реализации, что отражается в позволении его участникам действовать по правилам на определенной территории в определенный период времени с целью улучшения продуктов деятельности в определенных сферах, освобождаясь от правового регулирования, сдерживающего их развитие.

В отличие от экспериментальных правовых режимов законодателем не было дано определение правового эксперимента. Более того, как отмечает Н.А. Поветкина, требования, подходы, принципы и правовую форму правовых экспериментов сложно определить в силу отсутствия единого нормативного правового акта [8]. В связи с отсутствием законодательного определения правового эксперимента целесообразно проанализировать нормативно-правовой акт, посредством которого вводится правовой эксперимент в области налогового права.

Анализ норм Закона о НПД позволяет сделать вывод об их особенности, выраженной в виде правовых предписаний, которые «входят в содержание правовой основы эксперимента» [9, с. 29].

Ю.А. Тихомиров, характеризуя правовой эксперимент, рассматривает его через призму института правовой системы, подчеркивая, что правовой эксперимент включает в себя систему специфических правовых норм [10]. На наш взгляд, подобный подход является обоснованным, поскольку правовой эксперимент представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют общественные отношения, возникающие между определенным кругом лиц, на определенной территории, в течение определенного периода времени.

Сама по себе экспериментальная правовая норма обладает соответствующими особенностями при рассмотрении ее структуры. Так, в соответствии с ис-

следованием А.Г. Репьева, И.Н. Сенякина, экспериментальная правовая норма представляет собой «нормативное предписание, сложившееся в результате специализации правового регулирования на основе учета особенностей определенного его вида, направленное на пробное установление властного веления, характеризующегося избирательной юридической силой в отношении конкретно установленных субъектов общественных отношений, временных и территориальных границ» [11, с. 39].

Структура экспериментальной правовой нормы не отличается от общепринятого понимания и содержит три составляющих: гипотезу, диспозицию и санкцию.

Особенность гипотезы экспериментальной правовой нормы заключается в необходимости «максимально четко устанавливать условия ее реализации» [12, с. 72], т. е. описания реальных, конкретных событий, при наступлении которых могут применяться нормы, регулирующие условия эксперимента. Так, в ч. 7 ст. 2 Закона о НПД законодателем было установлено, что подразумевается под профессиональной деятельностью (доход от деятельности и от использования имущества), а именно отсутствие работодателя, наемных работников по трудовым договорам.

Диспозиция экспериментальной правовой нормы «закрепляет пробные правила поведения, которым должны следовать участники правоотношений» [11, с. 39]. Думается, что успешность проведения эксперимента напрямую зависит от того, насколько точно будет сформулирован правовой статус его участников, правовые гарантии и иные правила. Как верно отмечено А.В. Маргарян, «элементы правового статуса субъектов эксперимента по возможности следует согласовать с уже существующими элементами их юридического положения, не допустив между ними противоречий, тем более ухудшающих общее положение

участников и ставящих под угрозу положительный эффект эксперимента» [12, с. 72]. Так, в соответствии с п. 1 ст. 18 Налогового кодекса РФ, Закон о НПД предусматривает освобождение от налогообложения налогом на доходы физических лиц в отношении доходов, являющихся объектом налогообложения налогом на профессиональный доход.

Относительно санкции как элемента экспериментальной правовой нормы в юридической науке существуют различные точки зрения. Так, с позиции А.Г. Репьева и И.Н. Сенякина для санкции экспериментальной правовой нормы «характерно присутствие праввосстановительной ее разновидности» [11, с. 41].

Итак, экспериментальные правовые нормы, как и любые нормы права, состоят из гипотезы, диспозиции и санкции, однако в силу их экспериментального характера обладают отличительными особенностями. Экспериментальные правовые нормы являются временными, поскольку регулируют определенные общественные отношения до момента окончания эксперимента и принятия решения законодательным органом об их внесении в основу будущего законодательного акта.

Представляется, что основная цель введения законодателем нового специального налогового режима – НПД в виде правового эксперимента заключается в необходимости апробации в реальности и проверке эффективности соответствующей модели правового регулирования.

Е.С. Зайцева по вопросу об эффективности указывает, что правовой эксперимент «направлен на опытную проверку результатов прогнозирования» [13, с. 76].

В.И. Никитинский указывает, что основная цель правового эксперимента заключается в результативности и проработке правовых конструкций, регулирующих нововведение [9].

Ю.А. Тихомиров подходит к вопросу об эффективности правового эксперимента через «установление системы кри-

териев положительной и отрицательной оценки результатов» [10, с. 86].

По мнению профессора С.М. Мирановой, рассматриваемый правовой эксперимент следует признать успешным в силу того, что «число зарегистрированных самозанятых лиц превысило первоначальный план» [14, с. 13]. Аналогичного мнения придерживаются К.А. Савинов, А.Р. Лаврентьев: «...проблема вывода российской экономики из тени последовательно разрешается» [15, с. 26]. При этом следует отметить, что первоначальная цель законодателя, в соответствии с которой и проводился эксперимент, была достигнута уже в 2020 г.: самозанятые начали выходить «из тени».

Следует признать, что правовой эксперимент не может быть прерван исключительно на том основании, что с точки зрения цифр поставленная цель реализована. Результат, полученный в цифрах, всегда может быть нивелирован последующими проблемами.

С учетом сказанного эффективность правового эксперимента, на наш взгляд, сводится к получению результатов: соотношение первоначально поставленной цели правового эксперимента с фактами, полученными по его окончании. Основным критерием является масштабность выявленных пробелов правового регулирования, т. е. насколько большой пласт общественных отношений не урегулирован правом. Данный критерий для определения эффективности правового эксперимента является ключевым в силу следующих обстоятельств. Во-первых, невозможно определить, как действует правовая норма, и увидеть не урегулированные правом аспекты общественных отношений, если не погрузить ее в действительность и не учитывать динамику развития общества. Во-вторых, пробелы представляют собой значительные препятствия для эффективного функционирования постоянной правовой нормы и негативное воздействие на правоприменение. В-третьих, выявление пробелов

определяет направления для дальнейшей модернизации правовой нормы.

В.В. Лазарев определяет пробел в праве как «полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства» [1, с. 37].

Пробелы, выявляемые по итогам проведения эксперимента, определяют отрицательный или положительный результат эксперимента. Отрицательный результат правового эксперимента представляет собой большое количество либо полное отсутствие правовых норм, затрагивающих основополагающие, фундаментальные вопросы правового регулирования соответствующих общественных отношений. Положительный результат правового эксперимента сводится, на наш взгляд, к отсутствию правовых пробелов и коллизий либо к их незначительному количеству в рамках небольшого правового поля.

Важен как положительный, так и отрицательный результат, поскольку при любом из исходов у законодателя будет возможность провести корректировки в большей или меньшей степени, модернизацию той или иной правовой нормы. Отрицательный результат позволит полностью пересмотреть выбранную ранее модель правового регулирования, учесть особенности общественных явлений на те или иные правовые нормы и предложить новую или модернизировать старую модель правового регулирования нововведения.

Относительно Закона о НПД отметим, что на сегодняшний день существует несколько неразрешенных проблем в рамках правового регулирования НПД, которые отмечаются в научных исследованиях.

Так, С.С. Тропская выделяет и такой пробел: «для плательщиков налога на

профессиональный доход не предусмотрен необлагаемый минимум доходов» [16, с. 26].

С.М. Миронова поднимает другую важную проблему, связанную «с использованием труда самозанятых физических лиц как альтернативы трудовым отношениям, что фактически зачастую приводит к подмене последних договором с самозанятым лицом» [14, с. 12].

На наш взгляд, следует отметить следующие проблемы: «низкий размер максимального дохода, ограничивающий ряд налогоплательщиков НПД в более экономически богатых субъектах РФ, не установлено определение места ведения деятельности налогоплательщиков НПД, а также не урегулирован вопрос взносов на социальное и медицинское страхование налогоплательщиков НПД» [17, с. 70].

Совокупность перечисленных проблем не показывает, что результат эксперимента равен отрицательной эффективности, поскольку есть и положительная эффективность, выраженная в создании удобного, инновационного и мобильного взаимодействия налогового органа и налогоплательщика. Выявленные пробелы в правовом регулировании НПД показывают путь для дальнейшего реформирования экспериментальной модели правового регулирования.

Таким образом, цель правового эксперимента заключается в получении нового знания о действии соответствующей правовой нормы в реальности, которое невозможно было бы предположить до проведения эксперимента, а эффективность правового эксперимента отражается в количестве правовых пробелов, выявленных по его окончании.

Закон о НПД содержит правовые нормы, ограничивающие масштаб эксперимента, что вытекает из предыдущего признака, т. е. невозможности предусмотреть результат правового эксперимента.

Для стабильного и прогрессивного развития общества важно минимизировать общественные потрясения, которые могут быть в результате проведения правовых экспериментов. В связи с данным обстоятельством экспериментальные правовые нормы, разработанные законодателем, проходят проверку «в ограниченном масштабе». Понятие «ограниченный масштаб» в контексте правового эксперимента применяется В.И. Никитинским, который справедливо указывает, что правовой эксперимент подразумевает разработку законодателем новых норм права, которые проходят проверку «в ограниченном масштабе» [9]. В юридической науке понятие «ограниченный масштаб» включает в себя различные составляющие. Ю.А. Тихомиров выделяет в качестве признака ограничивающего проведение эксперимента – «определение круга лиц (органов, организаций, участников эксперимента)» [10, с. 86].

Исходя из анализа Закона о НПД, ограниченный масштаб правового эксперимента заключается в совокупности трех составляющих: территория, период времени и круг лиц.

Экспериментальные правовые нормы вводятся с целью выявления их эффективности в реальном применении теми лицами, на которых они распространяются, на определенной подходящей территории, в течение установленного периода времени. В вопросе проведения правового эксперимента одними из ключевых вопросов являются: кто является участником правового эксперимента? где территориально проводится правовой эксперимент? когда будет действовать правовой эксперимент? Отсутствие ответа хотя бы на один из перечисленных вопросов затрудняет реализацию правового эксперимента.

Закон о НПД в первоначальной редакции распространял действие экспериментально-правовых норм на территории субъектов Российской Федерации: Москва, Московская и Калужская области,

Республика Татарстан. Однако с января 2020 г. эксперимент был продлен еще на территории 20 субъектов РФ, а с июля 2020 г. – на всю территорию Российской Федерации.

Проведение правового эксперимента подразумевает необходимость апробации экспериментальных правовых норм на ограниченной территории. Думается, что чем менее предсказуемым является результат, тем на меньшее количество территорий он должен быть распространен.

По мнению А.Р. Гильмуллина: «...проведение правового эксперимента осуществлять необходимо не только на определенной, небольшой территории, но и одновременно в разных географических точках, поскольку правовые обычаи, правовая культура, правовая грамотность населения может варьироваться в зависимости от места положения, удаления от столицы, близости к основным федеральным путям сообщений и прочих факторов» [18, с. 100]. С озвученной позицией относительно выбора территории правового эксперимента следует согласиться в части, касающейся дифференцированного выбора территории. Однако выбранная территория должна быть не только различной в зависимости от близости или удаления от столицы, но и соответствовать целям эксперимента. Если эксперимент проводится в налоговой сфере и направлен на внедрение нового инновационного способа взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, то должны быть выбраны регионы с различным уровнем налоговой культуры. Следовательно, выбор территории для апробации экспериментальных правовых норм должен быть дифференцированным и соответствовать целям проведения правового эксперимента.

Применение экспериментальных правовых норм Закона о НПД было ограничено временем его проведения. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Закона о НПД, «эксперимент проводится до 31 декабря 2028 года включительно».

По мнению В.И. Никитинского, «...действие экспериментальных правовых норм должно во всех случаях ограничиваться во времени, определяемом сроком проведения эксперимента» [9, с. 32]. В.И. Никитинский настаивает на том, что временные рамки правового эксперимента должны быть строго регламентированы. Продление допустимо лишь в том случае, если в отведённый срок не представляется возможным осуществить все необходимые мероприятия и подвести итоги. Такой подход в современных условиях не представляется реалистичным, и более того, противоречит цели правового эксперимента. Апробация правовых норм не требует необходимости прибегать к дополнительным мерам, поскольку с момента вступления в силу экспериментальных правовых норм соответствующие институты начинают функционировать.

Однако, на наш взгляд, фактор времени должен устанавливаться универсальным образом, т. е. не быть слишком длинным или коротким, поскольку в течение действия эксперимента у законодателя должна быть сохранена возможность изменять экспериментальные правовые нормы с целью исправления ошибок, выявленных в практической среде.

Закон о НПД ограничивает круг лиц, которые могут применять новый специальный налоговый режим. Анализ ст. 4 Закона о НПД позволяет определить, что применять рассматриваемый специальный налоговый режим могут физические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность, не ограниченную законодателем.

Определение круга лиц, участвующих в эксперименте, представляется достаточно важным аспектом, поскольку именно участники создают необходимую апробацию правовых норм. Правильное ограничение участников правового эксперимента позволяет в последующем сделать верные выводы относительно эффективности соответствующих право-

вых норм. В обратной ситуации результаты эксперимента изначально не будут способствовать достичь поставленной цели.

Одной из особенностей Закона о НПД является то, что законодателем не только решен вопрос о выводе самозанятых теневой экономики, что, безусловно, является новым витком взаимоотношений самозанятых и государства, но и предпринята успешная попытка перестроить взаимоотношения налогоплательщика и налогового органа на цифровые «рельсы». В совокупности Закон о НПД отличается новизной предмета правового регулирования. Думается, что в рамках правового эксперимента в качестве объекта должны быть выбраны такие общественные отношения, которые до настоящего времени не были урегулированы.

А.Р. Гильмуллин считает, что сущность правового эксперимента заключается в «апробации осуществления наиболее прогрессивных правовых тенденций» [18, с. 99].

По мнению И.Б. Чагина, проведение правовых экспериментов «направлено на разработку (поиск вариантов) нового правового регулирования или изменение действующего» [19, с. 26]. С позицией И.Б. Чагина следует согласиться. При этом следует добавить, что речь идет о таких общественных отношениях, регулирование которых еще не было осуществлено, и их сущность является понятным явлением для законодателя, не требующим необходимости кардинально изменять существующее законодательство.

К вопросу выбора объекта правового регулирования необходимо подходить обоснованно, поскольку существуют «сферы общественных отношений, над которыми можно организовывать проведение эксперимента» [3, с. 27]. Выделим две характерные особенности общественных отношений, при которых про-

ведение правового эксперимента является целесообразным.

Первое – правовое регулирование определенных общественных отношений может быть введено в качестве эксперимента, если их характер не позволяет с уверенностью предсказать реакцию социума на их внедрение. Регулирование таких общественных отношений зависит от того, насколько верно с позиции юридической техники будут зафиксированы условия функционирования новых общественных отношений или социальных институтов. Право, являясь регулятором общественных отношений, не может существовать отдельно от социума и тенденций его поведения. В условиях современного общества нередко возникают ситуации, которые не поддаются регулированию в рамках существующих правовых норм. Это обуславливает необходимость разработки новых правовых моделей со стороны законодателя.

В свете сказанного правовая модель регулирования деятельности самозанятых, установленная в Законе о НПД, может быть признана успешной на основании реакции лиц, в отношении которых и был введен эксперимент, выраженной в цифровом эквиваленте (более 12 млн человек зарегистрировано в качестве налогоплательщиков НПД¹).

Второе – введение правового эксперимента может быть осуществлено в случаях, при которых возникает потребность интеграции в общественные отношения цифровых тенденций и инноваций, соответствующих текущему этапу развития социума. При этом необходимо, чтобы внедрение этих инноваций не требовало существенных трансформаций в законодательстве. Цифровые технологии могут влиять на характер изменений правовых

¹ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Федеральная налоговая служба: сайт. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.04.2025).

отношений в связи с цифровизацией, которые могут быть «как кардинальными, революционными, так и поступательными» [20, с. 245]. На наш взгляд, для кардинальных и революционных изменений правовых отношений подходит экспериментальный правовой режим, позволяющий акцентировать внимание непосредственно на цифровой технологии. Говорить о поступательном характере изменения правовых отношений следует при внедрении цифровых технологий в случае, когда они способствуют оптимизации общественных отношений без необходимости кардинальных изменений в законодательстве. В этом контексте речь идет о правовом эксперименте. Закон о НПД является таким примером, поскольку цифровые технологии в виде мобильного приложения «Мой налог» применяются для упрощения взаимодействия налогового органа и налогоплательщика, поскольку второму не требуется заполнять декларации и лично подавать их, рассчитывать налог. В таких ситуациях правовое регулирование выступает возможностью апробировать цифровую технологию и сделать ее легитимной с помощью уже существующих правовых механизмов.

Как отмечает В.И. Никитинский, «необоснованные идеи и предложения о проведении эксперимента продиктованы неглубоким пониманием существа проблемы либо узковедомственными интересами» [9]. С данной позицией следует согласиться. Так если правовой эксперимент будет проводиться безосновательно, то это может привести к негативным общественным последствиям, в связи с чем подход к данному вопросу должен быть взвешенным и продуманным. Не все сферы общественной жизни могут стать объектом экспериментального правового регулирования. Для правового эксперимента наиболее подходящими являются те общественные отношения, которые в настоящее время не имеют правового регулирования, но обладают значительным потенциалом и актуальностью.

Таким образом, правовой эксперимент проводится в рамках тех общественных отношений, регулирование которых до настоящего времени не осуществлялось или проводилось, но не стало постоянной правовой нормой. При этом сущность таких общественных отношений должна быть понятной для законодателя и не вступать в противоречие с уже существующими правовыми нормами. Когда речь идет о правовом эксперименте, то речь должна идти о таком нововведении, предусмотреть результаты которого представляется затруднительным на этапе создания правовых норм, и/или о внедрении в правовое регулирование цифровой технологии, позволяющей упростить взаимодействие государственного органа и гражданина.

Анализ правовых норм Закона о НПД позволяет сделать вывод об отсутствии кардинальных изменений Налогового кодекса РФ и иных нормативно-правовых актов.

А.Г. Репьев справедливо утверждает в отношении правовых экспериментов о том, что «экспериментальная правовая норма как проявление специализации законодательства не может действовать обособленно, в отрыве от общего правового предписания и вне рамок классических форм юридического воздействия» [21, с. 47].

В.И. Никитинский и И.С. Самощенко считают, что «экспериментальные правовые нормы должны быть успешно вписаны в существующую систему действующего законодательства, что создает тем самым надлежащие условия для их нормального функционирования» [9, с. 56].

Согласно исследованию Е.С. Зайцевой, правовой эксперимент может проводиться в трех случаях: «Первое, когда эксперимент проводится для определения оптимального варианта правового регулирования новых общественных отношений. Второе, когда эксперимент проводится для введения нового регулирования, выступающего альтернативным по отношению к уже существующему. Тр-

тье, когда эксперимент проводится с конкретной целью отказа от какого-либо правового регулирования» [13, с. 72]. Анализ научной позиции Е.С. Зайцевой относительно условий, обуславливающих потребность проведения эксперимента, показывает, что при проведении правового эксперимента не предусматривается возможность исключать какие-либо правовые нормы для достижения соответствующей цели. Речь идет о принятии нового нормативно-правового акта, который если и меняет существующее законодательство, то в полном объеме заменяет старые правовые нормы, без исключения отдельных норм с целью обеспечения правового регулирования нововведения.

И.Б. Чагин утверждает, что «правотворческий эксперимент позволяет в течение ограниченного времени и при определенных условиях не применять определенные нормативно-правовые предписания (в том числе освободить от ответственности за нарушение некоторых норм права) с целью проверки гипотезы о положительных эффектах для общества отношений, возникающих внутри него от внедрения правовых нововведений» [19, с. 35]. Следует согласиться с позицией И.Б. Чагина о том, что правовой эксперимент предполагает возможность послабления санкций в отношении субъектов эксперимента, снижения уровня контроля со стороны уполномоченных органов на время проведения эксперимента. Так, на момент, когда экспериментальная правовая норма становится действующей на постоянной основе, то перед законодателем не стоит вопрос об изъятии какой-либо иной нормы из общей системы регулирования для обеспечения правового регулирования нововведения. В рамках правового эксперимента на период его проведения могут быть введены ограничения на неприменение каких-либо норм (в частности тех, которые касаются контроля со стороны государственных органов и применения санкций за соответствующие нарушения), но в случае успе-

ха в проведении эксперимента и введения экспериментальных правовых норм в качестве постоянно действующих не возникнет конфликта с существующими правовыми нормами, в том числе в части отмены ограничений.

Правовой эксперимент строится в рамках тех правовых систем и институтов, которые уже существуют и не нуждаются в их реформировании и изменении для регулирования нового правового института. Правовой эксперимент должен включать в себя такие правовые нормы, которые после введения их на постоянной основе не потребуют изменять существующие правовые нормы путем их исключения. В данном случае речь идет о гармоничном включении экспериментальных правовых норм в канву существующей системы правовых норм.

Думается, что указанный признак позволяет разграничить понятия «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим». Следовательно, в определении таких понятий, как правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим, необходимо сделать акцент на главном различии, заключающемся в специфике экспериментально-правового регулирования. Так, правовой эксперимент представляет собой способ устранения пробела в праве путем создания правового регулирования для нововведения без необходимости кардинально изменять правовые нормы. Экспериментально-правовой режим представляет собой создание нового правового регулирования, для функционирования которого необходимо исключить ряд существующих правовых норм.

Выводы

Исходя из всего сказанного выше, отметим, что в современных условиях следует различать такие понятия, как «экспериментальный правовой режим» и «правовой эксперимент», поскольку существенное отличие между данными понятиями кроется в специфике подхода к правовому регулированию нововведения.

Специфика экспериментальных правовых режимов заключается в необходимости вносить кардинальные изменения в действующее законодательство. Экспериментальные правовые режимы применяются в случаях, когда необходимо законодательно урегулировать радикальные, революционные цифровые технологии, не уместяющиеся в систему действующих правовых норм. В свою очередь, правовой эксперимент представляет собой совокупность экспериментальных правовых норм, не нуждающихся в кардинальном изменении существующих правовых норм, применяющихся на ограниченной территории, в определенный период времени в отношении установленного круга лиц и направленных на проверку эффективности выбранной модели правового регулирования нововведения.

Одной из особенностей правового эксперимента является невозможность предусмотреть действие правовой нормы, регулирующей нововведение на этапе ее создания.

Правовой эксперимент представляет собой способ устранения пробелов в праве, когда речь идет о необходимости включить новые общественные отношения в систему действующих норм права.

Первый признак правового эксперимента состоит из совокупности правовых норм, представляющих собой модель будущих правовых норм, которые применяются в настоящее время с целью выявления законодательных ошибок и устранения пробелов в праве. Иначе говоря, речь идет о нормах права, которые временно регулируют определенные общественные отношения с целью выявления ошибок и модернизации таких норм до более совершенных и долговечных.

Второй признак правового эксперимента заключается в апробации созданной модели правового регулирования и выявления ее эффективности.

Правовой эксперимент проводится в тех случаях, когда предусмотреть результат действия правовой нормы в реально-

сти на этапе ее создания не представляется возможным.

Правовой эксперимент направлен на выявление того, насколько созданная законодателем совокупность экспериментальных правовых норм позволяет решать поставленные перед ними задачи. Правовой эксперимент представляет собой метод по выявлению истинности или ложности выбранного правового подхода, что позволяет оценить эффективность, действенность и целесообразность введенной правовой нормы.

Критерием для определения эффективности правового эксперимента является количество пробелов в праве: чем больше пробелов правового регулирования выявлено по итогам эксперимента, тем ниже уровень эффективности выбранной модели правового регулирования. Для создания модели правового регулирования без существенных недостатков важен любой результат проведения эксперимента, поскольку у законодателя будет возможность учесть выявленные проблемы.

Третий признак правового эксперимента заключается в его действии лишь на ограниченной территории, в течение определенного периода времени и для установленного круга лиц. Данный признак напрямую вытекает из предыдущего признака, т. е. невозможности предусмотреть результат правового эксперимента.

Думается, что чем менее предсказуемым является результат, тем на меньшее количество территорий он должен быть распространен, однако по ходу проведения эксперимента при возникновении необходимости количество территорий может быть увеличено. При выборе территорий, на которые будет распространён эксперимент, необходимо подходить комплексно, учитывая целенаправленность проводимого эксперимента.

На наш взгляд, фактор времени должен устанавливаться универсальным образом, т. е. не быть слишком длинным или коротким, поскольку в течение дей-

ствия эксперимента у законодателя должна быть сохранена возможность изменять экспериментальные правовые нормы с целью исправления ошибок, выявленных в практической среде.

При проведении правового эксперимента необходимо предусмотреть и определить четкий круг лиц, на которых будет распространяться эксперимент, поскольку от этого аспекта зависит эффективность полученного результата.

Четвертый признак заключается в регулировании с помощью правового эксперимента новых общественных отношений. Правовой эксперимент представляет собой инновационный подход к регулированию общественных отношений, которые ранее не были регламентированы законодательно или же имели нормативное закрепление, но не приобрели статуса постоянных. При этом суть этих отношений должна быть ясна законодателю и не должна противоречить существующим правовым нормам. Проведение правового эксперимента характерно для нововведений, результаты которого сложно предсказать на этапе разработки правовых норм. Также правовой

эксперимент проводится в случае необходимости введения в общественную жизнь цифровых технологий поступательного эволюционного характера.

Пятый признак правового эксперимента – это отсутствие серьезных изменений в действующих правовых нормах.

Правовой эксперимент проводится в рамках существующих правовых систем и институтов, которые не нуждаются в реформировании для регулирования нового правового института.

В ходе эксперимента могут быть смягчены санкции для участников эксперимента, ограничен предмет правового воздействия и снижен уровень контроля со стороны уполномоченных органов. Однако, когда экспериментальная правовая норма становится постоянной, вопрос об изъятии какой-либо нормы из общей системы регулирования для отдельных лиц не рассматривается.

Этот признак позволяет отличить правовой эксперимент от экспериментального правового режима, поскольку подчёркивает различия в специфике экспериментального правового регулирования, характерной для этих понятий.

Список литературы

1. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит, 1974. 184 с.
2. Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, техника: монография / отв. ред. О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2024. 136 с.
3. Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежная практика и опыт становления в современной России: монография / под ред. М.Л. Давыдовой, В.О. Макарова. М.: РУСАЙНС, 2023. 186 с.
4. Ахутин А.В. Эксперимент и природа. СПб.: Наука, 2012. 660 с.
5. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. 184 с.
6. Тарасенко О.А. Экспериментальный правовой режим – полигон для инноваций и регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, № 1. С. 40-55.
7. Давыдова М.Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития // LegalConcept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 3. С. 11-19.
8. Поветкина Н.А. Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. 2020. № 9. С. 21-24.

9. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Никитинского, И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1988. 304 с.
10. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 240 с.
11. Репьев А.Г., Сенякин И.Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 36-42.
12. Маргарян А.В. Специфика требований к технико-юридическому выражению экспериментальных норм в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 71-73.
13. Зайцева Е.С. Установление пределов правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 176 с.
14. Миронова С.М. Налог на профессиональный доход – пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 10-14.
15. Савинов К.А., Лаврентьев А.Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6. С. 26-30.
16. Тропская С.С. Налогообложение самозанятых и цифровая экономика: налог на профессиональный доход // Финансовое право. 2019. № 5. С. 22-26.
17. Бурдакова М.А. Перспективы развития налога на профессиональный доход в Российской Федерации // LegalBulletin. 2024. № 2. С. 63-72.
18. Гильмуллин А.Р. Правовая доктрина в механизме российского государства (теория и практика): монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 142 с.
19. Чагин И.Б. Правотворческий эксперимент и оценка его результативности: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2024. 172 с.
20. Залоило М.В. Правотворческий эксперимент и экспериментальные правовые режимы как апробация новых ценностей в условиях цифровизации общественных отношений // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 430 с.
21. Репьев А.Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44-52.

References

1. Lazarev V.V. Gaps in the law and ways to eliminate them. Moscow: Yurid. lit; 1974. 184 p. (In Russ.)
2. O.A. Tarasenko (ed.) Experimental rulemaking: doctrine, practice, technique. Moscow: Prospekt; 2024. 136 p. (In Russ.)
3. Davydova M.L., Makarov V.O. (eds.) Experimental legal regimes (regulatory sandboxes): foreign practice and experience of formation in modern Russia. Moscow: RUSAINS; 2023. 186 p. (In Russ.)
4. Akhutin A.V. Experiment and nature. St. Petersburg: Nauka; 2012. 660 p. (In Russ.)
5. Zaloilo M.V. Modern legal technologies in law-making. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M; 2020. 184 p. (In Russ.)
6. Tarasenko O.A. The experimental legal regime is a testing ground for innovation and regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2023;14(1):40-55. (In Russ.)

7. Davydova M.L. Experimental legal regulation as a means of ensuring sustainable development. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2022;21(3):11-19. (In Russ.)
8. Povetkina N.A. Legal experiment as a new trend in the development of budget law. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2020;(9):21-24. (In Russ.)
9. Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S. (eds.) Legal experiment and improvement of legislation. Moscow: Yurid. lit.; 1988. 304 p. (In Russ.)
10. Tikhomirov Yu.A. Law: forecasts and risks. Moscow: INFRA-M; 2015. 240 p. (In Russ.)
11. Rep'ev A.G., Senyakin I.N. The expert value of the experimental norm of Russian law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*. 2022;(16):36-42. (In Russ.)
12. Margaryan A.V. The specifics of the requirements for the technical and legal expression of experimental norms in Russian law. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2023;(8):71-73. (In Russ.)
13. Zaitseva E.S. Setting the limits of legal regulation. Moscow: Yurlitinform; 2024. 176 p. (In Russ.)
14. Mironova S.M. Professional income tax – five years of experiment: interim results. *Finansovoe pravo = Financial law*. 2023;(12):10-14. (In Russ.)
15. Savinov K.A., Lavrent'ev A.R. Professional income tax: the first results of a two-year experiment. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2021;(6):26-30. (In Russ.)
16. Trop'skaya S.S. Taxation of the self-employed and the digital economy: a tax on professional income. *Finansovoe pravo = Financial Law*. 2019;(5):22-26. (In Russ.)
17. Burdakova M.A. Prospects for the development of professional income tax in the Russian Federation. *LegalBulletin*. 2024;(2):63-72. (In Russ.)
18. Gil'mullin A.R. Legal doctrine in the mechanism of the Russian State (theory and practice). Moscow: INFRA-M; 2019. 142 p. (In Russ.)
19. Chagin I.B. Law-making experiment and evaluation of its effectiveness. Irkutsk: Izd-vo IGU; 2024. 172 p. (In Russ.)
20. Zaloilo M.V. Law-making experiment and experimental legal regimes as an approbation of new values in the context of digitalization of public relations. In: Pashentsev D.A. (ed.) *Pravovye tsennosti v svete novykh paradigm razvitiya sovremennoi tsivilizatsii: sbornik nauchnykh trudov = Legal values in the light of new paradigms of development of modern digitalization: collection of scientific papers*. Moscow: In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; INFRA-M; 2020. 430 p. (In Russ.)
21. Rep'ev A.G. Legal experiment and law-making experience as special models of legal regulation: technique, practice, limits. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):44-52. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Бурдакова Маргарита Альбертовна, аспирант, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: burdackova.margarita@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-2991-6054

Margarita A. Burdakova, Postgraduate Student, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: burdackova.margarita@yandex.ru,
ORCID: 0009-0007-2991-6054

Институт гудвилл в России: гражданско-правовой аспект

Е.А. Кириллова^{1✉}, Т.Э. Зульфугарзаде²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
ул. Стремянный пер., д. 36, г. Москва 115054, Российская Федерация

✉ e-mail: debryansk@mail.ru

Резюме

Актуальность. На современном этапе развития предпринимательства в России особое значение стали иметь нематериальные активы, которые влияют на правовое положение, стоимость, конкурентные преимущества предприятия. Стороны при совершении сделок в обязательном порядке учитывают положительную репутацию бизнеса, налаженные связи, известность бренда, но на законодательном уровне такие правоотношения не урегулированы должным образом. Поэтому существует практическая необходимость ввести в правовое поле «институт гудвилл».

Цель. Основная цель исследования – дать определение понятию «гудвилл».

Задачи: выделить основные элементы системы гудвилл, сформулировать положения, позволяющие закрепить в российском законодательстве нормы о нематериальных активах предприятий.

Методология. Методами исследования являются: кабинетный обзор исследований, выбранных по соответствующей тематике, методы статистики, а также методы анализа права, дедукции, индукции, анализа, синтеза.

Результаты. По итогам исследования предложена авторская дефиниция «гудвилл». Выделены элементы в составе гудвилл: положительная репутация предприятия; местоположение, которое привлекает постоянных клиентов; название предприятия, которое известно, авторитетно и вызывает доверие; постоянные клиенты и прочные связи с поставщиками товаров и услуг; конкурентоспособные товары и услуги, пользующиеся повышенным спросом, квалификация сотрудников.

Выводы. Доказана необходимость дополнения пункта 2 статьи 132 Гражданского кодекса Российской Федерации правовым положением о том, что в состав предприятия как имущественного комплекса входят не только материальные активы, исключительные права, коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания, но и такие нематериальные активы, как репутация, клиента, деловые связи, местоположение.

Ключевые слова: гудвилл; клиента; нематериальные активы; предприятие; права; обязанности.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Институт гудвилл в России: гражданско-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 38–46. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-38-46>.

Поступила в редакцию 08.06.2025

Принята к публикации 16.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The goodwill institute in Russia: the civil law aspect

Elena A. Kirillova^{1✉}, Teymur E. Zulfugarzade²

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny side-street, Moscow 115054, Russian Federation

✉ e-mail: debryansk@mail.ru

Abstract

Relevance. At the present stage of business development in Russia, intangible assets that affect the legal status, cost, and competitive advantages of an enterprise have become of particular importance. When making transactions, the parties must take into account the positive reputation of the business, established connections, and brand awareness, but such legal relations are not properly regulated at the legislative level. Therefore, there is a practical need to introduce the "goodwill institute" into the legal field.

Purpose. The main purpose is to define the concept of "goodwill"

Objectives: highlight its main elements, and propose legislative consolidation of provisions on intangible assets of enterprises.

Methodology. The methods used in the research are desk review of relevant works, statistics, interpretation of legal norms, comparative analysis, induction, deduction.

Result. Based on the results of the study, the author's definition of "goodwill" was proposed. The following elements are highlighted in the goodwill composition: a positive reputation of the company; a location that attracts regular customers; a company name that is well-known, reputable and trustworthy; regular customers and strong ties with suppliers of goods and services; competitive goods and services in high demand, and qualified employees.

Conclusion. The necessity of supplementing Clause 2 of Article 132 of the Civil Code of the Russian Federation with a legal provision stating that an enterprise as a property complex includes not only tangible assets, exclusive rights, commercial designation, trademarks, service marks, but also intangible assets such as reputation, clientele, business connections, location.

Keywords: goodwill; clientele; intangible assets; enterprise; rights; obligations.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirillova E.A., Zulfugarzade T.E. The goodwill institute in Russia: the civil law aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):38–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-38-46>.

Received 08.06.2025

Accepted 16.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Институт гудвилл в гражданском праве Российской Федерации проходит период становления и развития. Можно констатировать, что на сегодня он не нашел должного отражения в гражданском законодательстве. Как отмечают специалисты, термин «гудвилл» определяет нематериальные активы предприятия или бизнеса в целом, к нему можно отнести деловую репутацию, имидж, количество постоянных клиентов, деловые

связи, все то, что является дополнительным фактором успешности предпринимательской деятельности [1, с. 116–126].

Термин «гудвилл» до недавнего времени относили к экономическим категориям, и поэтому он упоминается лишь в бухгалтерских нормативных актах. В действующих правовых актах термин «гудвилл» фигурирует только в Федеральном стандарте бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы». Согласно п.10 ФСБУ 14/2022:

«гудвилл – это часть бизнеса, которая добавляет экономическую выгоду и является результатом других активов, которые не идентифицируются и не признаются отдельно»¹. Как справедливо отметили юристы, такая формулировка не решает вопросы определенности нематериальных активов предприятия при совершении сделок с ним, напротив, оно способно породить многочисленные проблемы на практике [2, с. 72].

При оценке деятельности предприятия на практике гудвилл должен рассматриваться и как правовая категория, поэтому важно понимать его гражданско-правовую природу.

Тема развития института гудвилла в гражданском праве России является актуальной в силу нескольких причин:

- в действующем гражданском законодательстве отсутствует определение дефиниции «гудвилл», что создает проблемы для формирования нормативно-правовой базы в сфере регулирования правоотношений российского бизнеса;
- отсутствие критериев оценки гудвилла, в соответствии с которыми нематериальные активы предприятия следует отнести именно к гудвиллу;
- законодательное определение предприятия как имущественного комплекса, т. е. недвижимости (п. 1 ст. 132 ГК РФ), что затрудняет правовую оценку гудвилла, входящего в состав предприятия, т. к. он не может считаться недвижимостью;
- не выработана правовая защита гудвилла; гудвилл является нематериальным активом, поэтому попытки подвести его под категорию «вещь» и защищать соответствующими способами являются недопустимыми, а если в отношении

гудвилла применять правовые нормы о защите деловой репутации, то это тоже будет неконструктивно, т. к. понятие «гудвилл» более широкое, и деловая репутация является лишь одним из элементов гудвилла [3, с. 23].

В данном исследовании поставлена основная цель – дать определение понятию «гудвилл», выделить его основные элементы, предложить законодательное закрепление положений о нематериальных активах предприятий.

Методология

В настоящем научном исследовании авторы рассмотрят нормативные правовые акты, методические документы, посвященные нематериальным активам предприятия как имущественного комплекса для выявления основных элементов гудвилла, выявления особенностей и характерных признаков нематериальных активов бизнеса. Сопоставление предполагается с учетом теоретико-методологических подходов, ранее сформулированных в некоторых научных трудах [1, с. 8].

Проверят гипотезу исследования, также сопоставив:

- гудвилл фактический (лицензии, наименования, товарные знаки и другие элементы, идентифицирующие бизнес в нематериальном аспекте) и гудвилл юридический (репутация, расположение, клиента и т. д.);
- критерии оценки нематериальных активов, в соответствии с которыми нематериальные активы предприятия следует отнести именно к гудвиллу.

Результаты и их обсуждение

Предприятие как имущественный комплекс состоит из материальных и нематериальных активов, также любой бизнес может быть обременен долгами, т. е. пассивами. К материальным активам следует отнести здания, подсобные строения, станки, земельные участки, соответствующие товары и многое другое. Нема-

¹ Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы»: приказ Минфина России от 30 мая 2022 г. № 86н // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420322/ (дата обращения: 30.05.2025).

териальные активы предприятия состоят из лицензий, товарных знаков, фирменных наименований, авторских, исключительных прав, данный список не полный и может быть дополнен. Но, как справедливо отмечают исследователи, успех бизнеса зависит от таких факторов, как репутация предприятия, деловые связи, клиента, имидж, все эти нематериальные элементы составляют гудвилл бизнеса¹.

Гудвилл (goodwill) в переводе с английского языка означает «добрая воля», как видим, данный термин в недостаточной мере характеризует те элементы, которые входят в состав нематериальных активов бизнеса, тем не менее термин устоялся в странах континентального права и в англо-американском праве, а теперь используется и на территории России [4, с. 32–35].

В 1986 г. Комитет Американского общества дал определение дефиниции «гудвилл» как нематериальному активу бизнеса, который включает в себя репутацию фирмы, круг заказчиков, удачное расположение, наименование продукции и услуг [5, с. 71–89]. Данные нематериальные активы имеют материальное выражение и добавляют ценность бизнесу [6, с. 51].

Следует отметить, что, согласно действовавшему до января 2024 г. российскому стандарту бухгалтерского учета ПБУ 14/2007, в состав предприятия входит такой нематериальный актив, как «деловая репутация». Некоторые исследователи пишут, что деловая репутация в таком контексте аналогична понятию «юридический гудвилл» [7], тем более что, в соответствии со ст. 128, 132, 150, 152 ГК РФ, репутация юридического лица является объектом гражданских прав. Рассмотрим в этом контексте деловую репутацию как нематериальный актив предприятия. Деловая репутация

имеет следующие основные характеристики:

- имеет нематериальную форму;
- тесно взаимосвязана с бизнесом, но не принадлежит ему на праве собственности и не может быть самостоятельным объектом сделки;
- имеет условную стоимость при совершении сделок купли-продажи с предприятием;
- является нематериальным активом, входящим в состав предприятия, дела, бизнеса².

Репутация имеет важное значение для деятельности предприятий, она напрямую влияет на его рыночную стоимость. Как показывает практика, инвестиции могут увеличивать стоимость предприятия в разы при условии положительной репутации и наличия других нематериальных активов в виде навыков особого производства, постоянных клиентов, развития деловых связей [8, с. 178]. Деловая репутация – один из главных критериев оценки предприятия, она не может быть отдельно отчуждена, но может быть передана дочерним компаниям в рамках одного бизнеса [9]. Но деловая репутация не может быть приравнена к гудвиллу, как ошибочно считают некоторые исследователи [10, с. 89], т. к. это понятие шире, многоаспектнее, сложнее, правильно будет сказать, что деловая репутация – это один из элементов гудвилла.

Институт гудвилл сложное разноплановое явление, он объединяет понятия, связанные с экономикой, правом, бухгалтерским учетом, например, при оценке бизнеса определяется стоимость гудвилл и получение сверхприбыли за счет него, при бухгалтерском учете отражается стоимость гудвилл на бухгалтерских счетах. Гражданско-правовая сфера

¹ Кравченко П.И. Оценка гудвилла предприятия на региональном рынке: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2006. С. 10.

² Мокрова Л., Додокин К.Ю. Великий гудвилл. Управление деловой репутацией // Advertology: сайт. URL: <http://www.advertology.ru/artide64319.htm> (дата обращения: 17.05.2025).

ставит задачи определить состав элементов гудвилл и возможность включить данные элементы в гражданский оборот. С учетом сложной экономико-правовой структуры данного института исследователи делят гудвилл на фактический и юридический [11, с. 130]. Фактический гудвилл составляют лицензии, наименования, товарные знаки, патенты, т. е. идентифицируемые составляющие бизнеса. Гудвилл юридический – это в первую очередь репутация, расположение, клиента, прочные деловые связи и т. д.

Необходимо отметить, что гудвилл не статичное явление, его стоимость может падать или расти в зависимости от множества факторов, с которыми он связан, поэтому при покупке предприятия гудвилл определяется в денежном выражении с учетом преимуществ перед конкурентами и возможностями получать сверхприбыль на момент сделки.

Сложность правового регулирования гудвилл заключается в проблеме идентификации нематериальных активов, входящих в его орбиту, а как показывает практика, такие активы могут играть решающую роль при продаже бизнеса, т. к. успешное дело стоит гораздо дороже [12, с. 199-207]. Анализируя ст. 132 ГК РФ, можно сделать вывод, что законодатель относит предприятие к недвижимому имуществу, в состав которого могут входить здания, сооружения, оборудование, а также товарные знаки и другие исключительные права, а нематериальный актив в виде гудвилл законодателем не упоминается.

В сложившихся условиях, когда гудвилл довольно часто становится ценным активом в бизнесе, он должен быть включен в правовое поле. То, что гудвилл имеет значение при оценке стоимости предприятия, отмечают многие эксперты. Так Е.А. Ершова пишет о сделке по приобретению компании Kraft Inc., когда покупатель в лице фирмы Philip Morris заплатил за гудвилл бизнеса 90% и только

10% непосредственно за предприятие [13, с. 49].

Еще П.Д. Лик справедливо полагал, что одним из полноправных активов бизнеса является гудвилл, который должен при покупке оцениваться отдельно как особый вид нематериального актива [14, с. 81–90]. Гораздо позже, соглашаясь с данным мнением, Л. Тодорова утверждала, что гудвилл – это самостоятельный актив бизнеса, который выражается в известности, широком признании, поддержке клиентов, профессионализме кадров и еще многих аспектах нематериального характера [15, с. 93–96].

Рассмотрим один из элементов гудвилла – клиентелу. Классификация клиентов по их поведению была предложена в деле *Whitman Smith Motor Co. Ltd vs. Chaplin*¹. Клиенты при рассмотрении этого дела были условно разделены на котов, собак, крыс, кроликов, такой зоологический подход позволял определить их логику поведения. Как известно, коты привязаны к месту и, даже если хозяин покидает дом, кот остается в прежнем жилище, так и «клиенты-коты» предпочитают пользоваться услугами предприятия, находящегося в определенном месте. Таким клиентам неважно, кто занимается бизнесом, т. к. первостепенное значение имеет местоположение предприятия. Хозяйка, привыкшая покупать свежий хлеб за углом дома, будет отправляться туда, даже когда сменятся владельцы булочной. Это гудвилл местоположения.

А вот собака будет рядом с хозяином, куда бы он не пошел или поехал, неважно сколько раз он сменит место жительства, она преданно следует за ним, так и «клиенты-собаки» отправляются вслед за бизнесом. Переедет предприятие на новое место, такие клиенты не со-

¹ *Whitman Smith Motor Co v Chaplin* [1934] 2 KB 35, 42 ("Whitman") // Trade Mark Inter Partes Decision (O/098/12). URL: <https://www.ipo.gov.uk/t-challenge-decision-results/o09812.pdf> (дата обращения: 14.05.2025).

чтут за труд приобретать товары и услуги в новом месте.

Вольные крысы живут свободно, они могут обращаться за товарами и услугами под воздействием настроения, сиюминутных желаний, мотив таких клиентов не совсем ясен, это могут быть рекомендации, удобное расположение, красивая вывеска или еще какой-либо фактор.

А вот кроликам необходимо, чтобы все нужное было рядом, поближе, в шаговой доступности и, если предприятие, которое располагалось рядом, вдруг переедет, «клиент-кролик» с легким сердцем распрощается с ним.

Такая классификация поведения клиентов позволяет сделать вывод, что гудвилл складывается из многих факторов, и каждый фактор имеет значение, в том числе и поведение постоянных клиентов и заказчиков.

В другом деле, известном как дело компании Krakos, были выделены основные элементы системы гудвилл, к которым отнесены: личный гудвилл; гудвилл названия; монопольных прав на бизнес; самого бизнеса и местоположения¹. Суть данного дела заключается в том, что Krakos являлся владельцем гостиничного бизнеса, который после пяти лет успешного владения решил продать, при этом здание отеля он передал в аренду. В состав бизнеса были включены растения, оборудование и гудвилл, но в стоимость не включались право аренды, право на наименование отеля, лицензия на продажу алкогольных напитков. При передаче гостиничного бизнеса возник спор о составе гудвилл, в судебном процессе была выдвинута версия, что в данном случае гудвилл складывается исключительно из местоположения отеля. Однако при рассмотрении дела стороны согласились с тем, что гудвилл данного

бизнеса состоит из многих элементов, таких как: наименование, расположение, ограниченная монополия в виде лицензии на продажу алкоголя, сам бизнес и личность управляющего, который многие годы успешно развивал дело своей жизни.

Данное решение показывает, что в любом бизнесе гудвилл состоит из многих элементов, но в некоторых отраслях местоположение может играть важную роль, например, если бизнес связан с магазинами, парикмахерскими, аптеками, мастерскими и др. Правовым носителем гудвилл при этом является собственник здания; если местоположение имеет значение для ведения бизнеса, собственник может взимать не только арендную плату за помещение, но и плату за гудвилл расположения [16, с. 51–54].

Гудвилл бизнеса обеспечивается как внутренними, так и внешними факторами. К внутренним факторам следует отнести деловую репутацию, личные качества владельца, профессионализм сотрудников, способность конкурировать, а основные внешние факторы – это преданность потребителей и заказчиков товаров и услуг [17, с. 75–77].

Исследователи предлагают различные определения понятия «гудвилл», в основном все они сводятся к перечислению преимуществ бизнеса, связанных с различными категориями нематериальных активов, при этом у каждого эксперта свой список таких преимуществ [18]. Если суммировать наиболее часто упоминаемые элементы в составе гудвилл, можно выделить следующие:

- положительная репутация предприятия;
- местоположение, которое привлекает постоянных клиентов;
- название предприятия, которое известно, авторитетно и вызывает доверие;
- постоянные клиенты и прочные связи с поставщиками товаров и услуг;
- конкурентоспособные товары и услуги, пользующиеся повышенным спросом;
- квалификация сотрудников.

¹ FCT vs. Krakos Investment Pty Ltd // Australian Taxation Office: site. URL: <https://www.ato.gov.au/law/view/document?DocID=T XR/TR9624/NAT/ATO/00001&PiT=99991231235958#P18> (дата обращения: 14.05.2025).

Выводы

Гудвилл предприятия как имущественного комплекса – это нематериальный актив, состоящий из репутации, клиенты, местоположения, который имеет стоимостное выражение при совершении сделок. Учитывая ценность гудвилл, необходимо обязательно учитывать его при владении, использовании и отчуждении предприятия, т. е. совершении сделок с предприятием. С учетом данного вывода, следует дополнить ч. 2 ст. 132 ГК РФ определением понятия гудвилл и изложить в следующей редакции: «В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, вклю-

чая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, а также гудвилл, как нематериальный актив, если иное не предусмотрено законом или договором».

Законодательное закрепление понятия «гудвилл» на практике будет способствовать устранению коллизий и позволит на законных основаниях учитывать данный нематериальный актив при совершении сделок с предприятиями.

Список литературы

1. Руденко М.В. Гудвилл, имидж и репутация организации: сравнительный анализ понятий // Наука Красноярья. 2023. Т. 12, № 2. С. 116-126.
2. Карпов В.Н. Понятие деловой репутации и ее место в системе нематериальных благ // Аллея науки. 2022. № 9. С. 72.
3. Дмитриева О. В. Деловая репутация предпринимателя и гудвилл бизнеса: проблемы определения правовой природы в научных исследованиях российских цивилистов // Хозяйство и право. 2021. № 11 (538). С. 23-50.
4. Кот М.К., Порфирьева А.Б. Правовой аспект деловой репутации как один из критериев финансовой устойчивости организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-4. С. 32-35.
5. Silva R.L.M. On the IFRS discussion paper business combinations: disclosures, Goodwill and impairment // Revista de contabilidade do mestrado em ciências contábeis da UERJ. 2024. Vol. 28, no. 3. P. 71-89.
6. Cole S.R. Business valuation: no agreement, no sale // CA Magazine. 1992. Vol. 125, no. 4. P. 51.
7. Иванова М.А., Тарасова А.Г. Юридический гудвилл: проблемы понимания и регулирования в современном российском законодательстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-1 (91). С. 118-122.
8. Городов О.А., Петров А.В., Шмигельская Н.А. Недобросовестная конкуренция / под ред. О.А. Городова. М.: Юстицинформ, 2020. 326 с.
9. Чернецов Н.Д. Возмещение вреда деловой репутации: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 385-395.
10. Тлеуберген Т.Н., Ханышева А.В., Бажан Д.С. Оценка деловой репутации (гудвилл) // Жас зерттеуші 2024: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы материалдары. Шымкент, 2024. С. 224.
11. Хамгоков Т.А. Деловая репутация юридического лица как объект гражданско-правовой защиты // Формирование и эволюция новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Уфа: Аэтерна, 2024. С. 130.

12. D'Orey M., Carvalho C. Subsequent measurement of Goodwill: the influence of activity sectors and business digitalisation // *European Conference on Knowledge Management*. 2024. Vol. 25, no. 1. P. 199-207.
13. Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. 223 с.
14. Leake P.D. Goodwill: Its nature and how to value it // *Accountant*. 1914. Vol. 50(2041). P. 81–90.
15. Тодорова Л. Гудвилл: понятие, особенности и учет // *Studia Universitatis Moldaviae. Seria: Științe economice și ale comunicării*. 2024. № 11. С. 93-96.
16. Тураева Ф.Р., Арзуов А.А. Аудит нематериальных активов: подходы, принципы и особенности в условиях МСФО // *Journal of marketing, business and management*. 2025. Vol. 3, is. 11. P. 51-54.
17. Садриев И.Н. Понятие и правовые особенности деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 12-5. С. 75-77.
18. Лекаркина Н.К. Гудвилл: природа, структура, содержание // *Оценка инвестиций*. 2016. № 3. URL: <https://www.esm-invest.com/ru/goodwill-nature-structure-content> (дата обращения: 28.05.2025).

References

1. Rudenko M.V. Goodwill, image and reputation of an organization: a comparative analysis of concepts. *Nauka Krasnoyar'ya = Science of the Red*. 2023;12(2):116-126. (In Russ.)
2. Karpov V.N. The concept of business reputation and its place in the system of intangible assets. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2022;(9):72. (In Russ.)
3. Dmitrieva O.V. The business reputation of an entrepreneur and the goodwill of a business: problems of determining the legal nature in scientific research of Russian civil scientists. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2021;(11):23-50. (In Russ.)
4. Kot M.K., Porfir'eva A.B. The legal aspect of business reputation as one of the criteria for the financial stability of an organization. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(4-4):32-35. (In Russ.)
5. Silva R.L.M. On the IFRS discussion paper business combinations: disclosures, Goodwill and impairment. *Revista de contabilidade do mestrado em ciências contábeis da UERJ*. 2024;28(3):71-89.
6. Cole S.R. Business valuation: no agreement, no sale. *CA Magazine*. 1992;125(4):51.
7. Ivanova M.A., Tarasova A.G. Legal Goodwill: problems of understanding and regulation in modern Russian legislation. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(4-1):118-122. (In Russ.)
8. Gorodov O.A., Petrov A.V., Shmigel'skaya N.A. Unfair competition. Moscow: Yustitsinform; 2020. 326 p. (In Russ.)
9. Chernetsov N.D. Compensation for damage to business reputation: problems and prospects. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian justice*. 2021;(14):385-395. (In Russ.)
10. Tleubergen T.N., Khanysheva A.V., Bazhan D.S. Business reputation assessment (Goodwill). In: *Zhas zertteushi 2024: Khalykaralyq zylimi-tazhiribelik konferentsiyasy materialdary = Young researcher 2024: materials of the International Scientific and practical conference*. Shymkent; 2024. P. 224.
11. Khamgokov T.A. Business reputation of a legal entity as an object of civil law protection. In: *Formirovanie i evolyutsiya novoi paradigmy innovatsionnoi nauki v usloviyakh sovremennogo obshchestva: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Formation and evolution of a new paradigm of innovative science in modern society: collection*

of articles of the International scientific and practical conference. Ufa: Aeterna; 2024. P. 130. (In Russ.)

12. D'Orey M., Carvalho C. Subsequent measurement of Goodwill: the influence of activity sectors and business digitalization. *European Conference on Knowledge Management*. 2024;25(1):199-207.

13. Ershova E.A. Goodwill of the business. Moscow: Statut; 2013. 223 p. (In Russ.)

14. Leake P.D. Goodwill: its nature and how to value it. *Accountant*. 1914;50(2041):81-90.

15. Todorova L. Goodwill: concept, features and accounting. *Studia Universitatis Moldaviae. Seria: Științe economice și ale comunicării*. 2024;(11):93-96. (In Russ.)

16. Turaeva F.R., Arzuov A.A. Audit of intangible assets: approaches, principles and features in the context of IFRS. *Journal of marketing, business and management*. 2025;3(11):51-54. (In Russ.)

17. Sadriev I.N. The concept and legal features of the business reputation of legal entities in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;(12-5):75-77. (In Russ.)

18. Lekarkina N.K. Goodwill: nature, structure, content. *Otsenka investitsii = Evaluation of investments*. 2016;(3). Available at: <https://www.esm-invest.com/ru/goodwill-nature-structure-content> (accessed 28.05.2025). (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кириллова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: debryansk@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7137-901X

Elena A. Kirillova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: debryansk@mail.ru, ORCID:0000-0001-7137-901X,

Зульфугарзаде Теймур Эльдарович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: zulfugarzade.te@rea.ru, ORCID: 0000-0002-0778-1511

Tejmur E. Zulfugarzade, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, e-mail: zulfugarzade.te@rea.ru, ORCID: 0000-0002-0778-1511

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>

Единые правила России и Беларуси: к вопросу об осуществлении прав потребителей и усилении их защиты

В.В. Богдан¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Защита прав потребителей уже не один десяток лет остается мейнстримом развития рыночных отношений. И несмотря на то, что научный интерес к проблематике сложно назвать удовлетворительным, за последние несколько лет законодатель и правоприменитель вполне успешно воплощают в жизнь основные принципы защиты прав потребителей. Российская система защиты прав потребителей весьма эффективно справляется с нарушениями на потребительском рынке. Российский законодатель реагирует на масштабное развитие и появление новых видов предпринимательской деятельности, в том числе в цифровом пространстве. Сближение национального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь – процесс объективный. При таких обстоятельствах принятие Единых правил в области защиты прав потребителей актуально и своевременно.

Цель состоит в установлении содержания Единых правил в области защиты прав потребителей, утвержденных декретом Высшего государственного совета Союзного государства.

Задачи исследования: определить качественные различия содержания Единых правил и Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»; выявить противоречия и недостатки содержания Единых правил; раскрыть особенности механизма защиты прав потребителей по Единым правилам.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, описания, обобщения, формально-юридического и системного методов.

Результаты. В ходе проведенного исследования было установлено, что подход к защите прав потребителей, заложенный в Единых правилах, основан на унификации российского и белорусского законодательства о защите прав потребителей. Вместе с тем в ряде ключевых случаев, определяющих как осуществление прав потребителей, так и их защиту, содержание Единых правил представляется непродуманным и противоречивым, что принесет значительные трудности при его применении в условиях реального конфликта.

Вывод. Применение Единых правил может существенно повлиять на механизм гражданско-правовой защиты прав потребителей в России. Вместе с тем их принятие породило правовую неопределенность для контрагентов потребителей.

Ключевые слова: Единые правила; защита прав потребителей; цифровой продукт; механизм защиты; международные соглашения; ответственность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Богдан В.В. Единые правила России и Беларуси: к вопросу об осуществлении прав потребителей и усилении их защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 47–58. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>.

Поступила в редакцию 25.06.2025

Принята к публикации 18.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Uniform rules of Russia and Belarus: on the issue of implementing consumer rights and strengthening their protection

Varvara V. Bogdan¹ ✉

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. Consumer protection has been the mainstream of market relations development for decades. And despite the fact that scientific interest in the issue can hardly be called satisfactory, over the past few years, legislators and law enforcement officers have been quite successful in implementing the basic principles of consumer protection. The Russian consumer protection system is very effective in dealing with violations in the consumer market. The Russian legislator is responding to the large-scale development and emergence of new types of entrepreneurial activity, including in the digital space. The convergence of the national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus is an objective process. Under such circumstances, the adoption of the Uniform Rules in the field of consumer protection is relevant and timely.

Purpose is to establish the content of the Uniform Rules in the field of consumer protection, approved by the Decree of the Supreme State Council of the Union State.

Objectives are to determine the qualitative differences in the content of the Uniform Rules and the Law of the Russian Federation "On the Protection of Consumer Rights"; to identify contradictions and shortcomings in the content of the Uniform Rules; to reveal the features of the mechanism for protecting consumer rights under the Uniform Rules.

Methodology. The article is based on the methods of analysis, description, generalization, formal-legal and systemic methods.

Results. In the course of the conducted research, it was found that the approach to consumer protection laid down in the Uniform Rules is based on the unification of Russian and Belarusian legislation on consumer protection. At the same time, in a number of key cases that determine both the exercise of consumer rights and their protection, the content of the Uniform Rules appears ill-considered and contradictory, which will cause significant difficulties in its application in the context of a real conflict.

Conclusion. The application of Uniform Rules may significantly affect the mechanism of civil protection of consumer rights in Russia. At the same time, their adoption has created legal uncertainty for the counterparties of consumers.

Keywords: Uniform rules; protection of consumer rights; digital product; protection mechanism; international agreements; responsibility.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bogdan V.V. Uniform rules of Russia and Belarus: on the issue of implementing consumer rights and strengthening their protection. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):47–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-47-58>.

Received 25.06.2025

Accepted 18.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Исследование разноплановых проблем защиты прав потребителей на современном этапе развития цивилистической науки относится к весьма непростой научной задаче, поскольку эффектив-

ность ее разрешения зависит от погруженности ученого в тему. Сложно подвергнуть сомнению тот факт, что прикладная направленность превалирует над теоретической, что, однако, не исключает необходимости проведения фундамен-

тальных работ. Многогранность защиты прав потребителей как правового явления предопределена ее комплексностью, во многом публичным характером и императивностью норм, где, как может представиться на первый взгляд, совсем мало места остается гражданскому праву. Вместе с тем количество судебных споров гражданско-правового характера, возникающих из отношений с участием потребителей, занимают наибольшее место в общей статистике.

В науке гражданского права проблематике защиты прав потребителей уделяется большое внимание. В настоящее время, что вполне оправданно, акценты смещены на специфику защиты прав потребителей в цифровой среде: заключение договоров на маркетплейсах, взаимоотношения с агрегаторами товаров (работ, услуг), договорные отношения в онлайн-среде, в том числе порядок урегулирования споров и т. д. В частности, вопросы защиты прав потребителей при осуществлении онлайн-торговли раскрыты в трудах В.Д. Мельника [1; 2; 3], В.А. Белова [4; 5], А.Е. Шерстобитова [6], Д.А. Лепёшина, П.И. Петкилёва [7].

За период с декабря 2024 г. по июль 2025 г. было принято шесть федеральных законов, вносящих изменения в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей, Закон), вступающих в силу как в 2025 г., так и в 2026 г.¹, касающиеся таких аспектов, как

продажа и использование отдельных видов технически сложных товаров с предварительно установленными программами для электронных вычислительных машин, включая единый магазин приложений, новых конструкций «информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей», «многофункциональный сервис обмена информацией», обновленного механизма защиты прав потребителей при продаже дополнительных товаров (выполнении дополнительных работ, оказании дополнительных услуг) за отдельную плату, дополнительных обязанностей владельцев агрегаторов. Изменения направлены в том числе и на совершенствование защиты прав потребителей при осуществлении цифровой торговли.

Вместе с тем в декабре 2024 г. был принят декрет Высшего государственного совета Союзного государства, которым были утверждены Единые правила в области защиты прав потребителей (далее – Единые правила). 13 марта 2025 г. заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь по обеспечению равных прав потребителей, вступившее в силу 27 мая 2025 г. Статус Единых правил на сегодняшний день не

¹ См. подробнее: Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения вступают в силу с 1 марта 2026 г.); Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения

вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г.); Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (изменения вступают в силу с 1 сентября 2025 г. и с 1 марта 2026 г.); Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 546-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10 и 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (изменения вступают в силу с 1 сентября 2026 г.).

ясен. Согласно ст. 2 Закона о защите, прав потребителей, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила о защите прав потребителей, чем те, которые предусмотрены настоящим Законом, применяются правила международного договора. Из текста Единых правил следует, что они должны применяться на территории двух государств, следовательно, российское национальное законодательство применяется в части, не противоречащей Единым правилам, контрагенты потребителей должны в своей деятельности применять Единые правила. Следует констатировать, что ни хозяйствующие субъекты, ни суды не учитывают положения Единых правил при рассмотрении споров с участием потребителей, несмотря на то, что их нормы существенно меняют действующий механизм защиты прав потребителей, заложенный в Законе.

В силу своей новизны Единые правила в области защиты прав потребителей еще не стали предметом научного исследования, что несколько обескураживает, поскольку принятие данного международного нормативного правового акта значительно влияет не только на права и обязанности субъектов правоотношений с участием потребителей, но и вводит в гражданский оборот новый объект – цифровой продукт, устанавливая особенности защиты прав потребителей в его отношении.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения достоверных результатов и выводов использовались: общенаучный метод анализа, эмпирические методы описания, обобщения, интерпретации, позволившие получить знания о содержании Единых правил в области защиты прав потребителей, выделить ее специфику в части формирования порядка осуществления защиты прав потребителей и механизма

их защиты. Использование системного метода привело к структурированному изложению материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей защиты прав потребителей через положения Единых правил. Формально-юридический метод и метод системного толкования правовых норм применялись при изучении содержания Единых правил в области защиты прав потребителей и выделения специфики осуществления и защиты прав потребителей.

Результаты и их обсуждение

Важность принятия и применения Единых правил для экономики Российской Федерации, потребительского рынка сложно переоценить. В Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1837-р, международному сотрудничеству уделено пристальное внимание. В частности, в разделе III «Цели, задачи и приоритетные направления реализации Стратегии» несколько раз упоминается о необходимости его расширения, продолжении совершенствования законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей, своевременной его актуализации с учетом норм международного права и возможности последующей его кодификации¹. В связи с этим появление Единых правил есть следствие реализации вышеуказанной стратегии, что позволяет говорить о ее результативности.

¹ Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 28 авг. 2017 г. № 1837-р // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659142/?ysclid=mct7baws7g651712599> (дата обращения: 11.06.2025).

Анализ содержания Единых правил позволяет сделать вывод о весьма кардинальной модернизации механизмов защиты прав потребителей товаров (работ, услуг), включая значительное расширение дефинитивного аппарата. Следует учитывать, что с 1 сентября 2025 г. вступают в силу изменения, внесенные в Закон о защите прав потребителей, в том числе в основные понятия, что свидетельствует о необходимости установления специфики осуществления прав потребителей и механизма их защиты, устанавливаемых Едиными правилами.

Цифровой продукт и все, все, все

Преамбула Единых правил насчитывает 19 основных терминов¹. Структурно их можно разделить на группы:

- определяющие субъектный состав правоотношений с участием потребителя (потребитель, изготовитель, исполнитель, продавец², представитель изготовителя, продавца, поставщика, импортера, исполнителя, импортер, поставщик, агрегатор информации о продукции, уполномоченные органы в сфере защиты прав потребителей);

- формирующие объекты, по поводу которых возникают правоотношения с участием потребителей (товар, результат работы, услуга, цифровой продукт), с обобщающим понятием «продукция»;

- направленные на обеспечение права потребителя на качество продукции (качество продукции, недостаток (ненад-

лежащее качество) продукции, существенный недостаток продукции, безопасность продукции).

Представляется, что содержательное наполнение как новых, так и измененных основных понятий заслуживает самостоятельной правовой оценки, поскольку в сравнении с национальным законодательством оказывает значительное влияние на осуществление прав потребителей и их защиты. В частности, уточнение понятия «существенный недостаток продукции» решает проблему оценки «несоразмерные расходы»³ и «несоразмерные затраты времени»⁴.

Еще более значимым является появление в правовом поле дефиниции «цифровой продукт». Согласно Единым правилам, под цифровым продуктом понимается «*объект гражданских прав* (курсив наш. – В.В.), зафиксированный с помощью цифровых технологий (преобразованный в цифровой формат) посредством создания записи о нем в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого объекта, в том числе программы и элементы программ для ЭВМ (включая порождаемые программой аудиовизуальные отображения), фонограммы, аудиовизуальные произведения, мультимедийные продукты и другие результаты интеллектуальной деятельности, преобразованные в цифровой формат

¹ Закон РФ «О защите прав потребителей» в настоящее время дает определение 10 дефинициям, Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» – 21.

² Единые правила в отношении определения правового статуса продавца, исполнителя, изготовителя устанавливают, что ими могут выступать также физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. Другие поименованные в преамбуле контрагенты должны быть либо организациями, либо индивидуальными предпринимателями.

³ 30 и более процентов от стоимости продукции, определяемой на момент устранения недостатков.

⁴ Срок, превышающий предельные сроки, установленные Едиными правилами для безвозмездного устранения недостатков по требованию потребителя. Отметим, что Единые правила значительно снижают срок на устранение выявленных недостатков по сравнению с Законом РФ о защите прав потребителей: 45 дней против 14 дней. Полагая, такой срок в контексте трактовки существенного недостатка является недостаточным.

и предназначенные для реализации потребителям (использования за плату)». защите прав потребителей цифровых продуктов в Единых правилах посвящена самостоятельная глава.

Исходя из содержания определения «цифровой продукт», можно сделать вывод, что Едиными правилами установлено понятие объектов гражданских прав в цифровой форме. В этой связи возникают закономерные вопросы о правовом режиме цифровых продуктов, их соотношении с цифровыми правами, а, как представляется, главное – соотношении с законодательством об интеллектуальной собственности. Как отмечает А. В. Гурко, «цифровые права существуют только в рамках информационной системы, в то время как интеллектуальные права действуют и охраняются... независимо от того, внесены ли объекты данных прав в какую-либо информационную систему или нет. Оператор не вправе отменять интеллектуальные права на контент или изменять объем этих прав... интеллектуальные авторские права нельзя назвать цифровыми правами, даже если объекты таких прав внесены в какую-либо информационную систему» [8, с. 55]. В.В. Акинфеева констатирует, что «права не на все цифровые активы корректно квалифицировать в качестве цифровых, а только на те, которые соответствуют установленным законом требованиям... такие права должны быть названы таковыми законом..., а также существовать в цифровой среде не автономно, а только в связке с определенной информационной платформой» [9, с. 400–401].

Исходя из легальных определений «цифровые права» и «информационная система», дефиниция «цифровой продукт» вполне может подпадать под понятие цифровых прав: «...посредством создания записи о нем (цифровом продукте. – В.Б.) в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого

объекта...». И именно здесь возникает противоречие между правовой природой цифрового продукта и законодательством об интеллектуальной собственности в контексте реализации прав потребителей. Так, согласно ст. 44 Единых правил, потребитель в случае обнаружения в цифровом продукте недостатков, если они не были оговорены продавцом¹, по своему выбору вправе, наряду с другими, потребовать *возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом* (курсив наш. – В.Б.). Возникает парадоксальная ситуация: потребитель получает право вносить какие-либо изменения в объект интеллектуальной собственности.

Кроме того, в ст. 43 Единых правил упоминается не только о цифровом продукте, но и доступе к нему: «...продавец (агрегатор) обязан предоставить потребителю цифровой продукт (доступ к цифровому продукту) незамедлительно после заключения договора...». Таким образом, с точки зрения определения предмета договора «обеспечение предоставления доступа» может быть самостоятельным предметом, что существенным образом влияет на реализацию прав потребителей.

Представляется, что включение в Единые правила положений о защите прав потребителей цифровых продуктов – важная веха на пути к совершенствованию законодательства о защите прав потребителей в условиях цифровизации, но заложенный механизм не согласован с законодательством об интеллектуальной собственности, что, несомненно, породит проблемы правоприменения.

¹ Если мы говорим о цифровом продукте как объекте интеллектуальной собственности, то порядок отчуждения права на него регулируется 4 частью ГК РФ и права на этот продукт должны передаваться по договору на отчуждение интеллектуального права или лицензионному соглашению. Возникает вопрос о наличии прав у «продавца» на этот цифровой продукт.

Некоторые элементы механизма гражданско-правовой защиты прав потребителей по Единым правилам

Разработчики Единых правил сохранили традиционный подход к структуре изложения норм о защите прав потребителей, подтвердивший статус института защиты прав потребителей как комплексного, примат охранительных норм: преамбула, общие положения, включающие в себя общие права потребителей и отдельные условия их реализации и защиты, три главы, регламентирующие защиту прав потребителей при продаже товаров, выполнении работ (оказании услуг), реализации цифровых продуктов и государственную и общественную защиту прав потребителей.

Традиционно для защиты прав потребителей первая глава Единых правил посвящена праву на качество и безопасность продукции (4 статьи), на информацию и его реализации (6 статей), ответственности контрагентов потребителей, на добросовестные условия договора, нормы о специфике процессуальной защиты. Появилась самостоятельная норма (ст. 14) о реализации «условно бесплатных товаров (работ, услуг)». Ее содержание не выдерживает никакой критики с точки зрения системного единства: названа «Защита прав потребителей при реализации условно бесплатных товаров (работ, услуг)»¹, а в содержании указывается на реализацию продукции² на безвозмездной основе (курсив наш. – В.Б.). Учитывая, что презюмируется возмездность правоотношений с участием потребителей, могущая порождать отдельные правовые связи безвозмездного характера (в частности, гарантийное обслуживание), о смысле нормы остается только догадываться.

Впечатляюще выглядит п. 8 ст. 8 Единых правил, устанавливающий, что «за нарушение прав потребителей ответ-

ственность наряду с изготовителем (исполнителем, продавцом, поставщиком, представителем, импортером, агрегатором) *несут учредители (участники, руководители) изготовителя (исполнителя, продавца, поставщика, представителя, импортера, агрегатора)* (курсив наш. – В.Б.), к которым потребитель вправе по своему выбору предъявить требования, предусмотренные настоящими Едиными правилами». Однако совершенно за скобками осталось указание на вид ответственности: самостоятельная или субсидиарная? А в корреляции с содержанием п. 2 ст. 12 Единых правил о подсудности споров с участием потребителей позволяет сделать вывод, что об этих субъектах ответственности в ней «забыли». Следовательно, процессуальный механизм реализации этого права остался в рамках правовой неопределенности.

К числу новелл, не известных Закону РФ о защите прав потребителей, следует отнести введение порядка проведения *экспертизы достоверности информации* (п. 5 ст. 9), *предоставленной потребителю, возможность заключения соглашения о компенсации морального вреда* (п. 5 ст. 11), *снижение сроков безвозмездного устранения недостатков – не превышающий 14 дней* (п. 1 ст. 21, п. 1 ст. 33), *удовлетворения отдельных требований потребителя – в течение 7 дней, а при необходимости проведения экспертизы – 14 дней* (ст. 23), *о возврате предварительно уплаченной суммы за товар – в течение 7 дней* (п. 4 ст. 25), новая глава о защите прав потребителей при реализации цифровых продуктов (ст. 43–48).

В отношении претензионных процедур подход не изменился: предъявление претензии по общему правилу не является обязательным. В научной литературе этот подход многократно подвергался критике (Е.Ю. Булатецкий [10, с. 385], Э.Г. Корнилов [11], М.Ю. Чельшев, Д.Х. Валеев [12]), в том числе и автором настоящей статьи). Однако законодатель, несмотря на фактическое применение в

¹ В названии не заложен обобщающий термин «продукция».

² Здесь уже термин используется.

абсолютном большинстве случаев, его превентивный потенциал профилактики злоупотребления правом со стороны потребителей, отказывается от легализации обязательности претензионного порядка урегулирования споров. Более того, как и в Законе о защите прав потребителей (ст. 16), так и в Единых правилах (ст. 13), установление обязательного претензионного порядка в условиях договора относится к недопустимым. В связи с этим хочется отметить, что законодательство о защите прав потребителей начинается не с Закона о защите прав потребителей, а с положений ГК РФ (в частности, ст. 483 об извещении продавца о нарушении договора, ст. 452 о порядке изменения и расторжения договора), охватывающего весь гражданский оборот, в том числе между потребителями и их контрагентами.

Проведение досудебных экспертиз осуществляется за счет средств контрагента потребителя. Вместе с тем в отличие от регулирования процедуры проведения экспертизы при возникновении недостатков товаров (работ, услуг) более детально регламентирована досудебная экспертиза достоверности информации. Так, согласно п. 5 ст. 9 Единых правил, «при возникновении... спора о достоверности предоставленной информации о продукции продавец (изготовитель, поставщик, представитель, импортер, исполнитель) обязан провести экспертизу достоверности информации за свой счет ...*О месте и времени проведения экспертизы потребитель должен быть извещен в письменной форме* (курсив наш. – В.Б.). Потребитель вправе принять участие в проведении экспертизы лично или через своего представителя, а также оспорить заключение экспертизы в судебном порядке». Как представляется, выделенная нами обязанность по уведомлению о времени и месте проведения экспертизы является важной гарантией соблюдения прав потребителя, в связи с чем отсутствие таких требований при

проведении экспертизы качества товаров (работ, услуг) видится непоследовательным.

Формулировка «достоверность информации» в настоящее время не имеет единого понимания, что усложняет определение предмета экспертизы. Достоверность информации и своевременность ее предоставления – один из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, закрепленный в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Законодательство о защите прав потребителей не содержит ни самого определения, ни критериев достоверности предоставляемой потребителям информации.

В юридической литературе достоверность связывают непосредственно с товаром (работой, услугой). С.П. Гришаев пишет, что достоверность информации «означает ее точное соответствие действительным свойствам товара» [13], Е.М. Чагина – «соответствие действительности и отражение ею реальных свойств и качества соответствующего товара (работы, услуги)» [14]. Думается, что достоверность информации возможно было бы определять через норму о составе информации о продукции (п. 2 ст. 17 Единых правил), однако в нее входят сведения, относящиеся не только к свойствам или качеству. В связи с этим весьма позитивная задумка может породить массу проблем при правореализации.

Государственные и общественные формы защиты прав потребителей в целом не претерпели никаких модернизаций. Дополнительных процессуальных преференций российским потребителям не предоставлено: ст. 12 Единых правил полностью повторяет содержание ст. 17 Закона РФ о защите прав потребителей. Что касается содержания ст. 44 Закона Республики Беларусь «Судебная защита

прав потребителей» и ст. 47 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, то в свете принятия Единых правил процессуальный механизм защиты прав белорусского потребителя улучшился.

Претерпела изменения норма о компенсации морального вреда (ст. 15 Закона РФ о защите прав потребителей). Редакция Единых правил (ст. 11) фактически идет вразрез со сложившейся практикой применения данного способа защиты в России. В частности, указано, что он применяется при наличии вины причинителя вреда¹ (п. 1 ст. 11 Единых правил), размер определяется судом в зависимости от степени вины причинителя вреда в случае, когда его вина является основанием для возмещения вреда (п. 3 ст. 11 Единых правил), устанавливает компенсацию только в денежной форме (п. 2 ст. 11 Единых правил)². В научной литературе не раз высказывалось мнение, что российский подход к компенсации морального вреда только на основании подтвержденного факта нарушения прав по-

требителей является некорректным [15, с. 103–104]. Думается, что подход, изложенный в Единых правилах, верен: компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей должен применяться при наличии вины причинителя. В развитии законодательства о защите прав потребителей и предотвращения злоупотребления правом видится обоснованным введение опровержимой презумпции причинения морального вреда.

Судебная защита прав потребителей, декларируемая в Единых правилах, лишь частично повторяет содержание ст. 17 Закона РФ о защите прав потребителей: из нее исключены нормы об особенностях защиты прав потребителей финансовых услуг и добавлены особенности доведения до сведения решения суда, состоявшегося в пользу защиты прав неопределенного круга потребителей³.

Вопросы злоупотребления правом в отношениях с участием потребителей, средства его преодоления в Единых правилах отражения не нашли. Несмотря на то, что проблематика злоупотребления правом со стороны потребителей все больше актуализируется (в частности, этой проблеме посвящены работы В.А. Масловой [16], Е.Ю. Усольцева [17; 18] и др.), правотворец не спешит законодательно даже в общих чертах определять границы добросовестного поведения потребителя через декларирование недопущения проявлений недобросовестного поведения и злоупотребления правом со стороны потребителя, оставляя этот вопрос на усмотрение судов.

Выводы

Принятие Единых правил породило за собой весьма неоднозначное состояние правовой неопределенности. С одной стороны, ст. 2 Закона о защите прав по-

¹ Как отмечено в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя (курсив наш. – В.Б.).

² Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества (транспортного средства, бытовой техники и т.д.), в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего).

³ Единые правила не содержат специальной статьи о защите прав неопределенного круга потребителей в отличие от Закона РФ о защите прав потребителей.

требителей устанавливает примат международных договоров над национальным законодательством, а в силу п. 1 ст. 60 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. декреты Союзного государства предназначены для общего применения и подлежат прямому применению на территории каждого государства-участника после их официального опубликования. С другой стороны, прецедентов прямого использования декретов Союзного государства в отношениях, в которых хотя бы опосредованно затрагиваются интересы потребителя, нет. Такая ситуация создает для всех контрагентов потребителей ситуа-

цию правовой неопределенности и подвергает значительному риску ввиду существенных изменений механизма защиты прав потребителей. Представляется, что влияние Единых правил на российское законодательство о защите прав потребителей еще предстоит установить. Но будучи приверженцем сбалансированного подхода к осуществлению и защите прав потребителей, отметим, что Единые правила, хотя и направлены на гармонизацию и повышение эффективности защиты прав потребителей, тем не менее многие задачи не решают, что дает повод к их критической оценке в перспективе применения.

Список литературы

1. Мельник В.Д. Тенденции правового регулирования онлайн-разрешения споров на международном пространстве // *Цивилист*. 2024. № 4. С. 60-65.
2. Мельник В.Д. О создании онлайн-сервиса урегулирования потребительских споров в Российской Федерации // *Гражданский и арбитражный процесс*. 2022. № 7. С. 28-59.
3. Мельник В.Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих их сделок, совершенных на маркетплейсах // *Российское право: образование, практика, наука*. 2023. № 5. С. 47-57.
4. Белов В.А. Электронная торговля: понятие, правовое регулирование и судебная практика // *Вестник арбитражной практики*. 2021. № 4. С. 11-20.
5. Белов В.А. Смарт-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // *Вестник арбитражной практики*. 2022. № 3. С. 17-23.
6. Шерстобитов А.Е. Защита прав потребителей в современном российском гражданском праве // *Журнал российского права*. 2023. № 5. С. 116-125.
7. Лепёшин Д.А., Петкилёв П.И. Ответственность маркетплейса – информационного посредника // *Цивилист*. 2025. № 4 (56). С. 14-20.
8. Гурко А. Авторские права vs цифровые права // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2020. № 4. С. 51-56.
9. Акинфиева В.В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // *Пермский юридический альманах*. 2020. № 3. С. 397-407.
10. Булатецкий Ю.Е. Потребительское право. М.: Норма, 2012. 416 с.
11. Корнилов Э.Г. Гражданско-процессуальные проблемы защиты прав потребителей // *Хозяйство и право*. 1999. № 11. С. 37-42.
12. Чельшев М.Ю., Валеев Д.Х. О совершенствовании судебного и внесудебного порядков защиты прав потребителей // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 5. С. 16-20.
13. Гришаев С.П. Комментарий к Закону о защите прав потребителей (постатейный) // *Гарант: сайт*. 2017. URL: <https://base.garant.ru/57204267/> (дата обращения: 21.05.2025).

14. Чагина Е.М. Обеспечение прав потребителя на информацию // Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография / отв. ред. С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. С. 93-108.
15. Эрделевский А.М. О презумпции причинения морального вреда // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 102-108.
16. Маслова В.А. Злоупотребление своими правами со стороны потребителя при заключении и исполнении договора строительного подряда // Законодательство. 2018. № 11. С. 19-28.
17. Усольцев Е.Ю. Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12. С. 108-112.
18. Усольцев Е.Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131-139.

References

1. Mel'nik V.D. Trends in the legal regulation of online dispute resolution in the international space. *Tsivilist = Civilist*. 2024;(4):60-65. (In Russ.)
2. Mel'nik V.D. On the creation of an online service for the settlement of consumer disputes in the Russian Federation. *Grazhdanskii i arbitrazhnyi protsess = Civil and Arbitration Process*. 2022;(7):28-59. (In Russ.)
3. Mel'nik V.D. On some features of Internet disputes arising from transactions made on marketplaces. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: education, practice, science*. 2023;(5):47-57. (In Russ.)
4. Belov V.A. Electronic commerce: concept, legal regulation and judicial practice. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2021;(4):11-20. (In Russ.)
5. Belov V.A. Smart trading (digital trading): the main provisions on digitalization of contractual relations with the participation of consumers. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*. 2022;(3):17-23. (In Russ.)
6. Sherstobitov A.E. Consumer Rights Protection in modern Russian Civil Law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(5):116-125. (In Russ.)
7. Lepeshin D.A., Petkilev P.I. Responsibility of the marketplace information intermediary. *Tsivilist = Civilist*. 2025;(4):14-20. (In Russ.)
8. Gurko A. Copyright vs digital rights. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2020;(4):51-56. (In Russ.)
9. Akinfieva V.V. Utilitarian digital rights in modern conditions of economic transformation. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Law Almanac*. 2020;(3):397-407. (In Russ.)
10. Bulatetskii Yu.E. Consumer law. Moscow: Norma; 2012. 416 p. (In Russ.)
11. Kornilov E.G. Civil procedure issues of consumer protection. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 1999;(11):37-42. (In Russ.)
12. Chelyshev M.Yu., Valeev D.Kh. On improving judicial and non-judicial procedures for consumer protection. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010;(5):16-20. (In Russ.)
13. Grishaev S.P. Commentary to the Law on consumer rights protection (article-by-article). *Garant*: site. 2017. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/57204267/> (accessed 21.06.2025).
14. Chagina E.M. Ensuring the consumer's rights to information. In: Sinitsyn S.A., Shelyutto M.L. (eds.) Consumer protection: in search of an optimal model. Moscow: Yuridicheskaya firma "Kontrakt"; 2021. P. 93-108. (In Russ.)

15. Erdelevskii A.M. On the presumption of moral harm. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 2017;(11):102-108. (In Russ.)
16. Maslova V.A. Abuse of one's rights by the consumer during the conclusion and execution of a construction contract. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2018;(11):19-28. (In Russ.)
17. Usol'tsev E.Yu. The concepts of "consumer extremism" and "abuse of consumer rights": a comparative analysis. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*. 2021;(12):108-112. (In Russ.)
18. Usol'tsev E.Yu. Interest as a basis for qualifying consumer abuse of law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Current problems of Russian law*. 2022;(12):131-139. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kurskpravo@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Varvara V. Bogdan, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Head of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Оригинальная статья / Original article

УДК 347:343

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>

Взаимодействие норм корпоративного и уголовного законодательства: как синхронизировать направления правотворчества

В.А. Болдырев^{1,2} ✉

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
Александровский парк, д. 5, г. Санкт-Петербург 175046, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, д. 1, г. Новосибирск 630090, Российская Федерация

✉ e-mail: vabold@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современные экономические и правовые исследования, основанные на обширных наблюдениях за состоянием корпоративного законодательства и качественным составом участников корпораций («структурой собственности»), свидетельствуют о высокой подвижности корпуса акционеров в большинстве правовых порядков. Российский уголовный закон, относящий работников акционерных обществ, контролируемых государством, к числу лиц, могущих совершить должностные преступления, ориентирован на стабильность субъектного состава участников корпораций. Это свидетельствует о конфликте посылок, заложенных в основу норм российского корпоративного и уголовного законодательства.

Цель настоящего исследования – на основе анализа решения законодателя об отнесении работников хозяйственных обществ к числу субъектов должностных преступлений и релевантной правоприменительной практики выявить институциональную причину возникновения сбоев в межотраслевом взаимодействии правовых норм и определить стратегию их предотвращения в будущем.

Задачи исследования: описать экономико-правовые подходы к анализу состава участников коммерческих корпораций («структуры собственности»); установить степень прозрачности состава акционеров для потенциальных субъектов должностных преступлений; выявить случаи некорректного использования категориального аппарата корпоративного права при конструировании норм уголовного закона; предложить институциональное решение проблемы отсутствия у разработчиков законопроектов компетенции в смежных правовых областях.

Методология. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-исторический и системно-правовой методы, а также методы правового наблюдения и правового прогнозирования.

Результаты. Демонстрируются сложности толкования и применения права, ставшие результатом стирания четких границ между преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 Уголовного кодекса Российской Федерации) и преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Выводы. Существует необходимость создания из представителей юридического сообщества органа, который выполнял бы функции «фильтра законопроектов» на методологической основе и практик, наработанных Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, а также опыта других стран.

Ключевые слова: хозяйственное общество; правоприменительная деятельность; акционерное общество; корпоративный контроль; должностное преступление; когнитивные искажения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Болдырев В.А. Взаимодействие норм корпоративного и уголовного законодательства: как синхронизировать направления правотворчества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 59–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>.

Поступила в редакцию 23.05.2025

Принята к публикации 24.06.2025

Опубликована 29.08.2025

Interaction of corporate and criminal law norms: how to synchronize the directions of lawmaking

Vladimir A. Boldyrev^{1,2} ✉

¹ North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
5 Aleksandrovsky Park, Saint Petersburg 175046, Russian Federation

²Novosibirsk State University
1 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation

✉ e-mail: vabold@mail.ru

Abstract

Relevance. Modern economic and legal studies based on extensive observations of the state of corporate legislation and the qualitative composition of corporate participants ("ownership structure") indicate a high mobility of the shareholder corps in most legal systems. Russian criminal law, which classifies employees of state-controlled joint-stock companies as persons who may commit official crimes, is focused on the stability of the subject composition of corporate participants. This indicates a conflict of premises underlying the norms of Russian corporate and criminal legislation.

The purpose of this study is to identify the institutional cause of the occurrence of failures in the intersectoral interaction of legal norms and determine a strategy for their prevention in the future based on an analysis of the legislator's decision to classify employees of business entities controlled by public-law entities as subjects of official crimes and relevant law enforcement practice.

Research objectives: to determine economic and legal approaches to the analysis of the composition of participants in commercial corporations ("ownership structure"); to establish the degree of transparency of the shareholder composition for potential subjects of official crimes; to identify cases of incorrect use of the categorical apparatus of corporate law in the construction of criminal law norms; to propose an institutional solution to the problem of the lack of competence in related legal areas among drafters.

Methodology. Formal-legal, comparative-legal, specific-historical and system-legal methods are used, as well as methods of legal observation and legal forecasting.

Results. The difficulties of law enforcement resulting from the erasure of clear boundaries between crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation) and crimes against state power, the interests of civil service and service in local government bodies (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation) are demonstrated.

Conclusions. There is a need to create a body from representatives of the legal community that would perform the functions of a «filter of bills» on the methodological basis and practices developed by the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation, as well as the experience of other countries.

Keywords: business entity; law enforcement; joint-stock company; corporate control; malfeasance; cognitive biases.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Boldyrev V.A. Interaction of corporate and criminal law norms: how to synchronize the directions of lawmaking. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):59–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-59-74>.

Received 23.05.2025

Accepted 24.06.2025

Published 29.08.2025

Введение

Формирование у лица, познающего мир, представления о реальности с завы-

шенной оценкой значения привычной ему сферы деятельности, является частью нормы: когнитивные искажения всегда

были спутником человека в процессе построения информационной модели мира [1, р. 610]. В науках криминального цикла доминирует подход к охране общественных отношений, в рамках которого уголовная ответственность рассматривается как основной инструмент поддержания порядка в обществе, как главная гарантия любых интересов членов социума. Эволюция уголовного закона, в ходе которой работник хозяйственного общества стал одним из субъектов должностных преступлений, может служить хорошей иллюстрацией этого тезиса. Решение законодателя выходит далеко за область проблематики уголовно-правового характера, сталкиваясь с основами российского экономического уклада и государственного устройства.

Конструирование норм уголовного законодательства на основе категориального аппарата, заимствованного у позитивного частного права, можно считать явлением довольно распространенным, но вызывающим сложности толкования, особенно на первых этапах после новеллизации. Нормы уголовного права существуют не сами по себе, а в среде законоположений, составляющих правовую доктрину – концепцию, опирающуюся на конкретные методологические основания и содержащую выводы, находящиеся в системном единстве [2, с. 102].

Восприятие отечественной правовой доктриной постсоветского периода положений, касающихся юридических лиц корпоративного типа, было достаточно трудным. В советский период в отечественной юрисдикции корпорации как класс хозяйствующих субъектов остались вынужденным исключением и были представлены несколькими акционерными обществами, предназначенными для участия в договорных отношениях с иностранными компаниями и гражданами (Внешторгбанк СССР, Ингосстрах и Интурист) [3, с. 37]. Решение было обусловлено тем, что акционерные общества (англ. *joint stock company*) существовали

и существуют в большинстве современных правовых порядков. Добиться нормального восприятия иностранными партнерами советской модели юридического лица, собственником имущества которого было государство, оказалось невозможно. Как следствие, советское государство воспользовалось накопленным зарубежным опытом.

Строго говоря, созданные в советской юрисдикции для участия во внешне-экономических отношениях юридические лица и не были полноценными корпорациями – их единственным акционером было государство. Как справедливо отмечает С.А. Сеницын, сегодня в силу объективных причин изжить «единоличные компании» из экономической реальности оказывается невозможно [4, с. 44]. Такие «компании одного лица» (англ. *one man company, one person company*) существовали и существуют в отечественном и зарубежных правовых порядках [5]. Однако, во-первых, не на них в основном рассчитана юридическая конструкция акционерного общества и, во-вторых, эти лица могут развиваться до появления полноценных корпоративных отношений с участием множества членов корпорации [4, с. 46]. В своем классическом виде акционерное общество служит примером юридических лиц, относящихся к числу объединений капиталов. Уставный капитал акционерного общества разделен на акции, являющиеся ценными бумагами.

Наблюдения представителей социальной науки за реальностью привели к появлению теории «акционерной собственности», в рамках которой дифференцируются интересы мелких акционеров, заинтересованных в получении дивидендов и ориентированных на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде, и крупных акционеров, имеющих возможность существенно влиять на управление корпорацией [6, с. 10]. Вывод экономистов об отсутствии в современном обществе четкой границы между собственностью корпорации и собственностью акционеров [7] может показаться

странным в свете декларируемых в норм-дефиниции юридического лица признаков имущественной обособленности и самостоятельной ответственности (ст. 48 ГК РФ). Однако если учесть содержание и практику применения норм российского законодательства о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих правосубъектные организации, оказывается, что экономисты не так далеки от истины.

Изменение состава акционеров в процессе отчуждения ценных бумаг приводит, согласно современным представлениям экономистов, к изменению «структуры собственности». Это теоретическое построение в числе многих других не претендует на роль универсальной концепции и является эффективным лишь в существующих условиях как более или менее приемлемый способ описать распределение капитала в социуме [8, с. 99]. Характеризуя «структуру собственности» акционерных обществ, обычно дают оценку наличию акций у государства, зарубежных инвесторов и оффшорных акционеров, распределению акций между миноритарными и мажоритарными акционерами [9] («распыленности собственности» и «концентрации собственности») [10, с. 28], а также наличию акций у менеджеров корпорации, членов совета директоров [11].

Наличие акций у государства стабильно оценивается как фактор, увеличивающий риски злоупотребления и неэффективного управления, влияющий отрицательно на характеристики «акционерной стоимости» [9, с. 41]. «Структура собственности» коррелирует с финансовыми характеристиками деятельности компании, в частности с левэриджем (англ. leverage) – кредитным плечом [12]. Влияние на «структуру собственности» рассматривается как один из процессов целенаправленного повышения эффективности предпринимательской деятельности коммерческих корпораций.

Динамизм состава акционеров определяется факторами, которые можно про-

гнозировать с разной степенью уверенности: колебаниями спроса и предложения на рынке эмиссионных ценных бумаг, а также действиями плановыми, целенаправленными, в том числе совершаемыми органами управления корпораций и государством. Компаративный экономико-правовой анализ показывает: если содержание законодательства, наделяющего правами миноритарных акционеров, рассматривать как постоянную, то концентрация большого количества акций в руках акционеров и состав советов директоров предстают перед исследователем как переменные [13]. Законодатель, устанавливая жесткие правила, гарантирующие интересы мелких акционеров, снижает концентрацию капитала.

В информационную эпоху «структуру собственности» можно менять, а корпоративное управление осуществлять [14], не выходя из дома – с использованием цифровых сервисов.

Подвижность состава членов корпорации (акционеров) является одним из ключевых признаков такого класса хозяйственных обществ, как акционерные общества. Это реальность, игнорировать которую невозможно.

Динамике состава акционеров сопутствует его низкая прозрачность для любых третьих лиц. Если мы говорим о российском правопорядке, в котором хозяйственные общества (п. 4 ст. 66 ГК РФ) представлены двумя организационно-правовыми формами юридических лиц – акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью, вывод будет однозначным: уровень прозрачности состава их участников серьезно отличается. Состав акционерных обществ почти всегда непрозрачен для других участников гражданского оборота. Состав участников обществ с ограниченной ответственностью, размер и номинальная стоимость принадлежащих им долей в уставном капитале могут быть в любой момент определены на основании данных Единого государственного реестра юридических лиц. Сведения

из этого реестра представляются бесплатно¹ в любой момент времени цифровым сервисом².

Современные исследования, основанные на обширных наблюдениях за состоянием корпоративного законодательства и качественным составом участников корпораций, свидетельствуют о высокой подвижности корпуса акционеров в большинстве правопорядков. Российский уголовный закон, относящий работников акционерных обществ, контролируемых государством, к числу лиц, могущих совершить должностные преступления, ориентирован на стабильность субъектного состава участников корпораций. Это свидетельствует о конфликте посылок, заложенных в основу норм российского корпоративного и уголовного законодательства.

Советская правовая доктрина, определявшая ход законотворческой работы, продукты которой предназначались для внутреннего потребления, игнорировала многие закономерности экономических отношений, характерных для буржуазного общества. Замкнутость системы приводила к упрощению правил, по которым она функционировала. Частью этой традиции была возможность игнорировать существование модели коммерческой корпорации. Однако на сегодняшний день коммерческие корпорации являются основными участниками экономических отношений в России, а значит, при разработке норм публичного права без глубокого знания постулатов корпоративного права не обойтись. Знание норм корпоративного права, а главное – практики их

применения, вырабатываемой при осуществлении экономического правосудия, играет роль необходимой предпосылки для выработки норм публичного права. Понимания общих закономерностей функционирования акционерных обществ в данном случае недостаточно: междисциплинарный характер знания обуславливает особые требования к составу коллектива разработчиков проектов законодательных актов, способных к аккуратному использованию терминологического аппарата, а главное, имеющему опыт теоретической и практической работы, позволяющий строить прогнозы применения предлагаемых новелл.

Как отмечают В.В. Богдан и М.Н. Урда, толкование дефиниций, оценка юридических фактов и содержания правовых предписаний могут отличаться у представителей частноправовых и уголовно-правовых наук [15, с. 632]. Анализ определения понятия должностного лица, содержащегося в уголовном законе, позволяет утверждать, что данная характеристика в полной мере относится и к разработчикам правовых новелл, использовавшим гражданско-правовую терминологию без глубокого погружения в значение соответствующих категорий.

Цель настоящего исследования – на основе анализа решения законодателя об отнесении работников хозяйственных обществ, контролируемых публично-правовыми образованиями, к числу субъектов должностных преступлений и релевантной правоприменительной практики выявить институциональную причину возникновения сбоев в межотраслевом взаимодействии правовых норм и определить стратегию их предотвращения в будущем.

Методология

Постановка научной проблемы стала результатом использования метода правового наблюдения, позволившего определить основные сложности применения уголовного закона о должностных преступлениях работников акционерного

¹ Пункт 1 ст. 7 и подп. «д» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3431.

² Предоставление сведений из ЕГРЮЛ / ЕГРИП в электронном виде. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 22.02.2025).

общества, ставшие результатом дефектов конструирования норм. Эмпирическим материалом послужили акты судов общей юрисдикции, вынесенные в различных регионах Российской Федерации за последние четыре года. Формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-исторический и системно-правовой методы, а также метод правового прогнозирования позволили сделать выводы, предложенные научной обществу.

Результаты и их обсуждение

В одной из редакций¹ легального определения должностного лица, содержащегося в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, речь шла о должностных лицах, выполняющих свои функции в «акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям». Использование лишних слов в законах приветствовать нельзя: не случайно «пакетов акций» нормы кодифицированного гражданского закона не упоминают. Тем не менее о «пакетах акций» идет речь в целом ряде специальных норм отдельных законов², в том числе и в п. 6

ст. 28 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ (далее – Закон об АО). Нормы о «контрольных пакетах акций» встречаются преимущественно в актах бюджетного правотворчества⁴.

Закономерность следующая: словосочетание «пакет акций» появляется там, где речь идет об интересах публично-правовых образований, как правило, Российской Федерации. У ведомственных речевых клише получается «просочиться» в законопроект в процессе его разработки до поступления в парламент, когда министерский аппарат имеет наибольшее влияние на формулируемые нормы.

В действительности акции торгуются не только «пакетами», их можно продавать и покупать, если нужно, поштучно. Отмеченная выше подвижность состава акционеров и возможность продать «пакеты акций» по частям – две стороны одного целого.

«Пакеты акций» в действующем уголовном законе не упоминаются, вместо них в определении должностного лица появились «голоса». Речь идет о голосах в высшем органе управления хозяйственными обществами, которыми публично-правовое образование имеет право прямо или косвенно распоряжаться. Голосов должно быть более пятидесяти процентов, а право ими «распоряжаться»,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015, № 29, ч. I, ст. 4391.

² Статьи 5, 23, 24 Федерального закона от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 26, ст. 3033); статья 1 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 50-ФЗ «О приобретении Правительством Российской Федерации у Центрального банка Российской Федерации обыкновенных акций публичного акционерного общества “Сбербанк России” и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Фе-

дерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12, ст. 1642), статья 33 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 13, ст. 1177).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2000 г. № 150-ФЗ «О федеральном бюджете на 2001 год» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 1, ч. I, ст. 2); Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2002 год» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3016).

как решили разработчики нормы уголовного закона, может осуществляться прямо или косвенно (через подконтрольных лиц). Думается, построенная в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ модель корпоративного управления основана на упрощенном, строго иерархическом понимании корпоративного контроля в холдинге.

Покажем, как недостатки нормы-дефиниции должностного лица ведут к серьезным системным ошибкам, а на дистанции времени могут оказать существенное негативное влияние на всю российскую экономику.

Количество акционеров и количество голосов – это не одно и то же. В непубличном акционерном обществе уставом могут быть предусмотрены ограничения количества голосов, предоставляемых одному акционеру (п. 3 ст. 11 Закона об АО). Это означает, что наличие более пятидесяти процентов акций не всегда гарантирует принятие решений, в которых заинтересован мажоритарный акционер, поскольку у него нет нужного числа голосов. По сути, это способ демократизации процедуры управления корпорацией, «механизм защиты миноритарных акционеров от сверхконсолидации акционерного капитала» [16, с. 196].

Наличие акций не всегда дает право голоса при разрешении вопросов повестки дня общего собрания участников корпорации. Например, голоса заинтересованных лиц не учитываются при одобрении сделок с заинтересованностью (п. 4 ст. 83 Закона об АО). Привилегированные акции по общему правилу не дают право голоса на общем собрании акционеров (п. 1 ст. 32 Закона об АО), но есть ряд исключений, установленных императивными нормами закона. Если же речь идет о непубличных акционерных обществах, коих абсолютное большинство¹,

возможность голосовать для привилегированных акций может устанавливаться уставом юридического лица (п. 6 ст. 32 Закона об АО).

Очевидно, конструируя уголовно-правовую дефиницию, законодатель прибег к идее установления процента голосов, принадлежащих публично-правовому образованию, не погружаясь в указанные детали. Оперировать терминами «обыкновенные акции», «привилегированные акции», «доли в уставном капитале» ему помешал масштаб замысла – стремление распространить нормы уголовного закона о должностных преступлениях на те хозяйственные общества, которые находятся не только под прямым, но и под косвенным контролем государства или муниципального образования.

Легальное определение должностного лица, приведенное в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, казалось бы, не должно оставлять вопроса о том, должно или нет право распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов в высшем органе принадлежать одному публично-правовому образованию. Однако обращение к судебной практике показывает, что существуют разночтения в понимании норм. Так, начальник службы наружных газопроводов непубличного акционерного общества признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере) и ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями) при вы-

акционерных обществ – 36 966 (70,18%), открытых акционерных обществ – 4 664 (8,85%), закрытых акционерных обществ – 10 198 (19,36%) // Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.01.2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/ (дата обращения: 22.02.2025).

¹ Согласно официальной статистической отчетности, общее количество зарегистрированных акционерных обществ на 1 января 2025 г. – 52 671, из них: публичных акционерных обществ – 843 (1,6%), непубличных

полнении трудовых функций¹. Основание, по которому сторона обвинения считала подсудимого соответствующим признакам должностного лица, а суд согласился со стороной обвинения – принадлежность двум² публично-правовым образованиям более 50% голосов в высшем органе управления. Правоприменитель допустил расширительное толкование нормы уголовного закона – дефиниции должностного лица, приведенной в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ. Использование законодателем в уголовно-правовом определении слов «имеет право» (а не «имеют право») применительно к распоряжению голосами тремя различными типами публично-правовых образований (Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями) при буквальном истолковании исключает возможность суммирования голосов, принадлежащих разным лицам³.

¹ Приговор Ленинского районного суда города Саратова, вынесенный 4 апреля 2024 г. по делу № 1-127/2024 // Ленинский районный суд г. Саратова: сайт. URL: https://leninsky--//sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=241490411&case_uid=a73c92b6-a3e5-4a15-8cd9-14cf95643d91&delo_id=1540006 (дата обращения: 22.02.2025); Апелляционное определение Саратовского областного суда от 10 октября 2024 г. по делу № 22-2184/2024 // Саратовский областной суд: сайт. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24096430&case_uid=f93ce760-3385-40bd-8fce-1ec173a3fa59&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.02.2025).

² Из приговора прямо следует, что акции принадлежат не одному, а двум публично-правовым образованиям – Российской Федерации (косвенно, в размере 47,98%) и муниципальному образованию «Город Саратов» (прямо, в размере 27,05%).

³ В первоначальной редакции законопроекта № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в части уточнения понятия “должностное лицо”» наблюдался обратный подход. Буквальное прочтение до-

Приведенная ситуация весьма симптоматична: на каждом из уровней – законодательном и правоприменительном – видна тенденция к расширительному пониманию должностного лица. Возникновение в правоприменительной практике колебаний относительно числа публично-правовых образований, которые могут контролировать хозяйственное общество, является хорошим подтверждением слабости идеи законодателя искать должностных лиц в коммерческой корпорации.

К уголовной ответственности за должностные преступления могут быть привлечены работники, не имеющие статуса государственного или муниципального служащего. Ещё до момента появления в легальной дефиниции должностного лица упоминания такого класса работодателей, как хозяйственные общества, представитель уголовно-правовой науки П.С. Яни отмечал, что «попытки выработать дефиницию должностного преступления, а равно должностного лица с использованием категории “служба” видятся с практической точки зрения лишёнными смысла» [17, с. 21]. Продолжим мысль: получается, идет ли речь о служебной функции или функции трудовой – разницы нет. А раз так, не следует дифференцировать работников и государственных (муниципальных) служащих. Следовательно, всех их оказывается целесообразно считать субъектами должностных преступлений?

Проблема разумных границ должностных преступлений разрасталась постепенно и вышла за рамки допустимых исключений в момент появления в легальной дефиниции должностного лица указания на особый класс организаций, обладающих гражданской правосубъектностью – государственные корпорации.

пускало суммирование голосов, принадлежащих разным публично-правовым образованиям. См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1013018-7> (дата обращения: 22.02.2025).

Такие госкорпорации, как «Ростатом»¹ и «Ростех»², наделенные публично-властными полномочиями [18, с. 132], хотя и являлись в силу указания закона некоммерческими организациями, но фактически изначально были призваны активно включаться в экономические отношения [19, с. 155]. Острый конфликт зон ответственности, компетенции и интересов государственных структур возник позже, когда в числе организаций, на сотрудников которых распространяется норма об уголовной ответственности должностных лиц, оказались хозяйственные общества.

Г.А. Есаков и И.С. Шиткина подчеркивают «нестабильность уголовно-правового статуса хозяйственного общества» [20, с. 29]: в одном годовом «сезоне» уголовная ответственность ее работников может наступать по нормам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), в другом – по нормам о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ). Границы должностных преступлений стали подвижными в темпоральном смысле: работник не может точно знать, в какой момент времени он станет специальным субъектом должностного преступления. Поскольку «структура собственности» в акционерном обществе подвижна, корпорация, еще вчера контролируемая частными лицом, сегодня может попасть под контроль государства.

¹ О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 317-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49, ст. 6078.

² О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федер. закон от 23 нояб. 2007 г. № 270-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 48, ч. II, ст. 5814.

Норма п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ, в той мере, в которой содержащееся в нем определение должностного лица позволяет относить к числу субъектов должностных преступлений работников хозяйственных обществ, не имеющих на законных основаниях права доступа к сведениям, подтверждающим наличие прямого или косвенного контроля публично-правового образования в отношении данного хозяйственного общества, на наш взгляд, не соответствует ч. 2 ст. 54 Конституции Российской Федерации.

Действительно, Конституционный суд Российской Федерации подчеркивает: «Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что ...его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет ограничивать его от иных противоправных, а тем более законных действий, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования»³. Данный вывод органа конституционного нормоконтроля базируется на содержании проверенного временем правового принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе).

Весьма вероятно, представления разработчиков норм уголовного закона о простоте получения сведений об активах граждан и корпораций, а также о контроле, осуществляемом одними участниками экономических отношений над другими, являются следствием когнитивного искажения, связанного с эвристикой доступности. В поле зрения современного потребителя информации часто попадают

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке: постановление Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2024 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 5, ст. 763.

сведения о «самых богатых людях», капитализации компаний и структуре холдингов. Лишь немногие знают, что в основу соответствующих публикаций ложится, как правило, информация косвенного или декларативного характера.

Вопрос о лицах, контролирующих корпорацию, оказывается неразрывно связанным с проблемой средств доказывания корпоративного контроля. Список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, составляется в соответствии с правилами законодательства Российской Федерации о ценных бумагах для составления списка лиц, осуществляющих права по ценным бумагам (п. 1 ст. 51 Закона об АО). Сообщения о проведении общего собрания направляются лицам, зарегистрированным в реестре акционеров, любым выбранным ими способом из числа предусмотренных уставом общества¹. Таким образом, исследование вопроса о том, принадлежат ли голоса на общем собрании акционеров публично-правовому образованию или любому иному участнику гражданского оборота, допускается только на основании данных реестра акционеров и только на определенный период.

В случае когда изучается возможность привлечения гражданина к уголовной ответственности, должна даваться оценка содержанию реестра акционерного общества на момент (моменты) совершения инкриминируемых деяний. Если ставится вопрос о косвенной «принадлежности» голосов, предметом исследования должны быть реестры акционеров всех акционерных обществ, контролируемых публично-правовым образованием, входящих в цепь связей, обеспечивающих корпоративный контроль.

Косвенный контроль субъекта гражданских правоотношений над хозяй-

ственным обществом определяется путем установления факта контроля над участниками подконтрольного общества, которые могут предопределять содержание выносимых решений общим собранием членов корпорации. Для понимания категории «контролирующее лицо» и «подконтрольное лицо» следует обратиться к п. 1 ст. 81 Закона об АО и подп. 24 и 25 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»². Содержание данных законодательных актов дает основания для вывода: наличие права у публично-правового образования косвенно (через подконтрольных лиц) распоряжаться голосами в составе общего собрания акционеров должно проверяться путем установления наличия у всех участников цепи контроля – не менее половины долей в уставном капитале (для обществ с ограниченной ответственностью) или акций (для акционерных обществ).

Ситуации, когда сторона защиты заявляет, что в материалах дела отсутствуют доказательства контроля со стороны публично-правового образования над акционерным обществом, работники которого обвиняются в совершении должностных преступлений³, совсем не обязательно означают, что таковых доказательств действительно нет. Тем не менее часто наблюдаемый в судебной практике выбор стратегии опровержения этих утверждений выглядит странно для юриста, обладающего познаниями в области корпоративного права. Ссылки на общее количество выпущенных акций и число акций, принадлежащих государству,

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17, ст. 1918.

³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 декабря 2022 г. № 77-3349/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

¹ Пункт 3.2 Положения Банка России от 16 ноября 2018 г. № 660-П «Об общих собраниях акционеров» (Вестник Банка России. 2019. № 3).

встречаются редко, при этом характеризуется в лучшем случае только одно звено корпоративного контроля, если он косвенный¹. В качестве доказательств принадлежности акций используются справки самих правообладателей или холдинговых компаний². Суды пользуются речевыми оборотами, выдающими производный характер документов, упоминая не точное число выпущенных акций и акций, принадлежащих публично-правовому образованию или контролирующему его лицу, а долю акций, не менее которой принадлежит государству³. Порой судами используется справочная информация о косвенном контроле, полученная от участника гражданского оборота, не имеющего какого-либо специального статуса⁴. Все это в условиях, когда федеральным законом установлено правило, согласно которому держателем реестра акционеров может быть только профессиональный участник рынка цен-

ных бумаг, имеющий лицензию (абз. 3 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», п. 4 ст. 97 ГК РФ)⁵.

Специальной нормой п. 3.13 ст. 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» установлено, что лицо, которое осуществляло ведение реестра, предоставляет сведения и имеющиеся у него документы, связанные с ведением им этого реестра, эмитенту (лицу, обязанному по ценным бумагам) по его требованию, Банку России, судам и арбитражным судам (судьям), при наличии согласия руководителя следственного органа – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, а также органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений в сфере экономики при наличии согласия руководителя указанных органов. Следует обратить внимание на то, что из всех правоохранительных органов, наделенных компетенцией проводить оперативно-розыскные мероприятия, законодательство о рынке ценных бумаг называет в числе субъектов, имеющих право получать сведения реестра акционеров, только органы внутренних дел. Однако содержание легального определения должностного лица, находящегося в уголовном законе, действует наоборот – работает как один из факторов, приводящих к доминированию государственного аппарата над хозяйствующими субъектами. Нарушения коммерческих организаций парадоксальным образом стали делом государственной важности, доказательством чему является наблюдаемое из содержания судебных актов участие в оперативных разработках сотрудников

¹ Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 27 апреля 2023 г. по делу № 1-53/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

² Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 5 июля 2022 г. по делу № 1-7/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 9 марта 2022 г. № 22-7/2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

⁴ Приговор Ленинского районного суда города Саратова, вынесенный 4 апреля 2024 г. по делу № 1-127/2024 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=home&rnd=0B8EBA107DD8DF0EDAFDF7F9CC008549> (дата обращения: 22.02.2025).

⁵ См. также п. 5 приказа ФСФР РФ от 7 июля 2009 г. № 09-25/пз-н «Об особенностях учета в реестре владельцев именных ценных бумаг акций акционерных обществ, принадлежащих на праве собственности Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17 сентября 2009 г. № 14804). URL: <https://base.garant.ru/12169707/> (дата обращения: 22.02.2025).

Федеральной службы безопасности. Решение о включении работников хозяйственных обществ в число лиц, несущих ответственность за совершение должностных преступлений, привело к тому, что коммерческие корпорации стали объектами пристального внимания системы органов государственной безопасности. С задачами этой системы [21, с. 37] такое развитие стратегии правоохранительной деятельности государства не согласуется.

Прямое управление государством конкретными хозяйственными обществами может осуществляться через возможность влиять на решения органов управления юридическими лицами. Изменение содержания законодательства меняет параметры всей системы корпоративного управления – именно это, как мы отмечали выше, показывают сравнительные экономико-правовые исследования. О нормах уголовного законодательства можно сказать ещё более категорично: установление подвижных границ должностных преступлений, создающее неопределенность в вопросе о том, к чьей компетенции относится раскрытие коррупционных преступлений, совершенных работниками хозяйственных обществ – образуют крайне неблагоприятную среду для осуществления корпоративного управления хозяйственными обществами.

Содержание легального определения должностного лица, относящего к числу субъектов должностных преступлений сотрудников хозяйственных обществ, контролируемых публично-правовыми образованиями, привело к необходимости применять нормы уголовного закона, сопрягая их значение с нормами корпоративного права. К сожалению, судьи судов общей юрисдикции далеко не всегда обладают необходимыми познаниями в данной области. Рассмотрение корпоративных споров считается сложным и весьма трудоемким процессом даже для судей арбитражных судов. Не случайно соответствующая категория дел была обособлена правотворцем путем установ-

ления специфики их рассмотрения в кодифицированном законе¹. У такого решения есть и когнитивная основа – необходимость специализации судей, отправляющих экономическое правосудие. Презумпция знания закона судом (лат. *jura novit curia*) в условиях чрезвычайной сложности и разветвленности норм позитивного права, уровня его динамизма не отвечает современным правовым реалиям – она стала фикцией. Обращение в процессе уголовного судопроизводства за правовыми заключениями специалистов [22] не является редкостью и, думается, нынешнее содержание определения понятия «должностное лицо» лишь способствует увеличению числа таких случаев.

Опыт использования категориального аппарата и специфических отраслевых конструкций гражданского права при разработке норм уголовного законодательства говорит о невозможности последовательного решения проблем противодействия беловоротничковой преступности за счет прямого заимствования цивилистических конструкций и терминов. Внесение в различные законодательные акты изменений, не согласующихся на концептуальном уровне, имеет когнитивную подоплеку. Оно является следствием сложившейся в отечественной системе правотворчества ситуации, когда разработка законопроектов рассматривается как прерогатива государственных структур, отвечающих за правоприменение в соответствующих областях. Прогноз последствий за границами данных областей закономерно оказывает-

¹ Глава 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам» была введена в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012) Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3642).

ся не по силам государственным ведомствам.

Процедуры коллективного познания действительности могут способствовать кардинальному улучшению ситуации. В современном механизме законодательства отсутствует орган, выполняющий функции общего «фильтра законопроектов», который исключал бы поступление в парламент документов, если в них прослеживается концептуальное несоответствие правовой политике и интересам общества. Особенно это касается регулирования и охраны экономических отношений, находящихся на стыке частного и публичного права. Об эффективности такого «фильтра законопроектов» – юристентага (Juristentag), работающего в германской юрисдикции, сообщалось Е.А. Сухановым [23]. Замечены аналогии в работе юристентага и Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [24]. Однако этот Совет, обеспечивающий связь юридической науки, правотворчества и правоприменения [25, с. 102], занимается лишь цивилистической проблематикой.

Выводы

Следует ли видеть в стирании границ между преступлениями против инте-

ресов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ) и преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ) осознанное решение правотворца, основанное на наблюдениях за процессами, происходящими в экономической жизни общества, или ситуативное решение проблемы ухода от уголовной ответственности за коррупционные нарушения сотрудников крупных коммерческих корпораций с государственным участием – можно спорить. Совершенно точно, назревшей необходимостью является создание из представителей юридического сообщества органа, который выполнял бы функции «фильтра законопроектов».

Макроэкономические последствия изменения правовых норм поддаются прогнозированию на основе наблюдений за отечественным и иностранным опытом. Они требуют применения сложных статистических методов, готовность к использованию которых представителями правовой науки пока низка. Следовательно, задачи мониторинга и прогнозирования экономических результатов действия правовых норм должны решаться также и независимыми представителями экономической отрасли знаний.

Список литературы

1. Korteling J.E., Toet A. Cognitive Biases // *Encyclopedia of Behavioral Neuroscience*. 2nd ed. Elsevier Science, 2022. P. 610–619. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809324-5.24105-9>
2. Богданов Д.Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 11. С. 102-123. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>.
3. Болдырев В.А. Юридические лица несобственники: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 656 с. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10937757>.
4. Сеницын С.А. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица // *Журнал российского права*. 2020. № 7. С. 40-51. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.079>.
5. Kumar V. One person company: Concept, issues and suggestions // *Corporate Law Adviser*. 2016. Vol. 132. P. 67-76.
6. Беляева И.Ю., Данилова О.В., Федотова М.А. Тенденции трансформации собственности и развитие корпоративных отношений в цифровой экономике // *Вестник Аст-*

раханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 7-16. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-7-16>.

7. Лосева О.В., Тазикина Т.В., Федотова М.А. Трансформация корпоративного управления и отношений собственности в цифровом обществе // Управленческие науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 55-67. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-55-67>.

8. Myers S.C. Capital structure // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 15, no. 2. P. 81-102. <https://doi.org/10.1257/jep.15.2.81>.

9. Анкудинов А.Б., Батаева Б.С. Структура собственности и рыночная стоимость: эмпирический анализ российских публичных компаний // Управленец. 2021. Т. 12, № 2. С. 35-45. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-3>.

10. Алексеева Л.В., Березинец И.В., Ильина Ю.Б. Концентрация собственности и дивидендная политика: исследование российских акционерных обществ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2011. № 3. С. 3-31.

11. Азарян Н.А. Исследование структуры акционерной собственности как фактора, влияющего на изменение стоимости компании // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2012. № 7(49). С. 45-53.

12. Brailsford T.J., Oliver B.R. Pua L.H.S. Theory and evidence on the Relationship between ownership structure and capital structure. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=181888 (дата обращения: 21.02.2025). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.181888>

13. Kim K.A., Kitsabunnarat-Chatjuthamard P., Nofsinger J.R. Large shareholders, board independence, and minority shareholder rights: Evidence from Europe // Journal of Corporate Finance. 2007. Vol. 13, no. 5. P. 859-880. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2007.09.001>.

14. Батаева Б.С. Развитие корпоративного управления с помощью сервисов электронного голосования // Управленческие науки = Management Sciences in Russia. 2020. Т. 10, № 2. С. 74-87. <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-74-87>.

15. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 628-657.

16. Безпрозванный В.И. Проблемы правового регулирования ограничения количества акций и голосов, принадлежащих одному акционеру // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 8(70). С. 196-202.

17. Яни П.С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10(924). С. 19-23.

18. Пожарский Д.В., Арапов А.Ю. Государственные корпорации в механизме публичной власти Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 130-134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-130-134>.

19. Ваславская И. Государственный акционерный капитал в структуре собственности государственных корпораций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 4. С. 152-163.

20. Есаков Г.А., Шиткина И.С. Должностные лица в хозяйственных обществах: новый подход // Уголовное право. 2022. № 1. С. 22-32. https://doi.org/10.52390/207158702022_1_22.

21. Есипов В.А. Понятие и основные модели органов государственной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, №3(24). С. 35-41.

22. Гаврилов Э. Право суда запрашивать заключения по правовым вопросам, несмотря на наличие в римском праве принципа *jura novit curia* // Хозяйство и право. 2017. № 4(483). С. 26-32.

23. Суханов Е.А. Реформой вещного права мы замахнулись на основу основ // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 1. С. 7-28.

24. Болдырев В.А. Обратная связь в регулировании правоотношений // Российское правосудие. 2022. № 6. С. 5-11. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.5-11>.
25. Белецкий И.А., Миронова Г.Н. Криминализация фактического контроля юридического лица: от идеи к ее реализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93). С. 100-105.

References

1. Korteling J.E., Toet A. Cognitive Biases. Encyclopedia of Behavioral Neuroscience. 2nd ed. Elsevier Science, 2022. P. 610-619. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-809324-5.24105-9>.
2. Bogdanov D.E. Postmodernity in Russian private law: interaction of legal and judicial doctrine. *Lex russica*. 2021;74(11):102-123. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>.
3. Boldyrev V.A. Non-owner legal entities. Moscow: Yurlitinform; 2014. 656 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.10937757>.
4. Sinitsyn S.A. Features of ownership structure and corporate governance in a one-man company. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(7):40-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.079>.
5. Kumar V. One person company: concept, issues and suggestions. *Corporate Law Adviser*. 2016;132:67-76.
6. Belyaeva I.Yu., Danilova O.V., Fedotova M.A. Trends of property transformation and development of corporate relations in digital economy. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2020;(1):7-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2020-1-7-16>.
7. Loseva O.V., Tazikhina T.V., Fedotova M.A. Transformation of corporate governance and property relations in a digital society. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2020;10(1):55-67. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-55-67>.
8. Myers S.C. Capital structure. *Journal of Economic Perspectives*. 2001;15(2):81-102. <https://doi.org/10.1257/jep.15.2.81>.
9. Ankudinov A.B., Bataeva B.S. Capital structure and market capitalization: Empirical analysis of Russian public companies. *Upravlenets – The Manager*. 2021;12(2):35-45. (In Russ.) <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-2-3>.
10. Alekseeva L.V., Berezinets I.V., Ilyina Yu.B. Ownership concentration and dividend policy: a study of Russian joint-stock companies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2011;(3):3-31. (In Russ.)
11. Azaryan N.A. Research of the structure of shareholder ownership as a factor influencing the change in the company value. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2012;(7):45-53. (In Russ.)
12. Brailsford T.J., Oliver B.R., Pua L.H.S. Theory and evidence on the relationship between ownership structure and capital structure. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=181888 (accessed: 21.02.2025). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.181888>.
13. Kim K.A., Kitsabunnarat-Chatjuthamard P., Nofsinger J.R. Large shareholders, board independence, and minority shareholder rights: Evidence from Europe. *Journal of Corporate Finance*. 2007;13(5):859-880. <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2007.09.001>
14. Bataeva B.S. Corporate governance development with e-voting services. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia*. 2020;10(2):74-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-2-74-87>.

15. Bogdan V.V., Urda M.N. Surrogacy & human trafficking: interbranch conflict. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;(58):628-657. (In Russ.)
16. Bezprozvanny V. Law regulation of limit of quantity shares and voices, which could belong to one shareholder. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = RSUN/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2011;(8):196-202. (In Russ.)
17. Yani P.S. Classification of crimes of officials: overcoming theoretical discrepancies. *Zakonnost' = Legality*. 2011;(10):19-23. (In Russ.)
18. Pozharsky D.V., Arapov A.U. State corporations in the mechanism of public power of the Russian Federation. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2022;28(4):130-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-284-130-134>.
19. Vaslavskaya I. State share capital in the ownership structure of state corporations. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008;(4):152-163. (In Russ.)
20. Esakov G.A., Shitkina I.S. The officials in joint stock and limited liability companies: the new approach. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2022;(1):22-32. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2022_1_22
21. Esipov V.A. Concept and basic models of state security agencies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceeding of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2017;7(3):35-41. (In Russ.)
22. Gavrilov E. The right of the court to request opinions on legal issues, despite the presence of the principle of jura novit curia in Roman law. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*. 2017;(4):26-32. (In Russ.)
23. Sukhanov E.A. With the reform of property law we have encroached on the very foundations of everything. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga = Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District*. 2015;(1):7-28. (In Russ.)
24. Boldyrev V.A. Feedback in the regulation of legal relations. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*. 2022;(6):5-11. (In Russ.) <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2022.6.5-11>.
25. Beletsky I.A., Mironova G.N. Criminalization of de facto control over a legal entity: from idea to its implementation. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;30(2):100-105. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Болдырев Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: vabold@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1454-6886

Vladimir A. Boldyrev, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, North-Western Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Saint Petersburg, Russian Federation; Professor of the Department of Legal Support of Market Economy, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: vabold@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1454-6886

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.65

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>**Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом:
пределы и механизмы защиты****Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²✉**¹Президентская академия

пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва 119602, Российская Федерация

² ИТ АЛЪЯНС

ул. Климашкина, д. 21, помещ. 3/П, г. Москва 123557, Российская Федерация

✉ e-mail: 491899@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретико-правового осмысления наследственного договора как относительно нового для российской правовой системы института, включённого в гражданское законодательство в 2019 году. Несмотря на его закрепление в статье 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, правовая природа и конструктивные особенности наследственного договора продолжают вызывать научные споры и практические затруднения. Отсутствие устоявшейся судебной практики, неопределённость в вопросах ответственности сторон, допустимости одностороннего отказа, а также соотношения с завещанием как классической формой распоряжения имуществом на случай смерти – всё это предопределяет потребность в доктринальном анализе. Особенно важна задача выработки правовых механизмов, способных обеспечивать баланс интересов сторон без нарушения принципов гражданского права, включая свободу договора и неприкосновенность собственности.

Целью статьи является раскрытие правовой природы наследственного договора, выявление его доктринальных и практических противоречий, а также формирование предложений по совершенствованию правового регулирования.

Задачи исследования включают: анализ правовой природы наследственного договора, оценку доктринальных позиций и судебной практики, выявление внутренних противоречий статьи 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и разработку предложений по оптимизации механизмов ответственности и договорного баланса.

Методология основана на формально-юридическом, сравнительно-правовом и логико-догматическом подходах, позволивших выявить правовые коллизии, оценить зарубежные модели и обосновать необходимость диспозитивной корректировки института наследственного договора.

Результаты исследования подтвердили самостоятельный характер наследственного договора, опровергли его притворность, выявили пробелы в судебной практике, предложили модель диспозитивного обеспечения обязательств и обозначили направления гармонизации статьи 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с принципами гражданского права.

Выводы подтвердили необходимость нормативного и доктринального переосмысления наследственного договора как правовой формы, требующей диспозитивной корректировки и судебной конкретизации механизмов ответственности за его одностороннее нарушение.

Ключевые слова: наследственный договор; односторонний отказ; компенсация убытков; обременение имущества; обеспечение обязательств; наследственные отношения.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Емелина Л.А., Яворский С.А. Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом: пределы и механизмы защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 75–87. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>.

Поступила в редакцию 25.06.2025

Принята к публикации 16.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Inheritance agreements and freedom to dispose of property: limits and protection mechanisms

Ludmila A. Emelina ¹✉, Sergey A. Yavorsky ²

¹ Presidential Academy

82 Vernadskogo Ave., Moscow 119602, Russian Federation

² IT ALLIANCE

21 Klimashkina Str., premises. 3/P, Moscow 123557, Russian Federation

✉ e-mail: 491899@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the need for theoretical and legal understanding of the inheritance contract as a relatively new for the Russian legal system institute included in the civil legislation in 2019. Despite its enshrinement in Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the legal nature and constructive features of the inheritance contract continue to cause scientific disputes and practical difficulties. The lack of established judicial practice, uncertainty in the issues of liability of the parties, admissibility of unilateral refusal, as well as correlation with the will as a classic form of disposition of property in case of death - all this predetermines the need for doctrinal analysis. Especially important is the task of developing legal mechanisms capable of balancing the interests of the parties without violating the principles of civil law, including freedom of contract and inviolability of property.

The purpose of the article is to reveal the legal nature of the inheritance contract, to identify its doctrinal and practical contradictions, as well as to formulate proposals to improve legal regulation.

The objectives of the study include the analysis of the legal nature of the inheritance contract, assessment of doctrinal positions and judicial practice, identification of internal contradictions of Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the development of proposals to optimize the mechanisms of liability and contractual balance.

The methodology is based on formal-legal, comparative-legal and logical-dogmatic approaches, which allowed to identify legal conflicts, evaluate foreign models and justify the need for dispositive adjustment of the institute of inheritance contract.

The results of the study confirmed the independent nature of the inheritance contract, disproved its sham, identified gaps in judicial practice, proposed a model of dispositive security of obligations and outlined the directions of harmonization of Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation with the principles of civil law.

The conclusion confirmed the need for normative and doctrinal rethinking of the inheritance contract as a legal form that requires dispositive adjustment and judicial specification of liability mechanisms for its unilateral breach.

Keywords: inheritance contract; unilateral refusal; compensation of losses; encumbrance of property; security of obligations; inheritance relations.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Emelina L.A., Yavorsky S.A. Inheritance agreements and freedom to dispose of property: limits and protection mechanisms. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):75–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>.

Received 25.06.2025

Accepted 16.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ) относят к категории двусторонних договоров, заключаемых между будущим наследодателем и наследником или наследниками. Данный институт был

введён в российское законодательство с 1 июня 2019 г.¹ и считается революцией

¹ О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ; послед. ред. //

института гражданского права [1, с. 923]. Несмотря на формальную новизну наследственного договора в российской правовой системе, его исторические корни прослеживаются до постклассического римского права, где *pactum fiduciae* выполняло схожую функцию, что ставит под сомнение утверждение о полной оригинальности современного подхода [2, с. 82].

Задачей договора является распределение взаимных обязательств, определяющих после смерти наследодателя условия перехода имущества, а обязательства сторон начинают исполняться еще при жизни наследодателя. В этом и заключается отличие наследственного договора от завещания, относимого к односторонней сделке. Существующим риском для наследника является возможность наследодателя подарить наследственное имущество третьим лицам, тем самым обесценив заключенный ранее договор. Кроме того, наследодатель может в одностороннем порядке расторгнуть договор (ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ), компенсировав стороне только фактические убытки. Стоит отметить, что данная норма закрепляет возможность одностороннего отказа наследодателя от исполнения договора при условии компенсации понесенных наследником убытков. В судебной практике актуальность проблемы реализации этой нормы редко поднимается, а её системное толкование остаётся неустоявшимся.

Методология

Методология исследования основывалась на комплексном применении формально-юридического, сравнительно-правового, системного и логико-догматического методов, что позволило авторам всесторонне проанализировать природу наследственного договора как правового

института. Формально-юридический метод был использован для выявления коллизий между диспозитивными нормами ст. 1140.1 ГК РФ и фундаментальными принципами гражданского права, в частности правомочиями собственника. Сравнительно-правовой подход дал возможность сопоставить отечественную модель наследственного договора с правовыми конструкциями, закреплёнными в законодательствах Германии, Швейцарии, Австрии и ряда других стран, с целью выявления универсальных и уникальных черт. Системный анализ позволил установить взаимосвязь норм наследственного и обязательственного права, а логико-догматический метод способствовал доктринальному разграничению понятий притворности, безвозмездности и договорного баланса. Такое методологическое основание обеспечило обоснованность предложений по гармонизации судебной практики и развитию диспозитивных механизмов ответственности в рамках наследственного договора.

Результаты и их обсуждение

Логическим продолжением научных споров о природе наследственного договора является анализ допустимости сохранения за наследодателем права свободного распоряжения имуществом, на что обоснованно указывают А.В. Ерлинг и Д.Д. Соловьев, связывая это с нарушением устойчивости правоположения наследника и девальвацией сути наследственного договора. Их доктринальные позиции акцентируют внимание на том, что положения ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, позволяющие наследодателю совершать любые сделки с имуществом, нарушают баланс интересов, ввиду чего «наследник находится вдвойне в неустойчивом положении» [3, с. 90] и такое обстоятельство лишает сам наследственный договор всякого смысла. Однако принцип свободы собственности (ст. 209 ГК РФ) несовместим с попытками ограничить права наследодателя. Существующее регулиро-

КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302862/ (дата обращения: 27.04.2025).

вание наследственного договора порождает реальную угрозу смещения интересов в пользу наследодателя, особенно с учетом предоставленного ему широкого усмотрения при установлении условий. Именно поэтому юридическая конструкция должна быть дополнена гарантированными механизмами защиты интересов второй стороны, такими как неустойка и поручительство, которые способны сгладить диспаритет и обеспечить равновесие при исполнении обязательств [4, с. 82].

Эта дилемма повторяется в дискуссиях о природе смежных конструкций: «летат, будучи обязательственным правом, не создает вещного обременения, так как он не следует за имуществом при отчуждении» [5, с. 6].

Исследователи обоснованно предупреждают, что предоставление наследодателю неограниченной свободы в распоряжении имуществом по наследственному договору без учёта механизмов предотвращения злоупотреблений может создавать значительные риски в правоприменительной практике [6, с. 71].

Тем не менее наследник имеет право включить в договор условие о неустойке за отчуждение имущества. Если имущество будет впоследствии отчуждено, то на основании ст. 1112 ГК РФ наследник может требовать возмещения стоимости из наследственной массы. Стоит учитывать тот факт, что российский законодатель в данном случае отказался от жестких форм ограничений в пользу гибкости, в связи с чем подобные трудности с имуществом могут решаться через договорные условия, а не императивные запреты.

Принимая во внимание гибкость регулирования наследственного договора и отказ законодателя от жестких ограничений распоряжения имуществом, представляется целесообразным обратиться к анализу правовой природы самого договора, в частности к выдвинутой кандидатом наук Н. С. Бессарабом концепции его притворности при отсутствии взаимности

обязательств сторон. В правовом анализе указанного исследования обращается внимание на то, что «наследственный договор стоит считать притворной сделкой» [7, с. 79]. Основанием подобного тезиса служит идея, что при отсутствии взаимности обязательств сторон, когда наследодатель обязан, а наследник лишь приобретает права, договор утрачивает характер двусторонней сделки. Такая ситуация делает возможным его восприятие как завещания, прикрытого договорной формой, что порождает риск признания сделки притворной на основании ст. 170 ГК РФ.

На фоне неоднозначности в толковании правовой сущности наследственного договора важно учитывать, что в отличие от завещания он представляет собой взаимосогласованную двустороннюю сделку, правовые последствия которой зависят не только от воли наследодателя, но и от действий наследополучателя [8, с. 132].

Стоит также отметить, что стороны договора самостоятельно определяют его условия, согласно положению п. 3 ст. 421 ГК РФ. Следовательно, безвозмездность договоров не может быть исключена как из института наследственного договора, так и из общей теории договорного права. Кроме того, притворность подразумевает наличие скрытой сделки, а не отсутствие сбалансированности обязательств сторон: в данном случае такой дисбаланс является законным и не прикрывает завещание. Таким образом, обязательственная односторонность является особенностью конструкции наследственного договора и не может создавать притворности, равно как и договор дарения, являющийся также односторонне исполняемым договором. Это означает, что с точки зрения гражданского права было бы некорректно и ошибочно приравнивать наследственный договор к притворной сделке.

Отвергнув доводы о притворности наследственного договора, научная дис-

куссия логично переходит к анализу правовых последствий установления ограничений на обременение имущества, что находит отражение в критике федерального регулирования. На уровне теоретического обобщения высказывается тезис о том, что федеральный законодатель совершил серьёзную правовую ошибку, установив «запрет на обременение имущества, являющегося предметом наследственного договора» [7, с. 79]. Отсылая читателя к норме ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, Н.С. Бессараб упускает то обстоятельство, что запрет может ограничить право собственности наследника (ст. 209 ГК РФ).

Системная критика затрагивает противоречие между конституционной свободой собственности, закреплённой в ст. 35 Конституции РФ, и жесткой регламентацией наследственных обязательств. В этом аспекте С.Н. Гаджиева справедливо подчёркивает, что п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ содержит жёсткое правовое предписание, не допускающее вариативности условий наследственного договора по усмотрению его участников, что снижает гибкость регулирования в частноправовых отношениях [9, с. 664]. Это указывает на нормативную приоритетность публичных интересов над договорной автономией.

Вероятнее всего, данное обстоятельство спровоцирует риски злоупотреблений со стороны наследника, который получил бы возможность требовать реализации имущества при жизни наследодателя.

В целом зарубежная практика демонстрирует тот факт, что эффективность наследственного договора тесно связана с ограничением свободы распоряжения имуществом, принадлежащим наследодателю, после заключения договора. Особенно это касается случаев, когда договор наделяет наследника определёнными правами с момента его подписания.

В правовых конструкциях зарубежных стран существуют модели, предусматривающие обременение наследственного имущества. В германском праве наследственный договор (Erbvertrag, § 1941 BGB) выступает инструментом ограничения распоряжения имуществом, налагая запрет на его отчуждение при жизни наследодателя и требуя регистрации условий договора с целью сохранения объекта наследования в натуре.

Швейцарское законодательство (ст. 494 Гражданского кодекса) ограничивает продажу наследственного имущества в течение определённого срока.

Австрийское право (§ 1249 ABGB) и Гражданский кодекс Чехии (ст. 1475) обязывают наследника нести бремя содержания имущества, а его нарушение может позволить наследодателю оспорить переход прав. Передача имущества третьим лицам запрещена. Законы некоторых штатов (например, Калифорния) обременяют наследственные договоры (inheritance agreements) через условные завещания или трасты: например, наследник может вступить в права наследования только в случае проживания в доме.

В Литве и Латвии (ст. 648 Гражданского закона) правовая конструкция обременения тяготеет к залогу, однако такое положение противоречит положениям ст. 209 ГК РФ, гарантирующим свободу договора.

В контексте конституционного принципа охраны права наследования доверительное управление выступает как правовой инструмент, способствующий обеспечению сохранности имущества в рамках наследственного правопреемства и минимизации рисков его обесценивания при переходе к наследникам [10, с. 45].

Подобные механизмы в отечественном законодательстве могут внедряться через специальные обеспечительные меры, к которым может относиться, например, страхование ответственности на-

следника, что не нарушит принцип свободы распоряжения. Кроме того, стоит рассмотреть такие инструменты, как неустойка и поручительство, также не требующие обременения имущества. Этот вывод подтверждает положение ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, которое действительно запрещает ограничения распоряжения имуществом, однако не воспрепятствует обеспечению обязательства наследника, которое может быть добровольным. Более аргументированной была бы предложенная дифференциация обременений имущества и обеспечения обязательств, которую Н.С. Бессараб не проводит.

После рассмотрения возможностей обеспечения исполнения условий наследственного договора без нарушения свободы распоряжения имуществом целесообразно перейти к обсуждению иных доктринальных позиций, касающихся момента возникновения наследственных прав и принципа стабильности договорных обязательств. В рамках специализированной научной дискуссии кандидатом наук Н.Г. Шатверян в совместной работе с Е.А. Сбитневой аргументируется, что «права наследников на имущество возникают со дня смерти наследника, а не с момента принятия наследства» [11, с. 50], и считают это положительным моментом наследственного договора. Также Т.В. Конопляникова, ссылаясь на ст. 310 ГК РФ, убеждена «в недопустимости одностороннего отказа от договорных обязательств» [12, с. 251] в аспекте сохранения принципа неизменности наследственного договора.

Тем не менее ст. 1152 ГК РФ чётко устанавливает, что наследственные права возникают не автоматически, а требуют волеизъявления наследника в форме принятия наследства. Дискуссия о моменте возникновения наследственных прав дополняется анализом правовых последствий смежных институтов. Уточнение В.В. Богдан, что «постмортальный брак не порождает права наследования» [13, с. 114], акцентирует принципиальное от-

личие наследственного договора, где обязательства формируются при жизни наследодателя.

В силу ст. 1162 ГК РФ, даже при наличии наследственного договора, оформление прав осуществляется нотариусом в общем порядке путём выдачи свидетельства о праве на наследство. При этом п. 3 ст. 1140.1 ГК РФ прямо допускает возможность отказа от наследства, что логически исключает модель безусловного правопреемства. Следовательно, тезис Н.Г. Шатверян вступает в противоречие с установленной системой наследственного регулирования и может ввести в заблуждение относительно автоматизма перехода имущественных прав. Также необходимо учитывать, «что наследственная масса до ее принятия рассматривается в роли субъекта» [14, с. 73]: это обуславливает особый режим ответственности и управления имуществом до момента оформления наследственных прав.

Установив, что наследственные права по наследственному договору не возникают автоматически и требуют волеизъявления наследника, представляется обоснованным перейти к рассмотрению иной дискуссионной проблемы – допустимости одностороннего отказа от наследственного договора, вызывающей серьёзные споры в научной среде.

Одна из доктринальных конструкций призывает исключить из института наследственного договора возможность одностороннего отказа от договора, приравнивая это к категории кабальных сделок, ущемляющих права одной из сторон [7, с. 79]. Исследователи рассуждают о положениях ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, которые допускают в отношении наследодателя право на односторонний отказ, что соответствует норме ст. 209 ГК РФ, декларирующей принцип свободы распоряжения имуществом.

При таком взгляде учёных будет проигнорирован компенсационный механизм, когда наследодатель обязан возме-

ститут убытки наследникам, что обеспечивает баланс интересов и вводит в крайнюю степень переоценённости противоречия между принципом неизменности и действующим законодательством.

Кроме того, данный подход учёных является по своему содержанию кабальным и нарушает баланс интересов сторон, т. к. ситуация с момента подписания наследственного договора до момента смерти может кардинально измениться даже в плане отношений между сторонами договора. Диспозитивность права на односторонний отказ находит своё подтверждение в ст. 450.1 ГК РФ, а его предлагаемая отмена может привести к злоупотреблению со стороны наследника. Несмотря на формальное наличие данного права, его осуществление обременено сложной уведомительной процедурой, что может ограничивать эффективность правовой защиты наследодателя [15, с. 83] и противоречить принципу соразмерности, закреплённому в конституционной доктрине. В связи с этим можно рассматривать только ограничение права отказа при наличии встречных обязательств, но никак не полное исключение такого права.

Продолжая обсуждение допустимых границ диспозитивности в регулировании наследственного договора, целесообразно рассмотреть также предложения о введении ограничений на заключение последующих наследственных договоров, выдвинутые отдельными теоретиками. Так, кандидат наук М. В. Конохов предлагает в отношении одного и того же имущества ввести «ограничения действий наследодателя по заключению последующих наследственных договоров» [16, с. 119]. Указывая на п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, исследователь предлагает ограничить существующее право наследодателя. Правовая конструкция наследственного договора сопряжена с угрозой утраты наследства, если наследодатель, получив встречное исполнение, производит отчуждение имущества до открытия

наследства, оставляя наследника без предусмотренного договором объекта. Однако стоит учесть, что п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ был введён законодателем ради сохранения принципа свободы собственности и прижизненного распоряжения, а его отмена противоречит ст. 35 Конституции РФ. Во избежание подрыва принципов правовой определенности и стабильности гражданских правоотношений, следует нормативно утвердить правило, исключающее множественные обязательства относительно одного объекта, поскольку «одно и то же индивидуально-определенное имущество не может являться предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами», что соответствует требованию юридической предсказуемости и защите имущественных интересов участников [17, с. 49].

Таким образом, в данном аспекте мы видим целесообразность не во введении прямых запретов, а в применении обременяющих условий, таких как: залог, запрет на отчуждение, опцион. Это может потребовать доработки положений ст. 1140.1 ГК РФ, но не её отмены.

Исследовательская позиция доктора наук С.С. Шевчук, озвученная в контексте правового анализа собственности, предполагает, что законодатель уже отступил от принципа правового равенства, предоставив тем самым «наследодателю право на односторонний отказ от наследственного договора» [18, с. 77]. С точки зрения гражданского права наследственный договор можно отнести к сделкам особого режима: наследодатель может сохранить право собственности до самой смерти, а право на отказ (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) может быть компенсировано его обязанностью возместить причинённые им убытки наследнику, что уравнивает интересы сторон.

Исходя из аналогии семейного права, договор ренты (ст. 583 ГК РФ) позволяет получателю ренты также требовать её выплаты, но не может расторгнуть до-

говор без последствий. Такая логика вполне применима к условиям наследственного договора.

Поскольку аналогия с договором ренты демонстрирует наличие особого режима ответственности сторон в наследственном договоре, логичным продолжением научного анализа является рассмотрение позиции о его консенсуальной или формально-правовой природе. Исходя из анализа действующих норм и научных комментариев, кандидат наук Л.В. Осипова в соавторстве с Е.А. Тихоновой утверждают, что наследственный договор можно признать консенсуальным: он «считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям в надлежащей форме» [19, с. 193].

Представляется, что такой тезис не лишён спорности. Согласно п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ, наследственный договор вступает в силу исключительно при его нотариальном удостоверении, что указывает на его формально-правовую природу. Иными словами, юридические последствия возникают не в момент достижения соглашения, а лишь после соблюдения установленной формы. Избыточная формализация нотариального удостоверения становится источником практических коллизий в ситуациях, когда его реализация невозможна по объективным причинам, в частности для осуждённых, содержащихся в местах лишения свободы, которым нотариальные услуги фактически недоступны в силу организационных и институциональных барьеров [20, с. 61].

Подобная формализация прослеживается и в зарубежных правовых порядках: в частности, § 2274 BGB требует нотариального удостоверения для придания юридической силы наследственным соглашениям. Это подтверждает, что формальная природа рассматриваемой конструкции не является случайной, а носит системный характер, как в российской, так и в германской правовой традиции.

Поскольку формализация наследственного договора отражает общую правовую тенденцию обеспечения устойчивости наследственных отношений, возникает необходимость оценить аргументы о преимуществе завещания как альтернативной формы распоряжения имуществом на случай смерти. В рамках толкования правовой природы высказано мнение, что наследодателю вместо заключения наследственного договора следует «ограничиться составлением завещания, что, на наш взгляд, является более простой процедурой» [18, с. 77]: она не требует согласования интересов участников договора, а права завещателя будут защищены принципом тайны завещания. Такое суждение спорно по ряду причин. Безусловно, односторонняя сделка проще в техническом плане, однако утверждать относительно предпочтительности завещания по сравнению с договором весьма субъективно. Данная позиция никоим образом не раскрывает функциональных преимуществ наследственного договора. Кроме того, наследственный договор учитывает встречные обязательства, возложения, жизненные соглашения между родственниками, что не представляется возможным в рамках завещания. Анализируя природу наследственного договора, следует отметить, что его прозрачность в процессе регулирования семейных отношений и передачи имущества является не недостатком, а ценным качеством. Это особенно актуально при распоряжении бизнес-активами или общей собственностью. Тайна завещания, напротив, может вступать в противоречие с необходимостью соблюдения интересов обязательных наследников или супруга.

Проблема некорректной оценки активов характерна и для других наследственных механизмов. В литературе неоднократно подвергалась «критике судебная практика оценки права пожизненного проживания методом долгосрочного прогнозирования, игнорирующего лич-

ный и неотчуждаемый характер такого права» [21, с. 28].

В связи с этим утверждение о преимуществе завещания за счёт его тайны и упрощённой формы представляется научно необоснованным и носит оценочный характер. Таким образом, содержание тезиса не раскрывает значение наследственного договора как эффективного средства договорного урегулирования имущественных отношений между наследодателем и наследниками.

Хотя тайна завещания, по мнению С.С. Шевчук, создаёт риски для обязательных наследников, судебный прецедент (дело № 33-6473/2023) иллюстрирует доминирование наследственного договора в гражданском и корпоративном праве, однако неучтённые судом нормы о компенсации убытков при отказе наследодателя (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) актуализируют необходимость гармонизации семейного и наследственного законодательства. Ответственность наследодателя при отказе от исполнения наследственного договора нашла своё отображение в определении Тюменского областного суда от 11 декабря 2023 г.¹ В деле № 33-6473/2023 суд признал недействительными свидетельства о праве на наследство, выданные на основании завещания 2017 г., ввиду заключения между супругами в 2021 г. наследственного договора. Завещание и договор были признаны взаимоисключающими, а договор, оформленный в Германии, был признан действительным и распространяемым на имущество в России. Суд обоснованно

установил приоритет наследственного договора, однако оставил без оценки ключевой аспект – действия наследодателя в контексте положений п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ.

Согласно этой норме, при отказе от исполнения условий наследственного договора наследодатель обязан компенсировать убытки другой стороне. Составление нового завещания вопреки ранее заключённому договору может рассматриваться как фактический односторонний отказ от исполнения, влекущий юридические последствия. Однако суд не проверил наличие причинённых убытков, не исследовал, были ли исполнены обязательства стороной договора, и не связал данные обстоятельства с возможной ответственностью наследодателя.

Игнорирование положений п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ ослабляет правовую конструкцию наследственного договора, сводя его эффективность к простой формальности без механизма защиты сторон. Решения судов наглядно выявляют системную проблему: в юридической аргументации судов прослеживается односторонняя установка на защиту намерений наследодателя, при этом интересы наследника как стороны наследственного соглашения игнорируются, что делает такие договоры фактически асимметричными и потенциально оспоримыми в части соблюдения справедливости правового регулирования [22, с. 385]. При этом нормы ст. 12, 56 и 67 ГПК РФ обязывают суд исследовать все юридически значимые обстоятельства, что в данном случае сделано не было.

Таким образом, апелляционное определение формально обеспечило приоритет договора, но не решило проблему ответственности наследодателя за нарушение его условий. Для обеспечения единообразной практики требуется разъяснение Верховного Суда РФ о правовых последствиях одностороннего отказа от

¹ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.12.2023 по делу № 33-6473/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=g4&req=doc&cacheid=1519951A2A23FF9705618B25631B2E36&mode=backrefs&base=AOUR&n=7904178&rnd=1nbI9Q#06rWNjU67M6ofP4x> (дата обращения: 10.06.2025)

исполнения наследственного договора и применении механизма компенсации убытков.

Выводы

Настоящее исследование выявило фундаментальную коллизию между абсолютным характером права собственности наследодателя (ст. 209 ГК РФ) и обеспечением стабильности обязательств по наследственному договору (ст. 1140.1 ГК РФ), порождающую системные риски для наследника, чье положение характеризуется доктринальной двойственностью. Научная новизна заключается в преодолении традиционных дискурсов:

1) опровергнута концепция притворности договора из-за асимметрии обязательств путем демонстрации его функционального сходства с безвозмездными сделками (дарение), что подтверждает автономию института;

2) доказана невозможность механического заимствования зарубежных моделей обременения имущества (германский Erbvertrag, швейцарские ограничения) ввиду их несовместимости с конституционными гарантиями свободы распоряжения (ст. 35 Конституции РФ);

3) разработана оригинальная концепция «диспозитивного обеспечения», предлагающая замену имущественных ограничений гибкими неимущественными механизмами (специализированное страхование ответственности наследника,

условные неустойки, поручительства), которые не нарушают ядро правомочий собственника.

Критически значимым стал вывод о процессуальном нивелировании компенсационной функции п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, что подтверждается судебной практикой (дело № 33-6473/2023 Тюменского облсуда), где игнорирование обязанности возместить убытки при одностороннем отказе наследодателя трансформирует договор в декларативный инструмент. Для оптимизации правового режима требуется не ревизия базовых принципов (сохранение п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ обязательно), а системная гармонизация:

а) разработка Пленумом ВС РФ детализированных разъяснений о порядке доказывания и взыскания убытков по п. 10 ст. 1140.1;

б) стимулирование включения обеспечительных условий в договорную конструкцию через методические рекомендации нотариата;

в) имплементация в судебную практику подхода, связывающего приоритет наследственного договора над завещанием с обязательной проверкой компенсационного механизма.

Это обеспечит конституционный баланс между прижизненным суверенитетом собственника и защитой легитимных ожиданий наследника через диспозитивную синергию гражданско-правовых средств.

Список литературы

1. Хайманова А.О. Принцип свободы договора в наследственном договоре // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 22. С. 923-927.
2. Пожилых А.И. История наследственного договора // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5(12). С. 84-88.
3. Ерлинг А.В., Соловьев Д.Д. Сравнительно-правовой анализ наследственного договора в России и за рубежом // Modern Science. 2019. № 10-3. С. 87-91.
4. Гусейнова А.И. Некоторые вопросы формы и содержания наследственного договора // Закон и право. 2021. № 7. С. 80-82.

5. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смешение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5-9.
6. Братухина Е.В. Проблемы законодательного регулирования наследственного договора в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-4(103). С. 69-72.
7. Бессараб Н.С. Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2(94). С. 78-80.
8. Кирмикчи В.И., Агаджанян М.А. Наследственный договор как основание наследования // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2023. № 4. С. 131-138.
9. Гаджиева С.Н., Шалайкин Р.Н. Проблемы гражданско-правового регулирования наследственного договора // Аллея науки. 2021. Т. 2, № 5(56). С. 661-665.
10. Радченко И.В. Некоторые вопросы прекращения договора доверительного управления наследственным имуществом // Нотариальный вестник. 2022. № 7. С. 44-48.
11. Шатверян Н.Г., Сбитнева Е.А. Наследственный договор – выгода и риски // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 6(145). С. 48-51.
12. Коноплянникова Т.В. Принципы наследственного договора как института наследственного права // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 3(64). С. 248-253.
13. Богдан В.В. Брак Post Mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19, № 3. С. 106-124.
14. Емелина Л.А., Яворский С.А. Банкротство наследственной массы: проблемы правового регулирования и пути их решения // Банковское дело. 2024. № 7. С. 71-76.
15. Демьяненко Е.В. О наследственном договоре в российском гражданском законодательстве // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2(47). С. 81-85.
16. Конохов М.В. О некоторых правовых проблемах, возникающих при реализации института наследственного договора // Аграрное и земельное право. 2024. № 8(236). С. 117-120.
17. Ушаков Р.М. Наследственный договор как проявление гражданско-правового дозволения: юридическая природа, законодательная конструкция и возможные проблемы применения // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3(183). С. 46-50.
18. Шевчук С.С. Наследственный договор и его место в системе гражданско-правовых договоров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4(49). С. 73-78.
19. Тихонова Е.А. Наследственный договор как новое основание для наследования: понятие и характеристика // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 191-195.
20. Абовян Э.П., Ананьев О.Г. Проблемы наследственного права: завещание, совместное завещание, наследственный договор // Закон и право. 2022. № 5. С. 59-61.
21. Емелина Л.А., Яворский С.А. Пропорционально-ограниченный легат: новый подход к балансу интересов кредиторов и отказополучателей // Нотариус. 2025. № 2. С. 23-29.
22. Тарасова Е.А. Наследственный договор - ожидания и реальность... // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 379-387.

Reference

1. Khaimanova A.O. The principle of freedom of contract in the inheritance contract. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2020;(22):923-927. (In Russ.)
2. Pozhilykh A.I. History of the inheritance contract. *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy = Ural Journal of Legal Studies*. 2020;(5):84-88. (In Russ.)
3. Erling A.V., Solovyev D.D. Comparative legal analysis of the inheritance contract in Russia and abroad. *Modern Science*. 2019;(10-3):87-91. (In Russ.)
4. Guseinova A.I. Some questions of the form and content of the inheritance contract. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2021;(7):80-82. (In Russ.)
5. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Mixing the institutions of inheritance law and testamentary refusal: problems of theory and practice. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*. 2025;(2):5-9. (In Russ.)
6. Bratukhina E.V. Problems of legislative regulation of the inheritance contract in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2021;(1-4):69-72. (In Russ.)
7. Bessarab N.S. Legal regulation of the inheritance contract in the Russian Federation: current problems and solutions. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2020;(4-2):78-80. (In Russ.)
8. Kirmikchi V.I., Agadzhanian M.A. Inheritance contract as a basis for inheritance. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Vestnik of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2023;(4):131-138. (In Russ.)
9. Gadzhieva S.N., Shalaykin R.N. Problems of civil law regulation of the inheritance contract. *Alleya nauki = Science Avenue*. 2021;2(5):661-665. (In Russ.)
10. Radchenko I.V. Some issues of termination of the contract of trust management of inherited property. *Notarial'nyi vestnik = Notarial Bulletin*. 2022;(7):44-48. (In Russ.)
11. Shatveryan N.G., Sbitneva E.A. Inheritance contract – benefits and risks. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*. 2022;(6):48-51. (In Russ.)
12. Konoplyannikova T.V. Principles of the inheritance contract as an institution of inheritance law. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2023;(3):248-253. (In Russ.)
13. Bogdan V.V. Marriage Post Mortem: reflections on the draft law on the recognition of actual marital relations. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2024;19(3):106-124. (In Russ.)
14. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Bankruptcy of the inheritance estate: problems of legal regulation and solutions. *Bankovskoe delo = Banking*. 2024;(7):71-76. (In Russ.)
15. Demyanenko E.V. On the inheritance contract in Russian civil legislation. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2022;(2):81-85. (In Russ.)
16. Konokhov M.V. On some legal problems arising in the implementation of the institution of inheritance contract. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2024;(8):117-120. (In Russ.)
17. Ushakov R.M. Inheritance contract as a manifestation of civil law permission: legal nature, legislative structure and possible problems of application. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2020;(3):46-50. (In Russ.)

18. Shevchuk S.S. Inheritance contract and its place in the system of civil law contracts. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020;(4):73-78. (In Russ.)

19. Tikhonova E.A. Inheritance contract as a new basis for inheritance: concept and characteristics. In: *Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Jurisprudence in theory and practice: Current issues and modern aspects: collection of articles of the II International scientific and practical conference*. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.); 2019. P. 191-195. (In Russ.)

20. Abovyan E.P., Ananyev O.G. Problems of inheritance law: will, joint will, inheritance contract. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2022;(5):59-61. (In Russ.)

21. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Proportionally limited legacy: a new approach to balancing the interests of creditors and legatees. *Notarius = Notary*. 2025;(2):23-29. (In Russ.)

22. Tarasova E.A. Inheritance contract – expectations and reality.... *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Legal Almanac*. 2020;(3):379-387. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Емелина Людмила Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции юридического факультета им. М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Президентская академия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: urconsul1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2005-6135

Ludmila A. Emelina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Institute of Law and National Security, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation, e-mail: urconsul1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2005-6135

Яворский Сергей Анатольевич, юрист, ИТ АЛЪЯНС, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 491899@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2734-9708

Sergey A. Yavorsky, Lawyer, IT ALLIANCE, Moscow, Russian Federation, e-mail: 491899@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2734-9708

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-88-104>

Искусственный интеллект в судебном толковании права

М.А. Огарок¹ ✉

¹Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: ogarokmike@gmail.com

Резюме

Актуальность применения искусственного интеллекта в судебном толковании права обусловлена тем, что современные информационные технологии позволяют повысить качество и доступность правосудия на основе автоматизации не только рутинных операций по обработке данных, но также и смысловой обработки информации. Использование искусственного интеллекта в юридической интерпретации норм права обуславливает необходимость решения ряда научных задач, касающихся как правовых, так и технологических аспектов автоматической смысловой обработки данных с помощью когнитивных систем.

Целью данного исследования является определение пределов автоматизации процессов толкования и смысловой обработки информации в судебном толковании права, а также теоретических положений по созданию объяснимого искусственного интеллекта.

Задачи: установить теоретико-правовые основы использования объяснимого искусственного интеллекта в области юриспруденции; исследовать процессы представления и автоматизированной обработки нормативно-правовой информации в эвристических когнитивных системах и нейронных системах искусственного интеллекта; подготовить рекомендации по улучшению нормативно-правовой базы толкования законодательства с учетом возможностей применения объяснимого искусственного интеллекта.

Методология. Методологическую основу научного исследования составил диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности. В ходе разработки теоретических положений работы применялась совокупность общенаучных и частнонаучных исследовательских методов (формально-логические, прогностический, формально-юридический и др.) для решения междисциплинарной научной задачи определения теоретико-правовых основ применения объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции.

Результаты. Полученные результаты научного исследования обеспечивают возможность совершенствования нормативно-правовой и технологической базы, устанавливающей принципы использования объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции.

Вывод. Теоретико-правовой основой применения объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции при толковании законодательства и смысловой обработке информации является научно-методический аппарат верификации правил продукции эвристических систем искусственного интеллекта и вербализации искусственных нейронных сетей.

Ключевые слова: толкование законодательства; объяснимый искусственный интеллект; искусственная нейронная сеть; структура правовой нормы; вербализация нейронной сети.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 88–104. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-88-104>.

Поступила в редакцию 29.04.2025

Принята к публикации 26.06.2025

Опубликована 29.08.2025

Artificial intelligence in judicial interpretation of law

Mikhail A. Ogarok¹ ✉

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9/2 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: ogarokmike@gmail.com

Abstract

The relevance of the use of artificial intelligence in judicial interpretation of law is due to the fact that modern information technologies make it possible to improve the quality and accessibility of justice based on the automation of not only routine data processing operations, but also the semantic processing of information. The use of artificial intelligence in the legal interpretation of legal norms necessitates the solution of a number of scientific problems related to both legal and technological aspects of automatic semantic data processing using cognitive systems.

The purpose of this study is to determine the limits of automation of the processes of interpretation and semantic processing of information in judicial interpretation of law, as well as theoretical provisions for the creation of explainable artificial intelligence.

Objectives: to establish theoretical and legal foundations for the use of explainable artificial intelligence in the field of jurisprudence; study the processes of representation and automated processing of regulatory and legal information in heuristic cognitive systems and neural systems of artificial intelligence; prepare recommendations for improving the regulatory and legal framework for the interpretation of legislation, taking into account the possibilities of using explainable artificial intelligence.

Methodology. The methodological basis of the scientific research was the dialectical method of cognition of phenomena and processes of the surrounding reality. In the course of developing the theoretical provisions of the work, a set of general scientific and specific scientific research methods (formal-logical, prognostic, formal-legal, etc.) was used to solve the interdisciplinary scientific problem of determining the theoretical and legal foundations for the use of explainable artificial intelligence in jurisprudence.

Results. The obtained results of the scientific research provide the opportunity to improve the regulatory and technological framework that establishes the principles of using explainable artificial intelligence in jurisprudence.

Conclusion. The theoretical and legal basis for the application of explainable artificial intelligence in jurisprudence in the interpretation of legislation and semantic processing of information is the scientific and methodological apparatus for verifying the rules of production of heuristic systems of artificial intelligence and verbalization of artificial neural networks.

Keywords: interpretation of legislation; explainable artificial intelligence; artificial neural network; structure of legal norm; verbalization of neural network.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ogarok M.A. Artificial intelligence in judicial interpretation of law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):88–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-88-104>.

Received 29.04.2025

Accepted 26.06.2025

Published 29.08.2025

Введение

Судебное толкование права – это официальная деятельность судебных органов по уяснению и разъяснению смысла правовых норм в целях их правильного применения при разрешении конкретных юридических дел. Данный вид толкования обладает обязательной силой для участников правоотношений и способ-

ствует обеспечению единообразия судебной практики. П.А. Гук указывает, что проблема толкования состоит в определении корректности текста закона и его семантики, т. к. потенциально возможны несовпадения, неясности, требующие согласования [1, с. 72].

Содержание процесса толкования норм права остается неизменным на про-

тяжении длительного периода развития правовой науки. Е.В. Васьковский отмечал, что судья обязан руководствоваться не буквой закона, а мыслью законодателя [4, с. 13]. А.Ф. Черданцев определяет толкование права как мыслительный (познавательный) процесс, целью которого является уяснение субъектом толкования текста закона, а также как результат уяснения, представленный в разъяснении смысла правовых норм [3, с. 5]. А.С. Пиголкин анализирует интерпретацию права в свете функций, выполняемых должностными лицами, государственными органами, общественными объединениями и отдельными гражданами, для определения смыслового содержания правовых норм [4, с. 284]. Н.И. Матузов указывал: «толкование права дополняет, но не меняет смысловое представление нормы права» [5, с. 345]. Таким образом, судебное толкование норм права – это процесс смысловой обработки информации, целью которого является уяснение судьями смысла норм права, а также разъяснение этого смысла другим лицам. Доктринальный подход к судебному толкованию определяет реализацию правоприменительной и праворазъяснительной функции, направленных на устранение неопределённости в понимании закона и обеспечении его адекватного применения в соответствии с принципами справедливости и законности.

Для толкования законодательства необходимо обеспечить адекватное понимание смысла юридических норм. Однако ввиду многообразия научно-методических и прикладных аспектов судебного толкования права невозможно определить детерминированный критерий корректности толкования законодательства. Высокая практическая значимость критерия истинности толкования как элемента правоинтерпретационной техники обуславливает актуальность научной задачи его теоретической разработки [6, с. 92]. Е.М. Терехов указывает, что «основополагающей целью совре-

менной правоинтерпретационной деятельности выступает раскрытие смысла норм права, что обусловлено экономическими, политическими, социальными, культурными изменениями, происходящими в обществе, которые учитываются субъектами правоинтерпретационной деятельности при издании актов толкования права» [7, с. 52]. Толкование норм права носит подконтрольный характер, а правоинтерпретационная деятельность – руководяще-направляющий характер [8, с. 88]. Н.С. Малютин отмечает отсутствие общепринятого критерия истинности толкования [9, с. 7]. Общей особенностью рассмотренных выше подходов к толкованию права является то, что толкование проводится субъектами с привлечением методов научного исследования других наук для лингвистического, исторического, телеологического и других видов толкования права.

Применение искусственного интеллекта в судебном толковании права обусловлено тем, что современные информационные технологии позволяют автоматизировать не только рутинные операции по обработке данных, но также и смысловую обработку информации. Внедрение искусственного интеллекта обеспечивает возможность повышения эффективности анализа правовой информации. Искусственный интеллект способен обрабатывать массивы юридических текстов (прецеденты, законы, доктрины) с высокой скоростью, выявляя скрытые паттерны и аналогии. Это позволяет минимизировать ошибки человека (confirmation bias), обусловленные наличием субъективной точки зрения, и обеспечить полноту исследования правовых норм. Автоматизированный анализ прецедентов сокращает время на поиск релевантных решений, повышая качество юридической аргументации. Таким образом, впервые появляется новый объект – искусственный интеллект, который потенциально обеспечивает интерпретацию данных, т.е. толкование права, а также

принятие решений на основе компьютерной семантической обработки информации. Это обуславливает актуальность рассмотрения правовых аспектов применения искусственного интеллекта для судебного толкования права.

Искусственный интеллект обучается на множестве данных, поэтому обобщает и формирует внутреннее представление информации на основе накопления статистических данных об интерпретации права. Это обеспечивает снижение субъективизма и повышение единообразия судебной практики за счет применения стандартизированных интерпретаций права, а также минимизацию риска формирования противоречивых толкований права. Неопределенность в праве может возникнуть не только за счет субъективных причин толкования права, но также и на основе изъянов нормативного правового регулирования общественных отношений.

Применение искусственного интеллекта способствует реализации принципа правовой определенности (*legal certainty*). Таким образом, искусственный интеллект способствует устранению «судейского произвола», обеспечивая предсказуемость правоприменения. Внедрение искусственного интеллекта позволяет повысить доступность правосудия ввиду снижения нагрузки на суды, реализации принципа справедливости юридических процедур (*procedural fairness*) и автоматизации процессов получения гражданами юридической помощи. Искусственный интеллект позволяет выявлять межотраслевые конфликты между нормами различных правовых систем (национальное право, международные договоры) и возможность их решения на основе методов семантического моделирования знаний.

Развитие информационных технологий и систем искусственного интеллекта опережает создание нормативно-правовой базы, регламентирующей их использование. Широкое внедрение технологий искусственного интеллекта во все обла-

сти деятельности современного общества обуславливает актуальность решения задачи разработки системы правового регулирования искусственного интеллекта с применением норм российского и международного права [10, с. 5]. В настоящее время остается нерешенным ряд вопросов, касающихся нормативно-правового регулирования искусственного интеллекта. Актуальными направлениями научных исследований остаются: определение ответственности за действия и решения, принимаемые когнитивными системами, защита персональных данных, интеллектуальной собственности, а также этические и социальные последствия их использования [11, с. 61]. Поэтому ученые-правоведы по всему миру уделяют большое внимание решению научных задач в области использования искусственного интеллекта в сфере юриспруденции, в частности в судебной деятельности [12, с. 142].

На сегодняшний день все большее значение приобретает использование технологий искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни [13, с. 200]. Более 60 государств разработали и утвердили национальные стратегии развития искусственного интеллекта, приняли ряд нормативно-правовых документов, регламентирующих различные аспекты разработки и применения когнитивных систем. В Российской Федерации в настоящее время правовые отношения в области искусственного интеллекта регулируются следующими нормативными актами: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения тех-

нологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» и др.

Правовое регулирование базируется на детерминированных правилах, соответствующих структуре правовых норм. Основными компонентами правовой нормы являются гипотеза, диспозиция и санкция [5, с. 198]. Структура правовых норм может быть представлена эвристическими правилами, определяющими причинно-следственные взаимосвязи объектов, субъектов и действий. В соответствии с имеющимся набором данных, описывающих ситуацию, эвристической системой могут быть отобраны правовые нормы, содержащие в гипотезе соответствующие условия их применения. Санкции, формируемые по результатам применения правовых норм, в свою очередь, могут являться исходными данными, т.е. гипотезами для других правовых норм. Алгоритм функционирования эвристической системы фактически определяется совокупностью используемых правовых норм и последовательностью логического вывода. Общей проблемой применения нейронных систем искусственного интеллекта в судебном толковании права является отсутствие логической интерпретации принимаемых решений. Обученные модели искусственного интеллекта представляют собой массивы весовых коэффициентов связей нейронов, которые, с одной стороны, определяют алгоритм функционирования искусственного интеллекта, а с другой стороны, не имеют четкой интерпретации в виде логических правил продукции, соответствующих структуре правовой нормы (гипотеза – дефиниция – санкция) [14, с. 90].

Использование алгоритмов, функционирующих по принципу «чёрного ящика», противоречит базовым правовым принципам, таким как законность и обоснованность судебного решения (ст. 195

ГПК РФ), а также проверяемости (auditability) юридических процедур. Действительно, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года указано, что «основным принципом развития и использования технологий искусственного интеллекта является прозрачность»¹. Европейский союз ввел в Общий регламент по защите данных (GDPR)² право на объяснение решений, принимаемых системами искусственного интеллекта.

Л. Флориди отмечал, что «взаимосвязь между степенью и качеством свободы воли, которой пользуются люди, и тем, какую долю полномочий они делегируют автономным системам, не сводится к нулю, ни с прагматической, ни с этической точки зрения» [15, с. 171]. Судья Верховного Суда Российской Федерации В.В. Момотов указывает, что специфика работы судьи связана не только с умением правильного толкования права, но и с умением учитывать психологические и этические аспекты конкретного дела, что и делает такую работу в настоящее время «непосильной для искусственного интеллекта» [16, с. 190]. Действительно, судья зачастую руководствуется нравственными убеждениями в пределах судебного усмотрения. Однако в процессе обучения существующие системы искусственного интеллекта не учитывают морально-этические ограничения на действия, обеспечивающие достижение цели. Искусственный интеллект не должен стать новым «оракулом»

¹ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 11.04.2025).

² См.: General Data Protection Regulation (GDPR) // European Parliament. 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 11.04.2025).

в праве, его роль заключается в усилении, а не замене человеческого разума.

Из вышеизложенного следует, что основной задачей исследования возможности применения искусственного интеллекта в судебном толковании права является регламентация процессов толкования и смысловой обработки информации, а также разработка информационных технологий, обеспечивающих создание объяснимого искусственного интеллекта (Explainable Artificial Intelligence – XAI). Указанный подход ориентирован на создание систем искусственного интеллекта, процессы функционирования которых можно объяснить в терминах, понятных человеку.

Таким образом, актуальной научной задачей является рассмотрение правовых и технологических аспектов применения искусственного интеллекта в судебном толковании права на принципах внедрения информационной технологии XAI. Для решения поставленной научной задачи следует определить теоретико-правовые основы применения объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции; рассмотреть процессы представления и автоматической обработки нормативно-правовой информации в эвристических когнитивных системах и нейронных системах искусственного интеллекта; разработать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы толкования законодательства с учетом возможности применения технологии XAI.

Методология

Методологической основой научного исследования является диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности применительно к информационным технологиям и нормативно-правовой базе искусственного интеллекта, системный метод анализа содержания процессов обработки информации в когнитивных системах, частнонаучные исследовательские мето-

ды (формально-логические, прогностический, формально-юридический и др.), применяемые для решения междисциплинарной научной задачи определения теоретико-правовых основ применения объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции.

Методология научного исследования основывается на комплексном подходе к анализу задач правового регулирования систем искусственного интеллекта с учетом рассмотрения содержания процессов обработки информации и их представления в форме, понятной человеку. Для определения перспектив использования объяснимого искусственного интеллекта для толкования права, смысловой обработки информации и подготовки проектов юридических решений использовались методы анализа содержания процессов обработки информации и свойств когнитивных систем.

Результаты и их обсуждение

Юридический аспект применения искусственного интеллекта в судебном толковании права

Г.В. Мальцев отмечал, что «управлять сферой общественных отношений невозможно, не регулируя эти отношения» [17, с. 29]. Это обуславливает актуальность правового регулирования применения искусственного интеллекта в судебном толковании права.

Внедрение систем «слабого» искусственного интеллекта в организационно-процессуальную деятельность судов направлено на оптимизацию рутинных операций посредством автоматизации документооборота, верификации процессуальных документов на соответствие нормам (ГПК, АПК и др.), идентификации субъектов судопроизводства и т. п. [16, с. 189] Это коррелирует с принципами оптимизации обеспечивающих процессов функционирования суда и минимизации человеко-ориентированных ошибок.

Потенциальное применение универсального «сильного» искусственного ин-

теллекта в правоприменительной практике сталкивается с доктринальными противоречиями, связанными с отсутствием унифицированных легальных дефиниций «искусственный интеллект», «электронное лицо» и т. п., нерешенностью вопросов квазисубъектности искусственного интеллекта («объекта») в контексте норм ст. 17 ГК РФ о правосубъектности гражданина («субъекта»), что актуализирует дискуссии о трансформации антропоцентрической парадигмы права. П.М. Морхат констатирует, что в настоящее время не определено содержание понятия «электронное лицо» [18, с. 71].

Структурная корреляция эвристических когнитивных систем с триадой правовой нормы (гипотеза – диспозиция – санкция) обеспечивает верифицируемость алгоритмов функционирования через формализацию правил логического вывода и деонтических операторов (обязанность, разрешение, норма). Нейронные системы искусственного интеллекта, основанные на стохастических методах глубинного обучения, генерируют эмерджентные правоприменительные решения, а также не обеспечивают проведение анализа и нормативную декомпозицию ввиду латентных корреляций синаптических весов нейронов, что препятствует их однозначному представлению в виде элементов юридической нормы.

Известно, что юридическая ответственность за деяния искусственного интеллекта сохраняет субсидиарный характер, возлагаясь на разработчиков и операторов (ст. 1064 ГК РФ), поскольку отсутствие у искусственного интеллекта психофизиологических атрибутов вменяемости (ст. 21 УК РФ) и способности к формированию прямого и (или) косвенного умысла исключает его квалификацию как субъекта правонарушения. Таким образом, применение искусственного интеллекта в судебном толковании права должно обеспечивать автоматизацию процессов смысловой обработки информации, верификацию данных, обобщение

результатов, подготовку проектов толкования права [19, с. 201].

Ключевой проблемой описания алгоритмов функционирования нейронных систем искусственного интеллекта является отсутствие семантической прозрачности их алгоритмов функционирования, что обусловлено отсутствием способов эффективной вербализации массивов весовых коэффициентов связей нейронов. Это препятствует обеспечению прозрачности толкования законодательства в системах искусственного интеллекта и создает риски нарушения принципа правовой определенности (ст. 7 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹). Проект закона об искусственном интеллекте² предлагает, что для обеспечения прозрачности решений, принимаемых искусственным интеллектом, необходимо указывать информацию о назначении, характеристиках, возможностях и ограничениях системы искусственного интеллекта. Соблюдение данного принципа является базовым условием разработки и применения информационных технологий юриспруденции (Legal Artificial Intelligence), которые составляют базис цифровых инструментов LegalTech.

Решение указанных проблем требует разработки алгоритмов вербализации нейросетей, а также информационных технологий объяснимого искусственного интеллекта для обеспечения соответствия когнитивных систем принципам легальности, справедливости и соразмерности в судебном толковании права. Вышеизло-

¹ См.: О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: ред. от 16.04.2022 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 11.04.2025).

² См.: Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence // European Commission. 2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence> (дата обращения: 11.04.2025).

женные положения подчеркивают необходимость использования междисциплинарного подхода, включая применение методов юриспруденции, компьютерной лингвистики и теории машинного обучения для уточнения понятийного аппарата, разработки информационных технологий объяснимого искусственного интеллекта, создания формализованных онтологий права.

Нормативно-правовое регулирование толкования права в Российской Федерации характеризуется фрагментарностью, поскольку отсутствует единый законодательный акт, систематизирующий правила семантической интерпретации правовых норм. Это создает правовые пробелы законодательства в условиях цифровизации юриспруденции. Существующие нормы, закрепленные в Конституции РФ, Гражданском и Налоговом кодексах, а также региональных законах (например, закон Санкт-Петербурга «Об официальном толковании законов»), не обеспечивают полноценного регулирования процессов обработки информации системами искусственного интеллекта. Ключевой проблемой остается неопределенность правового статуса когнитивных систем, которые в силу отсутствия в традиционной правовой доктрине субъектности систем искусственного интеллекта не могут нести юридическую ответственность за генерируемые интерпретационные акты. Это порождает риски противоречий между результатами функционирования систем искусственного интеллекта и принципами легальности, особенно в высокорисковой сфере, такой как правосудие, где окончательное решение должно сохраняться за человеком.

Двойственная природа толкования права, включающая уяснение (внутреннюю интеллектуальную деятельность) и разъяснение (внешнее выражение интерпретации), требует интеграции правовых дефиниций и онтологий юриспруденции в системы искусственного интеллекта. Ограничения применения технологий

«сильного» искусственного интеллекта обусловлены отсутствием эффективной методологии вербализации нейросетей и проверки алгоритмов их функционирования на соответствие структуре правовых норм (гипотеза – диспозиция – санкция).

Основными направлениями решения данной проблемы являются гармонизация законодательства, регламентирующего использование искусственного интеллекта, а также разработка научно-методического аппарата ХАИ.

Теоретико-правовые основы применения объяснимого искусственного интеллекта в юриспруденции

Объяснимый искусственный интеллект (ХАИ) – это совокупность научно-методического аппарата и информационных технологий, обеспечивающих формирование интерпретируемых человеком обоснований логики функционирования искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов.

В юридической науке ХАИ трактуется как инструмент обеспечения процессуальной легитимности (*procedural legitimacy*), поскольку позволяет для сторон судебного процесса и субъектов толкования реализовать право на объяснение (*right to explanation*), т. е. обеспечить понимание ими логики формирования решения системами искусственного интеллекта.

Ключевыми принципами объяснимого искусственного интеллекта являются:

- интерпретируемость (*interpretability*) – объяснение, как функционирует базовая технология искусственного интеллекта;

- контрфактуальная объяснимость (*counterfactual fairness*) – понимание, как система искусственного интеллекта сформировала результат на языке правовых категорий с указанием структур использованных правовых норм (гипотеза – диспозиция – санкция).

Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта предполагают

реализацию права субъекта на объяснение результатов функционирования и решений, принятых когнитивными системами. Такие права, указанные, например в GDPR, в первую очередь относятся к индивидуальным правам субъектов на получение объяснения для решений, которые существенно влияют на человека, особенно в юридическом или финансовом отношении.

Внедрение объяснимого искусственного интеллекта должно соответствовать следующим принципам:

- **состязательность** – объяснения должны быть доступны всем участникам процесса;
- **пропорциональность** – сложность объяснений должна соотноситься с правовыми последствиями решения;
- **минимальная достаточность** объяснений – ХАИ должен предоставлять информацию, необходимую для реализации права на обжалование решений искусственного интеллекта;
- **контекстуальная адаптивность** – объяснения ХАИ должны учитывать правовую культуру юрисдикции (например, различия между континентальной и англосаксонской правовыми системами);
- **легитимное решение** – ХАИ выполняет вспомогательную функцию, аналогичную правовой экспертизе и (или) подготовке проекта решения, а проверка корректности толкования права и окончательное юридическое решение должны оставаться за судьёй.

Методологические аспекты интеграции искусственного интеллекта в правоприменение базируются на том, что для успешной его интеграции в судебное толкование требуется разработка междисциплинарных методологий, сочетающих юридическую догматику, техническое нормативное регулирование и этику.

Технологический аспект толкования и смысловой обработки информации

Системы искусственного интеллекта преобразуют входные данные в онтологические структуры представления ин-

формации, доступные для их автоматической содержательной обработки [14, с. 33]. Для толкования данных в когнитивных системах должна быть определена онтологическая структура описания объектов, субъектов и действий, которая заполняется юридически значимыми данными рассматриваемых ситуаций (прецедентов).

С точки зрения информационных технологий существуют два подхода к организации вычислительного процесса обработки информации в когнитивных системах, основанные на:

- разработке и программировании логических правил и операций обработки данных (эвристические когнитивные системы);
- обучении искусственных нейронных сетей (нейронные системы искусственного интеллекта).

Эвристические когнитивные системы обеспечивают интерпретацию правил их функционирования, поскольку могут быть представлены совокупностью алгоритмов, которые возможно проверить на соответствие структуре правовых норм (гипотеза – диспозиция – санкция). Это является основой проверки неизменности и сертификации программного обеспечения. Для хранения значимых юридических характеристик объектов, субъектов и отношений между ними в эвристических когнитивных системах используются онтологии, которые также доступны для верификации человеком. Таким образом, эвристические когнитивные системы, как в части алгоритмов функционирования, так и в части структур данных, полностью соответствуют реализации права на объяснение.

Эвристические когнитивные системы содержат представленные в явном виде правила толкования данных, а также правила логического вывода. Правила толкования данных представлены логическими выражениями, позволяющими интерпретировать входные данные рассматриваемых ситуаций в онтологиче-

ские структуры данных. Это обеспечивает накопление данных в эвристической когнитивной системе об объектах, субъектах и их характеристиках. Правила логического вывода представлены логическими выражениями «условие – действие – результат», аналогичными структуре правовых норм (гипотеза – диспозиция – санкция). Правила толкования данных и правила логического вывода формируются человеком (юристами – для выделения

правил из нормативно-правовых актов, лингвистами – для формирования структуры онтологий, программистами – для разработки баз данных и баз знаний, обеспечивающих хранение соответственно онтологий и правил в компьютерных системах).

Структура уровней обработки правовой информации в эвристических когнитивных системах представлена на рисунке 1.

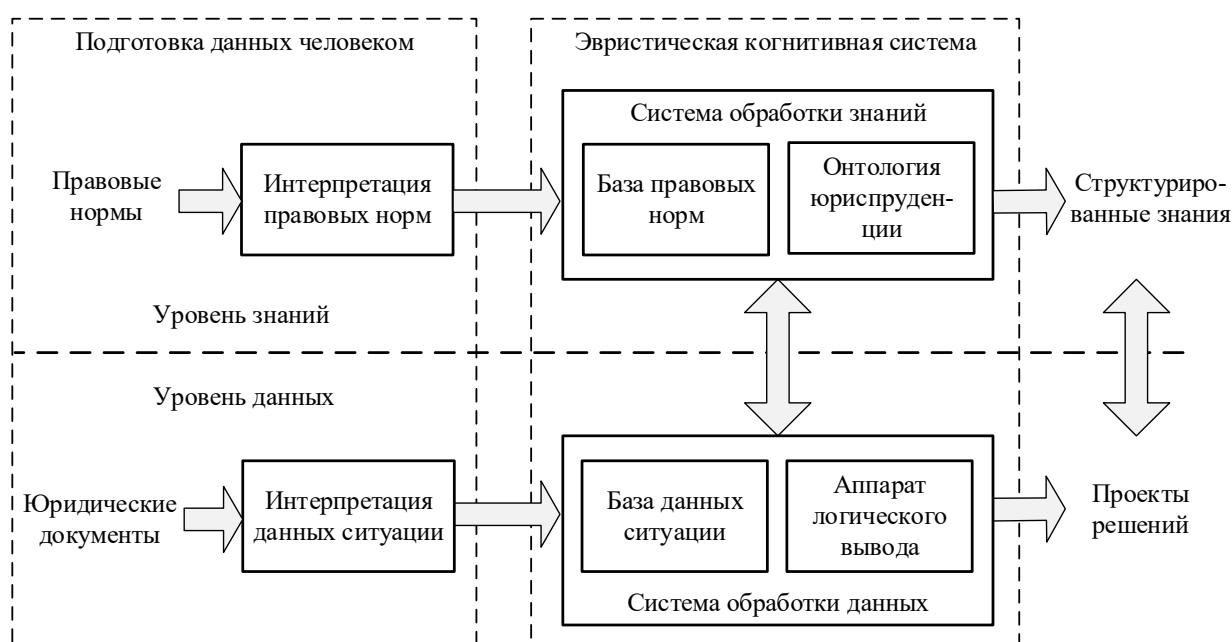

Рис. 1. Структура уровней обработки правовой информации в эвристических когнитивных системах

Fig. 1. The structure of the levels of legal information processing in heuristic cognitive systems

Функционирование эвристических когнитивных систем основано на разработанных человеком алгоритмах, что обеспечивает их интерпретируемость и гибкость модификации [11, с. 29]. Детерминированность алгоритмов функционирования эвристических когнитивных систем обеспечивает прозрачность их функционирования и объяснимость принимаемых решений. Однако вариативность объективных данных ситуации (прецедентов), высокая трудоемкость разработки и ведения правил логического вывода, исключений из правил обуславливают узкую направленность эвристических когнитивных систем.

Эвристические методы обработки данных требуют разработки алгоритмов, предусматривающих все возможные ситуации, как в части разнообразия данных, так и вариативности применения логических условий, с учетом множества различных значимых факторов и исключений. Поэтому поддержка актуальности баз данных, онтологий и правил логического вывода в эвристических когнитивных системах представляет собой сложную, плохо автоматизируемую задачу [14, с. 50]. Так как эвристические системы основаны на выборе и последовательном применении относящихся к ситуации правил, то они не обеспечивают высокую

скорость обработки данных. Для решения данных проблем в настоящее время применяются технологии искусственных нейронных систем.

Структура уровней обработки данных и знаний в нейронных системах искусственного интеллекта представлена на рисунке 2.

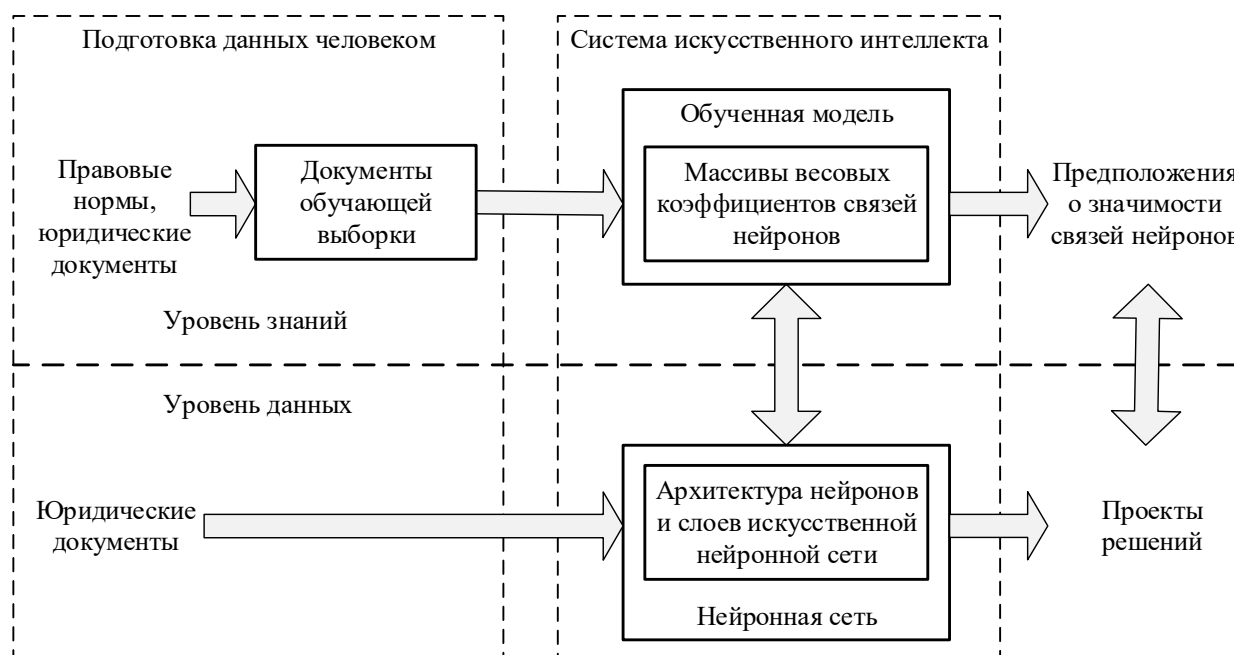

Рис. 2. Структура уровней обработки правовой информации в нейронных системах искусственного интеллекта

Fig. 2. The structure of legal information processing levels in artificial intelligence neural systems

Для обучения нейронных систем искусственного интеллекта используются большие массивы текстов, содержащие нормативные документы, толкования норм права, решения судов, справочные документы и т. п. На основе статистической обработки данных нейронные системы искусственного интеллекта формируют обученные модели данных, представленные весовыми коэффициентами связей нейронов искусственной нейросети. Указанные коэффициенты формируются автоматически в процессе обучения нейросети на основе выявления статистических закономерностей в массивах правовых документов обучающей выборки [14, с. 51]. Таким образом, нейронные системы искусственного интеллекта не содержат в явном виде понятные человеку правила толкования данных и их логической обработки. В настоящий момент отсутствуют способы

объяснения логики функционирования искусственных нейронных систем [20, с. 23].

Проекты и сервисы ХАИ, используемые в судебных системах, направлены на повышение прозрачности и объяснимости решений, принимаемых с помощью искусственного интеллекта. Эти инструменты помогают судьям, юристам и другим участникам правовой системы понимать, как искусственный интеллект формирует выводы, что особенно важно для соблюдения принципов справедливости и законности.

Наиболее известными проектами по созданию юридических сервисов с применением ХАИ являются следующие.

В КНР национальная платформа ХАИ автоматизации судебных процессов «Умный суд» (Smart Court) предназначена для автоматической проверки решений судей на соответствие прецедентам, вы-

явления коррупции и халатности, формирования рекомендаций для судей. Ежедневно система «Умный суд» анализирует примерно 100 тысяч дел. Судьи обязаны письменно обосновать отклонение рекомендаций искусственного интеллекта. По имеющимся данным применение данной системы сократило среднюю нагрузку судьи на треть и только за 3 года сэкономило обществу 300 млрд юаней (3,6 трлн рублей)¹.

В США система «Оценка общественной безопасности» (Public Safety Assessment – PSA) применяется для оценки рисков рецидива или неявки в суд обвиняемых. Система помогает судьям принимать решения о заключении обвиняемых под стражу на основе учета возраста, истории арестов, социального статуса. Система «Профилирование управления исправительными правонарушителями для альтернативных санкций» (Correctional Offender Management Profiling – COMPAS) обеспечивает прогнозирование вероятности повторных преступлений. Указанная система реализует функции оценки риска общественной безопасности, справедливости и расового равенства, для заключенных правонарушителей она формирует решения относительно содержания, лечения и направления в общественные программы в качестве альтернатив тюремному заключению². Система COMPAS неоднократно подвергалась критике за проявления расовых и социальных стереотипов в оценке рисков преступного поведения ввиду того факта,

что для обучения использовались данные о преступниках, которые в основной массе были представлены расовыми меньшинствами³.

В Российской Федерации рассматривается реализация платформы «Правосудие онлайн», предназначенной для автоматического составления проектов судебных актов, анализ материалов дел и автоматизации дистанционных заседаний суда с целью снижения бюрократии и ускорения процессов. Также предусматривается создание системы «Кассатор-онлайн», предназначенной для анализа судебных решений на предмет выявления оснований для их отмены.

Анализ указанных выше разработок показывает, что они автоматизируют процессы подготовки решений, однако принятие решений остается за человеком.

Алгоритм обратного извлечения логики из больших языковых моделей (Large Language Models – LLMs) технологии ХАИ основаны на анализе механизмов внимания системы искусственного интеллекта к отдельным словам текста, их лингвистических характеристик, исследовании значений весовых коэффициентов различных слоев нейронной сети, создании систем интерпретируемых правил функционирования и т. п. [21] Однако технологии ХАИ пока что существуют в виде пилотных проектов и не обеспечивают полноценную реализацию концепции «объяснимого искусственного интеллекта» на основе анализа описания структур связей нейронов больших языковых моделей.

Комплексное применение эвристических и нейронных методов обработки юридических документов позволяет использовать объяснимость детерминированных алгоритмов эвристических когни-

¹ См.: Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды // Софтлайн Решения: сайт. URL: <https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy> (дата обращения: 11.05.2025).

² См.: Brennan T., Dieterich W. Correctional offender management profiles for alternative sanctions (COMPAS) // Handbook of Recidivism Risk/Needs Assessment Tools / ed. by J.P. Singh [et al.]. Wiley-Blackwell, 2017. P. 49-75.

³ См.: Herrschaft B.A. Evaluating the reliability and validity of the Correctional Offender Management Profiles for Alternative Sanctions (COMPAS) tool: implications for community corrections policy. Diss. Ph.D. Newark, New Jersey, 2014. P 38.

тивных систем и самообучаемость искусственных нейронных систем.

Таким образом, для автоматической смысловой обработки юридических документов целесообразно использовать детерминированные алгоритмы эвристического лингвистического анализа, вербализации обученных моделей и способы объяснения функционирования искусственных нейронных сетей. В настоящее время отсутствуют информационные технологии, реализующие концепцию ХАИ с высокой полнотой и точностью данных, обеспечивающие объяснимость принимаемых решений.

Применение систем искусственного интеллекта в судебном толковании права основано на дихотомии эвристических и нейронных методов обработки данных. Эвристические когнитивные системы, использующие детерминированные правила логического вывода, обеспечивают интерпретируемость и соответствие указанных правил структуре правовых норм. Однако эвристические когнитивные системы требуют постоянной актуализации онтологий, словарных баз и лингвистических правил, что ограничивает их применимость в условиях динамично изменяющегося законодательства. Нейроматематические методы, использующие статистические закономерности и нейросетевые модели, позволяют автоматически учитывать вариативность синтаксических и семантических конструкций текста правовых норм и прецедентов. Однако отсутствие эффективной методологии реализации механизмов объяснимого искусственного интеллекта препятствует верификации человеком результатов функционирования когнитивных систем на предмет оценки их соответствия правовым дефинициям и принципам юридической логики.

Перспективным направлением является интеграция телеологического и прецедентного толкования в алгоритмы искусственного интеллекта через обучение моделей на верифицированных массивах

судебных решений, исторических документов и этических норм, что минимизирует риски конфликтов между буквальным смыслом закона и его целевым назначением.

Выводы

Современные тенденции технологизации юридической деятельности обуславливают актуальность решения научных задач, определяющих пределы автоматизации процессов толкования и смысловой обработки информации в судебном толковании права, разработки международных стандартов и национальных регуляторных моделей, направленных на оптимизацию баланса между инновационным потенциалом искусственного интеллекта и гарантиями защиты фундаментальных прав человека, включая прозрачность алгоритмических решений и предотвращение дискриминационных паттернов в решениях искусственного интеллекта. Отсутствие правосубъектности у систем искусственного интеллекта и их неспособность учитывать морально-этические аспекты судебных дел подтверждают невозможность полной замены человеческого фактора в правоприменении, где интерпретация норм и оценка обстоятельств остаются прерогативой судей.

Использование искусственного интеллекта демонстрирует эффективность в автоматизации рутинных задач по анализу судебной практики, выявлению противоречий в законодательстве, прогнозированию правовых рисков. Однако для обеспечения легитимности и справедливости принятие окончательных юридически значимых решений должно сохраняться за уполномоченными субъектами.

Ключевой задачей является разработка методов объяснения работы нейронных сетей, позволяющих проверить соответствие обученных моделей структуре правовых норм (гипотеза – диспозиция – санкция) и минимизировать риски непредсказуемости в правоприме-

нительной практике. Потенциальные риски алгоритмической предвзятости и недостаточной прозрачности решений искусственного интеллекта в правосудии обуславливают необходимость отнесения таких систем к категории высокорисковых, с обязательной их сертификацией на соответствие принципам процессуальной беспристрастности, доктринальной непротиворечивости и верховенства права.

В настоящее время применение искусственного интеллекта в судебном толковании права характеризуется переходным статусом: системы искусственного интеллекта остаются факультативным, вспомогательным инструментом судей. Это обусловлено тем, что законность их применения ограничена рамками консультационно-аналитических сервисов. В обозримой перспективе системы искусственного интеллекта могут превратиться в обязательный компонент цифрового досье судьи или стандартизированные правовые сервисы. Для этого необходимо решить комплекс нормативно-правовых и технологических задач по обеспечению возможности интерпретации человеком их логики функционирования, а также проверке алгоритмов функционирования на соответствие правовым нормам. Однако данные требования реализуемы для эвристических когнитивных систем. Выполнение указанных требований для нейронных систем искусственного интеллекта ограничено технологическими возможностями по вербализации их алгоритмов функционирования.

Перспективы интеграции искусственного интеллекта в процессы судебного толкования права обуславливают необходимость создания комплексной правовой регламентации, охватывающей вопросы деликтной ответственности субъектов-операторов и разработчиков, обеспечения конфиденциальности персональных данных, минимизации этических рисков, а также преодоления ограничений, связанных с неинтерпретируемостью нейросетевых алгоритмов. Мо-

дель распределения ответственности субъектов за действия искусственного интеллекта должна базироваться на установлении границ реализуемых ими функций по разработке программного обучения искусственных нейросетей, подбору и верификации массивов данных обучающей выборки, определению процедур проверки данных при самообучении систем искусственного интеллекта, формированию и оценке соблюдения правил эксплуатации систем искусственного интеллекта.

Совершенствование норм права в сфере информационных технологий и систем искусственного интеллекта для адекватного отражения специфики нематериальной природы информации и алгоритмической обработки данных требует интеграции междисциплинарных регуляторных механизмов, включая техническое нормативное регулирование, этические правовые стандарты и саморегулирование.

Для минимизации рисков искажения правоприменительных решений целесообразно внедрение механизмов верификации и сертификации алгоритмов обучения искусственных нейронных сетей, а также применение доверенных обученных моделей. Необходима разработка нормативно-методической базы по предотвращению использования конфиденциальной информации и объектов интеллектуальной собственности в процессах самообучения, включая создание процедур аудита алгоритмической прозрачности и ответственности за некорректную интерпретацию правовых норм.

Внедрение искусственного интеллекта в юридическую практику должно сопровождаться формированием проверенных наборов данных для обучения, внедрением стандартов кибербезопасности для нейросетевых моделей и установления многоуровневой деликтной ответственности за нарушения, связанные с новыми типами компьютерных атак на информацию и (или) поведение систем искусственного интеллекта.

Научная база способов толкования права системами искусственного интеллекта требует интеграции юридического анализа норм с техническими подходами к проектированию алгоритмов, обеспечивающих семантическую точность интерпретации и соответствие принципам правовой определенности.

Таким образом, применение искусственного интеллекта в судебном толковании права – это не технологическая модернизация юриспруденции на основе применения информационных технологий, а трансформация парадигмы правоприменения. Новизна процесса трансформации состоит в переходе от процес-

сов обработки данных к процессам обработки информации в системах искусственного интеллекта. Для автоматической обработки информации и подготовки проектов решений юридические системы искусственного интеллекта реализуют толкование права. Для реализации потенциала технологии объяснимого искусственного интеллекта необходимо: преодолеть разрыв между формальной логикой права и математической логикой когнитивных систем; сформировать этические кодексы и разработать правовые нормы к объяснимым системам искусственного интеллекта, исключаящие риски дегуманизации правосудия.

Список литературы

1. Гук П.А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 72-78.
2. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Бр. Башмаковы, 1913. 152 с.
3. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.
4. Общая теория права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. 384 с.
5. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 776 с.
6. Пишина С.Г. Проблемы определения критерия истинности толкования правовых норм как элемента правоинтерпретационной техники // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 89-92.
7. Терехов Е.М. Анализ целевой составляющей правоинтерпретационной деятельности // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 52-56. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.9>.
8. Терехов Е.М. Сравнительно-правовой анализ понятий «правоинтерпретационная деятельность» и «толкование права» // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 1. С. 88-92. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.1.11>.
9. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
10. Блажеев В.В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии: монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 240 с.
11. Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта: монография. М.: МИРЭА – Российский технологический ун-т, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: Инфра-М, 2019. С. 141-157.

13. Ершова И.В., Петраков А.Ю., Цимерман Ю.С. Доктрина инновационного права на службе цифрового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 191-201. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.191-201>.
14. Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологии и правовое регулирование систем искусственного интеллекта. М.: МИРЭА - Российский технологический ун-т, 2024. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
15. Floridi L. The ethics of artificial intelligence: principles, challenges, and opportunities. Oxford University Press, 2023. 243 p.
16. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. (МГЮА). 2021. № 5. С. 188-191.
17. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. 800 с.
18. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-70. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>.
19. Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198-202. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10737>.
20. Mishra P. Practical explainable ai using python: artificial intelligence model explanations using Python-based libraries, extensions, and frameworks. Apress; 2021. 364 p.
21. Аверкин А.Н. Объяснительный искусственный интеллект в больших речевых моделях // Речевые технологии. 2024. № 1. С. 3-13.

References

1. Guk P.A. Judicial interpretation of the norms of law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2016;(8):72-78. (In Russ.)
2. Vas'kovskii E.V. A guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers. Moscow: Br. Bashmakovy; 1913. 152 p. (In Russ.)
3. Cherdantsev A.F Interpretation of Soviet law. Theory and practice. Moscow: Yurid. lit.; 1979. 166 p. (In Russ.)
4. Pigolkina A.S. (ed.) General theory of law. 2nd ed. Moscow: Izd-vo MGTU im. N.E. Bauman; 1998. 384 p. (In Russ.)
5. Matuzova N.I., Mal'ko A.V. Theory of State and law. 2nd ed. Moscow: Yurist; 2001. 776 p. (In Russ.)
6. Pishina S.G. Problems of determining the criterion of truth of interpretation of legal norms as an element of legal interpretation technique. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(2):89-92. (In Russ.)
7. Terekhov E.M. Analysis of the target component of legal interpretation activities. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2017;16(3):52-56. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.3.9>. (In Russ.)
8. Terekhov E.M. Comparative legal analysis of the concepts of "legal interpretation activity" and "interpretation of law". *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2019;18(1):88-92. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.1.11>. (In Russ.)
9. Malyutin N.S Judicial interpretation of normative legal acts in the Russian Federation. Moscow: Yurlitinform; 2018. 200 p. (In Russ.)

10. Blazheev V.V. Reface. In: Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.) Legal regulation of artificial intelligence in the context of pandemics and infodemics. Moscow: Prospekt; 2020. 240 p. (In Russ.)
11. Ogarok A.L., Ogarok M.A. Technological and legal aspects of artificial intelligence. Moscow: MIREA - Rossiiskii tekhnologicheskii un-t; 2024. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). (In Russ.)
12. Zakaeva P.R., Novikova K.S. Prospects and acceptable limits of the influence of modern digital technologies on the development and functioning of judicial power: foreign experience and Russian realities. *Transformatsiya pravovoi real'nosti v tsifrovuyu epokhu = Transformation of legal reality in the digital age*. Moscow: Infra-M; 2019. P. 141-157. (In Russ.)
13. Ershova I.V., Petrakov A.Yu., Tsimerman Yu.S. The doctrine of innovation law in the service of digital law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;(11):191-201. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.191-201>. (In Russ.)
14. Ogarok A.L., Ogarok M.A. Technologies and legal regulation of artificial intelligence systems. Moscow: MIREA - Rossiiskii tekhnologicheskii un-t; 2024. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). (In Russ.)
15. Floridi L. The ethics of artificial intelligence: principles, challenges, and opportunities. Oxford University Press; 2023. 243 p.
16. Momotov V.V. Artificial intelligence in legal proceedings: status, prospects of use. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;(5):188-191. (In Russ.)
17. Mal'tsev G.V. Social foundations of law. Moscow: Norma - Infra-M; 2011. 800 p. (In Russ.)
18. Morkhat P.M. An artificial intelligence unit as an electronic entity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*. 2018;(2):61-70. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>. (In Russ.)
19. Pashentsev D.A., Novikova K.S. Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2020;(7):198-202. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10737>.
20. Mishra P. Practical explainable ai using python: artificial intelligence model explanations using Python-based libraries, extensions, and frameworks. Apress; 2021. 364 p. (In Russ.)
21. Averkin A.N. Explanatory artificial intelligence in large speech models. *Rechevye tekhnologii = Speech technologies*. 2024;(1):3-13. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Огарок Михаил Андреевич, аспирант кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ogarokmike@gmail.com,
ORCID: 0009-0003-7088-602X

Mikhail A. Ogarok, Postgraduate Student of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
e-mail: ogarokmike@gmail.com,
ORCID: 0009-0003-7088-602X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-105-123>

Авторско-правовая охрана видеоигр в Китае

А.А. Бабенко ¹ ¹Саратовская государственная юридическая академия

ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104/3, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉e-mail: sasha.babenko.99@mail.ru

Резюме

Актуальность. Индустрия видеоигр в последние годы становится одной из динамично развивающихся отраслей современной цифровой экономики. Вместе с тем отечественное законодательство не выделяет видеоигры в качестве самостоятельного объекта авторских прав. В условиях продолжающейся научной дискуссии по вопросу авторско-правовой охраны видеоигр важное значение приобретает сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта, в особенности Китая, формирующего в настоящее время крупнейший видеоигровой рынок.

Цель исследования состоит в выявлении правовой природы видеоигр и особенностей их авторско-правовой охраны в Китае.

Задачи: определение существующих в китайской судебной практике подходов к квалификации видеоигр и их составных творческих компонентов как объектов авторского права, изучение особенностей авторско-правовой охраны видеоигр в этой стране.

Методология. Статья подготовлена с применением методов анализа, синтеза, индукции и дедукции, описания, системного метода, формально-юридического и сравнительно-правового.

Результаты. В ходе исследования установлено, что в Китае видеоигры не выделены законом в отдельную категорию объектов авторского права. До последнего времени они традиционно рассматривались как разновидность компьютерных программ. Однако в условиях возникшей проблемы создания игр-клонов китайские суды стали применять два новых подхода к определению правовой природы видеоигр: 1) «компонентный», при котором видеоигра рассматривается как совокупность самостоятельных охраняемых произведений, и 2) признание видеоигр «квазикинематографическими» или аудиовизуальными произведениями. Каждый из названных подходов имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поэтому некоторые китайские исследователи также предлагают рассматривать видеоигры не в рамках существующих традиционных категорий объектов авторского права, а как «иные» произведения, подлежащие правовой охране.

Вывод. Изученный правовой опыт Китая может учитываться при дальнейшем теоретическом осмыслении правовой природы видеоигр и их авторско-правовой охраны в отечественной юридической науке, использоваться для адаптации российского законодательства в целях регулирования интеллектуальной собственности в индустрии видеоигр.

Ключевые слова: видеоигры; компьютерные игры; интеллектуальные права; авторские права; индустрия видеоигр; правовая охрана.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бабенко А.А. Авторско-правовая охрана видеоигр в Китае // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 105–123. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-105-123>.

Поступила в редакцию 17.06.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Copyright protection of video games in China

Alexander A. Babenko¹ ✉

¹Saratov State Law Academy

104/3 N.G. Chernyshevsky Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉e-mail: sasha.babenko.99@mail.ru

Abstract

Relevance. In recent years, the video game industry has emerged as one of the fastest-growing sectors of the modern digital economy. There is also a lack of up-to-date judicial practice in Russia related to the copyright protection of video games. In the context of an ongoing academic debate over the copyright regime applicable to video games, comparative legal analysis of foreign approaches - particularly that of China, which currently forms the world's largest video game market - becomes increasingly significant.

The purpose of this study is to identify the legal nature of video games and the specific features of their copyright protection under Chinese law.

Objective: the research aims to analyze the existing approaches in Chinese legal and judicial practice to the qualification of video games and their constituent creative components as copyrightable subject matter, and to examine the specificities of copyright protection applied to video games in China.

Methodology. The article employs the methods of analysis, synthesis, induction and deduction, description, as well as the systemic, formal-legal, and comparative-legal methods.

Results. The research demonstrates that Chinese copyright law does not explicitly define video games as a separate category of protected works. Traditionally, they have been treated as a form of computer program. As a result, Chinese courts have developed alternative approaches to determining the legal nature of video games and their components. These include: (1) the "component-based" approach, under which a game is treated as a compilation of independently protected works; and (2) the qualification of video games as "quasi-cinematographic" or "audiovisual works." Each of these approaches has its strengths and weaknesses. In this regard, some Chinese legal scholars advocate for treating video games as "other works" deserving copyright protection under a residual clause in Article 3 of the PRC Copyright Law.

Conclusion. The Chinese legal experience examined in this article may be considered in the further theoretical understanding of the legal nature of video games and their copyright protection in Russian legal scholarship. It may also serve as a basis for adapting Russian legislation to more effectively regulate intellectual property in the video game industry.

Keywords: video games; computer games; intellectual property rights; copyright; video game industry; legal protection.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Babenko A.A. Copyright protection of video games in China. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):105–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-105-123>.

Received 17.06.2025

Accepted 29.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

В последние годы индустрия видеоигр становится одной из динамично развивающихся отраслей современной цифровой экономики. По данным аналитических агентств, в 2024 г. число пользователей видеоигр по всему миру превысило

3,3 млрд чел.¹, а объем глобального рынка видеоигр достиг 184,3 млрд долл. США¹.

¹ Duarte F. How many gamers are there? (New 2025 Statistics) // Exploding Topics: site. 2025. March 28. URL: <https://explodingtopics.com/blog/number-of-gamers> (дата обращения: 16.04.2025).

Будучи важной частью сферы развлечений и цифровой экономики, индустрия видеоигр всё чаще становится объектом проведения юридических исследований с позиции авторского права [1, с. 12].

По своей правовой природе видеоигры значительно отличаются от традиционных, преимущественно односоставных категорий охраняемых объектов, создаваемых одним автором или ограниченным числом соавторов в рамках одной формы выражения. Современные видеоигры, напротив, включают в себя множество разнородных творческих компонентов: программный код, графику, персонажи, сценарии, пользовательский интерфейс, музыку, звуковые эффекты, игровые механики и пр. [2, с. 338–350], создаются, как правило, большими творческими коллективами, состоящими из десятков или даже сотен программистов, геймдизайнеров, художников, сценаристов, композиторов, актёров и других лиц [3, р. 8–9].

В юридической литературе отмечается, что видеоигры подлежат правовой охране в качестве объектов авторского права, поскольку создаются творческим трудом и выражены в объективной цифровой форме [4, с. 95]. Однако на сегодняшний день в рамках авторского права ещё не выработан единый подход к их квалификации: в одних случаях видеоигры рассматриваются в качестве программ для ЭВМ или баз данных [5, с. 63], в других – как составные объекты, включающие в себя совокупность литературных, музыкальных, сценарных, визуальных, хореографических и иных произведений [6, с. 45], каждое из которых подлежит самостоятельной правовой охране [7,

с. 27]. Существует также мнение о том, что видеоигры являются сложными объектами, в том числе «мультимедийными продуктами» [8, с. 46–55]. Понимание правовой природы видеоигр также существенно различается в зависимости от юрисдикции: в некоторых государствах они могут признаваться аудиовизуальными или кинематографическими произведениями [3, с. 11].

Такое многообразие подходов свидетельствует о сложности правовой природы видеоигр и о необходимости дальнейшего теоретического осмысления этой проблемы. В условиях отсутствия универсального подхода представляется актуальным рассмотреть данную проблему на примере опыта Китайской Народной Республики (далее – Китай, КНР). Выбор правового опыта Китая для проведения настоящего исследования обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, Китай в 2024 г. занял первое место в мире по объёму доходов от внутренней видеоигровой индустрии (47 млрд долл. США) и числу активных пользователей видеоигр (701,6 млн чел.)². Эти показатели свидетельствуют о значительной вовлеченности населения в указанную индустрию и о высоком экономическом уровне её развития в этой стране.

Во-вторых, китайские игровые компании сегодня занимают лидирующие позиции на глобальном рынке видеоигр. Так, корпорация Tencent в 2024 г. была признана крупнейшей в мире по объёму выручки, заработав на видеоиграх 24,9 млрд долл. США³. За счёт больших

¹ Гайфуллина Е. Игровая индустрия 2024 в цифрах – обзор от GamesIndustry // App2Top.ru: сайт. 2024. 23 дек. URL: <https://app2top.ru/news/igrovaya-industriya-2024-v-tsifrah-obzor-ot-gamesindustry-226002.html> (дата обращения: 16.04.2025).

² Top countries and markets by video game revenues // Newzoo International: site. URL: <https://newzoo.com/resources/rankings/top-10-countries-by-game-revenues> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Top public games companies by revenues // Newzoo International: site. URL: <https://newzoo.com/resources/rankings/top-25->

доходов Tencent инвестирует в ведущие западные игровые компании¹, усиливая с каждым годом своё влияние на экономическое и культурное развитие мировой индустрии видеоигр².

В-третьих, в Китае сегодня остро стоит проблема так называемого «рескининга» онлайн-игр, т. е. создания визуально схожих копий оригинальных игровых проектов [9, с. 295]. Распространение подобной практики привело к значительному увеличению числа судебных споров между разработчиками оригинальных игр и создателями их копий. В отчёте по судебным спорам в сфере нарушений авторских прав на онлайн-игры, опубликованном в апреле 2025 г. китайским издателем Shengqu Games и юридической компанией Red and Blue, отмечается, что в Китае за период с 2014 по 2024 г. было вынесено 156 судебных решений, связанных с нарушением авторских прав на онлайн-игры³.

С учётом вышеизложенного цель настоящего исследования состоит в вы-

явлении правовой природы видеоигр и особенностей их авторско-правовой охраны в Китае.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения достоверных выводов применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции. В целях изучения проблемы правовой квалификации видеоигр и их творческих компонентов как объектов авторского права использовались системный и сравнительно-правовой методы. Эти методы позволили выявить и оценить подходы китайской судебной практики к решению проблемы авторско-правовой охраны видеоигр и их составных творческих компонентов. Формально-юридический метод использовался для изучения положений действующего законодательства КНР, в частности Закона «Об авторском праве».

Результаты и их обсуждение

Общие положения об охраняемых объектах в авторском праве Китая

В Китае авторское право основано на Законе КНР от 7 сентября 1990 г. (в ред. от 01.06.2021) «Об авторском праве»⁴. Указанный закон принят в целях охраны авторских прав на различные виды произведений (ст. 1). При этом в ст. 3 этого Закона даются разъяснения относительно того, что считать охраняемым произведением. Так, под произведением понимается «результат интеллектуальной деятельности в области литературы, искусства или науки, обладающий свойством оригинальности и выраженный в определенной внешней форме». Помимо

companies-game-revenues (дата обращения: 17.04.2025).

¹ Борисов Д. Как компания Tencent из Китая захватила гейминг. Ей принадлежит почти вся игровая индустрия в мире // iPhones.ru: сайт. 2024. 9 нояб. URL: https://www.iphones.ru/iNotes/ot_plagiata_do_glavnoi_kompanii_kitaya?ysclid=m9twn9gg1141096089 (дата обращения: 17.04.2025).

² Шаоюй Юань. Виртуальный шелковый путь: Tencent использует видеоигры для расширения культурного влияния Китая // За рубежом: сайт. 2025. 11 февр. URL: <https://zarubejom.ru/articles/virtualnyy-shelkovyy-put/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ Ванло юси сусун ланьпишу (2014–2024) фабу [Вышла «Синяя книга по судебным разбирательствам в сфере онлайн-игр за 2014 – 2024 гг.»] (на китайском языке;

《网络游戏诉讼蓝皮书 (2014-2024)》发布) // Китайский интернет-портал о культуре Qianlong.com: сайт. 2025. 22 апр. URL: <https://culture.qianlong.com/2025/0422/8474693.shtml> (дата обращения: 30.04.2025).

⁴ Copyright Law of China (2020) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.china-justiceobserver.com/law/x/copyright-law-of-china-20201111> (дата обращения: 19.04.2025).

общей дефиниции, указанная статья содержит примерный перечень охраняемых произведений, к числу которых относятся: 1) письменные произведения; 2) устные произведения; 3) музыкальные, драматические, хореографические и акробатические произведения искусства, а также произведения «*Quyi*»¹; 4) произведения изобразительного искусства и архитектуры; 5) фотографические произведения; 6) аудиовизуальные произведения (до 1 июня 2021 г.: «кинематографические произведения и произведения, созданные способом, аналогичным кинематографическому»²); 7) конструкторские чертежи, проекты изделий, карты и эскизы, модели, иные графические произведения; 8) компьютерное программное обеспечение; 9) другие результаты интеллектуальной деятельности, которые обладают признаками произведения³.

Таким образом, можно отметить, что в Китае видеоигры не выделены законом в качестве самостоятельного объекта авторского права. По этому вопросу нет разъяснений и в Положении о применении Закона об авторском праве, принятом в 2013 г. Государственным советом КНР⁴.

¹ Термин «*Quyi*» обозначает более 300 региональных жанров традиционного китайского устно-исполнительского искусства.

² Бажанов П. Внесены изменения в Закон КНР «Об авторском праве» // CNLegal: блог о законодательстве Китая. 2020. 21 дек. URL: https://cnlegal.ru/china_intellectual_property/china_copyright_law_2020/ (дата обращения 19.04.2025).

³ Copyright Law of China (2020) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/copyright-law-of-china-20201111> (дата обращения: 19.04.2025).

⁴ Чжочзо цюань фа шиши тяоли [Положение о применении Закона КНР «Об авторском праве»] (на китайском языке; 著作权法实施条例) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/implementing-regulations-on-the->

Видеоигра как компьютерное программное обеспечение (компьютерная программа / программа для ЭВМ)

В ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве», в том числе в его редакциях 2001 г., 2010 г. и 2020 г., охраняемым объектом авторского права признаётся компьютерное программное обеспечение (компьютерная программа). При этом в ст. 64 этого Закона отмечается, что «Государственный совет КНР обязан принять отдельное положение о мерах по охране компьютерного программного обеспечения»⁵. В результате в 2001 г. этим органом было принято до сих пор действующее «Положение об охране компьютерного программного обеспечения»⁶.

Проанализировав в 2013 г. указанное положение в целях выявления правовой природы видеоигр и их авторско-правовой охраны в китайском национальном правовом порядке, исследователи Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) пришли к выводу о том, что понятие «компьютерное программное обеспечение» в данном подзаконном акте определяется широко и включает в себя все типы компьютерных программ, а также сопутствующую к ним документацию [3, с. 28]. По данному вопросу ими также было проанализировано Положение о временных мерах по управлению онлайн-играми⁶, согласно которому онлайн-игры

copyright-law-20130130/chn (дата обращения: 20.04.2025).

⁵ Цзисуаньцзи жуанцзянь баоху тяоли [Положение об охране компьютерного программного обеспечения] (на китайском языке; 计算机软件保护条例) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/regulations-on-the-protection-of-computer-software-20130130/chn> (дата обращения: 20.04.2025).

⁶ Указанное положение принято в 2010 г., изменено в 2017 г., отменено в 2019 г. Об этом подробнее см.: Цай Жунвэй. Су пин

признавались в Китае «игровыми продуктами и услугами, состоящими из программного обеспечения и информационных данных, поставляемых пользователям через сеть Интернет или сети мобильной связи»¹.

С учётом проведенного анализа эксперты ВОИС пришли к выводу, что видеоигры в Китае можно рассматривать как разновидность компьютерного программного обеспечения [3, с. 28]. При таком подходе, как отметили исследователи, согласно ст. 10 Положения об охране компьютерного программного обеспечения, ст. 11, 13 Закона КНР «Об авторском праве» (в ред. 2010 г.), авторские права на видеоигру должны возникать у физического лица – разработчика компьютерной программы [3, с. 28]. Если над созданием видеоигры трудятся не только программисты, но и представители других творческих профессий (к примеру, дизайнеры, сценаристы, композиторы, художники), они могут быть признаны её соавторами [3, с. 28–29]. Если видеоигра создаётся по поручению и в соответствии с намерениями юридического лица или иной организации, исключительные имущественные права на неё возникают у этих лиц, а непосредственные авторы видеоигры в таком случае сохраняют право на указание своего авторства (к примеру, в её титрах) и на получение вознагражде-

ния за создание служебного произведения [3, с. 29–30].

Таким образом, в Китае (по состоянию на 2013 г.) правовая природа видеоигр и вопросы их авторско-правовой охраны рассматривались преимущественно в рамках норм, регулирующих такой объект авторского права, как компьютерное программное обеспечение. Соответствующее правовое регулирование с тех пор не претерпело существенных изменений. Положение об охране компьютерного программного обеспечения продолжает действовать. В то же время в 2019 г. было отменено Положение о временных мерах по управлению онлайн-играми, согласно которому онлайн-игры считались цифровыми продуктами, состоящими в том числе из программного обеспечения². При этом последние изменения, внесенные в 2020 г. в Закон КНР «Об авторском праве», как уже отмечалось, не выделили видеоигры в отдельную категорию охраняемых объектов.

На основании вышеизложенного в отечественной юридической литературе отмечается, что в Китае видеоигры рассматриваются как разновидность компьютерных программ [10, с. 60], причём на данный подход исследователи ссылаются и в актуальных научных публикациях [11, с. 81].

Однако такое мнение не в полной мере отражает современное состояние проблемы в Китае. На это обращают внимание китайские исследователи из Шанхайского университета «Цзяотун», отмечая, что «формально видеоигры по

Ванло юси гуаньли баньфа [Краткий обзор «Мер по управлению онлайн-играми»] (на китайском языке; 速评 «网络游戏管理办法») // Юридическая фирма «Чжун Лунь»: сайт. 25 дек. 2023. URL: <https://www.zhonglun.com/research/articles/15986.html> (дата обращения: 20.04.2025).

¹ Ванло юси гуаньли чжаньсин баньфа [Положение о временных мерах по управлению онлайн-играми] (на китайском языке; 网络游戏管理暂行办法) // Правительство КНР: сайт. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2010/content_1730704.htm (дата обращения 20.04.2025).

² Однако с 2023 г. рассматривается вопрос о принятии нового подобного положения. Об этом см.: Цай Жунвэй. Су пин Ванло юси гуаньли баньфа [Краткий обзор «Мер по управлению онлайн-играми»] (на китайском языке; 速评 «网络游戏管理办法») // Юридическая фирма «Чжун Лунь»: сайт. 25 дек. 2023. URL: <https://www.zhonglun.com/research/articles/15986.html> (дата обращения: 20.04.2025).

своей природе могут быть отнесены к категории компьютерного программного обеспечения, но в Китае правообладатели редко предъявляют иски о нарушении авторских прав, основанные на защите их программного кода» [12, с. 382].

Представляется, что причины такой тенденции связаны, прежде всего, с характером самих судебных споров в китайской индустрии видеоигр: преимущественно они возникают по поводу «рескининга» онлайн-игр, т. е. незаконного копирования их аудиовизуальных компонентов [12, с. 383]. Кроме того, правообладатели в Китае сегодня в большей степени заинтересованы в охране аудиовизуальной части своих игр как эстетически привлекательной и непосредственно воспринимаемой игроками [12, с. 383]. Дополнительные сложности вызывают особенности доказывания: в делах о защите авторских прав на компьютерную программу истец и ответчик вынуждены раскрывать суду и экспертам исходный код своих игр в целях проведения его сравнения, что создает серьезные риски утраты коммерческой тайны [12, с. 383], в результате чего правообладатели в Китае предпочитают избегать подачи подобных исков. Так, в приведенном ранее отчете о нарушениях авторских прав на онлайн-игры отмечается, что за период с 2014 по 2024 г. в Китае было выявлено только пять подобных случаев, когда правообладатели защищали авторские права на видеоигры как на разновидность компьютерных программ¹.

Таким образом, видеоигры в Китае могут квалифицироваться в качестве компьютерных программ. Однако подоб-

ный подход ограничен в своих возможностях, поскольку обеспечивает охрану лишь функциональной (технической) части видеоигры, не затрагивая её визуальные, звуковые, текстовые и иные творческие компоненты. В связи с этим, как отмечают исследователи Шанхайского университета «Цзяотун», китайские суды в рамках конкретных споров были вынуждены выйти за рамки традиционной квалификации и определить правовую природу аудиовизуальных компонентов видеоигр путём их соотнесения с другими категориями охраняемых произведений, предусмотренных в ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве» [12, с. 383].

Видеоигра как совокупность самостоятельных охраняемых произведений

В своей работе исследователи Шанхайского университета «Цзяотун» отмечают, что современные видеоигры, как правило, представляют собой совокупность различных компонентов, т. е. состоят из компьютерных программ, игровых правил, сюжетных линий, карт локаций, персонажей, музыки, кат-сцен и т. д. [12, с. 383] Поэтому в условиях распространения практики «рескининга» видеоигр китайские суды были вынуждены предоставить правообладателям «компонентную» (в нашем понимании и переводе) авторско-правовую защиту видеоигр, рассматривая каждый их творческий компонент как самостоятельное охраняемое произведение [12, с. 383].

Одним из первых случаев, в которых был применён данный подход, стало дело, связанное с карточной онлайн-игрой «Hearthstone». Фабула этого дела такова: в 2013 г. китайская компания Unico выпустила игру «Legend of Crouching Dragon», повторявшую игровые механики, визуальное и текстовое оформление игры «Hearthstone»². В январе 2014 г.

¹ Ванло юси сусун ланьпишу (2014–2024) фабу [Вышла «Синяя книга по судебным разбирательствам в сфере онлайн-игр за 2014 – 2024 гг.»] (на китайском языке; 《网络游戏诉讼蓝皮书 (2014-2024)》发布) // Qianlong.com: site. 2025. April. 22. URL: <https://culture.qianlong.com/2025/0422/8474693.shtml> (дата обращения: 30.04.2025).

² Jun Yang, Xiaobo He. Protection for online games under the general provision of the anti-unfair competition law - commentary on the Unfair Competition Dispute «Hearthstone v.

правообладатель этой игры (американская компания Blizzard Entertainment – истец) и её оператор на территории Китая (компания NetEase – соистец) обратились в Первый промежуточный народный суд г. Шанхая с иском о нарушении авторских прав, в котором указали, что Unico незаконно заимствовала для своей игры из игры «Hearthstone»: логотипы; визуальное оформление интерфейса; дизайн игровых карт; текстовые описания игровых карт и их колод; видеоролики и анимационные эффекты, сопровождающие открытие «карточного магазина» и «пакетов с наборами карт» [12, с. 384].

Рассматривая это дело, суд на основании ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве» квалифицировал спорные объекты следующим образом: логотипы игры «Hearthstone», игровой интерфейс и дизайн игровых карт как произведения изобразительного искусства; текстовые описания игровых карт и их колод как литературные произведения; видеоролики и анимационные эффекты открытия карточного магазина и пакетов с наборами карт как кинематографические произведения [12, с. 384–385]. Однако в результате сравнения этих двух игр и их спорных объектов суд установил нарушение исключительных прав истцов только в части незаконного воспроизведения в игре «Legend of Crouching Dragon»: логотипов; анимационных эффектов и видеороликов из игры «Hearthstone», признав остальные спорные объекты, используемые ответчиком, не нарушающими права истцов [12, с. 384–385]. Тем не менее по этому делу суд обязал компанию Unico выплатить в пользу Blizzard Entertainment и NetEase компенсацию в размере 10 млн юаней за имеющиеся нарушения и прекратить рас-

пространение игры «Legend of Crouching Dragon»¹.

Подобный «компонентный» подход к защите авторских прав на видеоигру был использован той же компанией Blizzard Entertainment в 2015 г. в деле о незаконном заимствовании визуальных объектов из принадлежащей ей онлайн-игры «World of Warcraft» в игре «Everyone WarCraft», разработанной китайской компанией Chengdu Qiyou и управляемой компанией Fenbo Times (далее – ответчики)². В рамках этого дела Суд по интеллектуальным правам провинции Гуанчжоу признал дизайн семи монстров и восемнадцати игровых персонажей из игры «World of Warcraft» произведениями изобразительного искусства и установил, что ответчики, используя эти произведения в своей игре «Everyone WarCraft» без согласия правообладателя (Blizzard), нарушили его исключительное право на воспроизведение указанных объектов. По результатам рассмотрения этого дела суд обязал ответчиков прекратить распространение игры «Everyone WarCraft» и присудил в пользу истца компенсацию в размере 6 млн юаней³.

В рамках «компонентного» подхода к защите авторских прав на видеоигру показательным также является следующее

¹ Eric Jou. Blizzard wins copyright lawsuit against chinese hearthstone clone // Kotaku: site. 2014. November 10. URL: <https://kotaku.com/blizzard-wins-copyright-lawsuit-against-chinese-hearthstone-1656745617> (дата обращения: 22.04.2025).

² См.: Blizzard Entertainment Inc. and Shanghai EaseNet Network Technology Development Co., Ltd. V. Chengdu Qiyou Technology Co., Ltd. ET AL. (2015) // WIPO: site. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/578667> (дата обращения: 22.04.2025).

³ Blizzard Entertainment succeeds in infringement lawsuit against World of Warcraft // Hong Fang Law: site. 2016. September 21. URL: <https://www.hongfanglaw.com/en/news/blizzard-entertainment-succeeds-in-infringement-lawsuit-against-world-of-warcraft/> (дата обращения: 22.04.2025).

legend of crouching dragon» // Watson and Band: site. 2015. October 16. URL: http://www.watson-band.com/en/pubDetail_en.htm?item.id=9a154cddf9ad44cab07c1172d6fafba7 (дата обращения: 22.04.2025).

судебное дело о незаконном заимствовании карт игровых уровней. В 2017 г. китайская корпорация Tencent, являющаяся в Китае оператором южнокорейского онлайн-шутера CrossFire, предъявила иск к семи компаниям, обвинив их в копировании шести карт из игры «CrossFire» в игре «Crisis Action»¹. Суд первой инстанции согласился с тем, что все шесть игровых карт воспроизведены в игре «Crisis Action» незаконно, и присудил корпорации Tencent компенсацию в размере 45,2 млн юаней за указанное нарушение. Однако в декабре 2021 г. Верховный народный суд провинции Гуандун отменил это решение и постановил новое, в котором отметил, что по аналогии с картами реального мира игровые карты, будучи пространственным отражением виртуального мира, т. е. игрового уровня, могут быть отнесены к графическим произведениям (Согласно п. 7 ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве»), поскольку соответствуют их критериям². После чего, сравнив в этом деле спорные игровые карты, суд установил, что ответчики незаконно воспроизвели в своей игре «Crisis Action» в качестве графических произведений лишь четыре из шести оригинальных карт игры «CrossFire», в связи с чем сумма компенсации, присужденная корпорации Tencent, была снижена до 25 млн юаней.

Таким образом, в правоприменительной практике Китая по делам о нарушении авторских прав на видеоигры сформировался в том числе «компонент-

ный» подход, основанный на квалификации отдельных составных творческих компонентов видеоигр в качестве самостоятельных охраняемых произведений.

В целях унификации подобной судебной практики ещё в 2020 г. Верховный суд провинции Гуандун издал специальные разъяснения по рассмотрению споров, связанных с интеллектуальной собственностью в сфере онлайн-игр, где подтвердил состоятельность данного подхода к охране видеоигр и указал, что при рассмотрении требований правообладателя о нарушении авторских прав необходимо индивидуально оценивать каждый компонент видеоигры, соотнося его с конкретной категорией охраняемых произведений, предусмотренных ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве», в рамках которого можно признать: 1) литературными произведениями – описания игровых персонажей, их характеристик, навыков и оружия, а также правила игры и её сюжет; 2) произведениями изобразительного искусства – изображения игровых персонажей, оружия, виртуальных предметов, иконки и логотипы игры, карты и игровые сцены; 3) музыкальными произведениями – фоновую музыку, основной саундтрек игры, звуковые эффекты; 4) аудиовизуальными произведениями – внутриигровые видеоролики и анимации³.

Несмотря на то, что указанные разъяснения подлежат обязательному применению только в «игровых делах», рас-

¹ The first game map copyright infringement case: Tencent was awarded \$3.9 mln. // China IP Today: site. 2022. March 29. URL: <https://www.chinaiptoday.com/post.html?id=1778> (дата обращения: 22.04.2025).

² A. Wininger. Guangdong higher people's court rules for Tencent in China's first game map copyright case // National Law Review: site. 2021. December 8. URL: <https://natlawreview.com/article/guangdong-higher-peoples-court-rules-tencent-china-s-first-game-map-copyright-case> (дата обращения: 22.04.2025).

³ См.: Гуань юй ванло юси чжиши чанцюань миньши цзюфэнь аныцзянь де шэньпан чжйнь [Разъяснения Верховного суда провинции Гуандун по рассмотрению споров, связанных с интеллектуальной собственностью в сфере онлайн-игр] (на китайском языке; 关于网络游戏知识产权民事纠纷案件的审判指引) // Верховный суд провинции Гуандун: офиц. сайт. URL: http://www.gdcourts.gov.cn/gsxx/quanweifabu/guifanwenjian/content/mpost_1046318.html (дата обращения: 22.04.2025).

смаатриваемых судами провинции Гуандун, китайские юристы предполагают, что они могут быть ориентиром и для других судов, рассматривающих аналогичные дела¹.

Видеоигра как квазикинематографическое / аудиовизуальное произведение

В китайской судебной практике наряду с «компонентным» подходом сформировался и другой подход, основанный на квалификации аудиовизуального содержания видеоигры в качестве единого произведения. В рамках этого подхода до 1 июня 2021 г.² китайские суды рассматривали «общее динамическое визуальное отображение видеоигры на экране»³ как «кинематографическое произведение или произведение, созданное способом, аналогичным кинематографическому», а после указанной даты – как «аудиовизуальное произведение» в соответствии с новой редакцией Закона «Об авторском праве». Развитие этой правовой позиции во многом связано с тем, что на практике появились случаи нарушения авторских прав, состоящие в полном или существенном копировании аудиовизуального содержания видеоигр. Это побудило правообладателей обращаться за защитой не отдельных творческих компонентов своих игр, а их «общего дина-

мического визуального отображения на экране».

Показательным в этом отношении является судебный спор, возникший в 2014 г. между компанией Zhuangyou – китайским оператором южнокорейской онлайн-игры «Miracle MU» (истец по делу) и компаниями Shuoxing и Weidong (ответчики по делу), разработавшими и запустившими в Китае онлайн-игру «Miracle Myth». Основанием для иска в этом споре стал плагиат со стороны ответчиков, выразившийся в практически полном копировании в их игре «Miracle Myth» графики, персонажей, названий карт, сцен и сюжетных линий из игры истца «Miracle MU»⁴.

Шанхайский народный суд нового района Пудун (первая инстанция), рассмотрев это дело в 2016 г., признал, что указанные компоненты игры «Miracle MU» обладают оригинальностью и внешней формой выражения, что позволяет защищать их нормами авторского права. При этом игровые карты, персонажи, монстры, сцены и сюжетные линии в этой игре, как посчитал суд, не только оригинальны, но и объединены в уникальное целое – в саму игру, что позволяет осуществлять их защиту как единого произведения. Сама видеоигра «Miracle MU», по мнению суда, как единое произведение представляет собой непрерывную последовательность динамически

¹ См.: Guangdong High Court released trial guidelines for online game-related IP disputes // Lexology: site. 2020. May 19. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=81e16b28-619e-430e-beaf-18275fca9fc5> (дата обращения: 24.04.2025).

² Дата вступления в силу поправок в Закон КНР «Об авторском праве», принятых в 2020 г.

³ Авторский перевод конструкции «Overall Game Screen» (буквально – общий игровой экран), используемой в статье упомянутых китайских исследователей университета «Цзяотун» и в других публикациях на английском языке из списка литературы, а также конструкции 游戏画面 (буквально – игровой экран), которая использовалась в решениях китайских судов.

⁴ См.: Фэн Фэй. 500 万 元 赔 偿 额 再 创 新 高 · 国内 首 例 将 网 络 游 戏 整 体 画 面 认 定 为 “类 电 影 作 品” 案 一 审 判 决 // Новости интеллектуальной собственности Китая: сайт. 2016. 13 мая. URL: <https://www.ciplawyer.cn/articles/122611.html> (дата обращения: 24.04.2025).

меняющихся изображений на экране, воспроизводимых действиями игроков, но в пределах изначального творческого замысла разработчиков игры, тем самым форма её выражения и способ воспроизведения аналогичны кинематографическому¹.

На основании изложенного и п. 6 ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве» (в ред. 2010 г.), п. 11 ст. 4 Положения о применении указанного закона (в ред. 2013 г.) суд признал игру «Miracle MU» «произведением, созданным способом, аналогичным кинематографическому» (в понимании китайских правоведов – «квазикинематографическим произведением» или «квазифильмом»¹). Сравнив между собой две указанные игры, суд также установил, что графическое исполнение игры «Miracle Myth» полностью аналогично игре истца «Miracle MU», тем самым в действиях ответчиков имеется нарушение прав истца на воспроизведение и адаптацию (в отечественном понимании – переработку) указанной онлайн-игры как «квазикинематографического произведения», в результате чего истцу была присуждена компенсация в размере 5,1 млн юаней.

В 2017 г. Шанхайский суд по интеллектуальным правам (апелляционная инстанция) поддержал правовую позицию суда первой инстанции по этому делу, дополнительно обратив внимание на то,

¹ См.: Фэн Фэй. 500 ван юань пэйчан э цай чуан синь гао, го-нэй шоу ли цзян ванло юси чжэнтхи хуамань жэньдин вэй «лэй дяньин цзоцзюнь» ань и шэнь паньцзюэ [5 млн юаней компенсации – новый рекорд: первое в Китае решение суда о признании общего визуального ряда онлайн-игры «произведением, похожим на фильм»] (на китайском языке; 500万元赔偿额再创新高·国内首例将网络游戏整体画面认定为“类电影作品”案一审判决) // Новости интеллектуальной собственности Китая: сайт. 2016. 13 мая. URL: <https://www.ciplawyer.cn/articles/122611.html> (дата обращения: 24.04.2025).

что, хотя видеоигры и отличаются от традиционных фильмов наличием интерактивности, это не исключает их квалификацию как «квазикинематографических произведений», поскольку игровая графика на экране, подобно фильмам, формируется из непрерывной последовательности изображений, которые возникают и изменяются в зависимости от действий игрока, однако полностью в рамках изначального замысла разработчиков игры².

Продолжением аналогичной судебной практики стало дело о плагиате игры «Tai Chi Panda», рассмотренное в 2018 г. Народным судом промежуточной инстанции г. Сучжоу (первая инстанция), а затем в 2019 г. Высшим народным судом провинции Цзянсу (апелляционная инстанция)³. В рамках этого дела правооб-

² См.: Лу Фэньюй, Цинь Тяньнин. Ванло юси чжэнтхи хуамань гоу чэн «лэй дяньин цзоцзюнь» де жэньдин – пин Шоусин гунсы дэн юй Чжуаню гунсы дэн чжочзо цюань циньцюань цзи бу чжэндан цзинчжэн цзюфэнь шансу ань [Является ли общий визуальный ряд онлайн-игры «произведением, подобным фильму»: комментарий к апелляционному делу о нарушении авторских прав и недобросовестной конкуренции в споре между компаниями Shuoxing, Zhuangyou и др.] (на китайском языке; 《网络游戏整体画面构成“类电影作品”的认定 – 评硕星公司等与壮游公司等著作权侵权及不正当竞争纠纷

上诉状案》) // Шанхайский суд по интеллектуальным правам: офиц. сайт. 2017. 15 нояб. URL: <https://www.shzcfy.gov.cn/detail.jhtml?id=10010132> (дата обращения: 24.04.2025).

³ Цзянсу шэн гаоцзи жэньминь фаяюань миньши паньцзюэ шу 1054 2019-12-31 [Решение Верховного народного суда провинции Цзянсу №1054 от 31.12.2019 г. по делу компании Suzhou Snail (правообладателя игры Tai Chi Panda) против компаний Chengdu Tianxiang и Beijing iQiyi (разработчика и оператора игры Hua Qian Gu)] (на китайском языке; 江苏省高级人民法院 民事判决书 1054, 2019-12-31) // База китайских судебных решений по спорам об интеллектуальной

ладатель игры «Tai Chi Panda» (истец по делу) утверждал, что ответчики, разработавшие и управляющие онлайн-игрой «Hua Qian Gu», незаконно заимствовали из его игры оригинальное графическое оформление, пользовательский интерфейс, игровые механики, тем самым нарушили его авторские права на эту видеоигру. В свою очередь, ответчики настаивали на том, что авторские права истца они не нарушали, поскольку: а) видеоигры в Китае не признаны самостоятельной категорией охраняемых произведений; б) графическое оформление, интерфейс и игровые механики, используемые в игре истца, являются техническими решениями и идеями, которые китайским законодательством не охраняются. Народный суд промежуточной инстанции г. Сучжоу отклонил указанные доводы и согласился с истцом в том, что авторские права на его видеоигру были нарушены действиями ответчиков. Своё решение суд аргументировал следующим образом¹.

Во-первых, произведение в рамках Закона КНР «Об авторском праве» подлежит охране, если оно оригинально, имеет внешнюю форму выражения, относится к сфере литературы, науки или искусства (ст. 3 этого Закона). Видеоигра «Tai Chi Panda» можно отнести к произведениям в области искусства, поскольку она имеет красочный дизайн, насыщенный игровой процесс и эстетически привлекательна для игроков. Указанная видеоигра также имеет оригинальные творческие компоненты: графический интерфейс, сюжет, игровые уровни и правила игры, созданные с использованием зна-

чительного интеллектуального вклада команды разработчиков. При этом любая видеоигра состоит из двух основных частей: статической совокупности программного кода и информационных данных, а также «общего динамического визуального отображения на экране». Каждая из этих частей может быть признана внешней формой выражения видеоигры как произведения. Однако в связи с характером нарушения в рамках этого дела внешней формой выражения игры «Tai Chi Panda» признаётся её «общее динамическое визуальное отображение на экране». Таким образом, видеоигра «Tai Chi Panda» соответствует общим критериям охраноспособности произведений.

Во-вторых, признав видеоигру «Tai Chi Panda» соответствующей общим критериям охраноспособности, суд соотнес её с такой категорией объектов авторского права, как «кинематографические произведения и произведения, созданные способом, аналогичным кинематографическому» (согласно п. 6 ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве» (в ред. 2010 г.))², отметив при этом, что, согласно п. 11 ст. 4 Положения о применении закона об авторском праве КНР, под ними понимают «произведения, зафиксированные на определённых материальных носителях, состоящие из серии изображений (со звуком или без него) и воспроизводимые с помощью соответствующих технических устройств либо передаваемые иными способами»³. Видеоигра «Tai Chi Panda»

собственности: сайт. URL: <https://m.iphouse.cn/verdict/show/id/1126527.html?code=l2ywY2pna5aUaA==> (дата обращения: 25.04.2025).

¹ В решении Верховного народного суда провинции Цзянсу подробно описывается правовая позиция суда первой инстанции по этому делу. Также подробный правовой анализ этого дела на английском языке имеется в работе [9].

² Бизнес в Китае: информационно-аналитический портал. URL: <https://asia-business.ru/law/law3/copyright/> (дата обращения: 20.04.2024).

³ Чжочзо цюань фа шиши тяоли [Положение о применении Закона КНР «Об авторском праве»] (на китайском языке; 著作权法实施条例) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/implementing-regulations-on-the-copyright-law-20130130/chn> (дата обращения: 20.04.2025).

соответствует этому определению, поскольку игроки напрямую воспринимают лишь её аудиовизуальную составляющую, подобно тому, как зритель воспринимает фильм в процессе его воспроизведения на экране. Кроме того, в большинстве случаев у видеоигр есть сюжет, в том числе и у игры «Tai Chi Panda», что ещё больше сближает её с кинофильмами, отличительным признаком которых является наличие сюжета (сценария). Также видеоигры, подобно фильмам, состоят из непрерывной последовательности динамически меняющихся изображений со звуком или без него, воспроизводимых на экране действиями игроков в ходе игрового процесса, но в пределах изначального творческого замысла разработчиков игры.

На основании изложенного Народный суд промежуточной инстанции г. Сучжоу признал видеоигру «Tai Chi Panda» произведением, созданным способом, аналогичным кинематографическому («квазикинематографическим произведением»). В своём решении суд также отметил, что ответчики, использовав оригинальное графическое оформление, интерфейс и игровые механики игры «Tai Chi Panda», незаконно переработав их для создания своей игры «Hua Qian Gu», допустили нарушение авторских прав истца на воспроизведение и адаптацию (переработку) указанного «квазикинематографического произведения» (п. 14 ст. 4 и ст. 12 Закона КНР «Об авторском праве»), в результате чего в пользу истца была взыскана компенсация в размере 30 млн юаней.

Верховный народный суд провинции Цзянсу, рассмотрев в 2019 г. это дело в апелляционной инстанции, оставил решение Народного суда промежуточной инстанции г. Сучжоу без изменения, согласившись с квалификацией видеоигры «Tai Chi Panda» как «квазикинематогра-

фического произведения» и размером компенсации, присужденной истцу¹.

Таким образом, анализ китайской судебной практики показывает, что аудиовизуальное содержание видеоигры (её «общее динамическое визуальное отображение на экране») может квалифицироваться как единое «квазикинематографическое произведение».

Однако с 1 июня 2021 г. в Законе об авторском праве КНР категория «кинематографических произведений или произведений, созданных с использованием способов, аналогичных кинематографическому» была заменена на категорию «аудиовизуальные произведения»². Обобщив судебную практику ещё до вступления в силу законодательных изменений, Верховный народный суд провинции Гуандун в 2020 г. в своих разъяснениях отметил, что видеоигра может быть признана аудиовизуальным произведением, если соответствует следующим критериям: а) её составные творческие аудиовизуальные компоненты достаточно оригинальны; б) могут быть воспроизведены с помощью технических устройств; в) отображаются на экране в качестве непрерывной динамической последова-

¹ Цзянсу шэн гаоцзи жэньминь фаяюань миньши паныцзюэ шу 1054 2019-12-31 [Решение Верховного народного суда провинции Цзянсу №1054 от 31.12.2019 г. по делу компании Suzhou Snail (правообладателя игры Tai Chi Panda) против компаний Chengdu Tianxiang и Beijing iQiyi (разработчика и оператора игры Hua Qian Gu)] (на китайском языке; 江苏省高级人民法院 民事判决书 1054, 2019-12-31) // База китайских судебных решений по спорам об интеллектуальной собственности: сайт. URL: <https://m.iphouse.cn/verdict/show/id/1126527.html?code=l2ywY2pna5aUaA>== (дата обращения: 25.04.2025).

² Бажанов П. Внесены изменения в Закон КНР «Об авторском праве» // CNLegal.ru: блог о законодательстве Китая. URL: https://cnlegal.ru/china_intellectual_property/china_copyright_law_2020/ (дата обращения 25.04.2025).

тельности изображений, возникающих в процессе управления игрой пользователем, однако по заранее заданным разрабатчиком игры правилам¹.

На основании изложенного китайские исследователи Шанхайского университета «Цзяотун» отмечают, что, исходя из сформировавшейся судебной практики, после 1 июня 2021 г. «общее динамическое визуальное отображение видеоигры на экране» стало рассматриваться в Китае как аудиовизуальное произведение [12, с. 387], в том числе подобная правовая квалификация была использована в 2021 г. Третьим промежуточным народным судом г. Шанхая в деле о нарушении авторских прав на игру «Legend of Mir» [12, с. 387]. В связи с чем нельзя не отметить, что в приведённом отчёте о нарушении в Китае авторских прав на онлайн-игры констатировалось, что за период с 2014 по 2024 г. китайские суды признавали видеоигры (онлайн-игры) «квазикинематографическими» или «аудиовизуальными произведениями» в тридцати двух случаях², что, по нашему мнению, свидетельствует о сформировавшейся в этой стране устойчивой су-

дебной практике по возможной квалификации видеоигр в качестве такого рода произведений.

Проведённый анализ показал, что в китайском законодательстве об авторском праве видеоигры не закреплены в качестве самостоятельного объекта охраны. Вместе с тем современное состояние видеоигр уже не позволяет рассматривать их исключительно как разновидность компьютерных программ, поэтому правоприменительная практика Китая была вынуждена искать новые подходы к пониманию правовой природы видеоигр и защите авторских прав на эти объекты.

Первоначально судебная практика Китая пошла по пути предоставления правообладателям так называемой «компонентной» авторско-правовой защиты, при которой каждый творческий компонент видеоигры квалифицируется отдельно в рамках предусмотренных законом категорий охраняемых произведений.

С одной стороны, указанный подход позволяет обеспечить охрану практически всех ключевых творческих компонентов видеоигры как традиционных объектов авторского права, что существенно упрощает решение следующих теоретических вопросов: во-первых, об авторстве, поскольку при таком подходе каждый отдельный составной творческий компонент игры (произведение, входящее в неё) имеет своего конкретного автора; во-вторых, о передаче исключительных прав от авторов к организатору создания видеоигры (игровой студии или издателю) путём признания созданных произведений служебными либо через заключение различного рода договоров (авторского заказа, лицензионных, об отчуждении исключительного права).

С другой стороны, на практике всегда существует риск того, что конкретный творческий компонент видеоигры, рассмотренный судом в отрыве от неё, может быть не признан самостоятельным охраняемым произведением. На данный

¹ См.: Гуань юй ванло юси чжиши чанцюань миньши цзюфэнь аныцзянь де шэньпан чжйинь [Разъяснения Верховного суда провинции Гуандун по рассмотрению споров, связанных с интеллектуальной собственностью в сфере онлайн-игр] (на китайском языке; 关于网络游戏知识产权民事纠纷案件的审判指引) // Верховный суд провинции Гуандун: офиц. сайт. URL: http://www.gdcourts.gov.cn/gsxx/quanweifabu/guifanwenjian/content/mpost_1046318.html (дата обращения: 22.04.2025).

² Ванло юси сусун ланьпишу (2014–2024) фабу [Вышла «Синяя книга по судебным разбирательствам в сфере онлайн-игр за 2014–2024 гг.»] (на китайском языке; 《网络游戏诉讼蓝皮书 (2014-2024)》

发布) // Qianlong.com: site. 2025. April. 22. URL: <https://culture.qianlong.com/2025/0422/8474693.shtml> (дата обращения: 30.04.2025).

риск указывают и китайские исследователи [12, с. 388]. При этом именно недобросовестные разработчики, занимающиеся «рескинингом» видеоигр, сегодня заинтересованы в том, чтобы отдельным творческим компонентам из игр конкурентов не предоставлялась авторско-правовая охрана, а их копирование не влекло за собой юридической ответственности за нарушение авторских прав.

По этой причине в судебной практике Китая получил развитие альтернативный подход, предполагающий признание видеоигр «квазикинематографическими», а после внесения изменений в законодательство – аудиовизуальными произведениями. В рамках данного подхода китайские правообладатели стремятся получить комплексную правовую охрану аудиовизуальной части своих видеоигр, которая, как считают суды, может представлять собой «непрерывную последовательность динамически меняющихся изображений на экране, воспроизводимых действиями игроков, но в пределах изначального творческого замысла разработчиков игры».

С одной стороны, такой подход обеспечивает комплексную правовую охрану аудиовизуальной части игры в свете того, что на практике (причём не только в Китае [13]) появились случаи нарушения авторских прав, состоящие в полном или частичном копировании аудиовизуального содержания видеоигр. В рамках данного подхода довольно понятно решаются и теоретические вопросы о возникновении авторских и передаче исключительных прав на видеоигру как на аудиовизуальное произведение. К примеру, в соответствии со ст. 17 Закона КНР «Об авторском праве», исключительные права на такие произведения возникают у продюсера (лица, организовавшего создание произведения), а авторские права непосредственно возникают у сценаристов, режиссёров, операторов, авторов текста песен и других лиц –

создателей этого произведения¹, т. е. в Китае предусмотрен открытый перечень авторов аудиовизуальных произведений, поэтому на практике его возможно толковать с учётом особенностей процесса создания видеоигр. В таком случае все авторы видеоигры как аудиовизуального произведения, согласно этой статье, имеют право на указание своего авторства и право на вознаграждение в соответствии с заключёнными с продюсером договорами¹.

С другой стороны, в ходе формирования в Китае подобной судебной практики отмечалось, что квалификация «общего динамического визуального отображения видеоигры на экране» в качестве «квазикинематографического» или аудиовизуального произведения является мерой, которая не должна приводить к распространению правовой охраны на все без исключения составные компоненты видеоигр. Тем не менее китайские правообладатели, добиваясь от судов признания видеоигр подобного рода произведениями, начали стремиться к получению одновременной защиты не только аудиовизуальной части своих игр, но и их правил и игровых механик, которые традиционно рассматривались как «идеи», не подлежащие правовой охране, однако теперь такой подход в судебной практике Китая поставлен под сомнение².

Более того, квалификация видеоигр в качестве «квазикинематографических» или аудиовизуальных произведений, на

¹ Copyright Law of China (2020) // China Justice Observer: site. URL: <https://www.china-justiceobserver.com/law/x/copyright-law-of-china-20201111> (дата обращения: 19.04.2025).

² Об этом см.: Чжан Вэйцзюнь. Дяньцзы юси гуйцзэ цзо вэй «ци та цзоцзюнь» баоху де уцуй [Размышления о защите правил видеоигр в Китае] (на китайском языке; 电子游戏规则作为“其他作品”保护的误区) // Новости интеллектуальной собственности Китая: сайт. 2024. September 26. URL: <https://www.ciplawyer.cn/articles/154648.html> (дата обращения: 07.05.2025).

наш взгляд, опирается на расширительное толкование соответствующих категорий. Видеоигры в Китае признаются такого рода произведениями за счёт того, что игроки, подобно зрителям фильмов, воспринимают на экране динамически меняющиеся изображения со звуком или без него. При этом китайские судьи подчеркивают, что данные изображения возникают на экране в результате действий игроков, однако в рамках изначального творческого замысла разработчиков игры. Тем не менее нельзя не отметить, что не во всех играх действия игроков строго соответствуют творческому замыслу разработчиков, особенно если игра предоставляет игроку большую свободу действий, имеет открытый виртуальный мир и даёт возможность отклоняться от заранее спланированного сценария или даже игнорировать его. Это существенно отличает видеоигры от кинофильмов или иных подобных аудиовизуальных произведений, где зрители никак не влияют на процесс создания и воспроизведения изображений, а все кадры, появляющиеся на экране, всегда являются результатом творческого замысла их авторов.

В процессе формирования подобной судебной практики большие вопросы у китайских исследователей вызывал и способ создания указанных выше произведений. Отмечалось, что «киносъёмка» традиционно является основным способом создания кинофильмов и иных подобных аудиовизуальных произведений, тогда как процесс разработки видеоигр гораздо сложнее [9, с. 337]. С этим следует согласиться, поскольку указанный способ в процессе создания видеоигр используется лишь для захвата движений реальных актёров с помощью технологии «motion capture» в целях создания катсцен, анимации персонажей и других внутриигровых объектов. В остальном же производство видеоигр включает в себя программирование, 2D- и 3D-моделирование, работу над физикой игрового мира, запись и обработку звуковых эф-

фектов, создание музыкального сопровождения, озвучивание персонажей, разработку нарративного дизайна, сюжетов и диалогов, проектирование уровней и игровых механик и другие виды творческой деятельности.

Поэтому в связи с изложенным нельзя не отметить, что подобная квалификация видеоигр в качестве «квазикинематографических», а затем аудиовизуальных произведений, как указывает исследователь Цзяо Хэпин, применяется китайскими судами по аналогии закона, что, по его мнению, представляет собой лишь временную меру для решения проблемы авторско-правовой охраны видеоигр [14, с. 58–59]. В свою очередь, итальянский исследователь Джакомо Бони считает подобную правовую квалификацию видеоигр ошибочной (не учитывающей их интерактивную природу) и справедливо замечает, что, несмотря на огромную значимость видеоигровой индустрии для экономики Китая, в Законе КНР «Об авторском праве» до сих пор отсутствует надлежащее и самостоятельное определение видеоигр как объектов авторского права [15, с. 46–47].

Выводы

Законодательство и судебная практика Китая активно адаптируются к правовым вопросам, связанным с индустрией видеоигр. В этих условиях на сегодняшний день уже невозможно утверждать, что в этой стране в качестве основного используется какой-либо один из проанализированных нами подходов к пониманию правовой природы видеоигр и осуществлению их авторско-правовой охраны. Напротив, как отмечают исследователи из Шанхайского университета «Цзяотун», китайский подход к авторско-правовой охране видеоигр в настоящее время можно признать «раздельным», т. е. фактически «дистрибутивным», в рамках которого каждый творческий компонент видеоигры может представлять собой отдельное охраняемое произведение

(к примеру, литературное, музыкальное, сценарное, изобразительное и пр.), звуковые и визуальные компоненты в своей совокупности признаваться аудиовизуальным произведением, техническая же часть игры (программный код, игровой движок) квалифицироваться как компьютерное программное обеспечение.

В связи с этим нельзя не отметить, что такое понимание правовой природы видеоигр в целом соответствует российской концепции «сложного объекта», их определению через его разновидность – категорию «мультимедийных продуктов», однако законодательство Китая подобных правовых конструкций не предусматривает.

В то же время китайские исследователи из Шанхайского университета «Цзяотун» считают, что сложившаяся в их стране разносторонняя правовая квалификация видеоигр и их составных частей является сложной и может приводить к пересечению или неэффективности в защите авторских прав на видеоигры. Поэтому они предлагают рассматривать видеоигры как «иные результаты интеллектуальной деятельности, обладающие признаками произведения», а не в рамках каких-то других традиционных категорий, поскольку с 1 июня 2021 г. законодательство Китая предусматривает

открытый перечень охраняемых объектов авторского права и в китайской судебной практике уже делаются первые попытки признания видеоигр подобного рода «иными» произведениями.

Вместе с тем в России правовая природа видеоигр и их авторско-правовая охрана всё ещё остаются неопределёнными, в том числе из-за отсутствия современной судебной практики по этим вопросам. На этом основании полагаем, что изученный правовой опыт Китая может использоваться в отечественной юридической науке в целях дальнейшего теоретического осмысления правовой природы видеоигр, их авторско-правовой охраны и адаптации российского законодательства в целях регулирования интеллектуальной собственности в индустрии видеоигр, развитие которой в нашей стране планируется осуществлять при поддержке государства. Так, на рассмотрении Государственной Думы РФ в настоящее время находится специальный законопроект о регулировании деятельности по разработке и распространению видеоигр (№795581-8), а Президентом РФ в сентябре 2024 г. по итогам визита в Республику Саха (Якутия) поднят вопрос о дополнительном государственном финансировании программ по разработке видеоигр.

Список литературы

1. Компьютерные игры в юридических исследованиях: к вопросу о предпосылках модели регулирования / В.В. Архипов, А.А. Васильев, Н.Ю. Андреев, Ю.В. Печатнова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14, вып. 1. С. 5-21. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.101>.
2. Каштанова П.А. Разнообразие объектов авторского права в составе видеоигр // Право цифровой экономики – 2022 (18): Ежегодник-антология / науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 335-352.
3. The legal status of video games: comparative analysis in national approaches / A. Ramos, L. Lopez, A. Rodriguez, T. Meng, S. Abrams. Geneva: WIPO Publication, 2013. 97 p.
4. Киселева Л.Ю. Видеоигры как объекты права интеллектуальной собственности // Образование и право. 2022. № 3. С. 93-99. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-3-93-99>.
5. Архипов В.В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики // Закон. 2015. № 11. С. 61-69.

6. Stein J.S. The legal nature of video games - adapting copyright law to multimedia // *Press Start*. 2015. Vol. 2, no. 1. P. 43-55. URL: <https://press-start.gla.ac.uk/press-start/article/view/25> (дата обращения: 17.04.2025).
7. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.
8. Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. М.: Проспект, 2024. 128 с.
9. Li Zihao. The copyright protection of video games from reskinning in China: A comparative study on UK, US and China approaches // *Tsinghua China Law Review*. 2019. Vol. 11, no. 2. P. 293-340. URL: <https://ssrn.com/abstract=3603041> (дата обращения: 17.04.2025).
10. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в индустрии видеоигр // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2017. № 10. С. 59-68.
11. Лемяцких Е.О. Простые сложности: статус видеоигры и особенности её правовой охраны // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022. Т. 41, № 2. С. 80-89. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>.
12. Xu Y., Wan C. Chinese practice in the copyright protection of video games: An attempt under the element splitting approach // *International Journal of Social Science and Education Research*. 2025. Vol. 8, no. 5. P. 382-390. [https://doi.org/10.6918/IJOSSER.202505_8\(5\).0052](https://doi.org/10.6918/IJOSSER.202505_8(5).0052).
13. Чувствинов И.В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2021. № 3 (33). С. 102-111.
14. Цзяо Хэпин. Синьши цзеши лунь ся ванло юси дунтай хуамянь де чжочзо цюань баоху луцзин [Подход к защите авторских прав на динамические изображения онлайн-игр в рамках теории формального толкования] // Сяньдай фа сюэ [Современная юриспруденция]. 2021. Т. 43, № 2. С. 44-59. (на китайском языке; 焦和平.形式解释论下网络游戏动态画面的著作权保护路径 // *现代法学*, 2021年 第43卷, 第2期, 44-59页).
15. Boni G. Legal regulation and IP rights protection of online games in China // *Universita Ca Foscari Venezia: site*. 2021. URL: <https://unitesi.unive.it/handle/20.500.14247/11009> (дата обращения: 17.04.2025).

References

1. Arkhipov V.V., Vasil'ev A.A., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. Computer games in legal research: on the prerequisites for a regulatory model. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023;14(1):5-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.101>.
2. Kashtanova P.A. The diversity of copyrightable subject matter within video games. In: Rozhkova M.A. *Law of the Digital Economy – 2022 (18): Annual Anthology*. Moscow: Statut; 2022. P. 335-352. (In Russ.)
3. Ramos A., Lopez L., Rodriguez A., Meng T., Abrams S. The legal status of video games: Comparative analysis in national approaches. Geneva: WIPO; 2013. 97 p.
4. Kiseleva L.Yu. Video games as objects of intellectual property rights. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2022;(3):93-99. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-3-93-99>.
5. Arkhipov V.V. Intellectual property in the video game industry: theoretical and practical issues. *Zakon = Law*. 2015;(11):61-69. (In Russ.)
6. Stein J.S. The legal nature of video games – adapting copyright law to multimedia. *Press Start*. 2015;2(1):43-55. <https://doi.org/10.6918/IJOSSER>.

7. Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the 21st century. Moscow: Iustitsinform; 2020. 224 p. (In Russ.)
8. Grin' E.S. Copyright in multimedia products. Moscow: Prospekt; 2024. 128 p. (In Russ.)
9. Li Z. The copyright protection of video games from reskinning in China: a comparative study on UK, US and China approaches. *Tsinghua China Law Review*. 2019;(11):293-340. Available from: <https://ssrn.com/abstract=3603041> (accessed 17.04.2025).
10. Churilov A.Yu. Legal regulation of intellectual property in the video game industry. IS. *Avtorskoe pravo i smezhnye prava = IP. Copyright and Related Rights*. 2017;(10):59-68. (In Russ.)
11. Lemiatskikh E.O. Simple complexities: the legal status of video games and specifics of their copyright protection. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Intellectual Property Law Review*. 2022;41(2):80-89. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/tis.2022.14450>.
12. Xu Y., Wan C. Chinese practice in the copyright protection of video games: an attempt under the element splitting approach. *International Journal of Social Science and Education Research*. 2025;8(5):382-390. [https://doi.org/10.6918/IJOSSE.202505_8\(5\).0052](https://doi.org/10.6918/IJOSSE.202505_8(5).0052).
13. Chuvstvinov I.V. Video games and intellectual property: particularities of rights protection in cases of non-literal copying. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2021;(3):102-111. (In Russ.)
14. Jiaon. Sin'shi tszeshi lun' sya vanlo yusi duntai khuamyan' de chzhochzo tsyuan' baokhu lutszin [The copyright protection of Internet game images under the theory of formalism interpretation]. *Syan'dai fa syue = Modern Law Science*. 2021;43(2):44-59. (焦和平. - 形式解释论下网络游戏动态画面的著作权保护路径 // 现代法学, 2021年 第43卷, 第2期, 44-59页).
15. Boni G. Legal regulation and IP rights protection of online games in China. Venice: Ca' Foscari University; 2021. 115 p. Available at: <https://unitesi.unive.it/handle/20.500.14247/11009> (accessed 17.04.2025).

Информация об авторе / Information about the Author

Бабенко Александр Александрович, аспирант кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: sasha.babenko.99@mail.ru, ORCID: 0009-0001-0811-6708

Alexander A. Babenko, Postgraduate Student of the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: sasha.babenko.99@mail.ru, ORCID: 0009-0001-0811-6708

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.14:347.91/95

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136>

Документы стратегического планирования и их значение для гражданского и семейного права России

А.А. Мохов¹

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
ул. Азовская, д. 2/1, г. Москва 117638, Российская Федерация

e-mail: med-farm-law@mail.ru

Резюме

Актуальность. Совокупность вызовов и угроз в различных областях государственного управления, экономики и социально-культурной сферы требует выработки и реализации новой государственной политики либо коррекции. В настоящее время принят ряд принципиально значимых для всего государства и общества документов стратегического планирования. Однако их значение на теоретическом и практическом уровнях не всеми оценивается однозначно, что снижает их ценность, замедляет работу над новыми федеральными законами, а также способно деформировать правоприменительную практику.

Целью является разработка рекомендаций по совершенствованию практики применения документов стратегического планирования исходя из их назначения, а также подходов к пониманию источников правовой политики, в том числе и в сфере гражданских и семейных правоотношений.

Задачи: установить значение документов стратегического планирования для реализуемой государством политики в сфере гражданских и семейных правоотношений.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, метод анализа и синтеза, а также формально-юридический метод.

Результаты исследования отражены в сформулированных предложениях, направленных на совершенствование проектного законодательства, а также практики работы с документами стратегического планирования в правоприменительной практике.

Вывод. В ходе исследования была обоснована позиция об отнесении документов стратегического планирования в силу их относительной новизны к особым или нетипичным источникам гражданского и семейного права России. Их положения являются основными ориентирами для создания новых и совершенствования имеющихся норм отечественного гражданского и семейного законодательства, а также для правоприменительной практики.

Ключевые слова: документы стратегического планирования; гражданское право; семейное право; принципы права; правоприменительная практика.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мохов А.А. Документы стратегического планирования и их значение для гражданского и семейного права России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 124–136. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136>.

Поступила в редакцию 03.07.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Strategic planning documents and their significance for Russia in civil and family law

Alexander A. Mokhov¹

¹All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
2/1 Azovskaya Str., Moscow 117638, Russian Federation

 e-mail: med-farm-law@mail.ru

Abstract

Relevance. A set of challenges and threats in various areas of public administration, the economy, and the socio-cultural sphere, require the development and implementation of a new state policy or the correction of the current one. Currently, a number of strategic planning documents that are fundamentally important for the entire state and society have been adopted. However, their significance is not universally recognized at the theoretical and practical levels, which reduces their value, slows down the work on new federal laws, and can also distort law enforcement practices.

The purpose is to develop recommendations for improving the practice of using strategic planning documents based on their purpose, as well as approaches to understanding the sources of legal policy, including in the field of civil and family law.

Objectives: to establish the significance of strategic planning documents for the state policy in the field of civil and family legal relations.

Methodology. The study used the dialectical-materialistic method, the system method, the analysis and synthesis method, and the formal-legal method.

The results of the study are reflected in the formulated proposals aimed at improving project legislation, as well as the practice of working with strategic planning documents in law enforcement practice.

Conclusion. The study substantiated the position that strategic planning documents, due to their relative novelty, should be classified as special or atypical sources of civil and family law in Russia. Their provisions serve as the main guidelines for creating new and improving existing norms of domestic civil and family legislation, as well as for law enforcement practice.

Keywords: strategic planning documents; civil law; family law; principles of law; law enforcement practice.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Mokhov A.A. Strategic planning documents and their significance for Russia in civil and family law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):124–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-124-136>.

Received 03.07.2025

Accepted 29.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

В условиях идущего процесса оформления нового миропорядка¹ резко возрастает роль документов стратегического планирования как актов по целепо-

лаганию, планированию, программированию социально-экономического развития России в целом и ее регионов, отраслей экономики, сфер государственного и муниципального управления, а также по обеспечению национальной безопасности.

Претерпевают изменения ценностные установки в праве, цель и задачи правового регулирования исходя из формируемого на наших глазах нового меж-

¹ Путин В. Россия и Китай не формируют новый миропорядок, они его только оформляют // РИА-Новости. 2025. 20 июня. URL: <https://ria.ru/20250620/miroporyadok-2024348748.html/> (дата обращения: 06.05.2025).

дународного и национального правового ландшафта с учетом вызовов и угроз для России сегодняшней и будущей [1].

Правовые основы стратегического планирования закреплены Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹. Законодатель в ряду документов стратегического планирования различает стратегии, прогнозы, национальные проекты, государственные программы и др. Они являются важнейшей государственной функцией планирования, обусловленной потребностью в регулировании отдельных групп правоотношений (например, гражданских, семейных и др.), а также реализацией соответствующих норм.

Большинство из них носят комплексный характер, имеют значение для развития гражданского и семейного законодательства, являются ориентирами для будущего (по отраслям, сферам и др.; новым моделями, образцам поведения и пр.).

Например, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² указывает на улучшение качества среды для жизни, повышение доступности жилья на рынке, модернизации коммунальной инфраструктуры. Среди национальных целей в нем указана поддержка семьи. Акцентируется внимание на много-

детных семьях и снижении уровня бедности таких семей.

В Указе Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»³ фиксируется особое положение России как самобытного государства – цивилизации, что требует не слепого копирования отдельных социальных практик, а сохранения собственных и их тиражирования, из зарубежных – принятия, адаптации и внедрения лучших.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ значительное место отводит институтам гражданского общества в решении задач по противодействию социокультурным угрозам. Крепкая семья отнесена документом к одной из традиционных ценностей.

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵ говорится о дальнейшем развитии механизмов взаимодействия государства и гражданского общества. С позиций сбережения народа особое внимание должно уделяться поддержке семьи, материнства, отцовства и детства. Укрепление семьи – одна из важнейших задач по

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: посл. ред. // Консультант-Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 06.05.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20, ст. 2584.

³ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 14, ст. 2406.

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Согласно Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года¹, документ направлен на консолидацию усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, научного, делового, экспертного сообщества, некоммерческих организаций, институтов гражданского общества для укрепления института семьи.

Список документов можно продолжить. В той или иной мере они направлены на решение задач по обеспечению долгосрочного социально-экономического развития страны, демографической, ментальной (социокультурной), экономической безопасности государства.

Несмотря на позитивные изменения последних лет (наличие документов стратегического планирования, задающих вектор развития общественных отношений), с их реализацией сохраняется ряд проблем, обусловленных как инертностью правовой политики по отдельным направлениям, сферам деятельности, так и проблемами доктринального и иного характера.

Методология

Диалектико-материалистический метод научного познания, применённый в ходе настоящего исследования, позволил рассмотреть правовые проблемы, возникшие в непосредственном, прямом применении отправных положений документов стратегического планирования в отечественном праве и правоприменении.

¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 13, ст. 1505.

Также в процессе исследования применялись методы анализа и синтеза нормативных правовых актов, теоретических и правоприменительных источников. Данные методы позволили установить, каким образом применяются или могут быть применимы положения документов стратегического планирования к гражданским и семейным правоотношениям.

Формально-юридический метод использовался для осмысления содержания нормативных правовых актов, регулирующих гражданские и семейные правоотношения, а также документов стратегического планирования.

Результаты и их обсуждение

Для отечественного правоведения традиционным является подход, согласно которому правовое регулирование осуществляется посредством нормативных правовых актов различного уровня, формирующих систему (законы – подзаконные акты). Как правило, именно в них мы можем найти: каталог основных источников регулирования, цель и задачи, принципы правового регулирования, конкретные правовые средства (дозволения, ограничения, запреты и др.).

Статья 3 Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ) перечисляет акты гражданского законодательства, а также иные акты, содержащие нормы гражданского права. Нельзя не обратить внимания на п. 3 ст. 3 ГК РФ, согласно которому отдельные группы отношений (указанные в пп. 1 и 2 ст. 2 Кодекса), могут регулироваться указами Президента РФ.

Статьей 3 Семейного кодекса РФ³ (далее – СК РФ) закреплены источники

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.05.2025).

³ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : ред. от 23.11.2024 // КонсультантПлюс:

семейного законодательства, а также каталог иных актов, содержащих нормы семейного права (федеральные законы, законы субъектов РФ, иные правовые акты в случаях, непосредственно предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами, указами Президента РФ).

Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹, одной из целей Закона является развитие торговой деятельности, обеспечение доступности товаров для населения, формирование конкурентной среды, а также поддержка российских производителей товаров.

Список законов можно продолжить и далее. Документов стратегического планирования в них мы не находим. Однако нередко законодатель прямо отсылает пользователя к Указам Президента РФ, а также к иным актам.

Документы стратегического планирования, их ключевые положения должны найти свое место в единой системе координат отечественных источников права, включая нормативные правовые акты. Этот вопрос в последние годы ставится рядом отечественных правоведов.

Непризнание документов стратегического планирования в качестве привычных, типичных источников именно права обусловлено их политическим, точнее политико-правовым характером. На наш взгляд, это неверно. Таким свойством обладает и Конституция РФ², и ряд

других важнейших документов государственного строительства.

Правовая политика – это деятельность государства и институтов гражданского общества по формированию, развитию, изменению, коррекции всех элементов правовой системы страны (нормотворчество, правоприменение, правосознание и др.). Правовая политика – неотъемлемая часть государственной политики, осуществляемой в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законодательством, базовыми принципами нормотворчества и правоприменения. Участниками стратегического планирования являются органы государственной власти и местного самоуправления. Другие субъекты прямо не участвуют в этом процессе, насколько это верно на данном этапе развития государства и общества – самостоятельный вопрос, выходящий за границы настоящей работы.

Наряду с принципами целостности, системности, единства правового регулирования для правовой политики большое значение также имеют принципы гибкости, оперативности, адекватности правового регулирования общественных отношений. Они выступают правовыми ориентирами, как правило, составляют сферу законодательного регулирования и требуют своевременного принятия необходимых обществу и государству федеральных законов. Именно на обеспечение оптимального, эффективного функционирования государства и его отдельных институтов направлены усилия тех, кто занимается выработкой правовой политики, основные положения которой либо их значительная часть закрепляются именно в документах стратегического планирования.

По мнению И.В. Глазуновой, правотворчество и правоприменение в сферах

сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 06.05.2025).

¹ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/ (дата обращения: 06.05.2025).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 де-

кабря 1993 года : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.05.2025).

социально-экономического развития и национальной безопасности должны осуществляться адекватно поставленным в документах целям и задачам. Принятие законов и их содержание должно обуславливаться документами стратегического планирования [3]. В противном случае работа над ними (в части, требующей изменений в законодательстве) лишена какого-либо практического смысла (по крайней мере, в логике представителей одной ветви власти (чаще всего исполнительной)).

И.В. Ирошников приводит следующие аргументы в пользу признания документов стратегического планирования источниками права: акт исходит от государства, выражает его волю; акт поименован в федеральном законе; документ официально утвержден в специальном порядке; формируется судебная практика, в которой имеются прямые ссылки на документы стратегического планирования [3].

И.Б. Кардашова также относит документы стратегического планирования к источникам права по следующим основаниям: имеют государственно-властный характер и форму нормативного правового акта; носят обязательный характер; содержат правовые нормы (как правило, закрепляют полномочия органов власти); применяются в судебной практике [4].

Несмотря на новизну, нетипичность такого рода источников, как можно убедиться из доктринальных источников, они активно развиваются. В теории права наряду с типичными, традиционными источниками права, как в отраслях частного, так и публичного права, имеют место быть и нетрадиционные источники права. А.В. Малько и Д.В. Храмов пишут о наличии в отдельных отраслях права заметного крена в сторону традиционных или типичных источников права, игнорирование иных источников – регуляторов общественных отношений [5].

Больше внимание нетрадиционным источникам права уделил А.П. Рожнов.

Он изучал апробацию новых норм, особых регулятивных элементов в системе права. Им было предложено выделять нетрадиционные источники права (доктрину, правовые обычаи, нормативные договоры, акты общественных объединений и др.)¹.

Понятие «нетрадиционный источник права» было позитивно воспринято учеными, оно нередко используется ими в публикациях. Например, нетрадиционным источникам гражданского процессуального права России несколько лет назад было посвящено исследование В.Г. Голубцова и Д.Х. Валеева [6]. Авторы предлагают выделять нетрадиционные источники гражданского процессуального права и рассматривать их в качестве побудительной силы для выявления и устранения пробелов, коллизий.

Документы стратегического планирования по своему содержанию близки к правовой доктрине, некоторые их положения и нормы могут быть основаны на правовых обычаях, сложившейся судебной практике, выводиться из норм нормативных договоров и др., что свидетельствует об их близости к нетипичным, нетрадиционным источникам. Однако, как уже отмечалось, они носят нормативный характер, принимаются в строгом соответствии с утвержденным для них порядком (регламентом, процедурой и пр.), что нехарактерно для нетрадиционных источников права.

Н.Н. Вопленко в отношении нетрадиционных источников права писал: «...не просто все формы права, которые санкционируются государством, а те из них, которые молчаливо признаются им в качестве возможных дополнительных регуляторов...» [7]. Здесь же речь идет не о санкционировании, вспомогательном и подобном тому применении нормы, а о прямой воле, направленной на изменение

¹ Рожнов А.П. Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 252 с.

действующей практики, формирование новой правовой реальности, в конечном итоге на принятие новых законодательных норм и иную (отличную от сложившейся) правоприменительную практику.

Так, актуальная долгосрочная семейная и демографическая, а также традиционалистская повестка требует скорректированной системы мер, в том числе правовых, по изменению отечественного законодательства. Ряд положений названных выше указов Президента РФ уже нашли отражение в федеральных законах, но некоторые еще только предстоит разработать и принять в виде конкретных норм ряда федеральных законов.

В качестве примеров можно указать: ст. 1 Федерального закона от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола); ст. 3 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (запрет смены пола человека).

Однако в части семейноцентричности, государственной поддержки семей (а не ее отдельных членов), в особенности многодетных, многопоколенных, сделано еще очень мало. Семейный кодекс РФ в настоящее время не содержит отправных дефиниций, не ориентирован на сохранение семей, кровных родственных уз, со-

хранение, поддержание семейных традиций. Более того, то и дело встречаются отдельные законодательные инициативы, направленные на разрушение брака и семьи, внедрение чуждых менталитету российских граждан практик.

Еще один аспект, которому мало уделяют внимание – срочный характер норм документов стратегического планирования (отчетный период, долгосрочный период, период действия акта и др.). В отличие от довольно медленно складывающихся регуляторов, относимых к нетрадиционным источникам (обычай, доктрина, судебная практика), документы стратегического планирования носят срочный характер. За это время в идеальных условиях функционирования государства их положения должны быть в полной мере реализованы. В этой части они имеют черты сходства с нормами временного действия, иногда носящими элементы экстраординарности, чрезвычайности.

В связи с изложенным, на наш взгляд, следует различать нетрадиционные и нетипичные источники права, не подпадающие под критерии нетрадиционных. Акты стратегического планирования в этой связи будет правильным относить к особым или нетипичным (в силу относительной новизны) источникам права, носящим срочный, временный характер.

Признание документов стратегического планирования в качестве особых, нетипичных источников права не снимает всего комплекса имеющихся проблем. Необходимо оперативно и однозначно разрешить не только теоретическую, но и практическую проблему, обусловленную отдельными положениями этих документов. По смыслу Конституции РФ, те же указы и распоряжения Президента РФ должны соответствовать одновременно Конституции РФ и федеральным законам, т. е. носить строго подзаконный характер [8].

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 5 дек. 2022 г. № 479-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433217/ (дата обращения: 06.05.2025).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 24 июня 2023 г. № 386-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452830/ (дата обращения: 06.05.2025).

Документы стратегического планирования, как отмечалось, принимаются в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Форма их различна, но все они являются подзаконными актами (важнейшие из них принимаются указами Президента РФ).

На практике возникает довольно противоречивая ситуация. Отдельная норма действующего федерального закона до принятия необходимых изменений и дополнений в него (либо иной акт того же уровня) может вступить в противоречие с положением документа стратегического планирования (ориентира для ближайшего будущего, должной модели и пр.). Формальный подход (федеральный закон – подзаконный акт) здесь не годится. Ситуация усугубляется тем, что вопрос приведения федерального закона в соответствие с документом стратегического планирования довольно долгий. Следует также заметить, что большинство документов стратегического планирования либо не содержат четкого указания на обязательность приведения законодательства в соответствие с ним, либо содержат общее указание на изменение, совершенствование нормативной правовой базы.

Самостоятельной проблемой, исходя из принципа разделения властей, являются границы допустимого вмешательства Президента РФ в деятельность законодательного (представительного) органа власти. Согласно ч. 3 ст. 80 Конституции, именно Президент РФ определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Для этого он обладает широкими полномочиями, в частности правом вносить законопроекты в Государственную Думу (п. «г» ст. 84 Конституции).

Документы стратегического планирования позволяют ориентировать зако-

нодателя на оперативное принятие необходимых федеральных законов и предлагают вариант решения той или иной задачи, возможную модель правового регулирования, принципы правового регулирования. В зависимости от состава Государственной Думы, специфики сложившихся взаимоотношений на конкретном этапе развития государства, сформулированные за пределами законодательного (представительного) органа власти предложения могут быть расценены депутатским корпусом положительно либо крайне негативно, в связи с чем способны спровоцировать политический кризис. Однако в последние годы благодаря достаточно отработанной системе сдержек и противовесов (например, ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, в силу которой Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти; ч. 1 ст. 85 Конституции, позволяющей Президенту РФ задействовать согласительные процедуры) явных конфликтов не наблюдается.

В любом случае следует подумать о нормативном закреплении правового механизма, позволяющего в оперативном, приоритетном порядке рассматривать проекты федеральных законов, подготовленных на основе и во исполнение документов стратегического планирования.

Небезынтересной представляется точка зрения С.О. Шохина и Е.В. Кудряшовой. По их мнению, документы стратегического планирования (авторы рассматривают финансовый блок), определяющие финансовую политику государства, ограничивают дискрецию законодателя [9].

Нельзя не обратить внимание и на позицию, высказанную К.А. Чуйченко, Н.М. Кропачевым и В.Е. Кондуровым. Авторы пишут следующее: «В стратегическом аспекте ключевую роль играют уже не столько законодательные норма-

тивные акты, служащие, в первую очередь, юридическому оформлению социальных отношений, направленные на конкретизацию положений действующей Конституции РФ и т. д., сколько документы стратегического планирования». И далее: «...будь такого рода документы лишь пустой декларацией, вряд ли можно было бы считать сколь-либо обоснованным проведение мониторинга, оценку эффективности реализации его положений» [10].

Министр юстиции РФ и его соавторы акцентируют внимание на проведении мониторинга, осуществлении контроля за реализацией положений документов стратегического планирования. Таким образом, ими затронут еще один аспект, характерный для исследуемых документов и не свойственный буквально всем источникам права без исключения.

А.В. Безруков пишет о том, что именно документы стратегического планирования призваны развивать и конкретизировать положения Конституции РФ и конституционного законодательства, задавать ориентиры для правовой политики, «выступать проводниками ее реализации на практике» [11]. Аналогичные или близкие формулировки обычно используются в доктрине для характеристики норм федеральных конституционных законов и федеральных законов.

Еще больше усложняет понимание роли и места документов стратегического планирования и близких к ним по содержанию источников тот факт, что некоторые из них могут приниматься не только на национальном, но и на иных уровнях. Например, с Республикой Беларусь у нас создано Союзное государство. В соответствии с договором о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.)¹

разрабатываются и принимаются концепции, стратегии и иные общесоюзные документы об обороне, безопасности и некоторые другие, имеющие значение сразу для двух стран [12].

На наш взгляд, ряд положений документов стратегического планирования также можно рассматривать в качестве норм-идей, норм-принципов правового регулирования, которые должны найти закрепление в будущих федеральных законах, а также применяться на практике.

Про принципы в литературе написано довольно много. Их квинтэссенцией является следующее: общие идеи, предположения для нормативного регулирования (часть отражается в нормах законов, часть – определяет их дух); носят как теоретический, так и прикладной характер; являются наиболее важным, значимым ориентиром для законодателя; выступают связующим звеном между правом, моралью и этикой, позволяя эффективно регулировать общественные отношения; оказывают влияние на правоприменительную практику [13].

А.Я. Рыженков на основе анализа действующего Семейного кодекса РФ выделяет следующие основные начала семейного права: необходимость укрепления семьи, построения семейных отношений на общих моральных основаниях любви, уважения, взаимопомощи и взаимной ответственности; признание брака влекущим правовые последствия, только если он официально заключён в органах загса; добровольность брачного союза мужчины и женщины; приоритет воспитания детей в семье; приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи [14].

¹ О ратификации Договора о создании Союзного государства: Федер. закон от 2 янв. 2000 г. № 25-ФЗ: посл. ред. // Консультант-

Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25445/ (дата обращения: 06.05.2025).

Практика показывает, что некоторые принципы нуждаются в развитии, уточнении (появились семьи, которых раньше не было; требует уточнения значение кровной связи между родителями и детьми, детьми и лицами, принимающими ребенка в семью и др.).

Место принципов права в ряду источников относится к числу дискуссионных. Нередко их также относят к нетрадиционным источникам (по смыслу, содержанию). В то же время их внешняя форма вполне себе относится к традиционному источнику (в связи с закреплением в конкретной правовой норме). Не случайно А.В. Коновалов акцентирует внимание на существовании принципов как эксплицитно, так и имплицитно [15].

Норма документа стратегического планирования (до момента принятия необходимого закона) не имеет внешней формы, привычной, характерной для типичного, традиционного источника права (норма закона). Однако она оказывает (может оказывать) влияние как на принятие самого акта, так и на практику. С момента принятия и вступления в силу закона она становится обычным, типичным, традиционным источником.

Не ставя перед собой целью глубокое погружение в теоретические споры относительно места документов стратегического планирования в ряду источников права, а лишь показывая их явную специфику, а также возможные проблемы практической реализации отдельных положений документов, нельзя не обратиться и к вопросу использования отдельных норм документов стратегического планирования в правоприменительной практике.

Судебная практика по различным категориям гражданских, семейных и иных категорий дел, исходя из заявленной проблематики, неоднородна и противоречива. Однако в судебных постановлениях все чаще можно найти ссылки на

документы стратегического планирования.

Так, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2025 г. № АКПИ24-1074 имеется следующая формулировка: «Установленные распоряжением специальные требования к участникам аукциона не предрешают исхода аукциона, не создают преимуществ конкретным лицам, а направлены прежде всего на допуск к участию в аукционе лиц, которые по своим характеристикам соответствуют требованиям документов стратегического планирования и обеспечат соблюдение социальных, экономических и экологических интересов граждан...»¹.

В решении Верховного Суда РФ от 31 мая 2023 г. № АКПИ23-252 суд указал: «Правительство РФ в целях реализации документов стратегического планирования, утверждаемых органами государственной власти РФ, а также соблюдения социальных, экономических, экологических и других интересов населения, проживающего на соответствующей территории, и всех граждан РФ вправе устанавливать специальные требования к участникам аукциона на право пользования участками недр...»².

В решении Верховного Суда РФ от 3 октября 2018 г. № АКПИ18-801 указано: «Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации" к целям

¹ Решение Верховного Суда РФ от 29 янв. 2025 г. № АКПИ24-1074 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012025-n-akpi24-1074/> (дата обращения: 06.05.2025).

² Решение Верховного Суда РФ от 31 мая 2023 г. № АКПИ23-252 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31052023-n-akpi23-252/> (дата обращения: 06.05.2025).

и задачам промышленной политики относится в том числе формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития; обеспечение обороны страны и безопасности государства; создание и развитие современной промышленной инфраструктуры, инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, соответствующих целям и задачам, определенным документами стратегического планирования на федеральном уровне»¹.

Таким образом, судебные прецеденты формируют определенную тенденцию, становятся основой для будущей стабильной судебной практики, выступают в качестве одного из источников цивилистического процесса [16]. Круг замкнулся.

Выводы

Документы стратегического планирования имеют значение не только для государственного управления, отраслей публичного права, но также для гражданского и семейного права России. Количество таких норм в соответствующих документах в силу нарастания вызовов и угроз с позиций обеспечения стабильности и преемственности гражданских и семейных отношений, сохранения отечественных традиций возрастает.

Роль, значение и место ряда положений современных документов стратегического планирования для гражданского и семейного права, соответствующих групп общественных отношений, право-

применительной практики в настоящее время недостаточно изучена. Данные вопросы относятся к числу дискуссионных.

Проведенное исследование позволяет сделать предположение о возможности отнесения исследуемых нами норм документов стратегического планирования к одному из источников гражданского и семейного права России. Они являются нетипичными (но не могут быть прямо отнесены к нетрадиционным в силу их закрепления в особом нормативном правовом акте), носят строчный характер, выступают в качестве руководящих идей, принципов формируемого на их основе в довольно короткий период (по историческим меркам; за время действия документа или в установленный им срок) правового регулирования (как правило, подготовки и принятия новых федеральных законов). В силу их целевого назначения механистический иерархический подход (исходя из уровня акта, которым документ утвержден) в полной мере к ним не может быть применим.

Самостоятельный вопрос, нуждающийся в обстоятельном исследовании, – вопрос разрешения конфликтов между высшими органами и должностными лицами, между ветвями власти (в случаях, когда Государственная Дума не принимает необходимых для эффективной реализации документа стратегического планирования либо его части федеральных законов). Он выходит за пределы настоящего исследования, посвященного общетеоретическим и гражданско-правовым (частноправовым) аспектам, а не публично-правовым (в первую очередь, конституционно-правовым) вопросам. Разработка и внедрение особых (специальных) процедур прохождения проектов федеральных законов в Государственной Думе, разработанных на основе документов стратегического планирования, также способна внести заметный вклад в решение затронутых в работе проблем.

¹ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 3 окт. 2018 г. № АКПИ18-801 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legallacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012025-n-akpi24-1074/> (дата обращения: 06.05.2025).

Список литературы

1. Мохов А.А. «Мировой порядок» и задачи юридической науки // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 129-140.
2. Глазунова И.В. Документы стратегического планирования как основа выбора методов административно-правового регулирования // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 8. С. 174-183.
3. Ирошников Д.В. Документы стратегического планирования в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 3. С. 33-38.
4. Кардашова И.Б. Документы стратегического планирования в системе источников российского права // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 11-20.
5. Малько А.В., Храмов Д.В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 36-39.
6. Голубцов В.Г., Валеев Д.Х. Современная дискуссия об источниках гражданского процессуального права // *Ex jure*. 2022. № 2. С. 93-105.
7. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.
8. Лебедева Н.В. Акты Президента Российской Федерации в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 45-48.
9. Шохин С.О., Кудряшова Е.В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. 2021. № 1. С. 158-167.
10. Чуйченко К.А., Кропачев Н.М., Кондуров В.Е. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте современной правовой политики // Правоведение. 2024. № 2. С. 156-165.
11. Безруков А.В. Документы стратегического планирования в зеркале конституционно-правового развития России // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 4. С. 4-8.
12. Воронов А.М. Теория безопасности Союзного государства: состояние и концепты развития // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 25-30.
13. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4-16.
14. Рыженков А.Я. Принципы семейного права. М.: Юрлитинформ, 2021. 192 с.
15. Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // *Lex Russica*. 2018. № 8. С. 81-87.
16. Самсонов Н.В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 293-310.

References

1. Mokhov A.A. The "world order" and the tasks of legal science. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2024;(3):129-140. (In Russ.)
2. Glazunova I.V. Strategic planning documents as a basis for choosing methods of administrative and legal regulation. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Topical Issues of Modern Economy*. 2021;(8):174-183. (In Russ.)

3. Iroshnikov D.V. Strategic planning documents in the system of ensuring national security of the Russian Federation: a theoretical and legal aspect. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie* = *National Security and Strategic Planning*. 2021;(3):33-38. (In Russ.)
4. Kardashova I.B. Strategic planning documents in the system of sources of Russian law. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* = *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;(2):11-20. (In Russ.)
5. Mal'ko A.V., Khramov D.V. The system of non-traditional sources of Russian private law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* = *Leningrad Legal Journal*. 2010;(1):36-39. (In Russ.)
6. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. A modern discussion about the sources of civil procedure law. *Ex jure*. 2022;(2):93-105. (In Russ.)
7. Voplenko N.N. Sources and forms of law. Volgograd: Izd-vo VolGU; 2004. 102 p. (In Russ.)
8. Lebedeva N.V. Acts of the President of the Russian Federation in the system of sources of constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* = *Constitutional and Municipal Law*. 2017;(7):45-48. (In Russ.)
9. Shokhin S.O., Kudryashova E.V. Strategic planning documents as sources of financial law. *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*. 2021;(1):158-167. (In Russ.)
10. Chuichenko K.A., Kropachev N.M., Kondurov V.E. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of modern legal policy. *Pravovedenie*. 2024;(2):156-165. (In Russ.)
11. Bezrukov A.V. Strategic planning documents in the mirror of Russia's constitutional and legal development. *Rossiisko-Aziatskii pravovoi zhurnal* = *Russian-Asian Law Journal*. 2022;(4):4-8. (In Russ.)
12. Voronov A.M. The theory of security of the Union State: status and concepts of development. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):25-30. (In Russ.)
13. Baitin M.I. On the principles and functions of law: new developments. *Pravovedenie*. 2000;(3):4-16. (In Russ.)
14. Ryzhenkov A.Ya. Principles of family law. Moscow: Yurlitinform; 2021. 192 p. (In Russ.)
15. Konovalov A. V. On the question of the concept of principles of law. *Lex Russica*. 2018;(8):81-87. (In Russ.)
16. Samsonov N.V. On the question of the place and significance of judicial practice and judicial precedent in Russian civil procedural law. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2019;(2):293-310. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Мохов Александр Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Alexander A. Mokhov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-137-147>

Гипотеза развития жилищного права: трансформация жилищного права в инфраструктурное право

О.А. Ковалева¹

¹Оренбургский государственный университет
пр-т Победы, д. 13, г. Оренбург 460018, Российская Федерация

✉e-mail: radaurist@mail.ru

Резюме

Актуальность. Вопросы дальнейшего развития жилищного права давно являются дискуссионными для ученых-цивилистов: предлагаются и обсуждаются несколько направлений его развития. Актуальность вопроса заключается в том, что для формирования норм права отрасли в будущем необходимо понимать, для каких целей и для решения каких задач государства эта отрасль должна служить, поэтому необходимо разработать различные гипотезы развития жилищного права и его принципов и соответственно проверять их: доказывать или опровергать. В работе предлагаются актуальные сейчас и в будущем цели и задачи государства и выдвигается гипотеза о трансформации жилищного права в инфраструктурное право, где эти цели будут реализовываться.

Цель – сформировать гипотезу развития в будущем отрасли жилищного права и его принципов.

Задачи: проанализировать развитие отрасли жилищного права; проанализировать гипотезу трансформации жилищного права в инфраструктурное право; предложить концепцию принципов инфраструктурного права.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, диалектический метод аргументации своей позиции, аналитический метод, компаративный анализ.

Результаты. Сформулирована гипотеза трансформации жилищного права в инфраструктурное право. Определены предмет и объект инфраструктурного права. Сформулированы основные принципы инфраструктурного права.

Вывод. В результате предложенной автором гипотезы о трансформации жилищного права в инфраструктурное право сделаны теоретические утверждения, описывающие основные направления развития современного жилищного права в будущем и его предполагаемые принципы. Предложены доказывающие гипотезу аргументы.

Ключевые слова: жилищное право; инфраструктурное право; цифровые объекты; жилищно-коммунальное хозяйство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ковалева О.А. Гипотеза развития жилищного права: трансформация жилищного права в инфраструктурное право // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 137–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-137-147>.

Поступила в редакцию 23.05.2025

Принята к публикации 24.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The hypothesis of the development of housing law: the transformation of housing law into infrastructure law

Olga A. Kovaleva¹ ✉

¹ Orenburg State University

13 Pobedy Ave., Orenburg 460018, Russian Federation

✉ e-mail: radaurist@mail.ru

Abstract

Relevance. The issues of further development of housing law have long been debatable for civil scholars: several directions of its development are proposed and discussed. The relevance of the issue lies in the fact that for the formation of the rules of law of the branch in the future, it is necessary to understand for what purposes and to solve what tasks of the state this branch should serve, so it is necessary to develop various hypotheses of the development of housing law and its principles, and accordingly test them: to prove or disprove. The author, in the work proposes actual now and in the future goals and objectives of the state and puts forward a hypothesis about the transformation of housing law into an infrastructural law, where these goals will be realized, proving and arguing his point of view.

The purpose – to form a hypothesis of future development of the housing law branch and its principles.

Objectives: analyze the development of the housing law sector; analyze the hypothesis of transformation of housing law into infrastructure law; propose the concept of principles of infrastructure law.

Methodology. In the process of working on the study, the methods of analysis and synthesis, dialectical method of arguing one's position, analytical method, comparative analysis were used.

Results. The author formulated a hypothesis of transformation of housing law into infrastructure law. Defined the subject and object of infrastructural law. Formulated the basic principles of infrastructural law.

Conclusion. As a result of the hypothesis proposed by the author about the transformation of housing law into infrastructure law, theoretical statements describing the main directions of the development of modern housing law in the future and its supposed principles are made. The arguments proving the hypothesis are offered.

Keywords: housing law; infrastructure law; digital housing objects; housing and communal services.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kovaleva O.A. The hypothesis of the development of housing law: the transformation of housing law into infrastructure law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):137–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-137-147>.

Received 23.05.2025

Accepted 24.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Вопросы развития жилищного права не раз были предметом исследования и рассматривались учеными в разрезе разных временных периодов. Этому свидетельствуют работы С.Б. Верещак, исследовавшей историю развития жилищного права в Советской России [1], Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинникова, рассматривающих историю развития жилищного права в разрезе его кодификации в период до 2008 г. [2], и т. д.

Исследуя теоретические разработки о месте жилищного права в системе права современной России можно выделить четыре направления мнений ученых: жилищное право как составная часть, институт, подотрасль гражданского права; жилищное право как комплексная отрасль права; как самостоятельная отрасль права; как подсистема соседского права.

Нами выдвинута гипотеза о существенном изменении жилищного права и его трансформации в будущем в инфраструктурное право. Процесс трансформа-

ции не будет быстрым, скорее всего это займет несколько десятилетий, т. к. требует сначала смены ценностных ориентиров у большинства людей, а потом уже, как следствие, изменения законодательства. В рамках гипотезы объектами инфраструктурного права будут являться: жилое помещение и его виды, жилое пространство, жилые комплексы, инфраструктурные объекты.

Выдвинутая нами гипотеза существенно отличается от традиционных взглядов ученых на будущее жилищного права. Например, Б.М. Гонгало считает, что Жилищный кодекс РФ содержит много норм, регулирующих предоставление коммунальных услуг и проведение капитального ремонта, которым не место в жилищном праве. А вот выработка основных начал (принципов) жилищного права и их фиксация в ЖК РФ требуется. Он пишет: «...этим определялись бы пути развития права с тем, чтобы не допускать его движение в ненадлежащем направлении. ...Было бы очень хорошо, если бы была осознана необходимость различать жилищное и жилищно-коммунальное законодательство. Последнее, как представляется, вообще не может быть кодифицировано и в силу разнородности регулируемых отношений» [3]. Б.М. Гонгало видит развитие жилищного права как компонент (подсистему) соседского права, которое будет регулировать отношения между собственниками квартир и нежилых помещений, находящихся в многоквартирных домах.

В рамках представленной нами гипотезы переход жилищного права в соседское право будет являться промежуточным этапом в трансформации жилищного права в инфраструктурное право. Последнее предполагает регулировать отношения между собственниками квартир и собственниками других видов жилых помещений, а также регулировать отношения между собственниками нежилых помещений и отношения по поль-

зованию инфраструктурными объектами жилых домов, жилых комплексов и жилых пространств.

Таким образом, в современных доктринальных исследованиях о месте жилищного права в системе права и его развитии в будущем сформировано 5 теоретических позиций, поддерживаемых разными учеными:

1. Жилищное право как составная часть, институт, подотрасль гражданского права поддерживалось П.И. Седугиным [4, с. 24], В.Н. Литовкиным [5, с. 28]).

2. Жилищное право рассматривали как комплексную отрасль права Л.И. Брауде [6, с. 21], С.М. Корнеев [7, с. 149], Ю.К. Толстой [8, с. 264].

3. Жилищное право как самостоятельную отрасль права описывала А.Е. Тарасова [9, с. 16].

4. Жилищное право как подсистему соседского права предлагает рассматривать Б.М. Гонгало [3].

5. Автор видит жилищное право трансформирующимся в будущем в инфраструктурное право.

Что понимать под инфраструктурным правом? Что будет являться предметом и объектом инфраструктурного права? Какие принципы будут присущи инфраструктурному праву? – на эти вопросы попытаемся дать объяснение в данном исследовании. Автор исследует актуальные сейчас и в будущем цели и задачи государства и выдвигает гипотезу о трансформации жилищного права в инфраструктурное право, доказывая и аргументируя свою точку зрения.

Методология

Гипотеза о трансформации жилищного права в инфраструктурное право – это предположение об одном из возможных вариантов будущего развития жилищного права и становления его новых принципов. Для ее подтверждения автор применял диалектический метод аргу-

ментации своей позиции, аналитический метод, компаративный анализ.

Диалектический метод использовался для формирования гипотезы дальнейшего развития жилищного права. Были вычленены отношения, предполагаемо входящие в будущем в предмет инфраструктурного права. Аналитический метод применялся при выявлении нормативно-правовых, доктринальных, правоприменительных и социальных аргументов, подтверждающих гипотезу. Компаративный анализ применялся для сравнения действующего предмета жилищного права и предмета инфраструктурного права, а также для формирования предполагаемой приоритетности предлагаемых принципов инфраструктурного права. На основе этого анализа были сформулированы выводы данного исследования.

Результаты и их обсуждение

Гипотеза трансформации жилищного права в инфраструктурное право родилась при анализе нормативных актов, которые определяют основные направления развития строительной и жилищно-коммунальной отраслей до 2030 года с продолжением их развития до 2035 года: указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и другие нормативные акты². Согласно указам,

жилье и городская среда плюс раскрытие талантов личности – это темы национальных проектов «Комфортная и безопасная среда для жизни» и «Возможности для самореализации и развития талантов». Целями государства в этих проектах стали: повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также раскрытие талантов у каждого человека.

Можно отметить, что Российская Федерация ратифицировала в 1994 г. Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата, заключенную 9 мая 1992 г., и подписала практически все соглашения по климату, что накладывает на нее обязательства по проведению мероприятий по энергосбережению, повышению энергоэффективности и снижению негативного воздействия на окружающую среду [10]. Следовательно, в законодательстве будут реализовываться установленные указом Президента РФ цели. Например, достижение цели – создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО), обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100%, – возможно только при законодательном закреплении новой системы обращения с ТКО, а для ее разработки и создания необходимы мощные научные изыскания, технические и инновационные разработки по переработке отходов и финансовые источники. Реализация данной цели будет проходить поэтапно, и Закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»³ регулирует только систему сбора и утилизации отходов, а не систему обращения ТКО, куда должны включаться еще и

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 авг. 2018 г. № 204 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 04.03.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Президент России: сайт. URL :

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 04.03.2025).

³ Об отходах производства и потребления: Закон РФ от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 04.03.2025).

способы переработки отходов, повторного использования вещей, тары, создание экологических производств и др.

Кроме того, есть доктринальная необходимость в дополнении жилищного права новыми терминами (например, жилищная сфера, комфортная среда) [11], которые уже сейчас являются объектом дискуссий ученых¹.

Приоритетные цели по созданию комфортной среды при их ступенчатой реализации предположительно будут достигнуты до 2035 года, и до этого момента жилищное право как комплексная отрасль права будет существовать, но содержание принципов права изменится, с акцентом на безопасность жилых пространств, на обеспечение энергоэффективности МКД и цифровизации отрасли жилищно-коммунального хозяйства.

В поддержку гипотезы приведем мнение С.А. Пахомова, председателя Комитета Государственной Думы по строительству и ЖКХ РФ. Он считает, что одной из острейших задач комитета Государственной Думы по строительству и ЖКХ РФ является «актуализация законодательства, поддерживающего вектор на дальнейшую глубокую цифровизацию отраслей ЖКХ и строительства, повыше-

ние уровня использования энергоэффективных материалов и технологий» [12].

Еще один поддерживающий гипотезу аргумент: судебная практика начала обращать внимание на необходимость учета инфраструктурных аспектов в жилищных отношениях².

Следующим шагом развития законодательства, регулирующего жилищную сферу, станет реализация цели – комфортное проживание людей в жилом пространстве. Комфортность проживания заключается в том, что инфраструктурные объекты, необходимые для удовлетворения социальных, бытовых и других потребностей человека, в том числе и для его личностного развития, находятся рядом, а в идеальном варианте – в его жилом комплексе. В будущем, как считают некоторые ученые [13], люди будут жить в сообществах, объединенных личными целями или общностью взглядов³. Все будут стремиться жить в таких жилых комплексах, чтобы было удобно общаться, обучаться и развиваться сообща. Это приведет к тому, что строительные компании будут строить необходимые инфраструктурные объекты только для жителей конкретного жилого комплекса, где они будут развивать свои таланты и селиться в жилых комплексах согласно их интересам (спортивным, интеллектуальным и др.). Люди начнут стремиться проживать не только в комфортном жилом комплексе, но и в определенном сообществе, где их понимают и где им

¹ Миронов И.Б. Имущественные комплексы в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 32 с.; Герман О.К. Правовое регулирование инвестиционной деятельности субъектов гражданского права в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.; Нечай И.В. Правовые основы органов местного самоуправления в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород., 2009. 22 с.; Вытнов В.А. Правовое положение инвестора в жилищной сфере и гражданско-правовые способы защиты его прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 24 с.; Епифанцев А.В. Правовой режим недвижимого имущества в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.

² ВС не позволил жильцам одного корпуса ЖК отгородить его от других корпусов // Адвокатская газета. 2019. 9 сент. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-pozvolil-zhilt-sam-odnogo-korpusa-zhk-otgorodit-ego-ot-dru-gikh-korpusov/> (дата обращения: 04.03.2025).

³ Только общие ценности и доверие могут объединить людей в эффективные сообщества // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2018. URL: <https://www.hse.ru/science/news/222447671.html> (дата обращения: 04.03.2025).

комфортно реализовывать свои интересы. Вот на этом уровне сознания людей жилищное право войдет в стадию трансформации в инфраструктурное право, где объектом правового регулирования будет выступать не только жилое помещение, но и пространство, его окружающее (инфраструктура, природа), и отношения между людьми в этом пространстве. Люди перестанут отделять себя от природы, будут чувствовать себя ее частью и заботиться о ней. Согласно гипотезе, в предмет инфраструктурного права наряду с традиционными видами жилищных отношений будут входить и отношения по обеспечению комфортного, безопасного, экологичного и совместного проживания людей в жилых помещениях, жилых комплексах, жилых пространствах без нанесения вреда людям, окружающей среде и природе.

На наш взгляд, при формировании принципов инфраструктурного права, ввиду своей наиболее глобальной социальной значимости, на первое место необходимо поставить следующий принцип: **пользование жилым помещением, жилым комплексом, жилым пространством без нанесения вреда людям, окружающей среде и природе.**

По значимости данный принцип будет иметь приоритетное значение. Он будет внесен в будущем не только в инфраструктурный кодекс страны, но, думается, и в международные акты по защите прав человека и в конституции всех государств.

Думается, что принцип пользования жилым помещением без нанесения вреда людям, окружающей среде и природе будет осознанно применяться людьми с целью улучшения экологической обстановки на планете, будут строиться дома, не причиняющие вред экологии. В России ведется работа по повышению энергоэффективности многоквартирных домов, но есть проблемы. В соответствии с отчетом «Анализ факторов, влияющих на повы-

шение энергоэффективности многоквартирных домов, в условиях глобального энергоперехода» [10], дома, в которых будут проживать в 2060 г. граждане, уже построены, но они имеют низкий класс энергоэффективности и будут требовать капитального ремонта. Проблема в том, что в действующем ЖК РФ нет положения, что в капитальный ремонт МКД включены мероприятия по повышению энергетической эффективности. Проектирование экологически чистых и высокотехнологичных городов будущего уже сейчас необходимо осуществлять с применением современных энергоэффективных и других человекоцентричных технологий.

Например, в Японии компания Toyota начала строить умный город под названием Woven City («Тканый город»)¹. Этот город стал «живой лабораторией» для испытаний технологий применения искусственного интеллекта и робототехники, которую можно будет внедрить в городскую среду. Планируется, что в этом городе будут проживать небольшое количество жителей (всего 360 человек) и две тысячи сотрудников компании и ученые. Компания Toyota кладет в основу концепции умного дома уважение к человеку и приоритет потребностей человека. Ее новаторский опыт построения умного города необходимо проанализировать и применять позитивный опыт при проектировании городов в России. Одним из позитивных моментов, который хочется отметить, является **применение принципа приоритизации потребностей** людей. В России данный принцип реализуется через вовлечение людей в процессы проектирования жилых пространств. Уже сейчас граждане принимают участие в проектировании общественных мест, проводится

¹ Ташевская Н. Toyota начала строить город будущего в Японии 2021 // Lenta.ru. 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/26/toyota/> (дата обращения: 04.03.2025).

онлайн-голосование, где желающие могут проголосовать за понравившийся проект¹.

Принципы инфраструктурного права будут обусловлены кардинальными изменениями потребностей людей. Потребность в чистой окружающей среде – одна из главных тенденций философии XX века. «Зеленая энергетика», т. е. тенденция к замене невозполняемых источников энергии возобновляемыми, продиктована стремлением сделать окружающую нас природу более чистой и не наносить ей вред и поддерживается во всем мире.

Принцип экологически чистой переработки и утилизации отходов потребления (или принцип экологического сокращения отходов). Данный принцип будет строиться на новом понятийном аппарате. Необходимо определить, что такое «сокращение отходов» и какова конечная цель минимизации отходов; «эффективная сортировка и сбор» и юридические критерии разделения понятий «перерабатываемых» и «неперерабатываемых» отходов; понятие «переработка» и что включает в себя процесс переработки и преобразования отходов в новые материалы, готовые для потребления; виды переработок; понятие «утилизации» будет требовать доработки, как и условия ее применения. Она должна быть не основным способом, а конечным этапом и применяться тогда, когда все способы сокращения отходов не подошли для выбрасываемых отходов. Практическая реализация этого принципа в России началась в 2024 г. со строительства завода с роботосортировщиками в Санкт-Петербурге.

Принцип взаимосвязи систем поддержания здоровья и благополучия жителей в жилых пространствах. Жилые пространства будут проектироваться таким образом, чтобы все инженерные системы и различные части жилого про-

странства находились в системе и во взаимосвязи и были направлены на поддержание здоровья и благополучие жителей.

Граждане, проживая в жилых помещениях, комплексах или пространствах, будут продолжать пользоваться коммунальными услугами, но принципы в этой сфере из-за применения цифровых технологий будут видоизменяться. Подсчет и оплата коммунальных услуг станут прозрачными и понятными для потребителей. Поэтому предполагаем закрепление такого принципа, как: **принцип осведомленности и прозрачности предоставления и оплаты жилищно-коммунальных услуг.**

На сегодняшний момент эта тенденция будет сохраняться и в будущем, жилищное право наполнено нормами публичного права. По мнению П.В. Крашенинникова, современный Жилищный кодекс РФ можно назвать Жилищно-коммунальным кодексом. В ЖК РФ много норм, регулирующих «коммунально-тарифные» отношения, которых он считает там не должно быть². Но тенденция такова, что законодатель вынужден конкретизировать предоставление жилищно-коммунальных услуг и их оплату в кодексе и других подзаконных актах жилищного законодательства в связи с социальной значимостью этих услуг и нарастающего желания граждан контролировать их предоставление, получение и оплату. Собственники хотят четко понимать, сколько они потребляют жилищно-коммунальных услуг и за что они платят. Таким образом, **принцип прозрачности предоставления жилищно-коммунальных услуг** – это принцип, который явно займет достойное место среди всех прин-

¹ Единый портал государственных и муниципальных услуг. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/lkp/> (дата обращения: 04.03.2025).

² Сегодня я назвал бы Жилищный кодекс Жилищно-коммунальным: [интервью с Павлом Крашенинниковым] // Закон.ру: правовой портал. 2023. URL: https://zakon.ru/discussion/2023/3/29/segodnya_ya_nazval_by_zhilischnyj_kodeks_zhilischno-kommunal-nym_intervyu_s_pavлом_krashenin-nikovym (дата обращения: 04.03.2025).

ципов нового инфраструктурного права в будущем. В настоящее время реализация данного принципа усложнена из-за устаревших объектов жилищно-коммунального хозяйства и нежелания многих граждан переходить на учет потребления услуг с помощью индивидуальных приборов учета. Строительные компании оборудуют жилые дома индивидуальными приборами учета, а граждане имеют право выбора применения способа расчетов за жилищно-коммунальные услуги (они могут рассчитываться либо по нормам потребления, либо по показаниям индивидуальных приборов учета). Данный принцип будет возможно реализовать, строя жилые дома с различными видами отопления и индивидуальными приборами учета и системами энергосбережения, ограничив потребителя только одним способом оплаты: по показаниям приборов учета. Также при строительстве может внедряться технология «Умный дом», помогающая управлять коммунальными и другими услугами в жилом доме, электроприборами и инженерными коммуникациями [14; 15].

Интеграция данного принципа в законодательство будет обусловлена еще и внедрением различных видов энергии. Мировая, глобальная повестка применения «зеленой энергетики» повлечет создание различных видов экологически чистой энергии, что потребует и разных нормативных актов, регулирующих ее предоставление и потребление [16].

Выводы

Гипотеза трансформации отрасли обосновывается следующими аргументами:

1. Приоритетные направления развития государства меняются и определяют-ся в национальных программах. На первое место выходят цели: повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, проведение мероприятий по энергосбережению, повышению энергоэффектив-

ности и снижению негативного воздействия на окружающую среду отходов, а также раскрытие талантов у каждого человека. Эти цели реализовываются, как правило, в месте жительства человека, где он проживает, удовлетворяет свои естественные потребности в еде, сне, отдыхе, в образовании и личностном развитии, в реализации своих талантов. Исходя из этого, к жилым помещениям будут предъявляться дополнительные требования, обеспечивающие реализацию поставленных государством целей. Сейчас люди приобретают жилье в микрорайонах, где им подходит социальная и другая инфраструктура. Тем, кому необходимо ежедневно заниматься спортом, селятся поближе к стадионам, молодые семьи – ближе к детским садам и школам, данная тенденция будет продолжаться и усиливаться, люди будут собираться и проживать в сообществах, объединенных общими профессиональными и личными интересами.

2. Изменение целевых настроек государства на комфортное и экологическое проживание граждан и их развитие повлечет изменение предмета жилищного права и его объекта. В предмет будут включены отношения по созданию, эксплуатации и пользованию жилого пространства. Предлагается включать в объекты: различные виды жилых помещений, цифровые объекты ЖКХ, инфраструктурные объекты (социальные, спортивные объекты и др.), размещаемые на территории жилых комплексов, жилых пространств, и объекты коммерческого назначения в жилых комплексах, жилых пространствах, что потребует разработки новых понятий.

3. Тренд на внедрение цифровых технологий при реализации жилищных и других частноправовых отношений в сфере ЖКХ только усилится с развитием искусственного интеллекта, что даст возможность введения в законодательство новых принципов жилищного права (например, принцип прозрачности предо-

ставления услуг ЖКХ; его внедрение возможно только при определенной степени развития цифровых технологий), а также новых понятий, например, «цифровые объекты ЖКХ», «жилое пространство», «жилой комплекс» и др.

4. Основные принципы инфраструктурного права определены, исходя из целей и задач, которые ставит перед собой государство на будущее время:

- принцип экологического сокращения бытовых отходов;
- принцип взаимосвязи систем поддержания здоровья и благополучия жителей в жилых пространствах;
- принцип приоритизации потребностей людей и их вовлечение в процессы проектирования жилых пространств;
- принцип осведомленности и прозрачности предоставления и оплаты жилищно-коммунальных услуг.

Судебная практика уже обращает внимание на необходимость учета инфраструктурных аспектов в жилищных отношениях. Принципы, связанные с обеспечением надлежащего содержания инфраструктуры, безопасностью и качеством обслуживания, являются важной частью правоприменения.

В будущем сложится необходимость разработать и закрепить новые основные положения жилищного права в Жилищном кодексе РФ, касающиеся регулирования цифровых объектов ЖКХ, цифровых, мобильных приложений в сфере ЖКХ, систем «умный дом», правил пользования цифровыми информационным порталом «ГИС ЖКХ» и другими информационными ресурсами, инфраструктурных объектов, и это будет только ступенька к принятию, лет через 20-30, инфраструктурного кодекса РФ, в котором будет отражено инфраструктурное право, предпосылки зарождения которого мы уже сейчас наблюдаем.

Инфраструктурное право – это совокупность норм, которые будут регулировать отношения по созданию, эксплуатации и пользованию жилого пространства, в которое будут включаться различные виды жилых помещений, цифровые объекты ЖКХ, инфраструктурные объекты (социальные, спортивные объекты и др.) жилого пространства и объекты коммерческого назначения, находящиеся на территории жилого пространства, необходимые для комфортного и экологичного проживания граждан и их развития.

Список литературы

1. Верещак С.Б. Жилищное право в советской России (1917-1991 гг.): основные этапы формирования // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 4. С. 137-141. EDN VJORNF.
2. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Развитие кодификации жилищного права // Избранное: в 5 т. Т. 4. М.: Статут, 2021. С. 438-485.
3. Гонгало Б.М. Жилищное право: вчера, сегодня, завтра // Закон. 2023. № 3. С. 13-17.
4. Седугин П.И. Жилищное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. 384 с.
5. Литовкин В.Н. Жилищное право, жилищное законодательство – соотношение с гражданским правом // Новый гражданский кодекс России и отраслевое законодательство: сборник статей / редкол. Ю.П. Орловский (гл. ред.). М., 1995. С. 28.
6. Брауде И.Л. Некоторые вопросы системы советского права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 4. М.: Госюриздат, 1955. С. 3-27.
7. Корнеев С.М. Основные тенденции развития жилищного права в условиях рыночной экономики // Гражданское право при переходе к рынку: сборник научных статей преподавателей кафедр гражданского права юридического факультета МГУ, посвященный памяти профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Де-Юре, 1995. С. 146-172.

8. Гражданское право: в 3 т. Т. 2 / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Проспект, 2003. 848 с.
9. Тарасова А.Е. Жилищное право как частно-публичная отрасль права // Жилищное право. 2011. № 3. С. 5-30.
10. Комментарий Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Семейное и жилищное право. 2009. № 5. С. 32-47.
11. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ факторов, влияющих на повышение энергоэффективности многоквартирных домов, в условиях глобального энергоперехода»: [утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 23 мая 2023 года] // Бюллетень Счетной палаты Рос. Федерации. 2023. № 8. С. 6-62.
12. Пахомов С. Энергоэффективность жилья. Мнения // Бюллетень Счетной палаты Рос. Федерации. 2023. № 8. С. 69.
13. Тихонова Н.Е. Изменения в ценностях и установках россиян: зона устойчивости и новые доминанты // Информационно-аналитический бюллетень. Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 47-59. <https://doi.org/10.19181/INAB>. 2021.2.4.
14. Ковалева О.А. Проблемные аспекты правового регулирования применения цифровых технологий в предоставлении услуг в области жилищно-коммунального хозяйства // Закон и право. 2021. № 5. С. 46-50. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-5-46-50>.
15. Strielkowski W., Kovaleva O., Efimtseva T. Impacts of digital technologies for the provision of energy market services on the safety of residents and consumers // Sustainability. 2022. Vol. 14, is. 5. P. 29-34. <https://doi.org/10.3390/su14052934>.
16. Energy-saving technologies and energy efficiency in the post-COVID era / L. Gorina, E. Korneeva, O. Kovaleva, W. Strielkowski // Sustainable Development. 2024. Vol. 32, is. 2. P. 1-17.

References

1. Vereshchak S.B. Housing law in Soviet Russia (1917-1991): the main stages of its formation. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2006;(4):137-141. (In Russ.) EDN VJORNF.
2. Gongalo B.M., Krashenninnikov P.V. Development of codification of housing law. In: *Favourites*. Vol. 4. Moscow: Statut; 2021. P. 438-485. (In Russ.)
3. Gongalo B.M. Housing law: yesterday, today, tomorrow. *Zakon = Law*. 2023;(3):13-17. (In Russ.)
4. Sedugin P.I. Housing law. 2nd ed. Moscow: Norma; 2003. 384 p. (In Russ.)
5. Litovkin V.N. Housing law, housing legislation – the relationship with civil law. In: Orlovskii Yu.P. (ed.) *Novyi grazhdanskii kodeks Rossii i otraslevoe zakonodatel'stvo: sbornik statei = The New Civil Code of Russia and sectoral legislation: a collection of articles*. Moscow; 1995. P. 28. (In Russ.)
6. Braude I.L. Some issues of the system of Soviet law. *Uchenye zapiski VIYuN = Scientific notes of VIYUN*. Is. 4. Moscow: Gosyurizdat; 1955. P. 3-27. (In Russ.)
7. Korneev S.M. The main trends in the development of housing law in a market economy. In: Sukhanov E.A. (ed.) *Grazhdanskoe pravo pri perekhode k rynku: sbornik nauchnykh statei prepodavatelei kafedr grazhdanskogo prava yuridicheskogo fakul'teta MGU, posvyashchennyi pamyati professora V.P. Gribanova = Civil law during the transition to the market: a collection of scientific articles by teachers of the Faculty of Civil Law of the Faculty of Law of Moscow*

State University, dedicated to the memory of professor V.P. Griбанov. Moscow: De-Yure; 1995. P. 146-172. (In Russ.)

8. Sergeev A.P., Tolstoy Yu.K. (eds.). Civil law. Vol. 2. 4th ed. Moscow: TK Velbi; Prospekt; 2003. 848 p. (In Russ.)

9. Tarasova A.E. Housing law as a private-public branch of law. *Zhilishchnoe pravo = Housing law*. 2011;(3):5-30. (In Russ.)

10. Commentary of the Federal Law "On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with it". *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*. 2009;(5):32-47. (In Russ.)

11. Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of factors influencing the increase in energy efficiency of apartment buildings in the context of the global energy transition": [Approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation on May 23, 2023]. *Byulleten' Schetnoi palaty Ros. Federatsii = Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Federations*. 2023;(8):6-62. (In Russ.)

12. Pakhomov S. Energy efficiency of housing. Opinions. *Byulleten' Schetnoi palaty Ros. Federatsii = Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. 2023;(8):69. (In Russ.)

13. Tikhonova N.E. Changes in the values and attitudes of Russians: a zone of stability and new dominants. *Informatsionno-analiticheskii byulleten'. Rossiiskoe obshchestvo v usloviyakh pandemii: god spustya (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki) = Information and Analytical Bulletin. Russian society in the context of a pandemic: a year later (experience of sociological diagnostics)*. 2021;(2):47-59. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.2.4>.

14. Kovaleva O.A. Problematic aspects of the legal regulation of the use of digital technologies in the provision of services in the field of housing and communal services. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2021;(5):46-50. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-5-46-50>.

15. Strielkowski W., Kovaleva O., Efimtseva T. Impacts of digital technologies for the provision of energy market services on the safety of residents and consumers. *Sustainability*. 2022;14(5):29-34. <https://doi.org/10.3390/su14052934>.

16. Gorina L., Korneeva E., Kovaleva O., Strielkowski W. Energy-saving technologies and energy efficiency in the post-COVID era. *Sustainable Development*. 2024;32(2):1-17.

Информация об авторе / Information about the Author

Ковалева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: radaurist@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Olga A. Kovaleva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: radaurist@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.97

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-148-161>

Защита права на свободу и личную неприкосновенность при применении к несовершеннолетним мер воздействия в порядке административного судопроизводства

О.В. Жукова¹

¹Тверской государственный университет
ул. Желябова, д. 33, г. Тверь 170100, Российская Федерация

✉e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Резюме

Актуальность. Анализируются особенности защиты права на свободу и личную неприкосновенность при применении к несовершеннолетнему мер воздействия в порядке административного судопроизводства. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего правонарушителя требует особого подхода, поскольку необходимо не только гарантировать соблюдение его прав и свобод, но и оказать на него определенное воспитательное воздействие.

Цель обусловлена исследованием практической реализации закрепленного специального судебного порядка помещения несовершеннолетних правонарушителей в центр временного содержания.

Задачи исследования состоят в выявлении и анализе эффективности применения мер профилактического воздействия к несовершеннолетним правонарушителям, вопросов, возникающих в правоприменительной практике.

Методология. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы исследования: логический, сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования выявили вопросы при реализации положений законодательства о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, требующие анализа и внесения соответствующих изменений.

Вывод. Применение помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей является исключительно временной мерой воздействия. Обосновывается положение о целесообразности законодательного установления альтернативных мер воздействия для того, чтобы у суда была возможность их применения при отказе в помещении в специальный центр, указав их в предписании родителям. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство об административном судопроизводстве, регулирующие правила территориальной подсудности, перечень доказательств по делу, сроков обращения и рассмотрения дел при пересмотре судебных актов. Дополнительной гарантией для защиты интересов несовершеннолетних правонарушителей является положение об обязательном назначении в качестве представителя адвоката по всем административным делам.

Ключевые слова: несовершеннолетние; семья; правонарушение; право на судебную защиту; административное судопроизводство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Жукова О.В. Защита права на свободу и личную неприкосновенность при применении к несовершеннолетним мер воздействия в порядке административного судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 148–161. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-148-161>.

Поступила в редакцию 28.04.2025

Принята к публикации 16.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Protection of the right to freedom and personal inviolability when applying measures of influence to minors in administrative proceedings

Olesya V. Zhukova^{1✉}

¹Tver State University

33 Zhelyabova Str., Tver 170100, Russian Federation

✉e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Abstract

Relevance. Analyzes the specifics of protecting the right to freedom and personal integrity when applying measures of influence to a minor in administrative proceedings. Ensuring the rights and legitimate interests of a juvenile offender requires a special approach, since it is necessary not only to guarantee the observance of his rights and freedoms, but also to exert a certain educational influence on him.

The purpose is based on the study of the practical implementation of the established special judicial procedure for the placement of juvenile offenders in a temporary detention center.

The objectives of the study are to identify and analyze the effectiveness of preventive measures against juvenile offenders and issues arising in law enforcement practice.

Methodology. The methodological basis of the research consists of general scientific and private scientific research methods: logical, comparative legal and formal legal.

The results of the study revealed issues in the implementation of the provisions of the legislation on the prevention of juvenile delinquency, requiring analysis and making appropriate changes.

Conclusion. The placement of a minor in a temporary detention center for juvenile offenders is used solely as a temporary measure of influence. The article substantiates the provision on the expediency of legislatively establishing alternative measures of influence so that the court could apply them in case of refusal to place them in a special center, indicating them in the instruction to parents. Proposals have been formulated to amend the legislation on administrative proceedings governing the rules of territorial jurisdiction, the list of evidence in the case, the timing of the appeal and consideration of cases during the revision of judicial acts. An additional guarantee for the protection of the interests of juvenile offenders is the provision on the mandatory appointment of a lawyer as a representative in all administrative cases.

Keywords: minors; family; offense; right to judicial protection; administrative proceedings.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhukova O.V. Protection of the right to freedom and personal inviolability when applying measures of influence to minors in administrative proceedings. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):148–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-148-161>.

Received 28.04.2025

Accepted 16.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Судебный порядок является самым эффективным средством защиты прав и законных интересов, но развитие общественных отношений обуславливает необходимость его совершенствования, особенно для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних.

Проблема защиты прав и законных интересов несовершеннолетних возникает, как правило, вследствие неблагополучия в семье, причем не существует никакой прямой зависимости от материального уровня или того, является ли семья полной или нет, проживают ли родители совместно с детьми. К сожалению, сигналом о неблагополучии в семье все чаще

становится совершение ребенком правонарушения и даже преступления. Это трагическая ситуация как для самого несовершеннолетнего, так и для общества в целом. К сожалению, нередко деяние, содержащее признаки состава преступления, совершает ребенок, который не достиг возраста уголовной ответственности. В этом случае к такому несовершеннолетнему применяются меры профилактического характера, среди которых особо значимо помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – специальный центр). В этих случаях возникает проблема обеспечения защиты права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного ст. 22 Конституции РФ, поскольку ограничение свободы – особенно несовершеннолетних – допустимо лишь в качестве крайней меры, соизмеримой с обстоятельствами и последствиями противоправного деяния (со степенью тяжести правонарушения), только на законных основаниях и в установленном законом порядке, после тщательного и всестороннего выяснения всех обстоятельств дела, с соблюдением общих и специальных гарантий прав и свобод, с учетом возрастных особенностей и публичных интересов. Соразмерность и необходимость данной меры в отношении конкретного лица подлежат оценке в предусмотренной законом процедуре надлежащим судом, исследующим фактическую сторону дела, с предоставлением процессуальных гарантий защиты права на свободу и личную неприкосновенность, пропорциональных характеру ограничений¹.

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” в связи с жалобой гражданки А.: постановление Конституционного Суда РФ от 29 нояб. 2019 г.

В связи с тем, что применение принудительных мер воспитательного воздействия является одним из способов предотвращения противоправных действий несовершеннолетнего [1, с. 82], обеспечение надлежащей защиты прав и интересов несовершеннолетних правонарушителей важно исследовать в тесной взаимосвязи семейных правоотношений и порядка применения мер принуждения, ограничивающих их свободу и личную неприкосновенность. Помещение несовершеннолетнего в специальные учреждения можно рассматривать как «принудительное воспитание», которое предполагает изъятие несовершеннолетнего из семьи, а значит, хоть и временно, но ограничивает право ребенка жить и воспитываться в семье [2, с. 25].

Семейным законодательством РФ установлено, что родители не только несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, но и обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, обеспечить получение детьми общего образования, защищать их права и интересы и т. д. Важно, каким образом на формирование ребенка влияют его родители, их нравственные и иные личные качества, отношения, существующие между родителями и каждым из родителей со своим ребенком, возможности создания ребенку условий для его развития. Именно семья связывает каждого ее члена с другими людьми, обществом и государством [3, с. 6]. Самоидентичность человека закладывается в семье с самого первого дня жизни [4, с. 72]. Поэтому возможно в Семейном кодексе РФ должна появиться обязанность родителей препятствовать вовлечению ребенка в противоправную деятельность. Ведь важно, как внутри каждой семьи формируется модель поведения ребенка, какие у него закладываются семейные ценности, а с другой стороны, значение имеет,

как государство через органы государственной власти, правоохранительные органы выстраивает семейную политику, каким образом влияет на семью [5, с. 155–156].

Методология

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы исследования: логический, сравнительно-правовой и формально-юридический.

В статье проанализированы нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних, положения законодательства об административном судопроизводстве, устанавливающие особый судебный контроль за соблюдением прав и свобод несовершеннолетних.

Метод правового моделирования позволил определить направления совершенствования законодательства в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, законодательства об административном судопроизводстве.

Результаты и их обсуждение

Правовое регулирование предупреждения общественно опасных деяний среди несовершеннолетних осуществляется на основании специального Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон об основах системы профилактики несовершеннолетних)¹. Но необходимо отметить и тот факт, что есть положения, которые не нашли своего законодательного закрепления. Например, не установлен возраст, с которого несовер-

шеннолетний может быть помещен в специальный центр. Нижняя граница возраста – 11 лет – указана только в отношении лиц, направляемых в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, поэтому в юридической литературе одни ученые обосновывают возможность помещать в специальный центр несовершеннолетних, достигших семилетнего возраста [6, с. 10]. Другие авторы предлагают при решении вопроса о помещении несовершеннолетних учитывать позицию международных правил о том, что «любой минимальный возраст ниже 10 лет как слишком низкий» [7, с. 469]. Или рекомендуют ориентироваться на опыт учреждений приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников, существовавших в Российской империи, в которые помещали 10-летних несовершеннолетних [8, с. 210]. В Республике Казахстан, например, предусмотрено помещение в центры временной изоляции, адаптации и реабилитации в возрасте от 3 до 18 лет [9, с. 46–47].

Представляется, что при установлении возрастных границ необходимо учитывать индивидуальное развитие каждого ребенка, поскольку дети в одном и том же возрасте могут быть абсолютно разными. Необходимо исходить, прежде всего, из интересов несовершеннолетнего, права которого ограничиваются. Кроме того, надо принимать во внимание и характер совершенного общественно опасного деяния, отношение к своим действиям самого несовершеннолетнего, а также причины и условия, способствующие его совершению, влияние на это семьи и другого окружения. Если правонарушение совершает ребенок, который находится под опекой или в детском доме, то это должно быть главным при решении вопроса о помещении в специальный центр, с тем чтобы определить возможность продолжения опеки или пребывания в детском доме.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июля 1999 г. № 120-ФЗ: посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 08.04.2025).

Необходимо отметить, что применение таких мер воздействия, как принудительное помещение несовершеннолетних правонарушителей в специальные учреждения, всегда осуществлялось в судебном порядке. При этом сначала такие дела разрешались в порядке гражданского судопроизводства либо уголовного судопроизводства [10, с. 3–4]. Но поскольку только административное судопроизводство может обеспечить надлежащий судебный контроль за ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, Кодекс административного судопроизводства (далее – КАС) РФ был дополнен отдельными главами.

Глава 31.2 КАС РФ закрепляет специальные положения в отношении несовершеннолетних правонарушителей – определены: состав лиц, участвующих в деле; специальные правила подсудности; сроки обращения в суд; требования к административному исковому заявлению; специальный порядок рассмотрения дел, в том числе в закрытом судебном заседании; исследование доказательств по делу; дополнительные требования к содержанию судебного решения. Кроме того, даны разъяснения по вопросам, которые могут возникнуть в суде при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном центре¹. Так, в судебном заседании обязательно участие самого несовершеннолетнего правонарушителя,

который может изложить свою позицию по делу, поскольку важно учитывать право ребенка быть заслушанным в судебном заседании [11, с. 79].

Кроме того, в рассмотрении административного дела обязательным является участие представителя несовершеннолетнего. Помещение в специальный центр мера хоть и временная, но все же это изоляция от негативного влияния на ребенка со стороны его окружения, в том числе и от его родителей. Так, например, в п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 20¹ даны разъяснения о том, что суд вправе отстранить законного представителя от участия в административном деле, если считает, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. Недопустимо также участие в административном деле в качестве законного представителя родителя, который совершил общественно опасное деяние в отношении несовершеннолетнего, совместно с несовершеннолетним. Поэтому дополнительной гарантией для несовершеннолетних является положение об обеспечении независимого квалифицированного представительства и назначении в качестве представителя адвоката. Как представитель адвокат нужен во всех случаях, поскольку возможно только в судебном заседании и станет очевидно, что родители не выполняют своих обязанностей по воспитанию ребенка надлежащим образом.

Необходимо также обратить внимание и на процессуальный статус и обязательное участие в деле обоих родителей ребенка, если брак между родителями не расторгнут, они проживают совместно с ребенком, то должно применяться положение о равенстве прав и обязанностей родителей в отношении своих детей, ведь рассматривается дело об ограничении прав и свобод несовершеннолетнего.

В целях обеспечения наиболее благоприятных интересов несовершеннолетнего в ст. 285.10 КАС РФ закреплены обязательства, подлежащие выяснению.

¹ О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 20 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479582/ (дата обращения: 08.04.2025).

Например, в суд должны быть представлены документы, характеризующие психофизиологические особенности несовершеннолетнего. И, безусловно, недопустимо помещение в специальный центр ребенка с задержкой развития, умственной отсталостью, находящегося под наблюдением врачей-психиатров¹. Ведь установление мер воздействия к несовершеннолетним правонарушителям должно быть направлено не только на недопущение совершения ими повторных общественно опасных деяний, но самое главное — эти меры не должны в дальнейшем причинить им вред. Ведь психика несовершеннолетних имеет отличительные от психики взрослого человека черты. В частности, более высокая степень внушаемости, повышенная эмоциональность, возбудимость, конфликтность и большая степень нестабильности, которая прямо связана с интенсивностью формирования личности. Важно, чтобы несовершеннолетний смог найти свой жизненный путь, не попал под негативное влияние и не совершил новые общественно опасные деяния [12, с. 53]. Поэтому представляется необходимым законодательно закрепить положение об обязательном назначении по всем делам о помещении в специальный центр психолого-педагогической экспертизы, которая позволит определить целесообразность применения той или иной меры воздействия к несовершеннолетнему. Ведь нельзя ограничиваться только рассмотрением вопросов, связанных с оценкой действий самого несовершеннолетнего правонарушителя, важно определить и роль родителей в профилактике правонарушений.

Необходимо отметить, что при рассмотрении административного дела о

помещении несовершеннолетнего в специальный центр перечень обстоятельств, подлежащих выяснению, не является исчерпывающим. В частности, КАС РФ установлено, что суд вправе выяснить и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Например, истребовать дополнительные документы и материалы от любых органов власти, входящих в систему профилактики, установить роль родителей в том, что ребенок совершил это правонарушение. Ведь при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства важное значение имеет принцип активной роли суда. К сожалению, встречаются случаи, когда суд не принимает решение о помещении несовершеннолетнего в специальный центр, обосновывая свою позицию тем, что не представлено достаточно доказательств. Например, несмотря на то, что в суде было установлено, что несовершеннолетний совершил преступление (не привлечен к уголовной ответственности только в связи с недостижением возраста), задержан сотрудниками полиции в ночное время суток в состоянии наркотического опьянения (подтверждается актом медицинского освидетельствования), при личном досмотре у него изъяты свертки с неизвестным веществом². Или другой пример из судебной практики, когда, по мнению суда, совершение несовершеннолетними четырех фактов хищения денежных средств является недостаточным основанием применения к ним профилактических мер в виде помещения в специальный центр³. Поэтому необходимо преду-

¹ Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 19.02.2025 г. по делу № 02а-0464/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://tvrskoy.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

² Решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 28.05.2018 г. по делу № 2а-156/18 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://tvrskoy.mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

³ Решение Нелидовского межрайонного суда Тверской области от 11.06.2024 г. по делу № 2а-284/2024 // Нелидовский межрайонный суд Тверской области: сайт. URL:

смотреть дополнительные разъяснения, связанные с тем, что суд обязан выйти за пределы заявленных требований в случае помещения несовершеннолетнего в специальный центр.

Суд, рассматривая вопрос о применении мер воздействия в виде помещения несовершеннолетнего в специальный центр, должен, прежде всего, обеспечить защиту прав и интересов ребенка, определить факторы, негативно влияющие на его развитие, оценить готовность родителей оказать содействие ребенку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, отношения в семье, в школе (п. 21 постановления Пленума ВС РФ № 20). Поэтому если несовершеннолетний на момент рассмотрения дела в суде не находится в специальном центре, обращение в суд должно подаваться именно по месту жительства несовершеннолетнего, а не как это установлено в ч. 2 ст. 285.6 КАС РФ. Например, несовершеннолетний может совершить несколько правонарушений в разных муниципальных образованиях. В этих случаях материалы могут быть оформлены одновременно разными сотрудниками органов внутренних дел. Кроме того, помещение в специальный центр недопустимо применять как меру наказания в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной или административной ответственности [13, с. 109–114]. Напротив, эта мера воздействия должна обеспечить защиту интересов несовершеннолетнего. Поэтому комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, орган опеки и попечительства должны быть привлечены к участию в деле. Например, могут быть исследованы сведения о личности несовершеннолетнего, поведении в школе, его окружении, информация о профилактических мероприятиях, проводимых в отношении несовершеннолетнего и его семьи и т. д. [14, с. 360]

В случаях, когда родители несовершеннолетнего правонарушителя действительно осознали, что их ребенок находится в трудной жизненной ситуации, в таких условиях жизни, последствия которых он не может самостоятельно преодолеть [15, с. 108–109], только с их поддержкой и помощью, и они готовы изменить отношение к исполнению своих обязанностей и вместе со своим ребенком активно принимать участие в профилактических мероприятиях, то нет необходимости применения таких временных мер воздействия, как помещение в специальный центр. Представляется, что в Законе об основах системы профилактики несовершеннолетних должны быть установлены и альтернативные меры воздействия, чтобы у суда была возможность их применения при отказе в помещении в специальный центр, указав их в предписании родителям. Если по всем административным делам о помещении в специальный центр будет назначена психолого-педагогическая экспертиза, это позволит разработать индивидуальный план профилактических мероприятий. И в этом случае уже родители должны будут осуществлять контроль, чтобы не допустить совершения несовершеннолетними новых правонарушений. В подтверждение данного довода можно привести следующий пример из судебной практики, в котором было отказано в направлении малолетнего в специальный центр. В суде было установлено, что ребенок воспитывался в полной семье, со стороны матери и отца отрицательное влияние на ребенка не оказывалось, контроль с их стороны за ребенком был усилен. Оснований для вывода о том, что со стороны законных представителей, школы, должностных лиц в сфере деятельности по надзору, проведении профилактической работы с несовершеннолетними не приняты меры в целях исправления малолетнего, равно как и для вывода об угрозе жизни или здоровью, не имелось. Кроме того, суд не согласился с доводами о том, что прове-

<https://nelidovsky-twr.sudrf.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

денная ранее профилактическая работа не дала результатов, и подросток нуждается в проведении комплекса более эффективных мер профилактического воздействия в виде помещения в специальный центр, а также отметил, что специальные центры не являются психокоррекционными учреждениями и не должны заниматься воспитанием подростков вместо родителей¹.

Вместе с тем представляется недопустимым, чтобы в случае отказа в помещении в специальный центр к несовершеннолетнему правонарушителю вообще не применялись меры воспитательного воздействия. Так, например, орган внутренних дел обратился в суд с требованием о помещении в специальный центр, поскольку несовершеннолетний совершил преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. Но на момент совершения преступления не достиг возраста привлечения к уголовной ответственности. Согласно материалам дела несовершеннолетний проживает в семье, со стороны родителей осуществляется должный контроль, они занимаются воспитанием, содержанием и обучением несовершеннолетних детей. В школе несовершеннолетний характеризуется как ученик, имеющий большой потенциал по многим предметам, хорошо учится, с учителями доброжелательный и уважительный. Вместе с тем специалистами социально-реабилитационного центра было установлено, что за период профилактического учета несовершеннолетний охарактеризовал себя с отрицательной стороны, весь комплекс профилактических мероприятий, направленный на коррекцию поведения, положительной динамики не дал. По мнению сотрудников центра, на это могло повлиять отсутствие

должного контроля со стороны законных представителей, круг общения, черты характера, уверенность в безнаказанности за содеянное². Представляется, что в таких случаях суду необходимо учитывать не только характеристику из школы, но и обратить внимание на характер совершенного общественно опасного деяния, а также дать оценку заключению специализированного учреждения. Ведь суд обязан оценивать доказательства по принципу достоверности. Это сложно по таким административным делам, но тогда надо думать об использовании дополнительных доказательств, например, в рамках экспертизы провести психологическое тестирование, заслушать мнение одноклассников, соседей.

Соответственно, если при рассмотрении административного дела будет определено, что контроль за поведением несовершеннолетнего отсутствует со стороны родителей, они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию, целесообразно установить особый надзор за несовершеннолетним. Например, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, орган опеки и попечительства могут сообщить сведения о нахождении семьи несовершеннолетнего в социально опасном положении, случаях изъятия ребенка из семьи, представить направления профилактической работы в отношении несовершеннолетнего и его семьи и т. д. [16, с. 210] В таких случаях должны быть установлены не только меры воспитательно-профилактического воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю, но и применены меры ответственности к родителям в виде ограничения их в родительских правах на определенный срок или лишения родительских прав. По-

¹ Решение Богучанского районного суда Красноярского края от 07.03.2023 г. по делу № 2а-361/2023 // Богучанский районный суд Красноярского края. URL: <https://boguchan--krk.sudrf.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

² Решение Басманного районного суда г. Москвы от 18.03.2025 г. по делу № 02а-0305/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/> (дата обращения: 08.04.2025).

скольку по таким административным делам обязательно участие прокурора (ст. 285.9 КАС РФ), а суд по своей инициативе не может возбудить дело об ограничении или о лишении родительских прав, то соответствующими разъяснениями необходимо дополнить постановление Пленума ВС РФ.

Следует обратить внимание и на то, что Законом об основах системы профилактики несовершеннолетних установлен срок нахождения несовершеннолетнего в специальном центре – не более 30 суток, и только в исключительных случаях продлен судом на срок до 15 суток. Вряд ли за такой короткий период времени возможно эффективно реализовать профилактические мероприятия. Поэтому трудно согласиться с тем, что помещение несовершеннолетнего в специальный центр является мерой, применяемой только в целях изъятия из криминальной среды, которая отрицательно влияет на его поведение [17, с. 145–148]. Спорно и утверждение о том, что помещение ребенка в специальный центр позволяет оказать на него индивидуальное воспитательно-профилактическое воздействие [18, с. 223]. Ведь несовершеннолетний может находиться в этом учреждении не более 30 суток. Так, например, встречаются случаи, когда в судебном решении отмечается девиантное (общественно опасное) поведение несовершеннолетнего, а также тот факт, что он нуждается в специальных условиях воспитания и обучения. При этом в судебном решении не только устанавливается одна мера воздействия – помещение несовершеннолетнего в специальный центр, но и без обоснования указывается срок помещения – только на 15 суток¹. Или другой пример из судебной практики, в котором

несовершеннолетний не только совершил правонарушение, но и установлено, что он употреблял наркотические вещества². Вряд ли временное помещение несовершеннолетнего в специальный центр в этом случае можно считать эффективной профилактической мерой воздействия. Как и недопустимо утверждать, что помещение в специальный центр – это крайняя воспитательно-профилактическая мера воздействия, поскольку ранее проводимые мероприятия не имели эффекта [19, с. 44].

Следует обратить внимание и на общие правила обжалования судебных решений по делам о помещении несовершеннолетнего в специальный центр [20, с. 54]. Ведь судебное решение в отношении несовершеннолетнего, помещенного в специальный центр, подлежит немедленному исполнению. Поскольку при рассмотрении административного дела в суде первой инстанции закреплены сокращенные сроки рассмотрения дела, то аналогичный порядок должен быть закреплен и при рассмотрении в суде апелляционной инстанции. Например, как это установлено в случае помещения иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение (ст. 298 и 305 КАС РФ). Представляется, что в случае помещении несовершеннолетнего в специальный центр необходимо также предусмотреть сокращенные сроки обращения и рассмотрения дел в апелляционном порядке.

Требуется дополнительное изучение и вопрос помещения в специальный центр несовершеннолетних иностранных граждан. По общему правилу правовой статус несовершеннолетних иностранных граждан зависит от правового статуса их родителей или иных законных предста-

¹ Решение Кунцевского районного суда г. Москвы от 10.12.2024 г. по делу № 02а-1546/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

² Решение Измайловского районного суда г. Москвы от 29.12.2023 г. по делу № 2а-1428/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru (дата обращения: 08.04.2025).

вителей, который зависит от цели их прибытия на территорию Российской Федерации, срока нахождения на территории Российской Федерации и вида полученных ими разрешительных документов [21, с. 66–74]. Если несовершеннолетний иностранный гражданин нарушает требования миграционного законодательства и режим пребывания на территории Российской Федерации, а самое главное – проживает без законных представителей¹, то единственный способ обеспечения защиты его жизни и здоровья – помещение в специальный центр, поскольку к несовершеннолетнему иностранному гражданину не может быть применена такая мера, как административное выдворение. В соответствии с приказом МВД России должностные лица специального центра либо передают

таких несовершеннолетних их родителям, либо доставляют к месту жительства или месту пребывания, где передают их законным представителям или органам государственной власти, исполняющим функции органа опеки и попечительства². При этом такой порядок предусмотрен только в пределах государств-участников СНГ.

Выводы

Таким образом, помещение несовершеннолетнего правонарушителя в специальный центр – это исключительно временная мера, которая, во-первых, не может быть единственной воспитательно-профилактической мерой воздействия, а только одним из этапов в комплексе профилактических мероприятий. Поэтому целесообразно предусмотреть и альтернативные меры воздействия, чтобы у суда была возможность их применения при отказе в помещении в специальный центр, указав эти меры в предписании родителям. Во-вторых, несовершеннолетний правонарушитель должен быть передан на попечение его родителей или иных законных представителей только при условии, что они готовы взять на себя обязанность контролировать реализацию плана профилактических мероприятий. В-третьих, если судом будет установлено, что родители не выполняют надлежащим образом своих обязанностей, то должен быть установлен особый надзор за несовершеннолетним правонарушителем, который обеспечит не только защиту его прав и законных интересов, но и не допустит совершения им новых общественно опасных деяний.

¹ См., например: решение Курского районного суда Ставропольского края от 26.06.2024 г. по делу № 2а-634/2024 // Курский районный суд Ставропольского края: сайт URL: <https://kursky--stv.sudrf.ru/>; решение Зубцовского районного суда Тверской области от 22.07.2024 г. по делу № 2а-245/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт URL: <https://sudact.ru/>; решение Канавинского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 18.10.2024 г. по делу № 2а-5817/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт URL: <https://sudact.ru/>; решение Симоновского районного суда г. Москвы от 07.02.2025 г. по делу № 02а-0398/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/>; решение Люблинского районного суда г. Москвы от 24.03.2025 по делу № 2а-0351/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/>; решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 25.03.2025 г. по делу № 02а-0592/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 08.04.2025).

² Об утверждении Наставления по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: приказ МВД России от 27 нояб. 2023 г. № 908 // Гарант: сайт URL: <https://base.garant.ru/408520207/> (дата обращения: 08.04.2025).

Список литературы

1. Сапронова К.А. О правовой неурегулированности процедуры помещения по заявлению прокурора несовершеннолетних в специальные учебные учреждения закрытого типа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 80–87.
2. Туманова Л.В. Охрана детства как предмет административного судопроизводства // Судья. 2020. № 4. С. 24–28.
3. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.
4. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани... // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.
5. Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 155–160.
6. Роженьюк Ю.А. Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел Российской Федерации как субъект криминологической профилактики подростковой преступности // Научный компонент. 2024. № 2(22). С. 5–17.
7. Барамзина О.Н., Кощеева Е.С. Новеллы процессуального порядка рассмотрения судом административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 467–470.
8. Попов В.И. К вопросу о месте и роли центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в системе субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 4(55). С. 208–219.
9. Семенистый А.В., Семенец М.Ю. Актуальные вопросы обеспечения безопасности несовершеннолетних, направляемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Академическая мысль. 2019. № 4. С. 43–49.
10. Туманова Л.В. Обеспечение защиты прав при решении вопроса о помещении в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 3–5.
11. Ильина О.Ю. О целесообразности разъяснения вопросов, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 77–81.
12. Быстрова Ю.В. Проблемы предупреждения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в Российской Федерации: монография. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2024. 106 с.

13. Дамбиева Т.В. Содержание несовершеннолетних в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в целях предупреждения совершения повторных общественно опасных деяний и международные стандарты // Десятилетие детства: тенденции и перспективы развития дружественного к ребенку правосудия: материалы конференции. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 109–114.
14. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2025. 544 с.
15. Зайцев О.В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2. С. 106–115.
16. Иванов Д.А. О некоторых проблемах закрепления процессуального статуса и прав лиц, участвующих в делах о помещении несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к юридической ответственности, в специальные центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Судебная защита: новеллы и традиции в теории, законодательстве и правоприменении: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2021. С. 207–211.
17. Подколзина А.Ю. Помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей как мера воздействия на противоправное поведение несовершеннолетних // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 145–148.
18. Бурашникова Н.А. Особенности рассмотрения дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов: монография. М.: Проспект, 2023. С. 210–231.
19. Шестакова Е.В. Понятие и содержание меры государственного принуждения в виде помещения несовершеннолетних в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 39–46.
20. Бурашникова Н.А. Порядок рассмотрения дел о помещении несовершеннолетних в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: проблемы правового регулирования // Российское правосудие. 2019. № 1. С. 47–55.
21. Лупенков А.В. Особенности административного выдворения за пределы Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 4 (62). С. 66–74.

References

1. Sapronova K.A. On the legal lack of regulation of the procedure for placing minors in special educational institutions of a closed type at the request of the prosecutor. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(2):80-87. (In Russ.)
2. Tumanova L.V. Child protection as a subject of administrative proceedings. *Sud'ya = Judge*. 2020;(4):24-28. (In Russ.)
3. Bepalov Yu.F. On the issue of family values in the Russian Federation. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*. 2018;(5):6-8. (In Russ.)
4. Bogdan V.V. Protection of traditional family values in the paradigm of transformation of family relations: balancing on the edge... *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):71-79. (In Russ.)

5. Serebryakova A.A. Family values as a part of traditional Russian spiritual and moral values. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):155-160. (In Russ.)
6. Rozhenyuk Yu.A. The temporary detention center for juvenile delinquents of the internal affairs bodies of the Russian Federation as a subject of criminological prevention of juvenile delinquency. *Nauchnyi komponent = Scientific component*. 2024;(2):5-17. (In Russ.)
7. Baramzina O.N., Koshcheeva E.S. Novelties of the procedural procedure for the consideration by the court of administrative cases related to the stay of a minor in a temporary detention center for juvenile offenders of the internal affairs body. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2023;(7):467-470. (In Russ.)
8. Popov V.I. On the issue of the place and role of temporary detention centers for juvenile offenders in the system of subjects of juvenile delinquency prevention. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii = Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service*. 2024;(4):208-219. (In Russ.)
9. Semenisty A.V., Semenets M.Yu. Current issues of ensuring the safety of minors sent to temporary detention centers for juvenile offenders. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*. 2019;(4):43-49. (In Russ.)
10. Tumanova L.V. Ensuring the protection of rights when deciding on the placement of juvenile offenders in a temporary detention center. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*. 2015;(2):3-5. (In Russ.)
11. Il'ina O.Yu. On the expediency of clarifying issues arising in the practice of courts of general jurisdiction when considering administrative cases related to the stay of minors in a special temporary detention center for juvenile offenders of the internal affairs body, in a special closed-type educational institution. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(4):77-81. (In Russ.)
12. Bystrova Yu.V. Problems of prevention of offenses committed by minors in the Russian Federation. Orel: OGU im. I.S. Turgeneva; 2024. 106 p. (In Russ.)
13. Dambieva T.V. Detention of minors in temporary detention centers for juvenile delinquents in order to prevent the commission of repeated socially dangerous acts and international standards. *Desyatiletie detstva: tendentsii i perspektivy razvitiya družhestvennogo k rebenku pravosudiya: materialy konferentsii = The Decade of Childhood: trends and prospects for the development of child-friendly justice: conference proceedings*. Ulan-Ude: Buryat. gos. un-t; 2018. P. 109-114. (In Russ.)
14. Tumanova L.V. (ed.) Commentary to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. Vol. 2. Moscow: Prospekt; 2025. 544 p. (In Russ.)
15. Zaitsev O.V. Trends in the development of judicial practice to protect the rights of minors in the prevention of antisocial and unlawful behavior. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2024;(2):106-115. (In Russ.)
16. Ivanov D.A. On some problems of securing the procedural status and rights of persons involved in cases involving the placement of minors under the age of legal responsibility in special temporary detention centers for juvenile offenders. In: Tumanova L.V. (ed.) Judicial protection: novelties and traditions in theory, legislation and law enforcement. Moscow: Prospekt; 2021. P. 207-211. (In Russ.)
17. Podkolzina A.Yu. Placement in a temporary detention center for juvenile offenders as a measure of influence on the illegal behavior of minors. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;(1):145-148. (In Russ.)

18. Burashnikova N.A. Peculiarities of consideration of cases related to the stay of minors in special institutions. In: Actual issues of ensuring and protecting public legal interests. Moscow: Prospekt; 2023. P. 210-231. (In Russ.)

19. Shestakova E.V. Procedure for the consideration of cases on the placement of minors in temporary detention centers for juvenile offenders: problems of legal regulation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: history, theory, practice*. 2021;(4):39-46. (In Russ.)

20. Burashnikova N.A. Procedure for the consideration of cases on the placement of minors in temporary detention centers for juvenile offenders: problems of legal regulation. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*. 2019;(1):47-55. (In Russ.)

21. Lupenkov A.V. Features of administrative expulsion from the Russian Federation of minor foreign citizens and stateless persons. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2022;(4):66-74. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Жукова Олеся Витальевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru, ORCID: 0000-0001-6716-3726

Olesya V. Zhukova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement, Tver State University, Tver, Russian Federation, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru, ORCID: 0000-0001-6716-3726

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-162-174>

Принципы гражданского судопроизводства: понятие, классификация и способы выражения

Д.Н. Комаров^{1✉}¹ Саратовская государственная юридическая академия

ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104/3, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: dmit_komarov@mail.ru

Резюме

Актуальность. Современная судебная система Российской Федерации функционирует в условиях возрастания роли правовых принципов как основы законности, справедливости и эффективности гражданского судопроизводства. Однако правоприменительная практика сталкивается с проблемами, обусловленными отсутствием единого и четко структурированного перечня принципов, различиями в их нормативном закреплении и с неоднозначным толкованием. В условиях цифровизации и реформ правовой системы особенно важно устранение фрагментарности правового регулирования основ гражданского процесса.

Цель – выявить и теоретически обосновать системные противоречия между научным пониманием и законодательным закреплением принципов гражданского судопроизводства, которые препятствуют единообразию судебной практики.

Задачи: обобщить и систематизировать существующие в юридической науке подходы к классификации принципов гражданского судопроизводства по трем основаниям: сфера действия, объект правового регулирования и источник законодательного закрепления; выявить пробелы и противоречия в законодательном закреплении принципов гражданского судопроизводства в российской правовой системе.

Методология. Исследование основано на использовании диалектического метода, формально-юридического и сравнительно-правового анализа, методов логического обобщения и системного подхода. Это обеспечило целостное рассмотрение проблемы как с точки зрения теории, так и правоприменения.

Результаты. Выявлены пробелы и противоречия в законодательном закреплении принципов гражданского судопроизводства в российской правовой системе, подтверждающие их фрагментарный характер. Установлено фактическое влияние научно обоснованных, но законодательно не закрепленных принципов (объективной истины, процессуальной активности суда, диспозитивности) на практику применения права.

Вывод. Существует объективная необходимость преодоления фрагментарности законодательного закрепления принципов гражданского судопроизводства, в связи с чем представляется перспективным направлением дальнейших исследований разработка научно обоснованных предложений по оптимизации взаимодействия нормативных и доктринальных принципов гражданского судопроизводства, направленных на усиление системной согласованности гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: принципы судопроизводства; состязательность; равноправие сторон; независимость судей; классификация принципов; устность и письменность; диспозитивность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Комаров Д.Н. Принципы гражданского судопроизводства: понятие, классификация и способы выражения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 162–174. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-162-174>.

Поступила в редакцию 24.04.2025

Принята к публикации 24.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Principles of civil procedure: the concept, classification and ways of expression

Dmitry N. Komarov¹✉

¹Saratov State Law Academy
104/3 N.G. Chernyshevsky Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉e-mail: dmit_komarov@mail.ru

Abstract

Relevance. The modern judicial system of the Russian Federation operates in an environment where the role of legal principles as the basis for legality, fairness, and efficiency in civil proceedings is increasing. However, law enforcement faces challenges due to the lack of a unified and clearly structured list of principles, differences in their legal regulation, and ambiguous interpretations. In the context of digitalization and legal system reforms, it is crucial to address the fragmented legal regulation of the fundamentals of civil proceedings.

Purpose – to identify and theoretically substantiate systemic contradictions between the scientific understanding and legislative consolidation of the principles of civil proceedings, which hinder the uniformity of judicial practice.

Objectives: Generalize and systematize the existing approaches in legal science to the classification of the principles of civil proceedings on three grounds: the scope of action, the object of legal regulation, and the source of legislative consolidation; Identify gaps and contradictions in the legislative consolidation of the principles of civil proceedings in the Russian legal system.

Methodology. The study is based on the dialectical method, formal legal and comparative legal analysis, logical generalization, as well as systematic and historical-legal approaches. This comprehensive methodology ensured an integrated examination of the issue from both theoretical and practical perspectives.

Results. Gaps and contradictions in the legislative consolidation of the principles of civil proceedings in the Russian legal system have been identified, confirming their fragmented nature. The actual influence of scientifically substantiated but not legally enshrined principles (objective truth, procedural activity of the court, and dispositivity) on the practice of law application has been established.

Conclusion. There is an objective need to overcome the fragmentation of legislative consolidation of the principles of civil proceedings, which makes it a promising area for further research to develop scientifically grounded proposals for optimizing the interaction of regulatory and doctrinal principles of civil proceedings aimed at strengthening the systemic coherence of civil procedural legislation.

Keywords: principles of civil procedure; adversarial system; equality of parties; judicial independence; classification of principles; dispositiveness.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Komarov D.N. Principles of civil procedure: the concept, classification and ways of expression. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):162–174. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-162-174>.

Received 24.04.2025

Accepted 24.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

В условиях стремительно изменяющейся правовой реальности вопросы, касающиеся принципов гражданского судопроизводства, приобретают особую значимость как для правоприменительной практики, так и для теоретико-правового осмысления. Основы (принципы)

гражданского процесса представляют собой не только фундаментальные положения, обеспечивающие справедливость, равенство и правовую определённость в судопроизводстве, но и важнейший инструмент структурирования правовой системы в целом.

Несмотря на наличие закреплённых в законодательстве принципов, до сих

пор не существует единого кодифицированного перечня, что порождает неоднозначность в правоприменении, правовые коллизии и подрывает устойчивость судебной практики. В научной литературе существует значительное количество работ, посвящённых отдельным принципам судопроизводства, их сущности и функциям. Однако вопросы классификации принципов, а также проблема их нормативного выражения остаются недостаточно проработанными и требуют дополнительного комплексного анализа.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью устранения правовой фрагментарности принципов гражданского судопроизводства на законодательном уровне. Научная новизна заключается в попытке системно осмыслить и обосновать необходимость законодательного закрепления как нормативных, так и доктринальных принципов, что представляет теоретическую и практическую значимость для последующего совершенствования процессуального законодательства.

Целью исследования является выявление роли принципов в обеспечении справедливого правосудия. Объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления правосудия по гражданским делам. В качестве исходной гипотезы выдвигается положение о том, что отсутствие системного подхода к закреплению принципов в законодательстве препятствует достижению единообразия и эффективности правоприменения.

Методология

Для достижения цели исследования – выявления роли принципов гражданского судопроизводства в обеспечении справедливого и эффективного правосудия – была выбрана комплексная методологическая база, сочетающая общенаучные и частноправовые методы. В основу положен диалектический метод, позволивший рассматривать принципы гражданского

процесса как динамичное правовое явление, развивающееся в условиях изменяющегося законодательства и правоприменительной практики.

С помощью формально-юридического метода произведён анализ нормативных актов, включая Конституцию РФ, Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) РФ, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ. Это позволило выявить наличие и характер закрепления отдельных принципов, таких как состязательность, равноправие сторон, независимость судей, и подтвердить фрагментарность их законодательной формализации. Системный подход применялся при классификации принципов по различным основаниям (сфера действия, объект регулирования, источник нормативного закрепления), что позволило раскрыть внутреннюю структуру и взаимосвязи между ними.

Результаты, полученные при применении данных методов, подтвердили необходимость более чёткого и последовательного законодательного закрепления как нормативных, так и доктринальных принципов гражданского процесса. Это, в свою очередь, послужило основой для предложений по систематизации правовых основ гражданского судопроизводства.

Результаты и их обсуждение

Принципы гражданского процесса играют важнейшую роль, обеспечивая правовую и этическую основу, определяя структуру, содержание и направления правоприменительной практики. «Формирование принципов обусловлено объективными требованиями социально-экономического и политического характера и носит конвенциональный характер» [1, с. 77]. Их закрепление и классификация определяют базис для последовательного и справедливого правосудия, что особенно актуально в условиях правового государства, где стабильность и предсказуемость судебной системы вы-

ступают необходимыми условиями правопорядка. Кроме того, в условиях динамичных изменений законодательства и новых вызовов правоприменения возникает потребность в пересмотре существующей нормативной базы с целью более четкого и однозначного закрепления принципов в законе. Отсутствие единого перечня и различное закрепление принципов в процессуальных кодексах порождает правовые коллизии и неопределённости в их применении, что снижает эффективность судебной системы.

Основные начала, такие как состязательность, равноправие, независимость судей, равенство сторон и др., закреплёны в законодательстве и действуют как инструменты для предотвращения правовых коллизий. «Одной из характерных особенностей российского законодательства является закрепление в нем принципов судопроизводства, начиная с Основного закона – Конституции РФ, федеральных конституционных законов и далее – в законах и процессуальных кодексах» [2, с. 140]. Принципы гражданского судопроизводства служат концептуальными ориентирами для всех участников процесса, поэтому занимают центральное место в правовой системе. «Принципы правосудия, их система явились закономерным следствием эволюции правовых взглядов и этических представлений, в них отражаются фундаментальные правовые идеи отечественной системы права» [3, с. 65]. Они отражают государственную волю и обеспечивают правовую определенность, которая необходима для стабильного и эффективного функционирования судебной системы. Правовые принципы тесно связаны с моральными и этическими категориями, поскольку отражают идеи о равенстве и справедливости, что, в свою очередь, служит основой для формирования правового государства и демократии. «Принципы гражданского судопроизводства имеют особо выраженную нравственную основу, являясь гарантом обес-

печения правильного, справедливого, объективного рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде» [4, с. 145]. Эти принципы, представляя собой многослойную структуру, сочетают в себе как юридические, так и моральные аспекты, что позволяет им быть гибкими и актуальными в условиях динамичного развития общества.

Для более глубокого понимания роли принципов в судебной системе создаются классификации, которые позволяют выделить как общие, так и специфические аспекты их действия: «классификация принципов осуществляется для упорядочивания изучения и облегчения применения последних» [5, с. 170]. Существуют различные основания для деления принципов. Далее будут рассмотрены некоторые из них. Первая классификация – по сфере действия. Данный подход основывается на распространённости действия принципов в различных отраслях права. Выделяются общеправовые принципы, которые действуют в рамках всех отраслей права и обеспечивают универсальные положения правопорядка. Вторая группа – межотраслевые принципы, которые охватывают несколько отраслей права и формируют общую правовую основу для различных процессов, например, принцип гласности действует в гражданском, арбитражном, уголовном и административном судопроизводствах. Третья группа принципов – отраслевые, которые характерны исключительно для гражданского процессуального права.

Следующая классификация – по объекту правового регулирования. Этот подход подразделяет принципы в зависимости от их направленности на определённые аспекты правового регулирования. В первую группу входят организационно-функциональные принципы, регулирующие устройство судебной системы и общие правила осуществления правосудия. Вторую группу составляют функциональные принципы, которые

определяют порядок судопроизводства и правила поведения участников процесса.

Далее рассмотрим классификацию по источнику нормативного регулирования. В основе данной классификации лежит анализ источников, из которых происходят принципы. Так как «некоторые принципы имеют конституционно-правовую природу» [6, с. 143], классификация правовых принципов, включающая их разделение на конституционные и отраслевые, позволяет чётко определить их иерархию, значимость и функции в правоприменительной практике. Конституционные принципы закрепляют универсальные положения, применимые ко всем отраслям права, обеспечивая единство правовой системы, тогда как отраслевые принципы учитывают особенности отдельных сфер права. Такое разделение способствует целостному и структурированному восприятию правовой системы, делая её более доступной и понятной для практического применения.

Подробно рассмотрим группы, выделенные в данной классификации. Конституционные принципы можно подразделить на несколько категорий: те, которые закреплены в ГПК РФ; те, которые, несмотря на своё конституционное происхождение, не нашли отражения в ГПК РФ; а также отраслевые принципы, сформулированные непосредственно в ГПК РФ для регулирования особенностей гражданского судопроизводства. Системное разделение принципов на конституционные, отраслевые и другие виды имеет решающее значение для правоприменительной практики. Оно способствует упорядочению правовых норм, облегчая адаптацию и применение принципов в зависимости от конкретной правовой сферы, и устраняет возможные противоречия. Однако «такая черта принципа, как нормативность, может проявляться и опосредованно, когда принцип при помощи лексического толкования, логических умозаключений или иным методом выводится из одной или

нескольких норм права» [7, с. 36]. В таком случае возможна классификация принципов по уровням действия и функциям, например, законодательные и доктринальные. Это помогает более чётко определить их область применения. В связи с этим в науке встречаются расширенные толкования данной классификации с предложением включить в неё четвёртую группу – доктринальные принципы, которые формируются на основе научных исследований и судебной практики, но прямо не закреплены в нормативных актах.

Нормативное закрепление принципов гражданского судопроизводства играет ключевую роль в обеспечении их действенности и функциональности. Принципы, являясь основополагающими нормами права, представляют собой концентрированное выражение правовых идей, определяющих структуру и содержание правового регулирования. Именно благодаря закреплению в нормативных актах они обретают официальное признание и становятся обязательными для исполнения, что укрепляет их правоприменительное значение. Эту мысль подтверждает А. А. Фомин, который отмечает, что «доктринальные положения (принципы методологии юридической науки), какими бы продуктивными и прогрессивными они ни представлялись для отправления правосудия, нельзя применять в судебной деятельности в качестве правовых принципов до тех пор, пока они не получают позитивного санкционирования в нормативной системе государства на конституционном или отраслевом уровне» [8, с. 176].

Одним из главных преимуществ нормативного закрепления является ясность и определённость, которые оно придаёт принципам. Чётко сформулированный и закреплённый в законе принцип исключает неоднозначное толкование и обеспечивает его универсальное понимание всеми участниками правового процесса. Это особенно важно в услови-

ях, когда судопроизводство требует строгой согласованности действий всех участников. Кроме того, наличие конкретного принципа в тексте закона делает его более доступным для реализации и позволяет правоприменителям опираться на него в процессе вынесения решений, что способствует единообразию судебной практики.

Также отсутствие нормативного закрепления принципа может снижать его правоприменительную значимость. Такие принципы остаются скорее частью доктрины или судебной практики и не обладают обязательной юридической силой, что может приводить к их игнорированию в процессе правоприменения. Это создаёт предпосылки для непоследовательности и даже противоречий в судебных решениях, что подрывает доверие к судебной системе в целом.

Тем не менее стоит отметить, что существуют и критические взгляды на закрепление принципов. Некоторые специалисты считают, что чрезмерное закрепление может затруднить адаптацию судебной практики к новым условиям. Закрытый перечень принципов иногда ограничивает развитие новых норм, как это наблюдается в случае с КАС: «наличие перечня принципов обедняет судопроизводство и обедняет содержание самих принципов, ставит их в зависимость от того, насколько удачно (а часто – неудачно) записал их законодатель, хотя описание отдельных принципов в тексте кодексов, возможно, и является полезным» [2, с. 145].

В результате принципы гражданского судопроизводства в России обладают как сильными сторонами в виде законодательной определенности и структурированности, так и определенными ограничениями, связанными с возможной статичностью и снижением гибкости системы. Для того чтобы учесть возможные ограничения в закреплении принципов, важно понимать, что их жесткая фиксация не всегда служит интересам гибкости

и адаптивности правовой системы. Однако несмотря на опасения, связанные с возможной статичностью, осознанное и правильное применение принципов гражданского процесса остается ключевым фактором для достижения справедливого и законного судопроизводства. «Выдвижение и дальнейшее внедрение принципов отдельных институтов гражданского процессуального права крайне необходимо, так как с их помощью можно совершенствовать и развивать определенные сферы гражданского судопроизводства, что, безусловно, в целом положительно отразится на качестве правосудия» [9, с. 19]. Именно сбалансированное использование принципов и их гармоничное сочетание с изменяющимися условиями правоприменения позволяет судебной системе не только соответствовать запросам общества, но и эффективно отвечать на новые вызовы времени.

Основываясь на классификации принципов гражданского судопроизводства по критерию их закрепления, представляется целесообразным уделить внимание отдельным доктринальным принципам. Количество таких принципов не имеет четкого ограничения, поскольку их перечень варьируется в зависимости от научного подхода конкретного исследователя. В рамках данной работы будет проведен анализ следующих доктринальных принципов: принципа объективной истины, принципа процессуальной активности суда, принципа сочетания устности и письменности, а также принципа диспозитивности.

Гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации прямо не закрепляет принцип объективной истины. Такое отсутствие формального закрепления объясняется эволюцией гражданского процесса в сторону состязательности, что подчёркивает автономию сторон и их ответственность за предоставление доказательств. Однако, несмотря на это, элементы принципа объективной истины сохраняются, что

отражается в процессуальных обязанностях суда.

Часть 2 статьи 12 ГПК РФ формулирует задачу суда по созданию условий для всестороннего и полного исследования доказательств. В данном положении сохраняется ориентация на достижение истины в рамках рассмотрения дела, поскольку без глубокого и всестороннего анализа невозможно принять законное и обоснованное решение. Кроме того, ч. 2 ст. 56 и абз. 2 ч. 1 ст. 57 ГПК РФ предоставляют суду возможность предлагать сторонам представить дополнительные доказательства и содействовать их сбору в случае затруднений. Эти нормы свидетельствуют об активной роли суда в исследовании обстоятельств дела, что характерно для подхода, ориентированного на установление объективной истины.

Статья 67 ГПК РФ, устанавливающая правила оценки доказательств, также подтверждает необходимость объективного и беспристрастного подхода. Суд обязан оценивать доказательства по внутреннему убеждению на основе всестороннего, полного и непосредственного исследования. Эти требования являются гарантией достижения справедливости, которая предполагает установление истины.

«Независимо от того, что принцип объективной истины не закреплен в текстах процессуальных кодексов, на практике суды, не сбрасывая со счета принцип состязательности, руководствуются им в своей практической деятельности» [10, с. 263]. Сохранение элементов объективной истины не противоречит состязательности гражданского процесса. Напротив, оно позволяет учитывать специфику дел, в которых стороны по различным причинам не могут полноценно реализовать свои процессуальные права (например, из-за недостатка юридических знаний или финансовых ресурсов).

Перейдем к следующему принципу. В 1964 г. В.М. Семёнов сформулировал концепцию процессуальной активности

суда, рассматривая её как принцип, обусловленный организующей и направляющей ролью государства¹. Его подход отражает взгляд на суд как на ключевой инструмент государственной власти, который активно участвует в обеспечении правопорядка, реализации прав граждан и укреплении законности. Концепция была тесно связана с господствующей в тот период теорией государственного управления, акцентировавшей роль государства в регулировании всех сфер общественной жизни, включая правосудие. Суд выполняет не только функцию арбитра между сторонами спора, но и выступает в роли активного субъекта, обеспечивающего установление объективной истины по делу. Такой подход усиливает значение суда как гаранта прав граждан, предоставляя ему право и обязанность вмешиваться в процесс для устранения возможных препятствий для справедливого разрешения дела. Активная руководящая роль суда, таким образом, заключается в его способности не только обеспечивать соблюдение процессуальных норм, но и способствовать устранению причин правонарушений, что свидетельствует о широком понимании судом своей социальной функции.

Однако идея признания активности суда самостоятельным принципом вызывает серьёзные теоретические споры. Основной критикой данного подхода выступает его противоречие принципам диспозитивности и состязательности, которые лежат в основе гражданского процесса. Принципы права, по своей природе, представляют собой универсальные нормы, регулирующие все аспекты конкретного правового института. Активность суда, выступая исключением из диспозитивного подхода, скорее отражает отклонение от общего правила, чем его

¹ Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов Вып. 4. Свердловск, 1964. С. 330.

основу. «Суды обязаны соблюдать нормы процессуального права, обеспечивать возможность реализации прав участникам гражданского процесса, контролировать выполнение ими процессуальных обязанностей» [11, с. 217]. В этой связи она должна быть встроена в общую систему процессуального регулирования как средство реализации принципов равенства, состязательности и справедливости. «В процессуальном законодательстве судье отводится особая роль в осуществлении руководства процессом, создании условий для реализации лицами, участвующими в деле, процессуальных прав и обязанностей на основе принципов равноправия сторон и состязательности» [13, с. 113]. Такой подход обеспечивает внутреннюю согласованность нормативной базы, устраняя риск разрушения правового баланса между сторонами. «Судебные решения, выносимые по гражданским делам, будут, действительно, юридически обоснованными при наличии активной роли суда в процессе установления истинных обстоятельств дела» [8, с. 109]. Активность суда может быть эффективным инструментом достижения целей судопроизводства, однако её место в правовой системе остаётся подчинённым основополагающим принципам. Это позволяет рассматривать её как важный, но вспомогательный элемент, ориентированный на поддержание равенства и защиты прав в условиях состязательного процесса.

Далее рассмотрим сочетание устности и письменности в гражданском судопроизводстве. Принцип устности подразумевает, что основная часть процессуальных действий осуществляется в устной форме. Это включает представление доказательств, их исследование, а также выступления сторон в ходе судебного разбирательства. Устность позволяет судье или коллегии судей непосредственно воспринимать доводы сторон, заслуши-

вать показания свидетелей, экспертов и оглашенные документы. Она также обеспечивает возможность участников процесса взаимодействовать в режиме реального времени, оперативно задавать вопросы и давать разъяснения. Принцип устности накладывает важное ограничение на суд, который может выносить решения только на основе сведений, озвученных в судебном заседании. Устность делает процесс более открытым и доступным, позволяя участникам осознавать, как формируется доказательная база, и реагировать на новые обстоятельства в ходе разбирательства.

Письменность в судопроизводстве, напротив, направлена на фиксацию процессуальных действий и подчеркивает юридическую значимость письменных доказательств. Исковые заявления, отзывы, ходатайства и иные процессуальные документы подаются в письменной форме, что гарантирует формализацию и точное выражение позиций сторон. Только письменные доказательства обладают юридической силой, что делает их важнейшим элементом при принятии решений судом. При этом все устные выступления сторон и свидетелей протоколируются, создавая письменную запись, которая становится основой для анализа и пересмотра. Письменность обеспечивает прозрачность, долговременность и единообразие судопроизводства, исключая возможные искажения и предоставляя возможность для тщательного анализа доказательств.

Современное судопроизводство основано на балансе между устностью и письменностью. На стадии подготовки дела приоритет отдается письменности: стороны формируют свои позиции и представляют доказательства в письменной форме. «Применение принципа письменности является наиболее эффективным при рассмотрении фактических обстоятельств, которые не являются

предметом спора. Принцип письменности применяется при рассмотрении не сложных дел, при этом не нарушая принципа публичного разбирательства» [14, с. 40]. Однако на стадии судебного разбирательства преобладает устность, позволяя сторонам оглашать документы, давать пояснения и вступать в состязание. Эта взаимосвязь создает условия для эффективного и справедливого разбирательства.

В дополнение к уже рассмотренным основам стоит обратить внимание на принцип диспозитивности, который, несмотря на свою значимость, не закреплён в законодательстве напрямую. Принцип диспозитивности является центральным для гражданского судопроизводства России, подчеркивая право истца определять границы своего иска и управлять процессом в рамках, установленных законом. Этот принцип важен не только для защиты прав частных лиц, но и для правоприменительной практики в целом, т. к. он формирует структуру и логику гражданского процесса. Тем не менее современные положения законодательства, такие как правила обязательного соучастия, закреплённые в ст. 40 ГПК РФ, иногда вызывают критику в связи с тем, что «законом не сформулировано четкого критерия возникновения обязательного пассивного соучастия» [15, с. 398]. Эти положения могут ограничивать диспозитивные начала, делая актуальным вопрос о четком распределении судебных полномочий и защите процессуальной свободы истца. Принцип диспозитивности, хотя и считается основополагающим, имеет свои исключения, которые порой вступают в конфликт с правом истца на самостоятельное распоряжение процессуальными действиями. Подобная «бессистемность» закрепления принципов в процессуальном законе» [3, с. 69] создает необходимость более четкого разграничения правовых принципов по их задачам

и области применения. Для дальнейшего совершенствования судебной практики требуется не только систематизация принципов, но и их однородное закрепление в законодательстве. Это необходимо для того, чтобы правосудие в России оставалось эффективным и последовательным, соблюдая баланс между интересами государства и правами граждан. Так как правовая природа принципа диспозитивности остается спорной, его применение часто ограничивается существующими правилами, что подчеркивает необходимость обсуждения его четкого законодательного закрепления. Например, законодательные уточнения относительно полномочий суда в вопросах привлечения соответчиков могли бы предотвратить расширительное толкование.

Существующее различие между восприятием принципов либо как доктринальных, либо как закреплённых на уровне закона еще больше подчеркивает важность их законодательного закрепления. Так, Гражданский процессуальный кодекс пока не содержит исчерпывающего перечня принципов, что усложняет их практическое применение, однако закрепление таких норм может стать важным шагом для стандартизации законодательства. Данный процесс сделает принципы гражданского судопроизводства более доступными и понятными для участников процесса, а также поможет устранить двусмысленность в их трактовке и упростить применение в юридической практике.

Выводы

Принципы гражданского судопроизводства выполняют роль системообразующих ориентиров, обеспечивающих единство правоприменительной практики и реализацию фундаментальных ценностей правосудия: равенства, справедливости и правовой определённости. Существующие доктринальные классификации

принципов (по сфере действия, объекту правового регулирования, источнику закрепления) позволяют структурировать нормативный материал и формируют целостное представление о процессуально-правовых основах судопроизводства.

Основным результатом исследования стала систематизация и критическая оценка сложившихся в науке классификаций принципов гражданского процесса. В ходе анализа выявлена устойчивая закономерность: несмотря на развитость теоретических подходов к систематизации, законодательное закрепление принципов остаётся фрагментарным, что приводит к их противоречивому толкованию и нарушению единообразия судебной практики.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений

о дуализме нормативного и доктринального измерения принципов. Исследование демонстрирует, что такие научно обоснованные, но законодательно не закреплённые принципы, как объективная истина, процессуальная активность суда и диспозитивность, оказывают существенное влияние на правоприменительную деятельность, что подтверждает тезис о несовпадении формального и реального содержания системы процессуальных принципов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является комплексный анализ взаимодействия доктринальных и нормативных принципов, направленный на выработку научно обоснованных предложений по оптимизации их законодательного закрепления и усиления системной согласованности.

Список литературы

1. Скоробогатов А.В., Краснов А.В., Латышев О.Ю. Природа принципов гражданского процессуального права // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики : сборник научных статей / сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 69-79. EDN IUGGBI.
2. Терехова Л.А. Закрепление принципов судопроизводства в Кодексе административного судопроизводства и в Гражданском процессуальном кодексе // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 3. С. 139-147. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).139-147](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).139-147). EDN DAYUMA.
3. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Отдельные проблемы соблюдения и реализации принципов гражданского судопроизводства // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 2(30). С. 64-70. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-64-70>. EDN ADNLOW.
4. Мельник С.В., Надтачаев П. В., Гомозова О.Ю. Нравственное содержание принципов гражданского судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 142-146. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-142-146>. EDN DIMYET.
5. Курбанов Д.А. Классификация принципов гражданского процессуального права // Научные исследования и современное образование: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2022. С. 167-170. <https://doi.org/10.21661/r-558369>. EDN YGIGQK.
6. Осокина Г.Л. Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 140-150. <https://doi.org/10.17223/22253513/43/12>. EDN MFEFXI.

7. Исаенкова О.В. Принципы гражданского процесса и исполнительного производства: общее и особенное // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: сборник научных трудов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2023. С. 32-40. EDN WLZPMM.

8. Фомин А.А. Право на судебную защиту как конституционный принцип правосудия и основа обеспечения юридической безопасности граждан // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и редактор З.Ш. Матчанова. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 173-182. EDN HWFRBH.

9. Исаенкова О.В. Принципы гражданского процессуального права: понятие, классификация и тенденции развития // Юридический аналитический журнал. 2022. Т. 17, № 2. С. 7-23. <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-2-7-23>. EDN ENSVIR.

10. Илюхина В.А. Принципы объективной истины и активности суда как доктринальные принципы права // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 3. С. 262-266. EDN OJGGOO.

11. Харитонов Ю.С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 1. С. 203-235. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-1-203-235>. EDN SYWPWK.

12. Федина А.С. Влияние процессов информатизации и цифровизации сферы правосудия на реализацию отдельных принципов гражданского процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 110-117. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.126.2.110-117>.

13. Меркулова Т.Н. Принципы гражданского процессуального права: современное состояние, тенденции развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3(79). С. 106-109. EDN TTRANA.

14. Лошкарев А.В., Брянцева В.А. Соотношение принципа устности гражданского процесса с упрощенным производством // Вопросы экономики и права. 2021. № 154. С. 39-40. <https://doi.org/10.14451/2.154.39>. EDN CPUSJH.

15. Яковенко Е.В. Проблемы соотношения принципа диспозитивности и обязательного соучастия в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 397-400. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_397. EDN EMZRLB.

References

1. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V., Latyshev O.Yu. The nature of the principles of civil procedural law. In: Voitovich L.V. (ed.) *Printsipy grazhdanskogo, arbitrazhnogo i administrativnogo sudoproizvodstva: problemy teorii i praktiki : sbornik nauchnykh statei = Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: problems of theory and practice: collection of scientific articles*. St. Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii "Asterion"; 2021. P. 69-79. EDN IUGGBI. (In Russ.)

2. Terekhova L.A. Consolidation of the principles of judicial proceedings in the Code of Administrative Procedure and the Code of Civil Procedure. *Pravoprimenenie = Law Enforce-*

ment. 2020;4(3):139-147. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).139-147](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).139-147). EDN DAYYMA.

3. Ivanchenko E.A., Vorotilina T.V. Selected problems of compliance and implementation of the principles of civil procedure. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economy. Right. Society*. 2022;7(2):64-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-64-70>. EDN ADNLWO.

4. Mel'nik S.V., Nadtachaev P. V., Gomozova O.Yu. The moral content of the principles of civil procedure. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(2):142-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-142-146>. EDN DIMYET.

5. Kurbanov D.A. Classification of principles of civil procedural law. In: *Nauchnye issledovaniya i sovremennoe obrazovanie: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Scientific research and modern education: materials of the II All-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "Interaktiv plus"; 2022. P. 167-170. (In Russ.) <https://doi.org/10.21661/r-558369>. EDN YGIGQK.

6. Osokina G.L. Principles of civil, arbitration and administrative proceedings: comparative legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2022;(43):140-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22253513/43/12>. EDN MFEFXI.

7. Isaenkova O.V. Principles of civil procedure and enforcement proceedings: general and special. In: *Aktual'nye voprosy grazhdanskogo, arbitrazhnogo, administrativnogo sudoproizvodstva: teoriya, metodologiya, praktika: sbornik nauchnykh trudov = Actual issues of civil, arbitration, administrative proceedings: theory, methodology, practice: collection of scientific papers*. Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2023. P. 32-40. EDN WLZPMM. (In Russ.)

8. Fomin A.A. The right to judicial protection as a constitutional principle of justice and the basis for ensuring the legal security of citizens. In: Matchanova Z.Sh. (ed.) *Printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava: problemy pravovogo zakrepleniya, tolkovaniya i pravoprimeneniya: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Principles of civil procedural law: problems of legal consolidation, interpretation and enforcement: collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference*. St. Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii "Asterion"; 2020. P. 173-182. (In Russ.) EDN HWFRBH.

9. Isaenkova O.V. Principles of civil procedural law: concept, classification and development trends. *Yuridicheskii analiticheskii zhurnal = Legal Analytical Journal*. 2022;17(2):7-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2022-17-2-7-23>. EDN ENSVIR.

10. Ilyukhina V.A. Principles of objective truth and judicial activity as doctrinal principles of law. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(3):262-266. (In Russ.) EDN OJGGOO.

11. Kharitonova Yu.S., Yan T. Legal problems of transformation of the basic principles of justice in the context of digitalization of the civil process in Russia and China. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of Civil Procedure*. 2023;13(1):203-235. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-1-203-235>. EDN SYWPWK.

12. Fedina A.S. The impact of the processes of informatization and digitalization of the justice sector on the implementation of certain principles of civil procedure. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2025;(2):110-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.126.2.110-117>.

13. Merkulova T.N. Principles of civil procedural law: current state, development trends. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi aka-*

demii = Scientific Letters of Russian Customs Academy St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov. 2021;(3):106-109. (In Russ.) EDN TTRANA.

14. Loshkarev A.V., Bryantseva V.A. Correlation of the principle of oral civil procedure with simplified production. *Voprosy ekonomiki i prava = Issues of Economics and Law*. 2021;(154):39-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.14451/2.154.39>. EDN CPUSJH.

15. Yakovenko E.V. Problems of correlation of the principle of dispositivity and obligatory complicity in civil proceedings. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2023;(12):397-400. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_397. EDN EMZRLB.

Информация об авторе / Information about the Author

Комаров Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: dmit_komarov@mail.ru, ORCID: 0009-0004-0962-1759

Dmitry N. Komarov, Postgraduate Student at the Department of Civil Procedure, Saratov State Law, Saratov, Russian Federation, e-mail: dmit_komarov@mail.ru, ORCID: 0009-0004-0962-1759

Преступность несовершеннолетних как «кадровая основа» профессиональной преступности в России

К.А. Зарубина¹✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Процесс детерминации профессиональной преступности является сложным и многогранным. «Традиционные» уголовники встают на преступный путь преступника-профессионала ввиду воздействия множества причин, складывающихся в разных сферах жизни (социально-экономической, духовной, политической), при этом наиболее спорным дискуссионным вопросом является формирование в целом «кадровой базы» профессиональной преступности. Ответ на данный вопрос позволит выработать действительно эффективную систему противодействия процессу детерминации криминального профессионализма и определить меры предупреждения профессиональной преступности как современной угрозы обществу и государству.

Цель исследования – выявить взаимообусловленность преступности несовершеннолетних и профессиональной преступности в условиях трансформации российского общества и государства и дать рекомендации по противодействию рассматриваемому криминальному явлению с учётом выявленных взаимосвязей.

Задачи: дать оценку процессу формирования «кадровой базы» профессиональной преступности в России в исторической ретроспективе; проанализировать современное влияние отечественной преступности несовершеннолетних на профессиональную преступность; определить возможности противодействия современной профессиональной преступности в России с учётом формирования её «кадровой основы» в среде несовершеннолетних преступников.

Методология. В работе применялись такие общие и специально научные методы исследования, как историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа, синтеза, обобщения.

Результаты. Определено, что преступность несовершеннолетних в разные периоды развития российского государства (в том числе и в современности) является «кадровой базой» профессиональной преступности. Вследствие этого криминализация среды несовершеннолетних автоматически приводит к детерминации профессиональной преступной деятельности.

Вывод. Вследствие восприятия «профессионалами» несовершеннолетних преступников как будущих «коллег» по криминальному «ремеслу» для противодействия данному виду преступности необходимо использование как традиционных мер борьбы с этим опасным антисоциальным явлением, так и специальных мер предупреждения вовлечения детей и подростков первоначально в «традиционную» преступную, а затем в профессиональную преступную деятельность.

Ключевые слова: несовершеннолетние; преступность; преступник-профессионал; криминальная субкультура; профессиональный криминалитет; подростки; уголовная ответственность.

Финансирование: НИР подготовлена в рамках выполнения Госзадания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зарубина К.А. Преступность несовершеннолетних как «кадровая основа» профессиональной преступности в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 176–186. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-176-186>.

Поступила в редакцию 28.05.2025

Принята к публикации 21.07.2025

Опубликована 28.09.2025

Juvenile delinquency as the “personnel basis” of professional crime in Russia

Kristina A. Zarubina¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. The process of determining professional criminality is complex and multifaceted. “Traditional” criminals embark on the criminal path of a professional criminal due to the impact of many reasons developing in different spheres of life (socio-economic, spiritual, political), while the most controversial issue is the formation of the “personnel base” of professional crime as a whole. The answer to this question will make it possible to develop a truly effective system for countering the process of determining criminal professionalism and identify measures to prevent professional crime as a modern threat to society and the state.

The purpose to identify the interdependence of juvenile delinquency and professional delinquency in the context of the transformation of Russian society and the state and to make recommendations on countering the criminal phenomenon under consideration, taking into account the identified relationships.

Objectives: to assess the process of forming the “personnel base” of professional crime in Russia in historical retrospect; to analyze the current impact of domestic juvenile delinquency on professional crime; to determine the directions of countering modern professional crime in Russia, taking into account the formation of its “personnel base” among juvenile offenders.

Methodology. The work used such general and specially scientific research methods as historical-legal, comparative-legal, the method of analysis, synthesis, generalization.

The results of the study. The results of the study. It is determined that juvenile delinquency in different historical periods of the development of the Russian state (including in modern times) is the “personnel base” of professional crime. As a result, criminalization of the environment of minors automatically leads to self-determination of the community of professional criminals.

Conclusion. Due to the perception by “professionals” of juvenile delinquents as future “colleagues” in the criminal “craft” in order to counter this type of crime, it is necessary to use both traditional measures to combat this dangerous antisocial phenomenon and special measures to prevent the involvement of children and adolescents in professional criminal activities.

Keywords: minors; crime; professional criminal; criminal subculture; professional criminality; teenagers; criminal responsibility.

Funding: The research was prepared as part of the implementation of the State Task Legal measures to ensure strategic priorities for countering threats to national security (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K.A. Juvenile delinquency as the “personnel basis” of professional crime in Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):176–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-176-186>.

Received 28.05.2025

Accepted 21.07.2025

Published 28.09.2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(4):176-186

Введение

Преступность несовершеннолетних в криминологической науке оценивается как системно-структурное антисоциальное явление, имеющее сложную диалектическую взаимосвязь и взаимодействие разных ее подвидов. Исследователи отмечают, что несовершеннолетние имеют особые мотивацию в процессе формирования преступного поведения и направленность самой преступной деятельности, обусловленные специфическим восприятием преступниками окружающего мира и своего места в этом мире в результате происходящих психологических и биологических изменений в подростковом организме [1, с. 52–57]. Поведение подростков нельзя характеризовать как самоопределяющее ввиду духовной, физической несформированности, они обладают повышенной «эмоциональной неустойчивостью», что нередко толкает их к совершению преступлений.

Определим, что эмоциональная неустойчивость несовершеннолетних традиционно воспринимается как одна из ключевых причин, по которой подростки могут совершать преступления. Общеизвестно, что именно подростковый возраст характеризуется значительными изменениями в эмоциональной сфере, что может приводить к резким перепадам настроения, агрессии и импульсивным действиям. Эти эмоциональные колебания могут затруднять способность подростков адекватно оценивать ситуацию и принимать взвешенные решения. В период полового созревания в организме подростков происходят значительные гормональные изменения, которые могут влиять на их эмоциональное состояние. Это может приводить к повышенной раздражительности и агрессивности. Помимо прочего, подростки часто сталкиваются с давлением со стороны сверстников, ожиданиями родителей и требованиями общества, что может вызывать стресс и тревогу и, в

свою очередь, привести к неадекватным реакциям и правонарушениям. Так, эмоциональная неустойчивость является действительно важным фактором, способствующим преступности среди несовершеннолетних.

Кроме того, необходимо отметить, что преступность несовершеннолетних особо чутко реагирует на происходящие в обществе негативные социальные процессы, имеет сложную динамическую взаимосвязь с уровнем социально-экономического благополучия населения, психологическим климатом в социуме, изменениями культурного и идеологического характера. Так, несовершеннолетние могут совершать преступления под воздействием внешних факторов, которые оказывают значительное влияние на их поведение. Эти факторы могут включать следующее. Подростки часто стремятся к принятию и одобрению со стороны своих сверстников. Если в их окружении есть группа, которая поощряет антисоциальное поведение или преступные действия, подросток может почувствовать давление со стороны этой группы и совершить преступление, чтобы соответствовать ожиданиям «своего» социума. Неблагоприятные условия жизни в семье, такие как насилие, пренебрежение или отсутствие поддержки со стороны взрослых, также могут способствовать формированию у подростков негативных моделей поведения. В таких условиях подростки могут искать выход из своих проблем в преступной деятельности. И наконец, несовершеннолетние могут вовлекаться в преступную деятельность под влиянием современных медиа, пропагандирующих «культ насилия» и аморального образа жизни.

Вследствие этого данная социальная группа традиционно привлекает внимание криминологов, занимающихся исследованием разных видов преступности, в которые «проникает», помимо других, в том числе и преступность несовершеннолетних. И особого внимания в этой связи

требует исследование не только указанной преступной деятельности как самостоятельного вида преступности, но и взаимосвязи преступности несовершеннолетних и наиболее опасных видов преступности, представляющих угрозу для общества и государства, в частности профессиональной преступности. Проникая в разные сферы жизни, она значительно вредит имущественным отношениям, отлично самодетерминируется и самовоспроизводится, поддерживая «функционирование» всего преступного мира. Кроме того, профессиональная преступность активно «взаимодействует» с иными самостоятельными видами преступности, существенно усложняя систему криминальных отношений. И, как уже упоминалось ранее, в числе таких тесно взаимосвязанных с профессиональной преступной деятельностью видов – преступность несовершеннолетних.

Цель данного исследования – выявить взаимообусловленность преступности несовершеннолетних и профессиональной преступности в условиях трансформации российского общества и государства и дать рекомендации по противодействию рассматриваемому криминальному явлению с учётом выявленных взаимосвязей.

Методология

В работе применялись такие общие и специально научные методы исследования, как историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа, синтеза, обобщения. Историко-правовой метод использовался для изучения влияния преступности несовершеннолетних на профессиональную преступность в России в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить процессы формирования «кадровой основы» профессиональной преступности в среде несовершеннолетних преступников в разные периоды развития российского государства с целью установления между данными процессами

различий. Методы анализа, синтеза и обобщения применялись в исследовании для формулирования итогового и промежуточных выводов.

Результаты и их обсуждение

С момента формирования и закрепления первых признаков криминального профессионализма в противоправной деятельности отечественных преступников в дореволюционный период обнаруживается чёткая взаимосвязь между преступностью несовершеннолетних и «ремеслом» преступников-профессионалов. Так, например, доподлинно известно, что известный карманник XVIII в. Иван Осипов, или Ванька Каин, имел прикосновенность к преступной деятельности ещё в детстве. Согласно сохранившимся жизнеописаниям, крепостной крестьянин Ванька Каин стал воровать у барина, соседей и у матери ещё в малолетнем возрасте, а в юности убежал из дома и примкнул к одной крупной воровской шайке, специализировался на карманных кражах. Затем Ванька Каин продолжил заниматься преступной деятельностью, состоял в нескольких шайках и сыскал себе «славу» одного из первых профессиональных карманников России¹.

Примечательно, что российский историк Е.В. Акельев также, определяя основные социальные группы, «питающие» преступную среду в Москве в дореволюционный период, помимо фабричных людей и беглых солдат, выделял малолетних сирот (подростков, оставшихся без попечения родителей). Исследователь, проанализировав значительное количество проявлений криминального профессионализма в деятельности дореволюционных преступников, справедливо подчёркивал, что именно среди несовершеннолетних встречалось много пра-

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность // Юридическая психология: сайт. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 29.04.2025).

вонарушителей, которые в дальнейшем стали «профессионалами» [2, с. 217–228].

В советский период также наблюдалась прямая взаимосвязь профессиональной преступности и преступности несовершеннолетних. Так, советские «воры в законе» (наиболее уважаемые и почитаемые в криминальной среде преступники) ставили перед собой задачу повышения профессиональной криминальной подготовки подрастающего поколения посредством их активного вовлечения в противоправную деятельность, в том числе в исправительных учреждениях, где «воры в законе» имели непреложный авторитет [3, с. 188].

В подтверждение также укажем, что одно из «правил» негласно существующего «кодекса чести» «воров в законе» устанавливало необходимость вовлечения «ворами» в свою среду новых членов, активно ведя работу именно среди несовершеннолетних [4, с. 95]. Как видим, «категория» несовершеннолетних оценивалась «ворами в законе» как своеобразная база, «питающая» преступное сообщество «профессионалов».

В настоящее время, по справедливому утверждению современных исследователей, преступность несовершеннолетних также является «серьезной кадровой базой» для пополнения профессиональной преступности. Отдельные учёные отмечают, что каждый второй преступник-профессионал свое первое преступление совершил в возрасте 14–18 лет [5, с. 68–75]. Согласно другим экспертным оценкам, более 80% преступников-профессионалов совершили свое первое преступление именно в подростковом возрасте [6, с. 47–56], а исследователь И.А. Тинякова, отмечая, что подростковая преступность является начальной стадией преступности, в целом указывает, что почти все криминальные авторитеты (наиболее уважаемые в преступном мире «профессионалы») совершили своё первое преступление именно в малолет-

стве [7, с. 36]. Так, современные преступники-профессионалы, по верному утверждению исследователей [8, с. 207–210], действительно воспринимают несовершеннолетних как своеобразную «базу кадров» [9, с. 124–130].

Например, современное молодёжное движение «Арестантского уголовного единства», «Арестантско-уркаганского единства» или объединения «Арестантский уклад един» (далее – АУЕ) [10, с. 107–111], представители которого активно поддерживают и пропагандируют идеологию уголовной «романтики», криминальную субкультуру, имеет устойчивую связь с профессиональным преступным миром [11, с. 183].

Отдельно подчеркнём, что если ранее молодёжные сообщества АУЕ лишь пассивно поддерживали и распространяли криминальную субкультуру, то в последние годы представители этого движения стали активно участвовать в различных беспорядках, совершать жестокие преступления. Например, в августе 2018 г. на одной из улиц г. Санкт-Петербурга 15 ауешников в течение двух часов избивали прохожих¹. В Воркуте в ноябре 2020 г. несколько подростков, членов движения АУЕ, зверски избили своего ровесника, «принимая в свои ряды»². В общей сложности за несколько лет новостная лента сообщала о более чем 20 произошедших в России криминальных событиях, тем или иным образом связанных с движением АУЕ. По данным ТАСС, в 2017–2020 гг. в России пресечена деятельность более чем 30

¹ Банда АУЕ-подростков за несколько часов избила 16 петербуржцев // Комсомольская правда. 2018. 24 авг. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26870/3917250/> (дата обращения: 01.05.2025).

² В Воркуте поклонники из АУЕ жестоко избили знакомого // РИА Новости. 2020. 9 нояб. URL: <https://ria.ru/20201109/kriminal-1583692693.html> (дата обращения: 30.04.2025).

группировок АУЕ, а к уголовной, административной ответственности привлечено более 40 человек¹. В 2022 г. число уголовных дел, фигурантами которых стали члены объединений АУЕ, дошло практически до 100², и это число в настоящее время продолжает расти.

На тесную связь профессионального преступного сообщества и членов движения АУЕ, являющихся в большей части именно несовершеннолетними, справедливо указывают многие современные исследователи. Например, активное распространение идеологии АУЕ в исправительных учреждениях ФСИН России отмечают А.В. Петрянин, С.Ю. Богомолов, Д.А. Неганов [12, с. 42–51]. Исследователь В.В. Орлов также справедливо утверждает, что с 2000-х гг. АУЕ «вышло» из исправительных учреждений и стало распространяться по стране [13, с. 64–70]. Д.А. Родионов и Н.К. Потоцкий тоже подчёркивают, что современные учреждения УИС буквально пропитаны духом и структурами движения АУЕ, и около 40 российских регионов сегодня охвачены идеями группировки с ценностями тюремной субкультуры [14, с. 247–258].

О связи объединений АУЕ с профессиональным преступным сообществом в настоящее время также свидетельствует современная судебная практика. Например, в апреле 2023 г. в г. Екатеринбурге был вынесен обвинительный приговор по делу о создании в исправительной колонии ячейки АУЕ. В 2021 г. гражданин К., находясь в месте заключения (ИК № 52),

организовал там объединение АУЕ, куда вошли гражданин А. и несколько других заключённых. Стоит подчеркнуть, что гражданин К. имел «титул» «положенца» в преступном мире, управляя местным криминалитетом. Вследствие этого его действия подпадали под действие ст. 210¹ УК РФ. Другой осуждённый – гражданин А. – также пользовался уважением у других преступников и, по версии следствия, занимал положение «смотрящего». И при всём при этом данные лица активно распространяли криминальные ценности, поддерживаемые представителями движения АУЕ², что в очередной раз подчёркивает некое общее «происхождение» профессиональной преступности и движения АУЕ, «кадровую» основу которого составляют именно несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет [10, с. 107–111].

Кроме того, укажем, что нередко несовершеннолетних вовлекают в активно развивающуюся в настоящее время профессиональную «беловоротничковую» преступность, в частности в различные коррупционные схемы. Одаренные подростки, демонстрирующие выдающиеся академические способности, нередко получают образовательные гранты и стипендии от субъектов, имеющих отношение к коррупционным правонарушениям. Данный акт может рассматриваться как скрытая форма рекрутинга, формирующая зависимость и лояльность к подобным «благодетелям». После завершения обучения молодые специалисты привлекаются к выполнению задач, требующих узкоспециальных знаний. Они оказывают юридическую помощь, консультируют по вопросам оптимизации налогообложения, обеспечивают безопасность активов и инфраструктуры, защищают интересы лиц, имеющих отношение к коррупционным правонарушениям, иными словами, обеспечивают легитимное прикрытие преступной деятельности. В дальнейшем под влиянием

¹ АУЕ – новая криминальная субкультура // Время и деньги: сайт Юрия Алаева. 2020. 24 авг. URL: <https://www.e-vid.ru/obschestvo/240820/ae-novaya-kriminalnaya-subkultura-ili-mif> (дата обращения: 24.04.2025).

² Организатор задержался в колонии // Коммерсантъ. 2023. 10 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926423> (дата обращения: 23.04.2025).

социальной среды и корпоративной культуры, формирующихся в структурах, связанных с профессиональной «беловоротничковой» преступностью, у молодёжи искажаются представления о морали, законности и справедливости. Происходит подмена общечеловеческих ценностей прагматическими соображениями личной выгоды и карьерного роста. В результате создается своего рода замкнутый круг, когда преступные схемы воспроизводятся за счет вовлечения в них новых поколений, которые получают навыки и опыт, необходимые для успешной реализации коррупционных практик на профессиональной основе. При этом в целом вовлечение в профессиональную «беловоротничковую» преступность негативно сказывается на психическом здоровье и моральном развитии несовершеннолетних, приводит к формированию асоциальных установок и девиантного поведения. Как итог данная практика представляет собой серьезную угрозу для правового государства и морально-нравственного воспитания подрастающего поколения, способствует распространению нигилизма и препятствует формированию гражданского общества.

Так, криминализация среды несовершеннолетних прямо указывает на дальнейшую активизацию профессиональной преступности, «питаемой» данной средой в совершенно разные исторические периоды: от момента зарождения профессиональной преступности в дореволюционное время в России до современности. Отметим, что именно в несовершеннолетнем возрасте большинство преступников-профессионалов совершали свои первые преступления и далее под воздействием различных внешних факторов сохраняли устойчивую противоправную направленность своего образа жизни, а «старшие товарищи» в лице уже «состоявшихся» профессиональных преступников активно поощряли и поощряют до настоящего времени пополнение

своих «рядов» новым поколением. Причём если ранее (например, в дореволюционное время) несовершеннолетние, однажды преступив черту закона, чаще самостоятельно искали защиты в преступных объединениях, присоединяясь к ним для обеспечения собственного «безбедного» существования, то, начиная с советского периода, поиск среди несовершеннолетних новых членов профессиональных преступных объединений стал обязанностью наиболее уважаемых в криминальной среде преступников – «воров в законе». В современной России также активно происходит вовлечение несовершеннолетних в занятие профессиональной преступной деятельностью. Таким образом, преступники-профессионалы сегодня стараются воспитать себе «новую смену».

Вследствие этого считаем важным подчеркнуть, что для обеспечения цели противодействия профессиональной преступности необходимо сосредотачивать усилия общества и государства не только на борьбе с деятельностью самих преступников-профессионалов, но и на предупреждении преступности несовершеннолетних, «питающей» профессиональную.

Для достижения данной цели обозначим два основных направления её реализации: противодействие вовлечения несовершеннолетних в «традиционную» преступную деятельность, способствующую продолжению ведения общественно опасного образа жизни на постоянной основе, и противодействие вовлечению несовершеннолетних именно в профессиональную преступную деятельность. Укажем, что в первой «модели» несовершеннолетние сначала совершают первое преступление, а потом под воздействием различных негативных внутренних и внешних факторов продолжают вести общественно опасную деятельность, становясь преступниками-профессионалами. Во втором варианте речь идёт о во-

влечении несовершеннолетних под влиянием преступников-профессионалов сразу в преступную деятельность, осуществляемую на постоянной (профессиональной) основе.

Анализируя первую «модель», отметим, что для противодействия вовлечения несовершеннолетних в «традиционную» преступную деятельность необходимо дальнейшее совершенствование работы по коррекции отклоняющегося поведения несовершеннолетних, оздоровлению условий их общественного и семейного воспитания, усилению роли медико-психологической поддержки в коррекции отклоняющегося поведения подростков и детей [15, с. 131–143], а также помощь разных общественных институтов несовершеннолетним с разными формами психической и социальной дезадаптации, а равно детям и подросткам, находящимся в группе социального риска, а также некоторые иные мероприятия [16, с. 65–69]. При этом во всех этих процессах ведущую роль должны выполнять такие первичные институты социализации, как семья, образовательные организации при активной поддержке государственной молодёжной политики и при тесном взаимодействии с различными государственными социальными службами, общественными объединениями, правоохранительными органами и прочими заинтересованными субъектами [17, с. 95–103].

В то же время для организации противодействия вовлечения несовершеннолетних именно в профессиональную преступную деятельность выделим важность ограничения влияния на неё пропаганды в среде несовершеннолетних «воровского» образа жизни. По справедливому замечанию отдельных исследователей, современные СМИ, телевидение и Интернет активно романтизируют криминальную жизнь и мораль, что приводит к формированию в среде подростков мнения о возможности выстраивания «союз-

нических» отношений с преступниками. Среди молодого поколения также высказываются идеи о том, что «понятия» «воровского мира» более правильные и более разумные, чем закон [18, с. 84]. Представители запрещённого в России движения АУЕ, имеющие прямую прикосновенность к профессиональному преступному миру, также посредством использования сети Интернет активно культивируют «воровскую» идеологию, пропагандируют ценности и нормы криминальной субкультуры, распространяя среди несовершеннолетних искажённые представления о преступном мире, выдавая преступную деятельность за нечто благородное и справедливое [19, с. 99–103]. Вследствие такого влияния у несовершеннолетних значительно искажаются адекватные восприятие и оценка окружающего мира, возникает деформация правосознания, устойчивая потребность в приобщении к уголовному миру. В результате этого дети и подростки на фоне психоэмоциональных особенностей мышления мечтают стать частью профессионального преступного мира, что способствует их вовлечению в занятие преступной деятельностью именно на постоянной основе. Во избежание этого считаем необходимым активизацию работы по развенчиванию «культы» криминальной «романтики» в среде несовершеннолетних (в первую очередь в активно развивающемся в современности цифровом пространстве с «облегченной» системой коммуникации), а также пресечению различных связей профессиональных преступников и несовершеннолетних.

При этом для предотвращения превращения несовершеннолетних в будущих профессиональных преступников считаем необходимым задействовать разные средства и методы воздействия на детей и подростков: от традиционных мер предупреждения преступности несовершеннолетних (усиление профилактической работы с несовершеннолетними и

семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации; повышение эффективности правоохранительной деятельности по выявлению и пресечению фактов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность; ужесточение ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и др.) до специальных мероприятий, направленных на пресечение вовлечения несовершеннолетних не просто в преступную, а в профессиональную преступную деятельность (например, противодействие распространению среди детей и подростков ценностей криминальной субкультуры, являющейся, как уже отмечалось ранее, идеологической основой деятельности не столько «традиционных» преступников, сколько преступников-профессионалов).

Выводы

Таким образом, проблема преступности несовершеннолетних и профессиональной преступности является одной из наиболее острых и сложных в современном обществе. Оба исследуемых вида преступности оказывают деструктивное воздействие на социальную стабильность, экономическое развитие и национальную безопасность в целом. Несмотря на то, что преступность несовершеннолетних часто рассматривается как некое обособленное самостоятельное криминальное явление, существующая взаимосвязь между ней и профессиональной преступностью определяется посредством анализа множества фактов. Анализируя как дореволюционный опыт формирования и развития профессиональной преступности в России, так и советский, современный, отметим, что многие про-

фессиональные преступники действительно встают на криминальный путь, будучи несовершеннолетними. Это даёт основание заключить, что криминализация среды несовершеннолетних приводит к дальнейшему развитию профессиональной преступности, а сами несовершеннолетние справедливо оцениваются «профессионалами» как своеобразная «кадровая база». Вследствие этого для борьбы с рассматриваемым опасным криминальным явлением считаем необходимым, наряду с иным, применять меры противодействия именно преступности несовершеннолетних, выражаемые в использовании как традиционных мер борьбы с этим видом преступности, разработанные криминологической наукой и апробированные на практике, так и специальных мер предупреждения вовлечения детей и подростков в профессиональную преступную деятельность, в первую очередь посредством их приобщения к идеологии высшего криминалитета, усвоения ценностей и норм криминальной субкультуры с помощью многочисленных современных информационных «каналов». Между тем особо стоит подчеркнуть, что эффективное противодействие этой угрозе требует комплексного подхода, включающего в себя и меры профилактики, и совершенствование работы правоохранительных органов в данном направлении, и модернизацию институтов социальной реабилитации подростков после отбытия наказаний за совершение преступлений и многое другое. При этом решение указанной проблемы возможно только при условии объединения усилий всего общества и государства.

Список литературы

1. Демидова-Петрова Е.В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 14, № 4(14). С. 52–57.

2. Акельев Е.В. Профессиональные преступники Парижа и Москвы первой половины XVIII в.: механизмы криминализации // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.): сборник статей / под общ. ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. С. 217–228.
3. Долгова А.И. Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М.: Криминолог. ассоц., 1999. 276 с.
4. Максимовский Э.Г. Империя страха. М.: Зелёный парус, 1992. 256 с.
5. Жадан В.Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников // Юридическая наука. 2019. № 8. С. 68–75.
6. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. № 1 (57). С. 47–56.
7. Тинякова Е.А. Проблемы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних: монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 102 с.
8. Хомиченко Ю.В. Особенности преступных групп несовершеннолетних // Историческая социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 207–210.
9. Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Криминологические особенности современной преступности несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. С. 124–130.
10. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.
11. Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 180–186.
12. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю., Неганов Д.А. Государственно-частное партнерство в предупреждении совершения новых преступлений в местах лишения свободы (на примере общественно опасных деяний экстремистской направленности) // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 1. С. 42–51.
13. Орлов В.В. Роль ритуала в функционировании экстремистского движения АУЕ // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 64–70.
14. Потоцкий Н.К., Родионов Д.А. Уголовно-исполнительная система России как источник угроз государственной границе и приграничным территориям // Право и управление. 2023. № 1. С. 247–258.
15. Рыжова О.А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2 (30). С. 131–143.
16. Алиев Я.Л., Павлик Е.М., Георгиева П.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 6. С. 65–69.
17. Колемасов В.Н., Сергеева Т.А. Становление института по противодействию преступности несовершеннолетних, проблемы профилактики // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2 (30). С. 95–103.
18. Иванцов С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 136 с.
19. Самойлов С.Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 99–103.

References

1. Demidova-Petrova E.V. On juvenile delinquency and its features. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(14):52-57. (In Russ.)
2. Akel'ev E.V. Professional criminals of Paris and Moscow in the first half of the XVIII century: mechanisms of criminalization. In: Muravieva M.G. (ed.) *Vina i pozor v kontekste stanovleniya sovremennykh evropejskikh gosudarstv (XVI–XX vv.): sbornik statej = Guilt and shame in the context of the formation of modern European states (XVI–XX centuries): collection of articles*. St. Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge; 2011. P. 217-228. (In Russ.)
3. Dolgova A.I. The criminal situation at the turn of the century in Russia. Moscow: Kriminolog. assoc.; 1999. 276 p. (In Russ.)
4. Maksimovskij Je.G. Empire of fear. Moscow: Zeljonyj parus; 1992. 256 p. (In Russ.)
5. Zhadan V.N. On the criminological characteristics of the personality of juvenile offenders. *Juridicheskaja nauka = Legal science*. 2019;(8):68-75. (In Russ.)
6. Kolesnikov R.V. The current state of juvenile delinquency. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science*. 2022;(1):47-56. (In Russ.)
7. Tinjakova E.A. Problems of the execution of punishments against minors. Moscow; Berlin: Direkt-Media; 2019. 102 p. (In Russ.)
8. Homichenko Ju.V. Features of juvenile criminal groups. *Istoricheskaya sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical Socio-Educational Idea*. 2011;(4):207-210. (In Russ.)
9. Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V. Criminological features of modern juvenile delinquency. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences*. 2019;(2):124-130. (In Russ.)
10. Menyajlo D.V., Ivanova Ju.A., Menyajlo L.N. AUE – criminal youth movement: the essence and ways of spreading. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):107-111. (In Russ.)
11. Antonyan E.A., Borisov E.A. On the issue of popularization of criminal subculture among young people. *Lex Russica*. 2017;(12):180-186. (In Russ.)
12. Petryanin A.V., Bogomolov S.Ju., Neganov D.A. Public-private partnership in preventing the commission of new crimes in places of deprivation of liberty (on the example of socially dangerous acts of extremist orientation). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Enforcement Law*. 2023;(1):42-51. (In Russ.)
13. Orlov V.V. The role of ritual in the functioning of the extremist movement AUE. *Psichologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti = Psychology and pedagogy of professional activity*. 2022;(3):64-70. (In Russ.)
14. Potockij N.K., Rodionov D.A. The Russian penal system as a source of threats to the state border and border territories. *Pravo i upravlenie = Law and management*. 2023;(1):247-258. (In Russ.)
15. Ryzhova O.A. Features of juvenile delinquency and preventive measures in modern conditions. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2020;(2):131-143. (In Russ.)
16. Aliev Ja.L., Pavlik E.M., Georgieva P.A. Prevention of juvenile delinquency. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod*. 2021;(6):65-69. (In Russ.)

17. Kolemasov V.N., Sergeeva T.A. Formation of the Institute for combating juvenile delinquency, problems of prevention. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State.* 2020;(2):95-103. (In Russ.)
18. Ivancov S.V. Criminological characteristics and prevention of organized crime involving minors. Moscow: JuNITI-DANA; 2017. 136 p. (In Russ.)
19. Samojlov S.F. Criticism of criminal ideology as a means of preventing organized crime among young people. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;2(44):99-103. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Зарубина Кристина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Kristina A. Zarubina, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.21

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-187-200>

Цель в уголовно-правовой характеристике бездействия

Е.С. Квасников¹

¹Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
пр. Комарова, д. 7, г. Омск 644092, Российская Федерация

✉e-mail: evgen1219@mail.ru

Резюме

Актуальность. Юридическая природа бездействия как формы преступного поведения остается дискуссионной из-за сложности разграничения уголовно наказуемого бездействия и обычного пассивного поведения. Произвести правильную оценку пассивного противоправного поведения индивидуума сложнее, чем квалифицировать его активные противоправные действия, в особенности когда цель его бездействия неочевидна. В связи с этим требуется углубленное исследование целенаправленности пассивного поведения для определения влияния цели уголовно наказуемого бездействия на квалификацию преступлений.

Цель исследования: сформировать научное представление о цели уголовно наказуемого бездействия, на основании этого разработать алгоритм квалификации умышленного и неосторожного бездействия.

Задачи: охарактеризовать целенаправленность пассивного поведения индивидуума; соотнести его с целенаправленностью противоправного, общественно опасного бездействия; выявить особенности цели поведения субъекта, имеющие уголовно-правовое значение.

Методологию исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания объективной действительности, среди них диалектический метод, методы индукции, дедукции, анализа, синтеза, формально-логический метод.

Результаты. Охарактеризованы и соотнесены пассивное поведение индивидуума и уголовно наказуемое бездействие, даны их определения. Определена закономерность целенаправленности поведения. Выявлены особенности целенаправленности пассивного поведения, имеющие уголовно-правовое значение. Сформулирован алгоритм квалификации умышленного и неосторожного бездействия.

Выводы. Результаты данного исследования способствуют более глубокому научному пониманию влияния цели уголовно наказуемого бездействия на квалификацию преступлений. Для любой волевой и осознанной деятельности человека характерна целенаправленность. Цель поведения индивидуума оказывает влияние на квалификацию не только в связи с ее закреплением в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но и исходя из характеристики поведения человека в целом. При квалификации бездействия, кроме цели пассивного поведения субъекта, необходимо оценивать его прошлый опыт, накопленные знания или компетенции.

Ключевые слова: цель; поведение; бездействие; преступление; умысел; неосторожность; квалификация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Квасников Е.С. Цель в уголовно-правовой характеристике бездействия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 187–200. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-187-200>.

Поступила в редакцию 30.06.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The purpose of the criminal law characterization of inaction

Evgeny S. Kvasnikov¹

¹Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
7 Komarov Str., Omsk 644092, Russian Federation

 e-mail: evgen1219@mail.ru

Abstract

Relevance. The legal nature of inaction as a form of criminal behavior remains controversial due to the difficulty of distinguishing between criminally punishable inaction and ordinary passive behavior. Making a correct assessment of an individual's passive illegal behavior is more difficult than qualifying his active illegal actions, especially when the purpose of his inaction is not obvious. In this regard, an in-depth study of the purposefulness of passive behavior is required to determine the impact of the purpose of criminally punishable inaction on the qualification of crimes.

The purpose of the study is to form a scientific understanding of the purpose of criminally punishable inaction, based on this, to develop an algorithm for qualifying intentional and reckless inaction.

Objectives: to characterize the purposefulness of an individual's passive behavior; to correlate it with the purposefulness of unlawful, socially dangerous inaction; to identify the features of the purpose of the subject's behavior that have criminal significance.

The research methodology was based on general scientific and private scientific methods of cognition of objective reality. Among them are the dialectical method, methods of induction, deduction, analysis, synthesis, and the formal logical method.

Results. Passive behavior of an individual and criminally punishable inaction are characterized and correlated, and their definitions are given. The pattern of purposeful behavior is determined. The peculiarities of purposefulness of passive behavior, which have criminal legal significance, are revealed. An algorithm for the qualification of intentional and careless inaction is formulated.

Conclusions. The results of this study contribute to a deeper scientific understanding of the impact of the purpose of criminally punishable inaction on the qualification of crimes. Any volitional and conscious human activity is characterized by purposefulness. The purpose of an individual's behavior influences qualifications not only in connection with its consolidation in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, but also based on the characteristics of human behavior as a whole. When qualifying inaction, in addition to the purpose of passive behavior of the subject, it is necessary to evaluate his past experience, accumulated knowledge or competencies.

Keywords: purpose; behavior; inaction; crime; intent; negligence; qualification.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kvasnikov E.S. The purpose of the criminal law characterization of inaction. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):187–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-187-200>.

Received 30.06.2025

Accepted 29.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Вопрос о юридической природе бездействия как формы проявления преступного поведения очень обширен и остается открытым. Грань между противоправным, общественно опасным, уголовно наказуемым бездействием и обычным пассивным поведением тонка. Для

любой волевой и осознанной деятельности человека характерна целенаправленность. Коль скоро бездействие составляет часть этой деятельности, возникает вопрос о наличии цели субъекта при его общественно опасном пассивном поведении. Данный вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Цель бездействия субъекта, исходя из ха-

рактеристики поведения человека в целом, а не только в контексте ее закрепления в нормах Особенной части УК РФ, оказывает влияние на квалификацию. Правильная квалификация бездействия и достижение цели индивидуализации уголовной ответственности зависят от соответствия принципа виновного вменения характеру и степени общественной опасности. Произвести правильную оценку пассивного противоправного поведения индивидуума сложнее, чем квалифицировать активные противоправные действия субъекта, в особенности когда цель его бездействия неочевидна – возникают вопросы в отграничении смежных составов преступлений либо в квалификации бездействия как казус.

Методология

При исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы познания объективной действительности. Использование диалектического метода позволило раскрыть суть цели уголовно наказуемого бездействия, выявить ее системные связи с признаками элементов состава преступления и обычным пассивным поведением. С помощью методов индукции и дедукции цель в уголовно-правовой характеристике бездействия проанализирована с разных уровней обобщения и конкретизации, что придало сделанным выводам научную обоснованность и практическую применимость. Использование методов анализа и синтеза позволило всесторонне исследовать цель бездействия в уголовном праве. Формально-логический метод позволил выполнить системообразующую функцию в исследовании цели в уголовно-правовой характеристике бездействия, обеспечивая последовательность и аргументированность сделанных выводов.

Результаты и их обсуждение

Обязательным признаком объективной стороны преступления является общественно опасное деяние в формах дей-

ствия и бездействия. Объективная и субъективная стороны преступления взаимосвязаны и составляют часть единого целого – для того чтобы индивидуум стал действовать, все побудительные силы для осуществления каких-либо действий должны преобразиться в побуждения его воли [1, с. 310]. Возникновение умысла на совершение преступления, без его воплощения в преступное поведение, не влечет уголовную ответственность (*cogitationis poenam nemo patitur* – мысли не наказуемы). Действие проявляется в «механических телодвижениях, подчиненных естественным законам механики и вызывающих изменение во внешнем мире» [2, с. 38]; бездействие – в пассивности человеческого поведения [3].

От формы деяния «...зависит способ воздействия на внешний мир... анализ уголовной противоправности действия и бездействия целесообразно производить раздельно» [2, с. 188]. Между тем в уголовно-правовой доктрине предлагается понимание форм деяния в более широком смысле. Кроме действия или бездействия, А.И. Бойко выделяет форму «деятельность» [4]. Анализируя труды Аристотеля, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, авторы пишут о том, что в философском аспекте под деятельностью, например, понимается реализация сущностных возможностей человека [5]; укорененная в историческом процессе и всеобщем духе объективная основа права [6]; практическое преобразование мира [7]. В психологии деятельность – это целенаправленная активность человека, направленная на преобразование окружающего мира и самого себя [8]. Из этого следует вывод о том, что деятельность – процесс динамический. В юриспруденции деятельность понимается как осознанное и социально значимое поведение субъектов права, регулируемое правовыми нормами и влекущее юридические последствия, которое может быть как активным, так и пассивным [9]. Если для действия характерна динамика, проявление активности, то для

бездействия свойственно проявление пассивного поведения субъекта [10, с. 53].

Так или иначе деяние в уголовно-правовом смысле – это всегда посягательство на правовую норму, на охраняемые законом отношения. Связь между уголовно-правовым запретом и внешней стороной преступного поведения индивидуума (*actus rea*) сохраняется в независимости от дифференциации последней на действие, бездействие и деятельность. Ведь объективную сторону соответствующих преступлений может составлять как только действие либо бездействие, так и, например, смешанное бездействие, а также бездействие, пересекающееся с действием (та же деятельность).

Однако если действие проявляется в целенаправленном поведении, связанном с телодвижениями, и характеризуется динамичностью, проявляющейся как «извне», так и «изнутри» общественных отношений, что, в свою очередь, обуславливает высокую степень воздействия на охраняемые уголовным законом отношения, его цель более очевидна, чем цель бездействия. Уголовно наказуемое бездействие в целом характеризуется пассивным поведением «изнутри» общественных отношений, т. е. когда субъект в рамках данных отношений обязан действовать определенным образом. Из этого возникает вопрос о сути противоправного, общественно опасного пассивного поведения – уголовно наказуемого бездействия.

Раскрытие данного вопроса имеет важное значение для надлежащего функционирования уголовно-правовой охраны, поскольку, исходя из юридико-технического описания диспозиций уголовно-правовых норм, соответствующие преступления могут совершаться только действием (73% составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ); только бездействием (7% составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ); и действием, и бездействием (20% составов преступлений,

закрепленных в Особенной части УК РФ)¹. Очевидно, что юридико-техническое описание диспозиции уголовно-правовой нормы влияет на квалификацию преступления, поскольку буква уголовного закона носит императивный характер, противоречие которой с правовой точки зрения недопустимо². Данный императив определяет необходимость создания стабильного, универсального «каркаса» юридико-технического описания уголовно-правовых норм. В противном случае ввиду развития общественных отношений, их видоизменения некачественно сконструированная норма будет препятствовать уголовно-правовому воздействию. Например, не позволит квалифицировать общественно опасное деяние (в форме бездействия) как соответствующее преступление, поскольку из диспозиции уголовно-правовой нормы следует, что данное деяние может быть совершено лишь в форме определенных действий.

Для раскрытия поднятого вопроса необходим анализ противоправного, об-

¹ Выборка данных // Модель составов преступлений Особенной части УК РФ: сайт. URL: <https://crimcode.ru/model-uk-rf> (дата обращения: 10.06.2025).

² Здесь подразумевается идеал соответствия формы нормы Особенной части УК РФ ее содержанию. В действительности данное соответствие хоть не так часто, но видоизменяется. В частности, речь идет о несоответствии правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации букве уголовного закона, когда, например, диспозиция уголовно-правовой нормы расширяется или изменяется через призму ее интерпретации Конституционным Судом. См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ставцева Александра Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьей 300 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 г. № 1640-О // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/71489586> (дата обращения: 10.06.2025).

щественно опасного пассивного поведения.

В широком смысле поведение – «активность организма, возникающая в процессе приспособления его к среде» [11, с. 132]. Согласно теории функциональных систем П.К. Анохина, целенаправленное поведение живых организмов организуется посредством формирования динамических саморегулирующихся систем. Данная теория объясняет целенаправленность поведения. Функциональная система – это динамическое объединение различных элементов организма (нервных, гуморальных и пр.), направленное на достижение полезного приспособительного результата. Главным системообразующим фактором поведения субъекта является полезный для него результат. Осознание достижения либо не достижения такого результата осуществляется путем обратной афферентации – сигналами от рецепторов. Акцептор результата действия (нейрофизиологический механизм) обеспечивает предсказание параметров будущего результата и сравнение таких параметров с реальным результатом еще до начала действия. Обеспечивают достижение цели эфферентные команды – исполнительные механизмы (двигательные, вегетативные). Принцип саморегуляции системы заключается в том, что, если результат не достигнут, система корректирует поведение. Человек выбирает вариант поведения исходя из имеющегося опыта и знаний, которые хранятся в его памяти [12].

Теория функциональных систем П.К. Анохина – это интегративный подход, рассматривающий организм как активную систему, стремящуюся к достижению значимых целей через саморегуляцию, опираясь на опыт и память. Принятию правомерного или неправомерного решения в ситуации, когда есть угроза охраняемым уголовным законом отношениям, соответствует наличие у субъекта материала памяти. Извлеченный из памяти прошлый опыт в определенных

ситуациях способствует осуществлению индивидуумом рациональных действий / бездействия. Данная теория объясняет целенаправленность поведения, показывает, что не стимул, а результат определяет активность системы.

Таким образом, человеческому поведению присуща целенаправленность. Пассивное поведение индивидуума выражается «...в неиспользовании лицом предоставленных ему возможностей либо не совершении обязательных действий»¹. Согласно теории функциональных систем П.К. Анохина, и отказ от реализации предоставленных возможностей – отказ от субъективного права, и отказ от реализации определенных обязанностей означает, что индивидуум также преследует определенную цель, конкретный интерес, основанный на опыте и знаниях индивидуума. Такая цель (интерес) лишь отличается от результатов реализации субъективного права, но все равно имеет место [13, с. 29].

В уголовно-правовой доктрине, наряду с мотивом, цель относится к факультативным признакам субъективной стороны преступления [14], которые влияют на степень общественной опасности деяния [15]. Если мотивом преступления является внутреннее побуждение лица к совершению преступления [16], то под целью субъекта понимается идеальная мысленная модель будущего результата, к достижению которого он стремится [17]. Связывая теорию функциональных систем П.К. Анохина с уголовным правом, отметим, что в настоящем исследовании мы употребляем слово «цель» не только в контексте ее закрепления в нормах УК РФ, а исходя из характеристики поведения человека в целом, т. е. в более широком смысле.

Итак, несмотря на то, что в широком смысле поведение человека всегда харак-

¹ Прусаков А.Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 11.

теризуется целенаправленностью на основе его знаний и опыта, суть принципа субъективного вменения заключается в том, что уголовная ответственность наступает лишь за виновное причинение вреда (*nullum crimen sine culpa*). Для квалификации имеет значение психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию. Иными словами, причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям является проявлением одной из специфических форм поведения человека, опирающееся на прошлый опыт и накопленные знания, реализуемые с различной степенью осознанности.

В качестве объекта правового регулирования может служить только социально значимое поведение, составляющее элемент общественных отношений [18, с. 98]. Значит, в уголовно-правовом смысле бездействие должно характеризоваться проявлением пассивного поведения, которое обуславливает степень воздействия на охраняемые уголовным законом отношения, достаточную для криминализации. Общим основанием для криминализации деяния служит его общественная опасность, которая характеризуется объективным характером. Оценка критериев общественной опасности имеет субъективный характер, поэтому существует проблема измерения категории опасности [19, с. 65]. Однако в качестве общего показателя общественной опасности в уголовно-правовой доктрине выделяется наступление существенных неблагоприятных последствий (либо угроза наступления таких последствий) для составляющих элементов системы ценностей, охраняемых уголовным правом [20, с. 17; 21].

Очевидно, что отсутствие признака существенности вреда охраняемым уголовным законом отношениям исключает уголовную ответственность. Так, Верховный Суд Российской Федерации, отменяя обвинительный приговор, последующие судебные решения и прекращая

уголовное дело по халатности в связи с отсутствием состава преступления, отметил, что «бездействие Н... не является уголовно наказуемым, существенно нарушившим охраняемые законом интересы общества и государства, дискредитирующим систему государственных органов исполнительной власти... не причинило... какого-либо материального ущерба... не ограничило существенным образом права и свободы К., в дальнейшем осужденной за умышленное преступление»¹.

Признак общественной опасности напрямую связан с признаком противоправности, которая характеризуется направленностью «...посяательства на установленный в стране правопорядок, предусмотренность (запрещенность) преступления исключительно в уголовном законе, юридические признаки некоторых преступлений, включающих в свой состав деяние в виде состава нарушения правовых предписаний иной отраслевой принадлежности» [22, с. 81].

Ввиду того, что причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям может являться проявлением лишь одной из специфических форм поведения, совершение уголовно наказуемого бездействия характеризуется целенаправленностью. Однако такое поведение может быть направлено на достижение цели, имеющей уголовно-правовое значение, либо не направлено. При этом знания и опыт субъекта имеют значение для уголовно-правовой оценки соответствующего бездействия.

Исходя из озвученной теории функциональных систем, при совершении умышленных преступлений пассивное поведение направлено на достижение цели, имеющей уголовно-правовое значе-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2025 г. по делу № 4-УД25-2-К1 // Верховный Суд Рос. Федерации: сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2452484 (дата обращения: 10.06.2025).

ние – интеллектуальный и волевой элементы субъективной стороны свидетельствуют об осознанности субъектом возможности достижения преступного результата. Полагаем, что для квалификации умышленного бездействия как преступления достаточно факта осознания субъектом того, что его поведение вступает в конфликт с чьим-то интересом или благом.

При совершении преступления с материальным составом субъект осознает, что ведет себя противоправно, совершает общественно опасное деяние в форме бездействия и стремится к достижению либо конкретного преступного результата, либо вариативного преступного результата, например, убийство в форме бездействия [23].

Взаимосвязь преступного результата и пассивного поведения в преступлениях с формальным составом сложнее, поскольку в них нет указания на те материальные последствия, наступление которых виновный предвидит, желает либо сознательно допускает. Тем не менее деяние в преступлениях с формальным составом создает реальную для личности, общества, государства опасность [24]; существенную угрозу причинения вреда соответствующему объекту [25]. Нормативистский подход воззрения на состав преступления предопределяет взаимосвязи между признаками модели нормы и реальным предметом правовой оценки [26]. Признаки причинной связи между деянием и последствием заложены законодателем в формальный состав [27]. «Отрицание последствия как обязательного элемента состава приводит к аннулированию и объекта» [28, с. 33]. Так или иначе преступление, в том числе с формальным составом, влечет за собой вредные последствия, в противном случае деяние не является общественно опасным [29]. Такие последствия могут быть «...порождены непосредственно самим преступным деянием, а также

стать отдаленным его следствием» [30, с. 20].

Исходя из этого, в формальных составах преступлений и для прямого и для косвенного умысла характерно осознание субъектом возможности наступления неблагоприятных последствий, закрепленных как в основном составе, так и в составе с квалифицирующими отягчающими обстоятельствами, например: существенное нарушение прав и законных интересов (ч. 1 ст. 285 УК РФ) [31, с. 9]; угроза радиоактивного заражения окружающей среды (ч. 1 ст. 215 УК РФ); угроза наступления тяжких последствий (ч. 2 ст. 225 УК РФ); нарушение порядка реализации судебных решений [32] (ч. 2 ст. 315) и др. Осознание субъектом возможности наступления неблагоприятных последствий проявляется и тогда, когда он совершает общественно опасное деяние в форме бездействия, преследуя иную относительно осознаваемых потенциально опасных последствий цель, например: не потерять работу (ФИО осуждена по ст. 125 УК РФ)¹, не соблюдать предусмотренные должностной инструкцией обязанности (в части осуждения по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ)², не терять времени на их соблюдение (ФИО осуждена по ст. 125 УК РФ)³.

¹ Приговор Черемшанского районного суда Республики Татарстан от 15 января 2020 г. по делу № 1-2/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tpfDT1dFTqVh/> (дата обращения: 10.06.2025).

² См., например: Приговор Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 16 июля 2020 г. по делу № 1-64/2020 // Нарьян-Марский государственный суд Ненецкого автономного округа: сайт. URL: <https://nariyanmarsky.ma.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.06.2025).

³ Приговор мирового судьи Емвинского судебного участка Княжпогостского района Республики Коми от 10 сентября 2015 г. по делу № 1-49/2015 // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/files/9/9/1626099/prigovor-mirovogo-sudi-em-vinskogo-sudebnogo->

Таким образом, цель поведения субъекта при совершении умышленных преступлений имеет значение для квалификации при определении направленности умысла, который проявляется в объективном выражении субъективных элементов. Для прямого умысла характерна конкретизированная цель, для косвенного – вероятностная либо вариативная цель. При косвенном умысле цель, так или иначе, состоит в достижении преступного результата, только в отличие от прямого умысла при косвенном умысле для субъекта данный результат является вариативным, вероятностным – субъект готов принять преступный результат в любом виде.

К слову о направленности умысла. Умышленные преступления в форме совершения определенных действий в отношении одного потерпевшего могут образовывать совокупность¹. Однако не может образовывать совокупность умышленных преступлений бездействие, направленное на причинение вреда одному предмету (потерпевшему). Необходимо определять «доминирующую», главную цель поведения субъекта, избегая двойного вменения и не нарушая принцип справедливости (ст. 6 УК РФ). Например, из принципа субъективного вменения следует, что не может быть квалифицировано бездействие по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105-108 и ст. 125 УК РФ, когда одно бездействие было направлено на

причинение вреда одному потерпевшему. Так, в убийстве цель состоит в достижении результата – причинить смерть, что поглощает цель оставления в опасности. На практике встречаются случаи двойного вменения при предъявлении обвинения².

Проявляя легкомыслие, виновный предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий, продолжает бездействовать, не осознавая общественную опасность, и преследуя иную (относительно преступного результата) цель, без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Например, осознанно не соблюдая установленные требования безопасности, субъект желает сэкономить, извлечь материальную выгоду, избежать ответственности³ и др.

В преступлениях, совершенных по легкомыслию, цель бездействия не связана с наступлением преступного результата, т. е. не имеет уголовно-правового значения, она не является конкретизированной и не связана с вероятностным (вариативным) преступным результатом. В противном случае деяние должно квалифицироваться как умышленное преступление.

Поскольку при легкомыслии субъект предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но продолжает бездействовать, имея возможность их предотвратить, степень общественной опасности проявления преступного бездействия в форме легкомыслия

uchastka-knyazh-pogostskogo-rayona-respubliki-komi-ot-10-senty-abrya-2015-g-po-delu_-1-492015.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

¹ См., например: Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 21 декабря 2023 г. по делу № 1-636/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xr9y7cfpbDdC/> (дата обращения: 16.07.2025); Приговор Голышмановского районного суда Тюменской области от 6 февраля 2024 г. по делу № 1-14/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6QV1vf39cAWr/> (дата обращения: 10.06.2025).

² См., например: Приговор Черемшанского районного суда Республики Татарстан от 15 января 2020 г. по делу № 1-2/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tpfDT1dFTqVh/> (дата обращения: 15.06.2025).

³ См., например: Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 20 мая 2019 г. по делу № 22-619/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lhL7Rzgjnndp/> (дата обращения: 14.06.2025).

выше, чем у уголовно наказуемого небрежного бездействия.

При небрежном бездействии лицо не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия. Это также говорит об отсутствии целенаправленности противоправного пассивного поведения – субъект преследует иную относительно преступного результата цель. Если у субъекта отсутствует осознание возможности достижения преступного результата¹, от его знаний и опыта зависит квалификация соответствующего преступления – квалификация бездействия как преступления в данном случае возможна лишь тогда, когда субъект мог предвидеть последствия, т. е. обладает достаточными знаниями (опытом) или компетенциями, которые позволяют ему осознавать необходимость совершить требуемые действия. В противном случае, исходя из принципов субъективного вменения и справедливости, уголовная ответственность исключается.

«Знание представляет собой усвоенный результат познавательной деятельности человека и сохраняется на его сознательном или подсознательном уровне»². В результате определенного опыта у субъекта появляется способность «оценивать свои поступки, их последствия, полезность или вредоносность, выбирать линию своего поведения, проявляя сознание и волю, является необходимым условием осознания человеком социальной значимости своего деяния. Приобре-

тение такого опыта не может быть моментным, он накапливается годами и становится достаточным лишь к определенному возрасту, по достижении которого государство может потребовать отчета от человека за свои действия»³.

Знания и опыт могут быть: 1) специальными – как результат познавательной деятельности в узкой сфере (например, связанные с техникой безопасности на производстве, при выполнении работ, оказании услуг, с эксплуатацией автотранспорта, и т. д.); 2) общими – как результат познавательной деятельности в целом, т. е. не связанными обязательно с их регламентацией в специальных нормативных правовых актах.

Помимо прочего, квалификация «небрежного» бездействия (в смысле полномочия или компетенции – мог предвидеть) также имеет следующие особенности.

Уголовно наказуемым должно быть небрежное бездействие в случае, когда субъект обладает специальными знаниями и опытом. Так, президиум Омского областного суда отклонил доводы протеста прокурора области о том, что Ш., находившаяся в должности младшего следователя, принимала меры к укрытию преступления, тем самым совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 293 УК РФ. Суд учел, что Ш. состояла в должности непродолжительное время; в качестве дежурного следователя участвовала в работе следственно-оперативной группы менее 10 раз; не могла принять решение по сложному делу ввиду неопытности⁴.

Если субъект обладает общими знаниями и опытом, уголовная ответственность должна наступать в случае, когда бездействием нарушаются общепринятые

¹ См., например: Приговор Большемурашкинского районного суда Нижегородской области от 20 ноября 2019 г. по делу № 1-15/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EAlH6mkMaT15/> (дата обращения: 14.06.2025).

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 727.

³ Там же. С. 127.

⁴ Постановление президиума Омского областного суда от 19 октября 1999 г. № 44-у-257 // Омский областной суд: сайт. URL: <https://oblsuf--oms.sud.rf.ru/> (дата обращения: 15.06.2025).

нормы и правила безопасности, т. е. когда субъект сам создает опасную обстановку. Например, Г. была осуждена по ч. 1 ст. 109 и 156 УК РФ за проявленную небрежность в форме бездействия: содержала новорожденного ребенка в антисанитарных условиях, «кормила ребенка однообразными низкокалорийными продуктами, кипяченым коровьим молоком, а также продуктами питания, не содержащими “железо”... своим бездействием, по неосторожности причинила смерть своей дочери...», т. е. Г. игнорировала общеизвестное обстоятельство, что новорожденный ребенок в течение первого года жизни требует пристального наблюдения и тщательного ухода¹.

Уголовно-правовая оценка бездействия как проявления одной из специфических форм поведения человека не может быть сведена только к признаку воздержания от надлежащего поведения. Несмотря на тождество действия и бездействия по своим социальным и юридическим свойствам, уголовная ответственность за пассивное поведение наступает тогда, когда субъект был обязан и мог совершить общественно полезное действие.

Выводы

1. Бездействие – это проявление одной из специфических форм поведения человека, опирающееся на прошлый опыт и накопленные знания, реализуемые с различной степенью осознанности. Преступное бездействие – пассивное социально значимое поведение, которое может быть направлено на достижение цели, имеющей уголовно-правовое значение, либо не направлено.

2. При совершении умышленных преступлений цель бездействия – это достижение преступного результата, при

прямом умысле такой результат конкретизирован. При косвенном умысле является вероятностным / вариативным. Не может образовывать совокупность умышленных преступлений бездействие, направленное на причинение вреда одному предмету (потерпевшему). Необходимо определять «доминирующую», главную цель поведения субъекта, избегая двойного вменения и не нарушая принцип справедливости (ст. 6 УК РФ).

3. В преступлениях, совершенных по легкомыслию, цель бездействия не связана с наступлением преступного результата, т. е. не имеет уголовно-правового значения. В противном случае деяние должно квалифицироваться как умышленное преступление. Степень общественной опасности проявления преступного бездействия в форме легкомыслия выше, чем у уголовно наказуемого небрежного бездействия.

4. Для квалификации преступлений, совершенных по небрежности, цель поведения субъекта также не имеет уголовно-правового значения. Однако имеют значение его знания и опыт. Отсутствие осознания необходимости совершить требуемые действия в связи с недостаточностью специальных знаний или компетенций исключает уголовную ответственность. В ситуациях, не требующих специальных знаний или компетенций, уголовная ответственность должна наступать в случае, когда бездействием нарушаются общепринятые нормы и правила безопасности и субъект сам создает опасную обстановку.

Данные тезисы позволяют сформулировать следующий алгоритм квалификации:

1) цель бездействия субъекта связана с конкретизированным результатом – преступление совершено с прямым умыслом;

2) цель пассивного поведения субъекта связана с вероятностным (вариативным) преступным результатом, при этом субъект осознает возможность наступле-

¹ Приговор Ключевского районного суда Алтайского края от 12 марта 2018 г. по делу № 1-26/2018 // Ключевский районный суд Алтайского края: сайт. URL: <http://kluchevsky.alt.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.06.2025)

ния общественно опасных последствий – преступление совершено с косвенным умыслом;

3) цель умышленного бездействия конкретизирована / связана с вероятностным (вариативным) преступным результатом и направлена на причинение вреда одному предмету (потерпевшему) – имеет уголовно-правовое значение доминирующая, главная цель. Вменение совокупности умышленных преступлений не допустимо;

4) цель пассивного поведения субъекта не связана с преступным результатом, при этом субъект предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий –

преступление совершено по легкомыслию;

5) цель пассивного поведения субъекта не связана с преступным результатом, и субъект не предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий: а) субъект обладает специальными знаниями или компетенциями – преступление совершено по небрежности (квалификация по специальной уголовно-правовой норме); б) субъект, обладая общими знаниями или компетенциями, нарушает общепринятые нормы и правила безопасности / сам создает опасную обстановку – преступление совершено по небрежности (квалификация по общей уголовно-правовой норме).

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1961. 746 с.
2. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 215 с.
3. Болотов В.В. Бездействие как форма преступного поведения // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 6-8.
4. Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 367 с.
5. Дмитриев С.В. Энтелехия как синтетическое понятие многомерного внутреннего пространства личности, художественной, спортивной и образовательной деятельности // Biocosmology – Neo-Aristotelism. 2016. № 1. С. 139-165.
6. Сальников В.П., Масленников Д.В., Исмагилов И.Р. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в "Йенской реальной философии" Г.В.Ф Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 181-188.
7. Кондрашов П.Н., Любутинов К.Н. Понятие историчности в философии К. Маркса // Философия и общество. 2012. № 4. С. 5-22.
8. Котелевцев Н.А. Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3. С. 208-212.
9. Бобылев А.И. Правовое поведение и его виды // Право и государство: теория и практика. 2009. № 4. С. 6-12.
10. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1980. 151 с.
11. Кудрявцев В.Н. Закон, проступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 447 с.
12. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 446 с.
13. Гамбарян А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права // Lex russica. 2019. № 2. С. 29-40.
14. Степаненко Н.Е., Аджинджал И.З. Проблемные вопросы субъекта и субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 2. С. 44-49.

15. Бриллиантов А.В. Сущность и значение неоднократности в уголовном праве России // Правосудие. 2024. № 2. С. 137-158.
16. Попов И.В. Ошибки квалификации жестокого обращения с животными // Уголовное право. 2025. № 2. С. 60-68.
17. Косыгин В.Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 4. С. 99-111.
18. Шарапов Р.Д. К вопросу о бездействии в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3. С. 98-102.
19. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. СПб.: Астерион, 2019. С. 57-67.
20. Безбородов Д.А. О некоторых особенностях применения уголовного закона в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ // Криминалист. 2014. № 2. С. 17-21.
21. Чемеринский К.В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 1. С. 99-104.
22. Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 1. С. 70-81.
23. Мовсисян А.Г., Лугинец Э.Ф. Недостатки прокурорского надзора по фактам убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 4. С. 156-161.
24. Курченко В.Н. Проблемы применения законодательства при оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ч. 1 ст. 238 УК РФ) // Российская юстиция. 2023. № 9. С. 45-52.
25. Пичугина М.А. О малозначительности деяний в формальных составах преступлений (на примере ст. 200.3 УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия: 11. Право. 2022. № 2. С. 153-165.
26. Кондрашова Т.В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // Пенитенциарная наука. 2008. № 2. С. 36-38.
27. Кошелева А.Ю. Категория причинности в преступлениях с формальными составами // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 95-96.
28. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958. 219 с.
29. Пономарев Н.С. Дискуссионные вопросы момента окончания продолжаемого взыточничества: критический анализ разъяснений Пленумов Верховных Судов СССР и РФ // Мировой судья. 2022. № 2. С. 29-37.
30. Курсаев А.В. Наступление тяжких последствий в результате совершения преступления как обстоятельство, отягчающее наказание // Уголовное право. 2023. № 4. С. 14-24.
31. Борков В.Н. Конструкция состава злоупотребления должностными полномочиями // Уголовное право. 2025. № 1. С. 9-18.
32. Гребенкина А.А. Уголовная ответственность за неисполнение судебных актов: российская доктрина и зарубежный опыт // Вестник исполнительного производства. 2023. № 3. С. 89-99.

References

1. Marks K., Engel's F. Essays. Vol. 21. 2nd ed. Moscow: Politizdat; 1961. 746 p. (In Russ.)

2. Timeiko G.V. The general doctrine of the objective side of crime. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta; 1977. 215 p. (In Russ.)
3. Bolotov V.V. Inaction as a form of criminal behavior. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal* = *Russian-Asian Law Journal*. 2020;(1):6-8. (In Russ.)
4. Boiko A.I. Criminal inaction. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 367 p. (In Russ.)
5. Dmitriev S.V. Entelechy as a synthetic concept of a multidimensional inner space of personality, artistic, sports and educational activities. *Biocosmology – Neo-Aristotelism*. 2016;(1):139-165. (In Russ.)
6. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Ismagilov I.R. Development of theoretical-methodological foundations of political and legal science in the "Jena Real Philosophy" by Hegel's GDF. *Mir politiki i sociologii* = *The world of politics and sociology*. 2016;(12):181-188. (In Russ.)
7. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. The concept of historicity in the philosophy of K. Marx. *Filosofiya i obshchestvo* = *Philosophy and society*. 2012;(4):5-22. (In Russ.)
8. Kotelevtsev N.A. Definition of the subject and subjectivity in Russian psychological science. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2019;(3):208-212. (In Russ.)
9. Bobylev A.I. Legal behavior and its types. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and the state: theory and practice*. 2009;(4):6-12 (In Russ.)
10. Ter-Akopov A.A. Inaction as a form of criminal behavior. Moscow: Yurid. lit.; 1980. 151 p. (In Russ.)
11. Kudryavtsev V.N. Law, misconduct, responsibility. Moscow: Nauka; 1986. 447 p. (In Russ.)
12. Anokhin P.K. Essays on the physiology of functional systems. Moscow: Meditsina; 1975. 446 p. (In Russ.)
13. Gambaryan A.S. Passive behavior (inaction): use of a subjective right or refusal to exercise a subjective right. *Lex russica*. 2019;(2):29-40. (In Russ.)
14. Stepanenko N.E., Ajindzhal I.Z. Problematic issues of the subject and the subjective side of the crime provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravo v Vooruzhennyh Silah* = *Law in the Armed Forces*. 2021;(2):44-49. (In Russ.)
15. Brilliantov A.V. The essence and meaning of repetition in Russian criminal law. *Pravosudie* = *Justice*. 2024;(2):137-158. (In Russ.)
16. Popov I.V. Errors in the qualification of cruelty to animals. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal law*. 2025;(2):60-68. (In Russ.)
17. Kosygin V.E. Motives and goals of crime and their multivariate meaning. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = *Actual problems of Russian law*. 2025;(4):99-111. (In Russ.)
18. Sharapov R.D. On the issue of inaction in criminal law. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* = *Pravovedenie*. 1998;(3):98-102. (In Russ.)
19. Pudovochkin Yu.E. The concept, criteria and limits of taking into account the public danger of a crime by a court. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii* = *Criminal policy and law enforcement practice: collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: Asteruon; 2019. P. 57-67. (In Russ.)
20. Bezborodov D.A. On some features of the application of the criminal law in case of violation of safety rules during construction and other work. *Kriminalist* = *Criminalist*. 2014;(2):17-21. (In Russ.)

21. Chemerinsky K.V. Public danger as a category of criminal law. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* = *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 2014;(1):99-104. (In Russ.)
22. Pudovochkin Yu.E. Illegality as a sign of crime: analysis experience, problems, prospects. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal* = *All-Russian Journal of Criminology*. 2018;(1):70-81. (In Russ.)
23. Movsisyan A.G., Luginets E.F. Shortcomings of prosecutorial supervision of the facts of murders involving the suicide of the offender. *Yurist"-Pravoved"* = *Jurist-Pravoved*. 2023;(4):156-161. (In Russ.)
24. Kurchenko V.N. Problems of applying legislation in the provision of services that do not meet safety requirements (Part 1 of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Rossiiskaya yusticiya* = *Russian Justice*. 2023;(9):45-52. (In Russ.)
25. Pichugina M.A. On the insignificance of acts in formal crimes (on the example of art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* = *Moscow University Bulletin. Series 11: Law*. 2022;(2):153-165. (In Russ.)
26. Kondrashova T. V. On the question of the possibility of indirect intent and frivolity in formal crimes. *Penitenciarnaya nauka* = *Penitentiary Science*. 2008;(2):36-38. (In Russ.)
27. Kosheleva A.Y. The category of causality in crimes with formal structures. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = *Russian Law Journal*. 2005;(1):95-96. (In Russ.)
28. Kuznetsova N.F. The importance of criminal consequences for criminal liability. Moscow: Gosyurizdat; 1958. 219 p. (In Russ.)
29. Ponomarev N.S. Controversial issues of the end of ongoing bribery: A critical analysis of the explanations of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the Russian Federation. *Mirovoj sud'ya* = *Justice of the Peace*. 2022;(2):29-37. (In Russ.)
30. Kursaev A.V. The onset of grave consequences as a result of committing a crime as an aggravating circumstance. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal Law*. 2023;(4):14-24. (In Russ.)
31. Borkov V.N. Construction of the structure of abuse of official authority. *Ugolovnoe pravo* = *Criminal law*. 2025;(1):9-18. (In Russ.)
32. Grebenkina A.A. Criminal liability for non-enforcement of judicial acts: Russian doctrine and foreign experience. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva* = *Bulletin of enforcement proceedings*. 2023;(3):89-99. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Квасников Евгений Сергеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация, e-mail: evgen1219@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2418-3900

Evgeny S. Kvasnikov, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation, e-mail: evgen1219@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2418-3900

Традиционные российские духовно-нравственные ценности: от основ мировоззрения к патриотизму и героизму

Н.Е. Горюшкина¹✉, А.Д. Немцев¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность определяется возрастающей ролью традиционных духовно-нравственных ценностей в формировании национальной идентичности и обеспечении суверенитета России в условиях современных геополитических вызовов. Объективное осмысление генезиса и эволюции отечественных ценностей, их роли в общественной консолидации и государственном строительстве – ключевая научно-практическая задача.

Цель исследования – дать научную оценку историческому процессу формирования и закрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, проанализировать их значение в контексте современных вызовов.

Задачи: определить и систематизировать ключевые ценности, названные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809; проследить их историческую преемственность от Древней Руси до наших дней; раскрыть взаимосвязь между ценностями, мировоззрением, патриотизмом и героизмом.

Методология. Исследование базируется на принципах объективности, историзма и системного подхода. Использован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, включая проблемно-хронологический и ретроспективный анализ.

Результаты. Раскрывается исторически обусловленная природа традиционных российских духовно-нравственных ценностей и доказывается их неразрывная связь с цивилизационным кодом России. Показано, как духовно-нравственные ценности (жизнь, достоинство, справедливость, семья, труд, коллективизм, историческая память, гражданственность, патриотизм и героизм) стали фундаментом для выживания и развития государства. На обширном фактологическом материале, включая примеры из Великой Отечественной войны, дана оценка проявления этих ценностей в экстремальных условиях.

Выводы. Традиционные российские духовно-нравственные ценности являются органической частью исторического развития России, её цивилизационной самобытности. Они выступают мощным фактором консолидации общества, формирования национального самосознания и обеспечения стратегической устойчивости государства. Актуальное осмысление этих ценностей в условиях современных вызовов – ключевое направление для дальнейших междисциплинарных исследований, способствующих укреплению основ российской государственности.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; российская цивилизация; патриотизм; героизм; историческая память; национальная идентичность.

Финансирование: Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н.Е., Немцев А.Д. Традиционные российские духовно-нравственные ценности: от основ мировоззрения к патриотизму и героизму // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 201–213. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-201-213>.

Поступила в редакцию 30.05.2025

Принята к публикации 27.06.2025

Опубликована 29.08.2025

Traditional Russian spiritual and moral values: from the foundations of worldview to patriotism and heroism

Natalia E. Goryushkina¹✉, Alexander D. Nemtsev¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

The relevance of this research is determined by the increasing role of traditional spiritual and moral values in shaping national identity and ensuring the sovereignty of the Russian Federation amidst contemporary geopolitical challenges. In the context of global transformations and attempts to undermine Russia's historical experience, an objective understanding of the genesis and evolution of domestic values, and their role in social consolidation and state-building, represents a key scientific and practical task. Generalizing the historical experience of the formation of spiritual and moral values and their influence on the worldview of citizens allows for the articulation of the authors' position on the stated topic.

The purpose of the research is to provide a scientific assessment of the historical process of the formation and consolidation of traditional Russian spiritual and moral values, and to analyze their significance in the context of modern challenges.

Objectives: Identify and systematize the key values mentioned in Presidential Decree of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022; trace their historical continuity from Ancient Russia to the present day; reveal the interrelationship between values, worldview, patriotism, and heroism.

Methodology. The research is based on the fundamental principles of objectivity, historicism, and a systemic approach. The work utilized a complex of complementary general scientific and special historical methods, including problem-chronological and retrospective analysis. The application of this set of methods allowed for the depiction of the multifaceted nature of spiritual and moral values, their dynamics, and their influence on various spheres of Russian society's life throughout centuries.

Results. The article reveals the historically determined nature of traditional Russian spiritual and moral values, proving their inseparable connection with Russia's civilizational code. It demonstrates how values such as life, dignity, justice, family, labor, collectivism, historical memory, civic consciousness, patriotism, and heroism were forged in the crucible of Russia's complex history and served as a foundation for the state's survival and development. Based on extensive factual material, including examples from the Great Patriotic War, an assessment is given of the manifestation of these values in extreme conditions.

Conclusions. Traditional Russian spiritual and moral values are not an imported construct but an organic part of Russia's historical development and its civilizational identity. They serve as a powerful factor in consolidating society, forming national self-awareness, and ensuring the strategic stability of the state. The actualization and deep scientific understanding of these values in the face of contemporary challenges is a key direction for further interdisciplinary research that contributes to strengthening the foundations of Russian statehood.

Keywords: spiritual and moral values; Russian civilization; patriotism, heroism; historical memory; national identity.

Funding: This work was carried out within the framework of the State Assignment "Legal measures to ensure strategic priorities for countering national security threats" (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N.E., Nemtsev A.D. Traditional Russian spiritual and moral values: from the foundations of worldview to patriotism and heroism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):201–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-201-213>.

Received 30.05.2025

Accepted 27.06.2025

Published 29.08.2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(4):201-213

Введение

В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 были названы 17 духовно-нравственных ценностей, которые выступают ориентирами для формирования мировоззрения граждан России¹. Понимание взаимосвязи и глубины этих ценностей – насущная необходимость сегодняшнего дня, когда России брошен вызов коллективным Западом, когда всё явственнее в воздухе слышен гром большой войны. В условиях усиливающегося давления и попыток девальвации российской идентичности на международной арене глубокое осмысление и утверждение собственных культурно-исторических основ приобретает стратегическое значение для обеспечения суверенитета и национальной безопасности государства.

Важно указать, что духовно-нравственные ценности возникли не вчера. Они вызревали и оттачивались в горниле нашей непростой истории. Так, со времен Древней Руси закладывались идеалы правды, соборности и единства, формировавшие основы коллективного сознания. В период Московского царства эти идеи трансформировались в концепцию служения государству и православной вере, что стало центральным элементом мировоззрения. Державность Российской империи укрепила принципы государственности и ответственности за судьбу Отечества, а сложный и противоречивый советский период, несмотря на идеологические трансформации, внес мощный акцент на коллективизм, социальную справедливость и трудовой подвиг. Все эти этапы до современной России демон-

стрируют непрерывную эволюцию и закрепление ценностных ориентиров.

Данная статья посвящена анализу генезиса и исторической эволюции этих ценностей, подчеркивая их фундаментальное значение для формирования национальной идентичности, общественной стабильности и выживания государства в условиях исторических вызовов. Авторы доказывают, что духовно-нравственные ценности являются неотъемлемой частью российского цивилизационного кода, формировавшегося на протяжении веков.

Методология

Исследование построено на строгом следовании научным принципам объективности, исторической точности и системного анализа, что позволило избежать интерпретаций, искажающих прошлое через призму современности, и чрезмерного упрощения исторических процессов. Важным условием работы стало исключение политического и идеологического влияния на формирование оценок и выводов, обеспечившее беспристрастный подход к анализу. Помимо того, были использованы проблемно-хронологический и ретроспективный методы, которые помогли структурировать исследование, разделив его на ряд взаимосвязанных этапов, каждый из которых был направлен на решение конкретной задачи. Применение проблемно-хронологического метода способствовало уточнению этапов формирования и проявления духовно-нравственных ценностей в различные исторические периоды, а также более детально изучить их влияние на ход исторических событий. Ретроспективный метод, основанный на историко-генетическом анализе, дал возможность проследить эволюцию взглядов на изучаемую проблему и определить текущее состояние исследований в этой области.

Историография темы, затрагивающей ключевые традиционные российские

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 13.05.2025).

духовно-нравственные ценности, официально закрепленные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, невелика. Свое внимание на характеристику ценностей россиян обратили О.Г. Карпович [1], С.А. Барсукова [2], И. И. Горлова [3], К.А. Устиленцев [4], Л.Я. Верб [5] и др. Указанные работы формируют комплексный взгляд на традиционные духовно-нравственные ценности русского народа, исследуя их с различных позиций. Авторы определяют роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей на мировой арене, изучают процесс их закрепления и совершенствования в нормативно-правовых документах Российской Федерации, прослеживают историко-правовые аспекты их формирования, а также рассматривают их значение на уровне личности, семьи и страны в целом.

Результаты и их обсуждение

В ходе системного анализа традиционных духовно-нравственных ценностей, официально закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, представляется целесообразным начать рассмотрение с основополагающей категории – жизни.

Признание жизни как высшей и непреходящей ценности пронизывает все слои российской культуры, находя свое выражение как в исторических нарративах, так и в современной государственной политике. Этот принцип глубоко укоренен в традиционных верованиях, где жизнь воспринимается как дар, требующий бережного отношения. Не случайно в русской культуре так силен акцент на милосердие и сострадание, что выражается в широкой благотворительности и взаимопомощи. Это проявляется, в частности, в неуклонном стремлении государства к поддержке института семьи, материнства и детства, а также в категорическом неприятии любых проявлений,

обесценивающих человеческое существование.

Неразрывно связанной со священным статусом жизни является категория *достоинства*. В старославянском языке слово «достоинство» интерпретировалось как «достичь чего-то; быть таким, каким должен быть». Достоинством называлась совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе¹.

Подобное понимание позволяет рассматривать личное достоинство не только как индивидуальную характеристику, но и как символ достоинства нации в целом. Ярчайшим, пронзительным примером такого коллективного достоинства служат слова, высеченные кровью на стене Брестской крепости: «Умираю, но не сдаюсь» [6, с. 116]. Эти слова, написанные на русском языке неизвестным солдатом, стали не просто свидетельством личного мужества, но и квинтэссенцией высочайшего достоинства, присущего всему российскому народу, что не имеет аналогов в мировой истории. Другим показательным примером является самоотверженность защитников Ленинграда в годы блокады, когда, несмотря на голод, холод и непрекращающиеся обстрелы, жители города сохраняли человеческое достоинство, продолжали трудиться, учиться и творить, отстаивая своё право на жизнь и свою культуру. Или, если обратиться к более ранним периодам, стоит вспомнить подвиг Ивана Сусанина, который ценой собственной жизни спас Михаила Романова, продемонстрировав беспримерное личное достоинство и верность Отечеству в условиях смертельной угрозы. Эти исторические факты свидетельствуют о том, что достоинство в российском мировоззрении всегда было тесно связано с готовностью к самопожерт-

¹ Толковый словарь Ожегова // GUFO.ME: сайт. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/достоинство> (дата обращения: 13.05.2025).

вованию ради высших идеалов и сохранения национальной чести.

Для того чтобы достоинство не было лишь абстракцией, оно должно опираться на реальные права и свободы.

Право на труд, на образование, на свободу совести – это те условия, которые позволяют личности раскрыться, реализовать свой потенциал. Однако в российском мировоззрении права и свободы традиционно рассматриваются не как абсолютная самоцель, а в неразрывной связи с ответственностью перед обществом и государством. Эта взаимосвязь формирует уникальный подход к пониманию гражданских прав, где индивидуальная свобода гармонизируется с общим благом и необходимостью служения Отечеству. Мы свободные люди, но наша свобода не может быть без ответственности перед другими. Найти баланс между тем, что мы можем делать, и тем, что мы должны делать, – всегда важно. Мы имеем право говорить, но не должны лгать или клеветать. Мы имеем право работать, но должны делать свою работу хорошо. Право на свободу слова подразумевает и ответственность за каждое произнесенное слово.

Только осознавая эту взаимосвязь, мы можем построить справедливое и процветающее общество, где каждый сможет реализовать свой потенциал, не нарушая прав других. Здесь на помощь приходят высокие нравственные идеалы: честность, справедливость, искренность, верность, благодарность, духовность. Это тот внутренний компас, который веками помогал нашему народу сохранять себя в самых трудных испытаниях. Эти идеалы не всегда легко воплотить в жизнь, но само стремление к ним облагораживает человека и общество. Так, принцип честности, глубоко укорененный в народной мудрости, проявлялся в стремлении к правде даже в самых сложных обстоятельствах, а верность не ограничивалась личными отношениями, распространяясь на преданность долгу и Родине. Они

оживают в конкретных делах через гуманизм – деятельное человеколюбие, признание ценности каждого, милосердие – способность к состраданию, готовность помочь нуждающемуся, простить оступившегося; справедливость – стремление к гармонии между правами, обязанностями и последствиями поступков. Примеры милосердия и гуманизма многочисленны в русской истории: от княжеской заботы о бедных и неимущих, выражавшейся в строительстве больниц и приютов, до широкой благотворительной деятельности русского купечества и меценатов. Идея справедливости, в свою очередь, всегда занимала центральное место в народном сознании, отражаясь в фольклоре, юридических системах и общественном запросе на правду и защиту униженных.

Приверженность высоким нравственным идеалам есть условие существования устойчивого общества, определяющее в конечном итоге, быть или не быть России.

Где же происходит первичная закладка важнейших духовно-нравственных ценностей? Разумеется, в крепкой семье. В русском мировоззрении семья всегда воспринималась не просто как базовая социальная единица, но как священное пространство, где формируются основы личности и передаются многовековые культурные коды. Семья – это не просто ячейка общества, это колыбель культуры, школа любви, почтения, терпения и ответственности. Именно в семье передаются традиции, формируется уважение к старшим, забота о младших, закладываются основы будущего гражданина и патриота¹. Семейные узы, инсти-

¹ Паспорт национального проекта «Демография»: [утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 13.05.2025).

тут наставничества и преемственности поколений через примеры праведной жизни предков всегда играли ключевую роль в воспитании нравственного стержня человека, его способности к самопожертвованию и служению общему благу.

Традиционная семья как союз мужчины и женщины, направленный на рождение и воспитание детей, рассматривается как залог демографической устойчивости и преемственности поколений [7, с. 23]. Именно в традиционной многопоколенной семье, где опыт и мудрость передаются от старших к младшим, а каждый член семьи ощущает свою принадлежность к большому роду, закладываются те глубокие корни, которые позволяют народу сохранять свою самобытность и устойчивость перед лицом любых испытаний.

Семья существует и развивается благодаря созидательному труду. Уважение к человеку труда, к мастерству, к честно заработанному хлебу – неотъемлемая часть нашего мировоззрения. Труд предков создал великую Россию, выковал её из разрозненных княжеств в могучую державу. Их пот и кровь пропитали землю, на которой мы стоим, их мудрость и смелость заложили фундамент нашего государства. Важно понимать, что труд представляет собой не только физическое усилие, но и интеллектуальный поиск, стремление к новым знаниям, готовность к инновациям. Именно благодаря этому стремлению Россия всегда была в авангарде прогресса, удивляя мир своими открытиями и достижениями. На протяжении всей истории России трудовой подвиг становился основой для великих преобразований и достижений: от освоения бескрайних сибирских просторов до грандиозных строек первых пятилеток, от создания передовых научных разработок до покорения космоса. Принцип «делаешь – делаешь хорошо» глубоко укоренился в сознании русского человека, что обеспечивало как личное благополучие, так и развитие всего государства.

В суровые годы Великой Отечественной войны значение труда приобрело особую остроту. Вспомним, насколько жизненно важным для исхода Курской битвы стал самоотверженный труд строителей железнодорожной линии Ржава – Старый Оскол. Эта ветка протяженностью в 95 километров была проложена за 32 дня [8, с. 153]. В условиях жесточайшего дефицита времени, под угрозой вражеских авианалетов тысячи железнодорожников, солдат и добровольцев в кратчайшие сроки обеспечили ее функционирование. Такого рода события важно помнить [9, с. 111].

Это только один пример, который наглядно показывает, что труд всегда был и остается не просто источником материального благополучия, но и важнейшим фактором национальной силы и выживания, особенно в критические моменты истории. Культ созидательного труда, мастерства и ответственности за свой вклад в общее дело лежит в основе российского подхода к развитию, являясь залогом устойчивости и процветания.

Важнейшей характеристикой русского цивилизационного кода является приоритет духовного над материальным. Речь здесь идет не об отказе от земных благ, а о зрелом понимании истинной ценности бытия. Внутренний мир человека, богатство его духа, вера, твердость убеждений, глубина культуры и знаний, гармония отношений с ближним – всегда ставились в России выше мимолетных выгод и преходящего материального благополучия. Способность устремлять взор за пределы повседневной суеты, видеть высокие смыслы и идеалы, готовность к самоограничению в материальном ради достижения духовных целей на протяжении веков служила фундаментом нашего национального характера [10, с. 40–41]. Эта особенность ярко проявилась в служении Отечеству и вере, когда многие выдающиеся личности и простые люди отказывались от личного богатства или комфорта ради высшей миссии, что стало

неотъемлемой чертой русского святоотеческого опыта и народной праведности. Множество примеров самоотречения русских меценатов, ученых и подвижников подтверждают, что духовные устремления нередко превалировали над стремлением к накоплению материальных благ, направляя энергию на просвещение, благотворительность и развитие страны.

Достаточно вспомнить подвиг русского народа в годы Великой Отечественной войны, когда, несмотря на невероятные лишения и жертвы, люди сражались не за материальное благополучие, а за Родину и высокие идеалы свободы и справедливости.

Понимание общности духовных устремлений и взаимозависимости людей в достижении общих целей рождает коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение. Исторически укорененные традиции общинной жизни, формы артельного труда получили новое воплощение в современных волонтерских движениях, – все это зримые проявления коллективизма. На протяжении веков русский народ демонстрировал способность к консолидации и единению перед лицом общих угроз и масштабных задач. Примером тому служат народные ополчения, спасавшие Отечество в Смутное время и в 1812 г., а также грандиозные стройки советского периода, когда коллективные усилия миллионов людей обеспечивали промышленный и инфраструктурный прорыв. Коллективизм в России – это не только взаимопомощь, но и глубоко укорененное чувство общей ответственности за судьбу своей земли и своих близких.

В понимании русского человека коллективизм не нивелирует индивидуальность, а предполагает мудрость согласования личных устремлений с интересами общего блага. Самоотверженный труд волонтеров – ярчайший пример коллективизма, взаимопомощи и взаимоуважения в наши дни. Традиции взаимопомощи и коллективизма напитаны исторической памятью и преемственностью поколений.

Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего. Знание истории своей страны, ее героев и подвигов, ее трагедий и ошибок – это фундамент национального самосознания [11, с. 78]. Историческая память в России – это не просто совокупность фактов, но живая связь поколений, эмоционально окрашенное наследие, которое передается из уст в уста, через семейные предания, народные песни и былины. Она проявляется в бережном отношении к памятникам прошлого, в торжественном праздновании значимых дат и в постоянном обращении к урокам истории для понимания настоящего и прогнозирования будущего [12, с. 592].

Судьба России соткана таким образом, что светлые полосы мирного строительства переплетаются с драматическими нитями кровопролитных войн. Если мысленно окинуть взглядом летопись Отечества, то обнаружится, что звон мечей и грохот орудий звучали, к сожалению, чаще, чем тихая поступь мирных лет. История России – это неустанная борьба за выживание и независимость. Словно огненное горнило, она испытывала на прочность наш национальный характер, выковывая такие непреходящие качества, как несгибаемая стойкость, беззаветное мужество и глубокое чувство долга перед Родиной.

От седых времен княжеских распрей до священных войн за свободу «поступь» истории свидетельствует о том, что готовность к защите родной земли и отстаиванию своих рубежей есть определяющая черта русского характера. Именно в этой борьбе зародилось уникальное сочетание силы духа и смирения, широты души и суровой необходимости.

Москва, возвысившись над другими княжествами, собрала воедино разрозненные земли, положив начало новому государству. В этом контексте глубоко укоренилось ощущение особой исторической миссии России, ее богоизбранности.

Не случайно Владимир Владимирович Путин процитировал слова генерал-фельдмаршала XVIII в. Христофора Антоновича Миниха: «Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно вообще существует!»¹.

Здесь, в Курске, на земле, опаленной боями и пожарищами, мы особенно остро ощущаем эту связь. Каждый метр курского чернозема пропитан героизмом и самоотверженностью защитников Отечества.

Курск – это крепость России. Под звуки ежедневных сирен по-особенному звучат строки о миссии Курска и курян: *«Куряне-воины стояли твёрдо/ Во все набегии кочевой беды –/ И врассыпную уходили орды,/ Из речки Кур не зачерпнув воды!/ А вдовьи очи тихо голубели,/ Дозоры шли к сторожевому рву./ Тогда Москва лежала в колыбели,/ А Курск уже сражался за Москву»* [13, с. 46].

В каждой семье хранится память о героизме предков, о боли утрат, о радости победы, о силе духа, которая помогла выстоять и победить. Эта общая история, сплетенная из судеб разных народов, культур и религий, формирует единство народов России, многократно укрепленное и закаленное опытом совместного преодоления тяжелейших исторических вызовов и испытаний на протяжении веков.

Независимо от этнической или профессиональной принадлежности, граждане России всегда объединялись перед лицом внешней угрозы, демонстрируя сплоченность и взаимовыручку. Примеры героического сопротивления в период польско-литовской интервенции, Отечественной войны 1812 г., а также беспрецедентный вклад всех народов СССР в

Великую Победу являются ярчайшим подтверждением этой фундаментальной ценности.

Наша страна сильна своим многообразием, но еще сильнее она своим единством, основанным на общих ценностях и общем понимании судьбы Отечества. Единство, основанное на общих целях и ценностях, а не на единообразии, становится источником непобедимой силы многонационального государства. Уважение к традициям каждого народа при сохранении общероссийской идентичности – залог нашей несокрушимости [14, с. 36].

Осознание себя частью единого народа и наследником великой истории закономерно приводит к служению Отечеству и ответственности за его судьбу.

Гражданственность – это стержень личности, вокруг которого формируются все остальные ее качества. Это понимание того, что судьба России – это наша общая судьба, и каждый из нас несет за нее свою долю ответственности.

Гражданственность в российском контексте проявляется не только в соблюдении законов, но и в активном участии в общественной жизни, готовности защищать интересы страны, а также в созидательной работе на благо Родины в мирное время. Это чувство личной причастности к судьбе государства и готовность внести свой вклад в его развитие.

Венчает систему ценностей, придавая ей особую эмоциональную силу и высший смысл – патриотизм. Патриотизм – это многогранное и глубокое чувство, укорененное в самой душе народа. Это не просто привязанность к родным местам или природе, но, что гораздо важнее, осознанная идентификация со своей страной. Российский патриотизм включает в себя любовь к своей культуре, языку, истории, уважение к предкам и готовность к самопожертвованию ради будущего Отечества. Он проявляется как в повседневном труде, так и в героических поступках, являясь мощной объединяющей силой.

¹ Владимир Путин на ВФМ: Россия напрямую управляется Богом // Ura.ru: сайт. 2024. 7 марта. URL: <https://ura.news/news/1052740833> (дата обращения: 23.05.2025).

Высшим проявлением патриотизма и служения является героизм. Наша история богата примерами героизма – от подвигов дружинников Александра Невского до солдат Суворова и Кутузова. Но особой страницей, где массовый героизм стал нормой жизни, где все перечисленные ценности были проявлены с невероятной силой, стала Великая Отечественная война.

Задумаемся над страшной арифметикой той войны: от Москвы до Берлина по прямой 2600 км, поездом – четверо суток, самолетом – 4 часа, а перебежками и по-пластунски – 4 года... и 27 миллионов погибших советских людей. Это 10,5 тысяч убитых на каждый километр. 27 миллионов страна потеряла за 1418 дней и ночей – это 19 тысяч погибших ежедневно, 13 человек – каждую минуту. Чтобы просто произнести фразу «Пал смертью храбрых в боях за Родину...» 27 миллионов раз, потребовалось бы беспрерывно говорить 4,5 года. Минута молчания по каждому погибшему продлилась бы более 50 лет¹. Это не просто статистика, это отражение всенародного подвига, когда каждый гражданин – от солдата на передовой до рабочего в тылу – вносил свой вклад в общее дело Победы. Героизм проявлялся не только в прямом противостоянии врагу, но и в нечеловеческих условиях труда, в самоотверженной работе медиков, учителей, в стойкости и вере женщин и детей, которые ждали своих близких и верили в Победу.

Великая Отечественная война – это бессмертный подвиг защитников Брестской крепости; это 900 дней несгибаемого мужества блокадного Ленинграда; это титаническая битва за Москву, сорвавшая блицкриг; это огненный ад Сталинграда, ставший переломом в войне; это гранди-

озное сражение на Курской дуге; это беспримерное форсирование Днепра; это серия блистательных наступательных операций, гнавших врага с нашей земли; это победоносный штурм Берлина и Знамя Победы над рейхстагом.

Великая Отечественная война – это подвиги Александра Матросова и Зои Космодемьянской, Николая Гастелло и героев-панфиловцев, миллионов труженников тыла и партизан [15, с. 3; 16, с. 30].

Великая Отечественная война – это не просто страницы истории, это зримые примеры действия наших традиционных ценностей в экстремальных условиях. Это свидетельство того, на что способен человек, движимый любовью к Родине и верой в правое дело. Память об этом великом подвиге, о миллионах жизней, отданных за нашу свободу, за наше право жить согласно своим ценностям, священна и неприкосновенна.

Сегодня Россия вновь сталкивается с серьезными историческими вызовами [17, с. 23]. Снова стоит вопрос о существовании нашего государства. Враждебная пропаганда активно работает на искажение исторической правды, стремится ослабить единство многонационального народа России, посеять рознь, подорвать доверие к государственным институтам, дискредитировать идею служения Отечеству, заместить своими ценностями наши [18, с. 138]. В этих условиях, когда предпринимаются попытки переписать историю и обесценить вклад России в мировую цивилизацию, особенно важно опираться на внутренние ресурсы – на незыблемый фундамент традиционных ценностей. Именно они позволяют сохранить культурную идентичность, обеспечить консолидацию общества и дать достойный ответ на современные вызовы, демонстрируя готовность к защите своих интересов и своего суверенитета [19, с. 19; 20, с. 160–161].

В этот решающий момент наша история вновь подтверждает: сила России не в материальном превосходстве, а в

¹ Может ли «цена войны» отличаться от «цены Победы»? // История.РФ: портал. URL: <https://histrf.ru/read/articles/mozhiet-litsiena-voiny-otlichatsia-ot-tsieny-pobedy> (дата обращения: 23.05.2025).

незыблемости духа и верности своим истинным ценностям. Только опираясь на принципы жизни, достоинства, справедливости, крепкой семьи, созидательного труда, коллективизма, исторической памяти, гражданственности и жертвенного патриотизма, мы сможем не только выстоять перед лицом любых угроз, но и обеспечить дальнейшее процветание, укрепить своё единство и привести страну к безусловному успеху и великим достижениям на мировой арене.

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что духовно-нравственные ценности, закреплённые в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, не являются новым конструктом. Они представляют собой систематизированное отражение исторически сформировавшегося цивилизационного кода России. Их эволюция прослеживается на протяжении всей отечественной исто-

рии – от Древней Руси до сегодняшнего дня, подтверждая фундаментальное значение духовно-нравственных ценностей для формирования национальной идентичности и поддержания общественной стабильности.

В условиях современных геополитических вызовов и ценностных трансформаций актуализация и теоретическое осмысление духовно-нравственных ценностей приобретают не только социально-политическую, но и научно-практическую значимость. Изучение механизмов их трансляции, интериоризации и влияния на общественное сознание является перспективным направлением для дальнейших междисциплинарных исследований в области философии, культурологии, социологии и политологии, способствуя формированию комплексного понимания основ российской государственности и цивилизационной самобытности.

Список литературы

1. Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 39-51.
2. Барсукова С.А. Базовые общекультурные ценности россиян // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 13.05.2025).
3. Горлова И.И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования // Культурологический журнал. 2021. № 2(44). С. 10-14.
4. Устиленцев К.А. Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей: историко-правовой аспект // Юрист-Правоведъ. 2024. № 2 (109). С. 24-29.
5. Верб Л.Я. Человек. Семья. Родословная // Весна науки-2017: материалы межвузовской научно-практической конференции. СПб.: ИВЭСЭП, 2017. С. 40-46.
6. «Я умираю, но не сдаюсь! прощай, Родина...»: 50 лет со дня открытия мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» // Военно-исторический журнал. 2021. № 9. С. 116-118.
7. Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России: перспективы и социальные риски // Социальная политика и социология. 2008. № 6. С. 23-26.
8. Горюшкина Н.Е. История Курского края / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 196 с.

9. Золотухин А.Ю., Манжосов А.Н., Немцев А.Д. Сохраняя память о героях Огненной дуги. Деятельность органов власти Курской области по увековечению подвигов защитников Отечества. 1943 г. // Исторический архив. 2008. № 2. С. 109-115.
10. Щелкин А.Г. Российская цивилизация предполагает дискуссию о российской цивилизации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 39-42.
11. Немцев А.Д. Есть память, которой не будет конца // Курский край. 2006. № 15-16 (90-91). С. 77-79.
12. Залоило М.В. Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки: обзор III Всероссийского форума историков // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8, № 4(32). С. 587-597.
13. Сидоренко Н.Н. Лирический округ. М.: Сов. Россия, 1969. 158 с.
14. Середкина НН. Трансформация этнокультурной идентичности в общероссийскую гражданскую идентичность (методологические подходы) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 28-41.
15. Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск: ЮМЭКС, 2005. 220 с.
16. Карпова Е.П. О подвиге первой женщины Героя Советского Союза военных лет – З.А. Космодемьянской // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2023. Т. 4, № 6-2. С. 28-34.
17. Гончарук А.Ю. Россия в контексте современных вызовов и кризиса духовно-нравственных ценностей // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 9(85). С. 20-28.
18. Кускашев Д.В. Традиционные ценности российской цивилизации как фундаментальная основа консолидации российского общества в борьбе с современными мировыми вызовами // Цивилизационный потенциал российского региона: структура, состояние и перспектива роста: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Калининград: РА Полиграфычъ, 2023. С. 136-140.
19. Чуфрин Г.И. Интересы России на постсоветском пространстве: современные вызовы и ответы // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 1 (42). С. 9-20.
20. Бирюков С.В. Россия: к созданию национальной идеологии в качестве ответа на современные вызовы // Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество: материалы по итогам Международной научной конференции, посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2024. С. 158-164.

References

1. Karpovich O.G. The role of Russia in upholding traditional spiritual and moral values in the context of modern global development. *Rossiya i mir: nauchnyi dialog = Russia and the world: scientific dialogue*. 2024;(2):39-51. (In Russ.)
2. Barsukova S.A. The basic general cultural values of Russians. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. The state"*. 2017;5(1). (In Russ.). Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 13.05.2025).

3. Gorlova I.I. Traditional spiritual and moral values in the normative legal documents of the Russian Federation: the state and ways of improvement. *Kul'turologicheskii zhurnal = Cultural Journal*. 2021;(2):10-14. (In Russ.)
4. Ustilentsev K.A. Formation of traditional Russian spiritual and moral values: historical and legal aspect. *Yurist"-Pravoved" = Jurist-Pravoved*. 2024;(2):24-29. (In Russ.)
5. Verb L.Ya. Human. Family. Lineage. In: *Vesna nauki-2017: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Spring of Science-2017: materials of the interuniversity scientific and practical conference*. St. Petersburg: IVESEP; 2017. P. 40-46. (In Russ.)
6. "I'm dying, but I'm not giving up! Farewell, Motherland...": 50 years since the opening of the Brest Hero Fortress Memorial Complex. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal*. 2021;(9):116-118. (In Russ.)
7. Klimantova G.I. State family policy of modern Russia: prospects and social risks. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social policy and Sociology*. 2008;(6):23-26. (In Russ.)
8. Goryushkina N.E. History of the Kursk Region. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2013. 196 p. (In Russ.)
9. Zolotukhin A.Yu., Manzhosov A.N., Nemtsev A.D. Preserving the memory of the heroes of the Fiery Arc. The activities of the authorities of the Kursk region to perpetuate the exploits of the defenders of the Fatherland. 1943. *Istoricheskii arkhiv = Historical Archive*. 2008;(2):109-115. (In Russ.)
10. Shchelkin A.G. Russian civilization involves a discussion about Russian civilization. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanii = Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2011;(1):39-42. (In Russ.)
11. Nemtsev A.D. There is a memory that will never end. *Kurskii krai = Kursk Region*. 2006;15-16(90-91):77-79. (In Russ.)
12. Zaloilo M.V. Traditional values, family and society in the focus of historical and legal science: review of the III All-Russian Forum of Historians. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the State and Law*. 2024;8(4):587-597. (In Russ.)
13. Sidorenko N.N. Lyric District. Moscow: Sov. Rossiya; 1969. 158 p. (In Russ.)
14. Seredkina N.N. Transformation of ethnocultural identity into All-Russian civic identity (methodological approaches). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2024;17(1):28-41. (In Russ.)
15. Korovin V.V. The partisan movement in the Kursk region in 1941-1943. Kursk: YuMEKS; 2005. 220 p. (In Russ.)
16. Karpova E.P. About the feat of the first female Hero of the Soviet Union of the war years, Z.A. Kosmodemyanskaya. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii = Actual problems of pedagogy and psychology*. 2023;4(6-2):28-34. (In Russ.)
17. Goncharuk A.Yu. Russia in the context of modern challenges and the crisis of spiritual and moral values. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University*. 2010;(9):20-28. (In Russ.)
18. Kuskashev D.V. Traditional values of Russian civilization as a fundamental basis for the consolidation of Russian society in the fight against modern global challenges. In: *Tsivilizatsionnyi potentsial rossiiskogo regiona: struktura, sostoyanie i perspektiva rosta: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = The civilizational potential of the Russian region: structure, state and prospects for growth: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: RA Poligrafych"; 2023. P. 136-140. (In Russ.)
19. Chufrin G.I. Russia's Interests in the post-Soviet space: modern challenges and answers. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii = Russia and the New States of Eurasia*. 2019;(1):9-20. (In Russ.)

20. Biryukov S.V. Russia: towards the creation of a national ideology as a response to modern challenges. In: *Rossiya v bor'be za Rossiyu: gosudarstvennost' i sotsium, khozyaistvo i kul'tura, global'nye konflikty i mirotvorchestvo: materialy po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 35-letiyu laboratorii filosofii khozyaistva* = *Russia in the Struggle for Russia: statehood and society, economy and culture, global conflicts and peacemaking: materials on the results of the International scientific conference dedicated to the 35th anniversary of the Laboratory of Philosophy of Economics*. Tambov: Izd. Dom "Dezhavinskii"; 2024. P. 158-164. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Немцев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: aleksn3@yandex.ru

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@ya.ru, ORCID: 0000-0003-4042-3529

Alexander D. Nemtsev, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: aleksn3@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)+279.99+391:63+323.325

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>

Граммфон как искушение или дискуссии о «сомнительных новшествах» на страницах старообрядческой периодики начала XX века

А.В. Апанасенок¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский пр-т, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью научного осмысления закономерностей адаптации традиционного общества к ускорению научно-технического прогресса и реалиям модернизации, а также с эвристической ценностью исследования особенностей старообрядческой культуры позднего имперского периода.

Цель исследования: охарактеризовать особенности развернувшихся в начале XX века на страницах старообрядческих журналов дискуссий о возможности использования различных достижений прогресса.

Задачи: показать, какие новые вещи и явления могли вызывать к себе скептическое отношение у верующих-традиционалистов; рассмотреть причины такого отношения; охарактеризовать позицию журналов по поводу допустимости тех или иных новшеств в индивидуальном или общественном быту.

Методология. В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания, сравнения и исторической индукции. Теоретической основой исследования выступила теория догоняющей модернизации.

Результаты. В процессе анализа рассмотрены дискуссии, развернувшиеся в старообрядческой среде по поводу возможности использования граммофона, керосиновых ламп, спичек, электрических приборов, громоотвода, а также практик оспопрививания и страхования имущества. Демонстрируется, что наиболее последовательными противниками нововведений были провинциальные старообрядцы.

Выводы. В статье показано, что аргументы традиционалистов носили религиозный характер. Прогресс в их глазах нес дегуманизацию, замену человеческих усилий бездушными механизмами. В технических новациях и непривычных социальных практиках просматривалось искажение богоустановленной природы и нарушение естественного порядка вещей. Подспудно на отрицательную оценку тех или иных «новинок» оказывало влияние и их иностранное происхождение. Внедрение последних породило размежевание в старообрядческой среде на сторонников и противников усовершенствования традиционного быта. Старообрядческая интеллигенция считала возможным применение новых технических средств и общественных практик, а популярные старообрядческие журналы регулярно призывали своих читателей рационально оценивать новации, рассматривать их как инструменты для правильной организации земной жизни.

Ключевые слова: старообрядчество; модернизация; технический прогресс; традиции; русский толстый журнал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенок А.В. Граммфон как искушение или дискуссии о «сомнительных новшествах» на страницах старообрядческой периодики начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 214–225. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>.

Поступила в редакцию 26.06.2025

Принята к публикации 31.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The gramophone as a temptation or discussions about "dubious innovations" on the pages of the Old Believers periodicals of the early 20th century

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the importance of academic understanding of traditional society adaptation patterns to the acceleration of scientific and technological progress and the realities of modernization, as well as the heuristic value of studying the features of the Old Believer culture of the late Imperial period.

The purpose of the study is to characterize the features of the discussions that unfolded in the early 20th century on the pages of Old Believer journals about the possibility of using various achievements of progress.

Objectives: to show what new things and phenomena could cause skepticism among traditionalist believers; to consider the reasons for this attitude; to characterize the position of magazines regarding the permissibility of certain innovations in individual or social life.

Methodology. In the course of working with publications, traditional methods of textual analysis were used. The methods of description, comparison, and historical induction were used by the author to interpret the data obtained. The theoretical basis of the research was the theory of catch-up modernization.

Results. In the course of the analysis the discussions that unfolded in the Orthodox environment about the possibilities of using a gramophone, kerosene lamps, matches, electrical appliances, lightning rods, as well as the practices of vaccination and property insurance are considered. It is demonstrated that the most consistent opponents of innovations were the provincial Old Believers.

Conclusions. The paper shows that the arguments of the traditionalists were religious in nature. In their eyes, progress was dehumanizing, replacing human efforts with soulless mechanisms. Technological innovations and unusual social practices revealed a distortion of God-ordained nature and a violation of the natural order of things. Latently, the negative assessment of certain "new products" was influenced by their foreign origin. The introduction of the latter gave rise to a division among the Old Believers into supporters and opponents of the improvement of traditional life. The Old Believer intelligentsia, including those represented on the editorial boards of journals, considered it possible to use new technical means and public practices, and popular Old Believer journals regularly urged their readers to rationally evaluate innovations and consider them as tools for the proper organization of earthly life.

Keywords: Old Believers; modernization; technical progress; tradition; Russian thick journal.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A.V. The gramophone as a temptation or discussions about "dubious innovations" on the pages of the Old Believers periodicals of the early 20th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):214–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-214-225>.

Received 26.06.2025

Accepted 31.07.2025

Published 28.09.2025

Введение

Начало XX столетия вошло в отечественную историю как период быстрой модернизации государства и общества. Драматические политические метамор-

фозы, необратимые социально-экономические сдвиги, впечатляющая культурная динамика не оставляли у современников сомнений в том, что они вступают в новую эпоху, изменяя или даже оставляя в прошлом многие традиции. Зримыми до-

казательствами этого перехода стали и многочисленные плоды научно-технического прогресса, быстро распространявшиеся среди населения, а также сопутствовавшие им новые социальные практики. Протянувшиеся на десятки тысяч километров железные дороги, телеграф и телефонная связь предопределили возможности быстрой коммуникации, а заодно и ускорение темпа жизни заметной части населения. В дома обеспеченных городских жителей пришли электричество и водопровод, а вместе с ними – первые стиральные машины, пылесосы, современные ванны. В более-менее «продвинутых» слоях общества активно формировалась новая культура гигиены, предполагавшая частое мытье, использование косметики и парфюмерии, химчистку одежды и т. п. Новые технические средства обогатили и культуру досуга: журналы и газеты (массовое распространение которых тоже стало проявлением модернизации) все чаще размещали рекламу немецких фотоаппаратов, американских пишущих машинок и французских граммофонов [1, с. 275–279]. В сельской местности блага цивилизации распространялись, разумеется, гораздо медленнее, однако и тут наступавшая эпоха модерна проявляла себя посредством новой агротехники, керосина, газет, а также появившихся у крестьян простейших медикаментов.

Внедрение в повседневный обиход тех или иных новшеств (в том числе и не очень больших) обычно приводит к изменению устоявшихся моделей бытового или социального поведения, разрушает те или иные привычки, а потому вызывает недовольство со стороны консервативно ориентированных людей. Не удивительно, что в России начала XX в., столкнувшейся с большим количеством непривычных вещей и явлений, восторги по поводу новых возможностей и удовлетворение от достижений прогресса соче-

тались с критикой последнего. Чаще всего такая критика была слышна в среде провинциальных старообрядцев, в сознании которых обычная для «глубинки» инертность сочеталась с конфессионально обусловленным скепсисом по отношению к достижениям модернизации.

Исследователями часто констатировались факты неприятия консервативными старообрядцами отдельных инноваций: об этом можно прочесть в трудах Р. Крумми [2], Р. Робсона [3], Е.С. Данилко [4], В.В. Керова [5] и других ученых. В то же время проблема осмысления старовеерами технического и социального прогресса в поздней имперской России еще ждет обстоятельного исследования. Она не только интересна, но и, несомненно, важна эвристически: многомиллионный старообрядческий мир составлял заметную часть населения страны, витавшие в нем настроения, так или иначе, оказывали влияние на российское общественное сознание в целом. Кроме того, многоаспектное изучение процесса принятия старообрядческой средой новшеств могло бы дать результаты, весьма полезные для понимания процессов, происходящих в разных традиционных сообществах в условиях форсированной модернизации.

В данной статье автор стремится внести небольшой вклад в исследование обозначенной проблемы, обратившись к содержанию периодических изданий начала XX в. *Цель работы* – в общем виде охарактеризовать особенности развернувшихся на страницах старообрядческих журналов дискуссий, предметом которых стала возможность использования некоторых достижений прогресса. При этом предполагается, во-первых, показать, какие новые вещи и явления могли вызывать к себе скептическое отношение у верующих-традиционалистов, во-вторых, рассмотреть причины такого отношения, а в-третьих, охарактеризовать позицию самих журналов по поводу допустимости

тех или иных новшеств в индивидуальном или общественном быту.

Методология

В ходе исследования автором использовались материалы четырех старообрядческих журналов, выходивших в 1910–1916 гг. Это «Златоструй» (издавался в 1910–1913 гг. в Москве), «Старообрядческая мысль» (выходила в 1910–1916 гг. сначала в Киеве, затем в Москве), «Уральский старообрядец» (выпускался в 1915–1916 гг. в Екатеринбурге), а также «Щит Веры» (издавался в 1912–1916 гг. в Саратове). Первые три журнала, издававшиеся староверами-поповцами, позиционировали себя как печатные органы для всего старообрядческого мира России и стремились к осмыслению происходивших в стране событий через призму религиозно-философских и общественных взглядов старообрядческой интеллигенции. Четвертый журнал издавался беспоповцами и был в первую очередь предназначен для старообрядческих наставников как помощник в толковании тех или иных сложных феноменов современной жизни [6, с. 151]. Все перечисленные издания стремились к «очищению» старообрядческого мира от вредных явлений [7], а потому не могли обойти стороной проблему издержек (явных или мнимых) прогресса.

В процессе анализа публикаций применялись традиционные методики текстологического анализа. Для обработки и интерпретации представленных в периодических изданиях материалов использовались методы описания, сравнения, а также исторической индукции. Говоря о теоретических основаниях проведенной работы, надо сказать, что автор опирался на положения теории догоняющей модернизации. Модернизация такого типа (в Российской империи она фактически носила характер вестернизации) обычно предопределяет необходимость

внесения в устоявшийся жизненный мир населения элементов иностранной культуры, порождает дилемму оптимального соотношения в дихотомии «самобытное развитие – заимствования извне» [8, р. 5]. Она же, как правило, порождает культурную оппозицию в традиционалистски ориентированных общественных слоях. Российское старообрядчество (в первую очередь его провинциальная часть) может рассматриваться как своеобразный полюс этой оппозиции.

Результаты и их обсуждение

Начиная обзор «новшеств», вызывавших сомнения у представителей старообрядческого мира в начале XX в. и потому ставших предметами обсуждения на страницах периодических изданий «древлеправославных» христиан, имеет смысл остановиться на интересной дискуссии, развернувшейся на страницах «Старообрядческой мысли» в 1910 г. В первый год своего существования этот журнал выпустил статью, призывавшую читателей пользоваться граммофоном. Автор статьи (по совместительству – издатель журнала) Н. Зенин утверждал, что техническая новинка, в последние годы ставшая доступной широкому кругу покупателей, может принести немалую пользу. Последняя связывалась с возможностью слушать хорошую музыку (в первую очередь духовную) в тех местах, где нет профессиональных исполнителей, а также учиться пению без учителей, просто прослушивая пластинки [9]. Через два месяца журнал предложил конкретный пример полезного, на взгляд редакции, использования возможностей звукозаписи. В очередной заметке рассказывалось о том, как знаменитый старообрядческий Морозовский хор прибыл из Богородска в Москву для записи нескольких пластинок. Эти пластинки, содержавшие записи наиболее важных церковных песнопений, должны были разойтись

по разным регионам страны и стать ориентиром для качественного исполнения соответствующих композиций местными певчими [10].

Благая инициатива Морозовского хора, а также поддержавшей его редакции журнала, однако, не нашла единодушной поддержки со стороны старообрядческой общественности. Выразителем протеста консерваторов выступил священник Е. Карнышев, отправивший в «Старообрядческую мысль» гневное письмо с обвинениями издателя в «искушении» христиан. Претендуя на право выразить мнение старообрядческих начетчиков, он укорил сторонников использования нового технического средства за профанацию церковной жизни, а также уподобление католикам, впусившим музыку в свои костелы. «Вы скажите, угодно ли Богу это граммофонное славенье на бездушном предмете?», – спрашивал он своих оппонентов. «Нет, прославлять Бога мы должны только одушевленным человеческим организмом», – сам же отвечал на этот вопрос батюшка. Увлечение техническими средствами, утверждал он, приведет к ситуации, когда на клиросе в церкви вместо человека водрузят граммофон, а обеспеченные прихожане вообще перестанут ходить в храм, т. к. будут слушать молитвы дома на собственных граммофонах. Что касается светских записей, то вердикт по отношению к ним оказался совсем суровым: Карнышев назвал их «баснословными, сквернословными, с разными бесовскими песнями» [11, с. 210].

Очевидно, проблема использования граммофона была для старообрядцев в 1910 г. весьма неоднозначной. Редакции «Старообрядческой мысли» пришлось опубликовать еще одну статью с ответом на критику. В ней говорилось, что мнимое «искушение» на самом деле является прекрасным средством для ознакомления далеких уголков России с хорошей по-

становкой пения, а пластинка – просто «учителем» для желающих овладеть певческим искусством. При этом редакция признавала, что об использовании граммофонных записей во время или (тем более) вместо богослужений речи идти не должно. Записи нецерковного содержания были классифицированы как бесполезные, хотя и не содержащие такого «греха», какой рисовали в своих доводах их последовательные противники [12, с. 210–212].

А противников, судя по всему, было действительно много. Например, в той же «Старообрядческой мысли» можно найти заметку о том, как священник из г. Николая Екатеринославской губернии отказался от подписки на журнал, встретив в нем статью с названием «Церковное пение и музыка». Слово «музыка» вызвала ассоциации с чем-то инородным и греховным (в том числе, очевидно, с записями для граммофонов) и заставила батюшку как можно скорее отказаться от «соблазна». Впрочем, и он, и его «матушка», судя по комментариям автора заметки, опасливо относились не только к музыке, но и к самому журналу, поэтому расставание с подпиской принесло им скорее облегчение, чем чувство утраты. Автор же заметил, что поведение такого рода в провинции – отнюдь не редкость [13].

Скепсис в старообрядческой среде вызывали и вещи, на первый взгляд имевшие сугубо прикладное, бытовое предназначение. Так, в 1912 г. в журнале «Златоструй» развернулась дискуссия по поводу оправданности использования в домашнем хозяйстве керосина (а заодно и керосиновых ламп). Это топливо довольно активно входило в повседневный обиход начала XX в., вытесняя в крестьянских домах традиционные лучины и масло. Однако у верующих-традиционалистов оно вызывало опасения, связанные с inferнальными ассоциациями (специфический резкий запах, мгновенное воспла-

менение). В отличие от традиционной масляной лампы керосиновую лампу не представлялось возможным ставить рядом с иконами, а сам керосин, даже если избегал сравнения с «адской водой», нередко представлялся чем-то неестественным, противоположным «нормальному», хорошо пахнущему горючему, а потому греховным. Такого рода соображения не раз излагались на страницах «Златоструя», при этом сама редакция занимала явно «прогрессивную» позицию. В конце концов она попыталась положить конец дебатам, указав читателям, что само по себе использование горючего не может составлять грех, ведь оно не идет вразрез с божественными заповедями и не приносит вреда окружающим людям. «Человек изобрел лампу, которая безопасно сжигает керосин, освещая и обогревая его жилище. Где тут грех?», – риторически вопрошал журнал [14, с. 119].

Но, конечно, окончание дискуссии на страницах одного издания не означало ее прекращения вообще. Например, в 1916 г. редакция «Щита веры» обсуждала со своими подписчиками содержание рукописного сборника «Златая цепь», включившего в себя фрагменты популярных у староверов религиозных текстов. В этом сборнике содержались намеки на необходимость запрета керосиновых ламп [15, с. 438–439]. Негативное отношение староверы нередко демонстрировали и по отношению к зажигавшим керосиновые лампы спичкам, подозревая что-то нехристианское, неестественное и опять же inferнальное в их быстром возгорании [3, р. 104].

Нарушением естественного порядка вещей некоторые старообрядцы считали использование электричества и громоотводов. Автор опубликованной в «Старообрядческой мысли» статьи по этому вопросу (1912 г.) жаловался на большое количество одноверцев, рассматривавших изобретения физиков в качестве «ереси».

Для опровержения такого суждения он пошел оригинальным путем: вместо рационализации технических практик читателям были предложены сюжеты из Ветхого Завета, в которых описаны явления, напоминающие беспокоившие людей начала XX столетия «новшества». Из этих сюжетов следовало, что еще царь Соломон, а также пророк Моисей знали о свойствах электричества и умели пользоваться громоотводами, поэтому никакой «ереси» в их применении нет и быть не может [16, с. 597–598].

Как ни странно, иногда под запрет в старообрядческой среде начала XX в. мог попасть и металлический плуг. Довольно красноречива в этом смысле заметка, опубликованная в 1915 г. «Уральским старообрядцем». Ее автор довольно эмоционально описал ситуацию, сложившуюся в Пермском крае. Здесь местные крестьяне-старообрядцы наотрез отказывались внять доводам агронома и его помощников, призывавших пахать землю плугом. Используя примитивную соху, земледельцы поясняли, что священные книги запрещают взрывать землю глубоко. «Господин агроном сообщает, – говорилось в заметке, – что он неоднократно говорил им о пользе плугов, говорил его помощник и наконец они вместе с помощником старались убедить мужиков; однако к желанным результатам не пришли: мужики молча покачивают головами и только изредка кто-нибудь постарше произносит: “нет... Писание запрещает”» [17, с. 49–50]. Отношение автора, считавшего себя просвещенным старовером, к данной ситуации выразилось в заключительной фразе. «Скоро ли наконец светлый луч заглянет в этот темный уголок, осветит его и развеет тяжелую тьму?», – почти с отчаянием написал он [17, с. 50].

Разумеется, Св. Писание не запрещало использования плуга, как и какой-либо другой сельскохозяйственной тех-

ники, ответы пермских старообрядцев своему агроному выступали, по всей видимости, попыткой «теоретически» обосновать свое нежелание использовать инновации. Опасения по поводу их внедрения, вероятно, были обусловлены западным происхождением «продвинутой» агротехники (иностранцы, особенно западные, веяния традиционно вызывали скепсис у староверов, считавших таковые опасностью для традиционной русской культуры и, особенно, прочности веры). Новая техника для обработки земли если и не производилась, то, по крайней мере, часто проектировалась за рубежом (как и упоминавшиеся выше граммофоны). Впрочем, в случае с плугом неприятие «новшества» было локальным: старообрядцы, считавшиеся в России рачительными хозяевами, традиционно стремились к эффективному землепользованию. Не удивительно, что на нескольких съездах староверов, состоявшихся в предреволюционные годы, никаких решений о запрете использования тех или иных сельскохозяйственных орудий принято не было (хотя некоторые делегаты из Сибири и пытались ставить соответствующие вопросы, называя новые технологии «радостью» для противников христианства) [3, р. 102]. Напротив, ведущие старообрядческие журналы: «Златоструй», «Уральский старообрядец» – активно пропагандировали внедрение в аграрный быт новых технологий. Первое из указанных изданий даже включало в себя специальное приложение, знакомившее читателей с инновациями в области сельского хозяйства. Здесь, например, можно было прочесть о перспективах получения крестьянскими хозяйствами новой техники [18], познакомиться с новейшими технологиями работы на полях [19], прочесть о решениях совета старообрядческих съездов по поводу предпочтительных способов улучшения сельского хозяйства [20].

Принципиальное неприятие «ревнителей старины» могли вызывать не только конкретные вещи, но и новые (или осмысливавшиеся в качестве таковых) практики. В частности, значительные проблемы у представителей медицинских служб и связанных с ними земских деятелей возникали при попытках организовать оспопрививание в сельской старообрядческой среде. Прививки против оспы, как известно, начали выборочно делаться в России еще в XVIII в., в XIX в. стали популяризоваться энтузиастами, однако из-за дефицита решительных государственных действий (в том числе из-за отсутствия закона, делающего прививки обязательными) долгое время были неизвестны широким крестьянским слоям. Лишь в начале XX в. соответствующие практики стали массовыми, что, впрочем, не исключало и массовых отказов от них. Автор статьи «Старообрядцы и оспопрививание» П. Шмаков (медик по образованию) в 1910 г. описал такого рода ситуацию в нескольких пермских деревнях. Несмотря на высокую детскую смертность от оспы (в год умирало до 20 человек в одной деревне), местные жители-старообрядцы, поддерживаемые своим священнослужителем, на протяжении нескольких лет отказывались от прививок, мотивируя отказы необходимостью покоряться «Божьей воле». Лишь прибытие медицинской команды, включавшей фельдшера-старообрядку, помогло убедить некоторых крестьян привести своих детей в пункт вакцинации. Констатируя локальную победу над «косностью», автор не преминул указать на глобальный масштаб проблемы, в заключение заметив, что «много в России таких деревень» [21, с. 397].

Старообрядческие издания попытались внести свой вклад в медицинское просвещение одноверцев. «Златоструй» в 1911 г. поместил довольно обширный текст в раздел «Ответы редакции» на те-

му мнимой греховности оспопрививания. Опираясь на многочисленные сюжеты из Св. Писания, а также произведения отцов церкви, редакция доказывала, что истинные христиане с древности стремились к лечению болезней доступными им средствами, поэтому старообрядец не должен игнорировать те возможности, которые в XX столетии дает ему медицинская наука. «Оспу к нам занесли грязные кочевники, заразившиеся от своего скота. Надо подумать о том, кто более грешит: тот ли христианин, который предупреждает болезнь мерами, открытыми Богом уму человеческому, или же тот, кто чрез свое нерадение и невежество допускает уродство своих детей: слепоту, калечество и т. п.», – убеждал журнал своих подписчиков [22, с. 75–76]. Через два месяца из-за большого количества аналогичных вопросов по поводу совместимости прививок и христианского образа жизни от читателей редакция вынуждена была еще раз обратиться к той же теме, подтвердив окончательность своей позиции и предложив прекратить дальнейшую дискуссию [23]. Отсутствие религиозных запретов на оспопрививание в 1914 г. подтвердил даже наиболее консервативный старообрядческий журнал «Щит веры». Впрочем, его редакция подстраховалась, оговорившись, что прививки не возбраняются постольку, поскольку не представляют угрозы для христианской веры [24].

Еще одной темой активного обсуждения в старообрядческой среде вообще и на страницах периодических изданий «ревнителей старины» в частности стала допустимость страхования. Для религиозных традиционалистов свойственно убеждение в том, что несчастные случаи – это наказание либо испытание свыше, необходимое для исправления либо духовного укрепления. Соответственно, «коммерциализация» того, что следует осмысливать в религиозных категориях, неожиданное

получение «незаработанных» денег, нередко рассматривались в этой среде как грех. В начале XX в. «просвещенные» староверы пытались до некоторой степени разубедить в этом своих консервативных читателей. В 1911 г. «Златоструй», получивший соответствующие запросы от подписчиков, указал, что проблема страхования не связана с душевным спасением, касается житейских забот «о делах земных», а потому должна разрешаться в зависимости от тех целей, которые ставят перед собой страхователи. Разумеется, грешно, если человек заключает договор страхования для того, чтобы сжечь свое имущество, а затем получить премию. Однако если он просто беспокоится за то, чтобы предохранить свою собственность от потери, страхование допустимо. «Для того Господь и дал разум человеку, чтобы он устраивал разумно свою жизнь не только в отношении благ вечных, но и земных временных», – резюмировала редакция [25].

Как и в других случаях, однозначная позиция того иного журнала по щекотливому для традиционалистов вопросу не означала формирования консенсуса в старообрядческом мире вообще. Судя по публикациям последующих лет, тема «греховности» страхования продолжала будоражить умы. Особенно актуальной она была для беспоповцев, веривших в постепенное духовное воцарение в мире антихриста. Страхование они нередко рассматривали как одну из уловок последнего с целью совратить христиан с честного пути. В 1915 г. «Старообрядческая мысль» опубликовала интересную заметку на этот счет. Здесь рассказывалось об общине беспоповцев в Архангельской губернии, возбудившей перед министром внутренних дел ходатайство об освобождении от обязательного страхования собственных домов. До этого верующие пять лет пытались отказаться от страховки, дискутируя с местными вла-

стями и подкрепляя свои аргументы текстами Св. Писания. В случае страховки домов без согласия хозяев они решили совершенно отказаться от страховых премий даже в случае полного уничтожения имущества в результате пожаров. Аргументы верующих не показались властям достаточно убедительными: для сбора установленной законом суммы за страхование они прибегли к конфискации части домашнего имущества староверов. Однако эта мера еще больше укрепила староверов в мнении о правильности отказа страховаться [26, с. 671–672].

Выводы

Итак, начало XX в. ознаменовалось для старообрядческого мира серьезными дискуссиями об оправданности и душеполезности технических и социально-экономических новшеств, активно внедрявшихся в массовый быт. Подобно тому, как у многих консервативно настроенных людей начала XXI в. негативные эмоции оказались связаны с компьютеризацией, Интернетом или социальными сетями, у проживавших на сто лет раньше подданных Российской империи скепсис вызывали такие вещи, как граммофон, керосиновые лампы, спички, электричество, громоотвод, практики оспопрививания и страхования имущества. Наиболее последовательными противниками внедрения «новинок» были представители провинциального старообрядчества, выступавшие своего рода социальным полюсом культурной оппозиции по отношению к веяниям модернизации. Их аргументы

против новшеств, в идеале призванных сделать жизнь рядового человека комфортнее / безопаснее / интереснее, носили преимущественно религиозный характер. Прогресс в их глазах нес дегуманизацию, замену человеческих усилий бездушными механизмами. В технических новинках просматривалось искажение богоустановленной природы и нарушение естественного порядка вещей, а в новых социальных практиках виделись дерзость и пренебрежение установками Св. Писания. Подспудно на отрицательную оценку тех или иных «новинок» оказывало влияние и их иностранное (обычно западное) происхождение.

Впрочем, российский старообрядческий мир отнюдь не демонстрировал единства мнений в отношении «новшеств». Внедрение последних породило размежевание в старообрядческой среде на сторонников и противников усовершенствования традиционного быта. Старообрядческая интеллигенция, в том числе представленная в редколлегиях журналов, считала возможным и даже правильным применение новых технических средств и общественных практик. Разумное использование достижений прогресса виделось ей хорошим инструментом утверждения «старой веры» – с помощью печатного слова, звукозаписей, успехов в хозяйстве. Соответственно, популярные старообрядческие журналы регулярно призывали своих читателей рационально оценивать новации, рассматривать их как инструменты для правильной организации земной жизни.

Список литературы

1. Яхно О.Н. Технологические инновации и повседневная жизнь горожан на рубеже XIX–XX веков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. С. 273–281.

2. Crummey R.O. The old believers and the world of antichrist. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. 307 p.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. 188 p.
4. Данилко Е.С. Старообрядчество на южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа: Гилем, 2002. 218 с.
5. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. 658 с.
6. Апанасенок А.В. «Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 146–160.
7. Апанасенок А.В. В борьбе с «сизым змием»: проблема табакокурения на страницах старообрядческих журналов начала XX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 129–142.
8. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. 2000. Vol. 29, no. 1. P. 3–29.
9. Зенин Н. О граммофонах // Старообрядческая мысль. 1910. № 9. С. 159–163.
10. Новая граммофонная запись церковных песнопений // Старообрядческая мысль. 1910. № 11. С. 196.
11. Карнышев Е. Открытое письмо Н.Д. Зенину по поводу статьи его «о граммофонах» // Старообрядческая мысль. 1910. № 12. С. 208–210.
12. Зенин Н. На письмо свящ. Евфимия Карнышева // Старообрядческая мысль. 1910. № 12. С. 210–213.
13. Н. Смешное или печальное? // Старообрядческая мысль. 1910. № 7. С. 472.
14. Ответы редакции // Златоструй. 1912. № 7. С. 118–119.
15. Ответы на вопросы подписчиков // Щит веры. 1916. № 9. С. 438–439.
16. Попов Г. Грешно ли пользоваться электричеством и устраивать громоотвод // Старообрядческая мысль. 1912. № 5-6. С. 597–598.
17. Горский Л. Лая (Государева) // Уральский старообрядец. 1915. № 4-5. С. 49–50.
18. Распространение сельскохозяйственных машин в России // Златоструй. 1910. № 4. Приложение: Сельское хозяйство. С. 18–20.
19. Косьба травы машинами // Златоструй. 1912. № 7. Приложение: Сельское хозяйство. С. 3–5.
20. Шевцов К. Совет старообрядческих съездов о способах улучшения сельского хозяйства // Златоструй. 1912. № 8. Приложение: Сельское хозяйство. С. 1–3.
21. Шмаков П. Старообрядцы и оспопрививание // Старообрядческая мысль. 1910. № 6. С. 396–397.
22. Ответы редакции // Златоструй. 1911. № 5. С. 75–76.
23. Ответы редакции // Златоструй. 1912. № 7. С. 115.
24. Ответы на вопросы подписчиков // Щит веры. 1914. № 8. С. 826.
25. Ответы редакции // Златоструй. 1911. № 6. С. 68.
26. Староверы-беспоповцы и страхование // Старообрядческая мысль. 1915. № 7. С. 671–672.

References

1. Yahno O.N. Technological innovations and everyday life of citizens at the turn of the 19th–20th centuries. In: *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii = The industrial Ural. Bakunin readings. Industrial modernization of Russia in the XVIII–XXI centuries: proceedings of the XIII All-Russian scientific conference*. Vol. 1. Yekaterinburg: UrO RAN; 2018. P. 273–281. (In Russ.)
2. Crummey R.O. The old believers and the world of antichrist. Madison: University of Wisconsin Press; 1970. 307 p.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press; 1995. 188 p.
4. Danilko E.S. Old Believers in the Southern Urals: essays on history and traditional culture. Ufa: Gilem; 2002. 218 p. (In Russ.).
5. Kerov V.V. "This is a man and his work...": confessional and ethical factors of Old Believer entrepreneurship in Russia. Moscow: Ekon-Inform; 2004. 658 p. (In Russ.).
6. Apanasenok A.V. "Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):46–160. (In Russ.)
7. Apanasenok A.V. In the fight against the “Blue Snake”: the problem of tobacco smoking on the pages of Old Believer magazines of the early 20th century. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal = Petersburg Historical Journal*. 2025;(2):129–142. (In Russ.)
8. Eisenstadt S.N. Multiple modernities. *Daedalus*. 2000;29(1):3–29. (In Russ.)
9. Zenin N. About gramophones. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(9):159–163. (In Russ.)
10. New gramophone recording of church hymns. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(11):196. (In Russ.)
11. Karnyshev E. An open letter to N.D. Zenin regarding his article "about gramophones". *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer Thought*. 1910;(12):208–210. (In Russ.)
12. Zenin N. On the letter of the Holy. Euphemia Kornysheva. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(12):210–213. (In Russ.)
13. N. Funny or sad? *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1910;(7):472. (In Russ.)
14. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(7):118–119. (In Russ.)
15. Answers to subscribers' questions. *Shchit very = Shield of Faith*. 1916;(9):438–439. (In Russ.)
16. Popov G. Is it a sin to use electricity and arrange a lightning rod. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1912;(5–6):597–598. (In Russ.)
17. Gorsky L. Laya (Gosudareva). *Ural'skij staroobryadec = Ural Old Believer*. 1915;(4–5):49–50. (In Russ.)
18. Distribution of agricultural machinery in Russia. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):18–20. (In Russ.)
19. Kos'ba travy mashinami. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(7):3–5. (In Russ.)
20. Shevtsov K. Council of Old Believers congresses on ways to improve agriculture. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1912;(8):1–3. (In Russ.)

21. Old Believers and vaccination. *Staroobryadcheskaya mysl'* = *Old Believer thought*. 1910;(6):396-397. (In Russ.)
22. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1911;(5):75-76. (In Russ.)
23. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1912;(7):115 (In Russ.)
24. Answers to subscribers' questions. *Shchit very* = *Shield of Faith*. 1914;(8):826. (In Russ.)
25. Editorial responses. *Zlatostruj* = *Zlatostroy*. 1911;(6):67-68. (In Russ.)
26. The Bespopovtsy Old Believers and insurance. *Staroobryadcheskaya mysl'* = *Old Believer thought*. 1915;(7):671-672. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович,
доктор исторических наук, профессор, ве-
дущий научный сотрудник, Институт
научной информации по общественным
наукам Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences
(Historical), Professor, Leading Researcher, Insti-
tute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).08

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-226-240>

Деятельность органов городского самоуправления уездных центров Курской губернии по обеспечению пожарной безопасности в конце XIX – начале XX века

В.В. Кузнецов¹ ✉

¹Воронежский институт Министерства внутренних дел России
пр-т Патриотов, д. 53, г. Воронеж 394065, Российская Федерация

✉ e-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Резюме

Актуальность работы определена длящимся процессом совершенствования системы органов местного самоуправления в Российской Федерации, качественная реализация которого зависит от всестороннего исследования деятельности муниципальных структур, в том числе в исторической ретроспективе.

Цель исследования: проанализировать деятельность органов городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности на примере уездных городов Курской губернии в конце XIX – начале XX века.

Задачи: определить полномочия городских дум и управ в исследуемой сфере; охарактеризовать практику противопожарной деятельности городов; выявить сложившиеся тенденции и проблемы обеспечения пожарной безопасности.

Методология. Методологическую основу исследования составили: общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Результаты. В компетенцию органов городского самоуправления входило попечение о мерах предосторожности против пожаров и участие в заведении взаимным страхованием имущества от огня. Весь комплекс функций в данной сфере можно разделить на несколько взаимосвязанных направлений: контроль за соблюдением противопожарных требований при строительстве и планировании городских территорий, организация предупредительных мер, содержание пожарных команд, а также защита имущественных интересов населения, пострадавшего от пожаров.

Выводы. Деятельность органов городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности представляла комплексное направление, в которое входили как правомочия, так и обязанности. Города активно реализовывали правотворческие инициативы, формируя базу противопожарных мер для местных жителей. Муниципальные обязанности по содержанию пожарной части конфликтовали с проблемой наполняемости городских бюджетов, как следствие, исполнительские проволочки провоцировали вмешательство полиции и губернской администрации. В целом противопожарная деятельность в городах представляется динамично развивавшимся направлением благоустройства, в котором муниципалитеты играли в основном организационную роль.

Ключевые слова: местное самоуправление; городская дума; городская управа; уездные города; Курская губерния; пожарная безопасность; городские пожарные команды.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кузнецов В.В. Деятельность органов городского самоуправления уездных центров Курской губернии по обеспечению пожарной безопасности в конце XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 226–240. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-226-240>.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Принята к публикации 04.07.2025

Опубликована 29.08.2025

© Кузнецов В.В., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(4):226-240

The activities of the municipal self-government bodies of the county centers of the Kursk province to ensure fire safety in the late XIX – early XX century

Vadim V. Kuznetsov¹✉

¹Voronezh Institute of the Ministry of the Interior Affairs of Russia
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russian Federation

✉e-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is determined by the ongoing process of improving the system of local self-government in the Russian Federation, the qualitative implementation of which depends on a comprehensive study of the activities of municipal structures, including in historical retrospect.

The purpose of the research: to analyze the activities of urban self-government bodies to ensure fire safety on the example of the county towns of Kursk province in the late XIX - early XX century.

Objectives: to determine the powers of city councils and administrations in the field under study; to characterize the practice of urban fire prevention; to identify current trends and problems of fire safety.

Methods. The methodological basis of the research was the general scientific method of analysis, the statistical method, the systematic approach, as well as the principles of objectivity and historicism.

Results. The competence of the city government bodies included taking care of fire precautions and participating in the management of mutual property insurance against fire. The whole range of functions in this area can be divided into several interrelated areas: monitoring compliance with fire safety requirements during construction and planning of urban areas, organization of preventive measures, maintenance of fire brigades, as well as protection of the property interests of the population affected by fires.

Conclusions. The activities of city self-government bodies to ensure fire safety represented a complex area, which included both powers and responsibilities. The cities actively implemented law-making initiatives, forming a base of fire-fighting measures for local residents. Municipal responsibilities for the maintenance of the fire department conflicted with the problem of filling city budgets, as a result, executive delays provoked the intervention of the police and the provincial administration. In general, fire prevention activities in cities seem to be a dynamically developing area of landscaping, in which municipalities mainly played an organizational role.

Keywords: local government; city Duma; city council; county towns; Kursk province; fire safety; city fire brigades.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuznetsov V.V. The activities of the municipal self-government bodies of the county centers of the Kursk province to ensure fire safety in the late XIX – early XX century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):226–240. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-226-240>.

Received 03.06.2025

Accepted 04.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Вторая половина XIX в. для России стала этапом модернизации в социальной и политической сферах, определила новые направления технологического развития. Впрочем, в прогрессивный период сохранялись традиционные проблемы, грозившие жизни, здоровью и имущественным интересам населения, в числе которых были пожары. Ежегодно в го-

родских и сельских поселениях страны фиксировались тысячи возгораний, происходивших из-за неосторожного обращения с огнем, поджогов, некачественного устройства печей и дымовых труб, ударов молний и по другим причинам. Только в уездных городах Курской губернии случалось в среднем 100 пожаров, наносивших существенный ущерб местным жителям и их собственности (табл. 1).

Таблица 1. Пожары и их последствия в городах Курской губернии в 1885–1915 гг. [1, с. 39; 2, с. 45; 3, с. 61; 4, с. 84; 5, с. 67, 68]

Table 1. Fires and their consequences in the cities of Kursk province in 1885–1915 [1, p. 39; 2, p. 45; 3, p. 61; 4, p. 84; 5, p. 67, 68]

Год	Количество пожаров	Количество пострадавших домов	Убытки, руб.
1885	125	121	478822
1895	72	104	105178
1905	80	89	171073,5
1910	131	107	186903
1915	89	56	66624

В подобных условиях обеспечение противопожарных мер и совершенствование методов борьбы с огнем постоянно находились в сфере государственного обсуждения и практической реализации на местах. С введением в действие Городового положения 1870 г. основными участниками данных процессов стали обновленные органы городского самоуправления.

Методология

Методологическую основу исследования составили общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Метод анализа позволил разделить функцию городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности на отдельные компоненты, что помогло расширить представление об изучаемом объекте, выявить особенности и закономерности городского хозяйствования в исследуемой сфере. Статистический метод обеспечил необходимые обобщения, способствовал выявлению интересующих тенденций. Системный подход позволил осуществить углубленный анализ городского самоуправления как целостной системы, обладающей строением, структурой, выполняющей определенные функции. Это способствовало описанию внутренних механизмов функционирования

городского самоуправления, анализу взаимосвязи составлявших его компонентов, характеристики взаимодействия с системами губернского и правительственного управления. Принцип объективности требует получения истинного знания о городском самоуправлении на основе всей совокупности достоверных данных, нацеливает на недопустимость политико-идеологической предвзятости в объяснениях и обобщениях. Принцип историзма побуждает изучать деятельность городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности в развитии, с учетом исторической ситуации в стране и регионе.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Курской области: Ф. 1589 «Курское губернское по городским делам присутствие»; Ф. 54 «Курское губернское по земским и городским делам присутствие»; Ф. 228 «Обоянская городская дума»; Ф. 377 «Суджанское городское общественное управление». Статистические выкладки подготовлены на основе опубликованных материалов Курского губернского статистического комитета. Нормативные механизмы определены в соответствии с высочайше утвержденным Городовым положением 1892 г., уставами и разъяснениями правительства.

Результаты и их обсуждение

В компетенцию органов городского самоуправления входило попечение о мерах предосторожности против пожаров и участие в заведовании взаимным страхованием имущества от огня [6, с. 16]. Весь комплекс функций в данной сфере можно разделить на несколько взаимосвязанных направлений: контроль за соблюдением противопожарных требований при строительстве и планировании городских территорий, организация предупредительных мер, содержание пожарных команд, а также защита имущественных интересов населения, пострадавшего от пожаров.

Городовые положения предоставляли местному самоуправлению возможность изменять городские планы, прибавляя новые кварталы, модернизировать существующее расположение города, определяя места для конкретных сооружений, а также давать разрешения на строительство, контролируя его реализацию¹. Соответствующее направление регулировалось Уставом строительным, но требовалось учитывать ряд мер предосторожности против пожаров, установленных Уставом пожарным. Некоторые правила дополнительно уточнялись правительством. Так, устройство в пределах городской территории фабрик и заводов, «действовавших огнем», пивоварен, кузниц, бань, сушилен осуществлялось по возможности вблизи воды и в отдалении от других зданий². Уточняя данную норму, Министерство внутренних дел (далее – МВД) отзывом от 26 ноября 1872 г. № 11252 установило, что промышленные

заведения, производящие пожароопасную продукцию, подлежали особому порядку устройства, например, открытие фабрики по изготовлению спичек в городе требовало дополнительного согласования губернского правления³.

Городское самоуправление имело право детализировать меры предосторожности от пожаров, не противореча законам, в обязательных постановлениях, издаваемых для местных жителей⁴. В контексте планирования городских территорий распространены были постановления, уточнявшие уставы, относительно устройства постоянных дворов в центре города и плотно застроенных местностях; зонирования складов легковоспламеняющихся материалов; разрешения строительства сооружений на маломерных участках, имевших по улице протяженность менее 10 саженей. Например, в проекте обязательного постановления, подготовленном Обоянской городской управой в 1885 г., запрещалось строительство на маломерных дворах, а существующие постройки оставались «без слома до обветшания»; на участках, окружавших Соборную (Красную) площадь, допускались только каменные постройки; а при постоянных дворах в центре города предписывалось строить каменные сараи; устройство кузниц в центральной части города запрещалось, но позволялось на окраинах, за чертой обывательских строений на расстоянии не менее 20 саженей от них; лесные склады предписывалось размещать на окраинах, в местах, определенных городской управой [9, л. 6 об., 7]. Постановлением, принятым городской думой Суджи в 1907 г., строительство разрешалось на участках не менее 8 саженей в длину и 3 – в ширину⁵. Постановлением, изданным в Путивле в

¹ Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб.: Тип. В.Г. Авсеенко, 1894. XVI, 816 с.

² Устав Пожарный // Свод законов Российской империи. Т. 12, ч. I. СПб.: В Тип. Второго отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1857. [4], 231, 88, 39, 172, 41 с.

³ Правительственный вестник. 1877. № 258.

⁴ Городовое положение... С. 193, 222.

⁵ Курские губернские ведомости. 1907. № 47.

1903 г., устройство деревянных домов не позволялось ближе 4 сажень от таких же соседских или надворных построек [11, л. 100 об.].

В 1913 г. совет Императорского русского пожарного общества во исполнение постановления шестого Международного пожарного конгресса возбудил ходатайство о том, чтобы городским общественным управлениям было рекомендовано приглашать начальников городских и добровольных пожарных команд с правом совещательного голоса при рассмотрении планов на постройки и при осмотре возведенных зданий. Признавая данное ходатайство заслуживающим внимания, отдел страхования и противопожарных мер по приказу главного управления по делам местного хозяйства просил губернских начальников ознакомить с упомянутым предложением городские органы самоуправления, что и было сделано циркуляром курского губернатора от 25 июня 1913 г. № 32 [11, л. 69].

Пожарная безопасность также входила в обязанности местной полиции, которая осуществляла надзор за верным исполнением нормативных требований. Так, 3 февраля 1887 г. Дмитриевская городская дума разрешила устроить на базарной площади города подвижные лавки, в этой связи уездный исправник подал рапорт губернатору, в котором указал на опасность в пожарном отношении сооружений, стесняющих проход и проезд. В результате постановление городской думы было отменено [12, л. 55, 55 об.].

Законодательство подробно регулировало обязательные противопожарные строительные технологии. Основные требования по этому вопросу были систематизированы во временных правилах по городскому благоустройству, изданных МВД на основании высочайше утвержденного 26 апреля 1871 г. мнения Государственного совета. Документ, ссылаясь на ст. 367–371 Устава строительного, предписывал: крыть строения железом, черепицей, тесом, гонтом или полиро-

ванным войлоком; в подземных строениях печи класть от земли, а не с пола; не прислонять печи к деревянным стенам или перегородкам, оставляя около печей пустое место; не класть деревянных брусьев рядом с печными трубами; дымовые трубы устраивать по особо изданым чертежам с широким выводом для удобной чистки¹. Важным дополнением стал Циркуляр МВД от 10 января 1873 г., позволивший органам самоуправления по согласованию с губернским начальством и полицией определять городские кварталы, в которых бедные горожане могли использовать для кровель солому или камыш, обмазанные глиной, взамен дорогостоящих материалов².

Обращаясь к городской правотворческой практике, стоит сказать, что самоуправление стремилось адаптировать нормы законов к городской действительности и при необходимости модифицировать. Например, в Обояни крыши обывательских домов на Курской улице и Соборной площади разрешалось крыть только железом, на улицах 1-й Тимской, Белгородской и Монастырской набережной – железом или тесом. В местностях, отдаленных от центра города, дома и надворные постройки дозволялось крыть соломой с глиной. Кровли устраивались отлогие. Деревянные крыши – с прочными ступеньками от дымовой трубы до свеса крыши. В каменных строениях печи верхних этажей крепились на железных кронштейнах, заложенных при возведении кирпичных стен, в деревянных – одна печь устраивалась над другой. Также в деревянных постройках промежутки между печью и деревянными элементами дома должны были составлять не менее 3 вершков. Перед кухонным очагом или печью (кроме русской) к деревянному полу прибивались железные листы шириной не менее 12 вершков и длиной около аршина, а в заведениях, «действующих огнем», это пространство выкла-

¹ Городовое положение... С. 706–708.

² Там же. С. 205, 206.

дывалось кирпичом. Дымовые трубы до крыши могли быть только кирпичные, над ней – из кирпича, железа или чугуна [6, л. 4 об., 5]. Дифференциация городских территорий в отношении противопожарных мер стала характерной особенностью обязательных постановлений местного самоуправления и встречалась повсеместно.

Широко представлены были предупредительные меры против пожаров, в числе которых: требования о чистке и осмотре дымовых труб и печей; о хранении легковоспламеняющихся материалов; о запрете курения табака; о ночных караулах¹ и другие правила, вводимые по инициативе органов самоуправления.

Неудовлетворительное состояние печей и дымовых труб являлось распространенной причиной пожаров. В этой связи надзор за их исправностью составлял постоянную заботу городов. Например, в проекте обязательного постановления Суджи, подготовленном в 1890 г., за правильной и своевременной очисткой дымовых труб и печей следили городские трубочисты, квартирные старосты и полиция. Обо всех нарушениях, которые домовладельцы отказывались устранить, сообщалось городской управе для привлечения виновных к ответственности. Городские трубочисты приглашались местным самоуправлением, но их работа оплачивалась горожанами за свой счет. Такса за чистку трубы составляла 5 коп., а если требовалось исправление борова или проведение других ремонтных работ, то совокупная плата не должна была превышать 10 коп. При этом материалы предоставлял собственник здания. Чистку предписывалось производить не менее одного раза в месяц, а контролировать этот процесс позволяла книга, выдаваемая управой трубочисту, где каждый домовладелец указывал дату произведенных работ [9, л. 58 об. – 59 об.]. В Путивле управа нанимала трубочистов, ко-

торые ежемесячно посещали обывательские дома. Если в течение установленного срока трубочист не приходил, то горожанин сам должен был заявить об этом [7, л. 101].

Детально регулировались нормы хранения легковоспламеняющихся материалов. Во-первых, Устав пожарный в общих чертах определял перечень легковоспламеняющихся веществ, которые не должны были храниться в непосредственной близости от огня: порох, сера, смола, сено, солома, рогожи, пенька, лен и др.² Во-вторых, в Уставе промышленном устанавливались правила об испытании, перевозке, хранении и продаже минеральных масел, нефти и продуктов ее перегонки, в которых содержались инструкции, касавшиеся местного самоуправления: склады хранения и оптовой продажи подобных материалов устраивались с согласия городских управ или губернского правления, а розничная продажа производилась с разрешения органов самоуправления и полиции³. Торговля керосином и осветительными маслами по общему правилу должна была производиться в специализированных помещениях [10, л. 80, 80 об.]. Отдельным документом регламентировались правила устройства помещений для хранения осветительных минеральных масел и нефтепродуктов⁴. Все эти нормы получали свое отражение в обязательных постановлениях городских дум. Так, в Путивле осветительные материалы, имевшиеся в значительном количестве для оптовой продажи, должны были храниться в каменных со сводами подвалах, в которые запрещалось входить с огнем. В торговых

² Там же. С. 8.

³ Городовое положение.... С. 209.

⁴ Правила относительно устройства помещений для хранения осветительных минеральных масел, нефти и продуктов ее перегонки и продажи оных // Собрание узаконный и распоряжений правительства. 1891. № 102. Ст. 1048.

¹ Устав Пожарный. С. 8-14.

лавках допускалось хранить не более 10 пудов масла или керосина. Во время ярмарок отводилось отдельное место для склада пеньки – на площади, за городскими весами, вдоль яра по направлению к тюремному замку, а для торговли дегтем – на базарной площади около каменного магазина. Дрова запрещалось складировать в большом количестве и рядом с жилыми строениями, сено и солому – на открытых дворах [7, л. 101 об.].

В проекте суджанского постановления 1889 г. жителям и торговцам запрещалось хранение нефтепродуктов в гостиных дворах и торговых рядах. Склаживать эти материалы допускалось в городе на расстоянии от жилых строений в объемах от 30 до 60 пудов. Хранение дров, леса, пеньки, дегтя, смолы, сена и прочих легковоспламеняющихся материалов – не ближе 20 саженей от домов. Причем места хранения устраивались в отдельных каменных зданиях или земляных ямах, покрытых слоем грунта, с каменным или земляным полом. Для выхода испарений масла устраивали железные трубы на крышах и продушины в стенах. Для розничной продажи минеральные масла содержались в каменных подвалах с железными дверями, в плотно закупоренных бочках в количестве от 5 до 15 пудов. В лавку материалы нужно было переносить в металлических сосудах пудового или менее объема. Виновные в неисполнении правил привлекались полицией по заявлению городской управы к ответственности в соответствии с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [9, л. 5–6].

Интерес вызывают ограничения, вводимые городами для любителей табака. Встречаются запреты курения под угрозой применения штрафных санкций на улицах и площадях, а также чердаках, конюшнях [11, л. 23], в экипажах, нежилых помещениях, сараях, амбарах, чуланах, кладовых, на сеновалах, в жаркие летние месяцы – в деревянных лавках и

балаганах [7, л. 101, 101 об.]. Запрещалось оставлять или бросать не затушенные сигареты и папиросы на улицах, тротуарах, площадях, во дворах и всех торговых помещениях, в особенности – в сухую и ветреную погоду [6, л. 7]. МВД в отзыве от 24 января 1873 г. № 654 определило солидарную позицию по вопросу введения ограничений на курение в местах, где это признавалось вредным или опасным, однако указывало на необходимость согласовывать такие постановления городского самоуправления с полицией¹. Впрочем, политика городов в этом вопросе была направлена на обеспечение противопожарных мер, а не на поддержание здоровья местного населения. Аналогичные требования вводились на использование открытого огня в целом. Так, Устав пожарный запрещал ходить с зажжённой лучиной или свечей на чердаки, в конюшни, сараи, сенники, кладовые, погреба, а если такая необходимость возникала, то предписывалось использовать фонари, по возможности жестяные, со слюдой или стеклом²; запрещалось раскладывать огонь на дорогах и во дворах³ и т. д.

В целях предупреждения или своевременного пресечения пожаров города вводили караулы. Например, хозяева или домоправители должны были совершать обходы в своих домах и «внушать всем поступать с огнем осторожнее»⁴. В проекте Обязательного постановления Суджи был определен порядок назначения управой квартирных старост в 8 участках, на которые делилась городская территория. Староста являлся на пожар для контроля над исполнением жителями своих обязанностей, а также ежедневно наблюдал за правильной и своевременной работой трубочистов и ночных сторожей.

¹ Городовое положение... С. 205.

² Там же. С. 709.

³ Устав Пожарный. С. 8.

⁴ Там же. С. 12.

Особого внимания заслуживает практика организации ночных сторожей, или обывательских караулов, которая сложилась в городах к середине XIX в., была расценена Правительством как положительная и рекомендована в Циркуляре МВД от 22 ноября 1851 г. для введения, а в тексте Городового положения 1892 г. – узаконена. Сторожа дежурили преимущественно в ночное время на участках, определяемых местной полицией. Караульные патрулировали улицы и следили за возгораниями, о которых сообщали трещоткой домовладельцам, а также незамедлительно информировали полицию. Дежурства могли распределяться как между домовладельцами, так и вверяться нанятым для этих целей людям [12, с. 41–44].

Наконец, обязательными постановлениями городских дум вводились дополнительные разнородные меры предупреждения пожаров: не загромождать обывательские дворы; горячую золу не высыпать под крыши; самовары не разогревать в сенях, на галереях и под лестницами; в столярных, плотничных и бондарных мастерских не копить щепок и стружек; в кузницах не оставлять непогашенный горн без присмотра; не запускать фейерверков и не зажигать иллюминацию без разрешения полиции [11, л. 23] и др.

Важным элементом пожарной безопасности было создание условий для эффективной борьбы с огнем. Так, Устав пожарный рекомендовал домовладельцам, чьи усадьбы располагались далеко от водоемов, устраивать колодцы. На чердаках и в других удобных для этого местах должен был находиться чан с водой, метлы или швабры¹, а во дворе – приставная лестница. Применение данного инвентаря описано в обязательном постановлении Путивля. Так, хозяева близких к пожару домов должны были от-

правлять на крыши своих строений людей с водой, чтобы гасить прилетающие искры и не давать огню распространиться по городу [7, л. 101].

Городские думы не были уполномочены издавать обязательные постановления о том, чтобы местные жители лично являлись на тушение пожара, а тем более устанавливать правила борьбы с огнем, о чем было разъяснено в Решении Сената от 10 июня 1880 г. № 5036². Однако в постановлениях городского самоуправления были распространены требования о содействии при тушении пожаров. Например, в Судже управа ежегодно составляла список жителей, указывая, какой «огнегасительный снаряд» они должны были приносить на пожар. Уважительными причинами неявки могли быть тяжелая болезнь или отсутствие домовладельца в городе [9, л. 59]. В Путивле горожане, имевшие лошадей и бочку, обязывались в случае пожара немедленно отправить их к месту для снабжения пожарного инструмента водой [7, л. 101]. В исключительных случаях в городах, например в Старом Осколе [2, с. 46], после реформы 1870 г. сохранялась система пожарной повинности, по которой жители сами несли караульную службу и принимали непосредственное участие в тушении пожаров [13, с. 10]. В других городах Курской губернии эти функции возлагались на профессиональные полицейские или общественные пожарные команды.

В зависимости от принадлежности пожарной команды к полиции или городскому самоуправлению полномочия по заведованию ею отличались. В определении Правительствующего сената № 78 от 12 октября 1883 г.³ говорилось, что обще-

² Городовое положение... С. 200, 205.

³ По вопросу о том, в чьем заведовании – полиции или городского управления должна состоять пожарная команда // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1884. № 78, ст. 618.

¹ Устав Пожарный. С. 8.

ственные команды находились в полном распоряжении городской думы, которая заведовала личным составом и обозом, полицейские пожарные команды выходили из сферы городского администрирования, при этом и те и другие были на полном городском обеспечении. Если пожарная команда не принадлежала к числу общественных, то городские думы не могли вмешиваться в осмотры и испытания пожарных частей и служителей, осуществлять проверку обоза и лошадей, а также устраивать пожарные тревоги, при этом за думой сохранялась возможность в целях принятия мер предосторожности от огня удостоверяться при участии полиции, насколько исправны пожарные части в хозяйственном отношении¹.

Издержки по содержанию пожарных команд всецело ложились на органы городского самоуправления² и отвлекали существенные суммы из местных бюджетов (табл. 2). Так, в смете расходов Льгова, запланированных на 1917 г., общие городские траты составили 40 047 руб., из них на пожарную часть выделялось 6800 руб., т. е. почти 17%. Расходы включали выплаты личному составу, содержание пожарного обоза и помещений для пожарных служителей, а также мелкие расходы, производимые при тушении пожаров [14, л. 56 об. – 57 об., 74]. За точным исполнением обязанности по содержанию пожарных команд следила полиция и губернские власти. Так, проверяя смету расходов Нового Оскола на 1887 г., Курское губернское по городским делам присутствие заметило, что траты на жалование пожарным служителям показаны в сумме 696 руб., тогда как по смете прошлого года на этот предмет значилась сумма 780 руб., а причины уменьшения расхода думой не объяснены. В этой связи присутствие постанови-

ло, что уменьшение сумм, выделяемых на содержание пожарной команды, может быть допущено не иначе как с согласия начальника местной полиции и с утверждения губернатора [8, л. 49, 49 об.].

Штат пожарной команды устанавливался в соответствии с табелем, по которому рассчитывалась численность пожарных служителей пропорционально городскому населению, а также с учетом местных особенностей, требовавших большего или меньшего состава³. По соглашению городской думы с местным полицейским управлением численность пожарной команды могла быть увеличена, а в последующем – уменьшена на то же число, но не позволялось урезать утвержденный для города по табелю штат команды⁴. Поэтому составы пожарных команд в большинстве уездных городов Курской губернии на протяжении всего исследуемого периода существенно не изменялись (табл. 3).

В структуру пожарной команды входили брандмайоры, брандмейстеры и смотрители (работники). Например, в 1915 г. в Дмитриеве числился 1 брандмайор, в Рыльске их было 3; в Грайвороне, Короче, Путивле, Судже, Фатеже, Щиграх – по 1 брандмейстеру, в Белгороде, Старом Осколе и Тиме – 2, в Рыльске – 3; прочие члены команды были смотрителями (работниками) [5, с. LX, LXI]. Комплектование пожарных команд по утвержденным штатам осуществлялось людьми от военного ведомства⁵. Начальнику местной пожарной команды предоставлялось право нанимать и увольнять пожарных служителей, а также выдавать им жалование под расписку в получении, которая направлялась в городскую управу⁶.

¹ Правительственный вестник. 1874. № 168. С. 284.

² Городовое положение... С. 284.

³ Устав Пожарный. С. 5.

⁴ Городовое положение... С. 309.

⁵ Устав Пожарный. С. 4.

⁶ Городовое положение... С. 310.

Таблица 2. Расходы на содержание пожарных команд в уездных городах Курской губернии в 1875–1915 гг., руб. [1, с. 44, 45; 2, с. 66, 67; 3, с. 192, 193; 4, с. LIV, LV; 5, с. LX, LXI; 15]**Table 2.** Expenses for the maintenance of fire brigades in the county towns of Kursk province in 1875–1915, RUB [22; 1, p. 44, 45; 2, p. 66, 67; 3, p. 192, 193; 4, p. 5, p. LX, LXI; 15]

Город	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.	1910 г.	1915 г.
Белгород	4372,5	6240,58	6347,6	7492,5	10187	11890,56
Грайворон	2372,92	3503,51	2873,5	3250	4205	4886,3
Дмитриев	1086,51	1322,18	1751,77	2352,95	2398	7500
Короча	1875,36	2426,8	2813,87	2767,75	2767	2855,98
Льгов	1416,76	1908,15	1393,3	1564	1941	5135,74
Город	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.	1910 г.	1915 г.
Новый Оскол	929,93	1891,82	1204,96	1682	2171	1894,77
Обоянь	2175,34	2003,44	2445,44	3000	3349	2475,67
Путивль	1923,19	1132	2805,3	2385,5	2593	3718,61
Рыльск	2985,72	4189,12	3278,42	4500	5112	8125
Старый Оскол	0	0	387,87	420	1050	7277
Суджа	1380	1878,8	1490,93	1926,4	3312	2796,99
Тим	839,35	1804,95	1788,85	1225,69	1488	2900
Фатеж	1213,78	1710	1483,75	1677,46	1572	2500
Щигры	917,89	1861,3	1722,99	1717,51	2631	4318

Таблица 3. Численность пожарных команд уездных городов Курской губернии в 1875–1915 гг., человек [1, с. 44, 45; 2, с. 66, 67; 3, с. 192, 193; 4, с. LIV, LV; 5, с. LX, LXI; 15]**Table 3.** Number of fire brigades in county towns of Kursk province in 1875–1915, people [1, S. 44, 45; 2, p. 66, 67; 3, p. 192, 193; 4, p. 5, p. LX, LXI; 15]

Город	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.	1910 г.	1915 г.
Белгород	21	21	20	20	21	24
Грайворон	12	13	12	12	12	12
Дмитриев	8	8	8	7	8	8
Короча	13	12	12	12	12	12
Льгов	7	9	8	8	6	7
Новый Оскол	8	7	5	5	5	5
Обоянь	10	11	10	10	12	9
Путивль	11	9	9	10	9	9
Рыльск	14	15	15	12	53	31
Старый Оскол	0	0	1	1	4	10
Суджа	9	9	9	8	10	9
Тим	5	5	5	4	5	25
Фатеж	8	8	7	6	7	7
Щигры	4	7	7	7	10	11

В распоряжении пожарной команды находился пожарный обоз, состоявший из лошадей и предметов, необходимых для тушения огня: труб, рукавов, летних и зимних бочек, чанов для воды, ушатов,

лестниц, ведер, щитов, крюков, багров, вил, лопат, ломов, топоров [5, с. LX, LXI]. Содержание инвентаря в исправном виде и установленном количестве обеспечивалось городом под контролем по-

лиции. Если органы самоуправления по каким-либо причинам уклонялись от этой обязанности, то обоз приводился в исправность в принудительном порядке. Так, 5 января 1879 г. Курское губернское по городским делам присутствие рассмотрело рапорт, представленный дмитриевским уездным исправником, в котором он указывал на неудовлетворительное состояние пожарного обоза. Присутствие постановило обязать город принять скорейшие меры к исправлению обоза, однако городская дума не предприняла никаких действий, поэтому решением присутствия от 17 июня 1879 г. уездному исправнику было поручено составить смету требуемых исправлений и подать губернатору на утверждение, а после доукомплектовать обоз, представив городскому самоуправлению Дмитриева счёт [16, л. 7–8, 95 об., 96].

Подобное отношение города нельзя однозначно трактовать как безразличное. Решение задач по городскому благоустройству во многом зависело от финан-

совых возможностей самоуправления, которые ограничивались скудными бюджетами. В стремлении обеспечить пожарную безопасность некоторые города обращались за помощью к местному населению. Например, 17 июля 1884 г. приговором Обоянской городской думы была открыта добровольная подписка на приобретение в пожарный обоз двух заливных труб новой конструкции. 15 октября 1885 г. управа докладывала, что на покупку инвентаря было израсходовано 1016 руб. 84 коп., из них 538 руб. составили средства, поступившие от горожан [6, л. 144].

Наиболее затратным и вместе с тем значимым элементом пожарного обоза были лошади. Количество лошадей в обозе имело утверждаемый штат, от пополнения которого городское самоуправление не могло уклоняться. До начала XX в. их численность в уездных городах Курской губернии в основном оставалась неизменной (табл. 4).

Таблица 4. Численность лошадей в пожарных обозах уездных городов Курской губернии в 1875–1915 гг. [1, с. 44, 45; 2, с. 66, 67; 3, с. 192, 193; 4, с. LIV, LV; 5, с. LX, LXI; 15]

Table 4. The number of horses in the fire wagons of the county towns of Kursk province in 1875–1915 [1, p. 44, 45; 2, p. 66, 67; 3, p. 192, 193; 4, p. 5, p. LX, LXI; 15]

Город	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.	1910 г.	1915 г.
Белгород	20	20	21	19	19	20
Грайворон	14	15	14	14	13	12
Дмитриев	7	7	7	7	7	7
Короча	18	18	15	14	15	14
Льгов	7	7	8	11	6	12
Новый Оскол	7	7	6	6	6	6
Обоянь	13	12	12	12	12	9
Путивль	9	9	9	9	9	9
Рыльск	17	18	18	18	25	21
Старый Оскол	0	0	0	0	4	12
Суджа	8	8	8	8	8	8
Тим	5	5	5	5	5	10
Фатеж	6	7	6	6	6	6
Щигры	7	7	8	7	10	10

Также допускался наем лошадей, при условии, что они постоянно находились во владении пожарной команды¹. В соответствии с указом Сената от 28 ноября 1873 г. № 37462 использовать пожарных лошадей для работ, не связанных с тушением огня, строго запрещалось².

Любопытна нетрадиционная практика привлечения пожарных команд к обеспечению пожарной безопасности. Так, Рыльская городская дума постановлением, изданным в феврале 1911 г., обязывала устроителей зрелищных мероприятий: концертов, спектаклей, представлений в цирках, показов кинофильмов и других подобных, содержать пожарный наряд из служителей городской команды или дружинников Вольно-пожарного общества за плату, назначаемую городской управой в зависимости от числа выделяемых людей и продолжительности дежурства [17, л. 41а]. Аналогичное постановление было принято в Льгове [17, л. 73]. При этом органы городского самоуправления не имели права устанавливать плату за тушение пожаров. Например, 17 июля 1908 г. Рыльская городская дума разработала постановление, по которому устроители зрелищ в виде предосторожности от пожаров обязывались выплачивать пожарной команде по 4 руб. за каждый выезд. 12 августа 1908 г. постановление было рассмотрено Курским губернским по городским и земским делам присутствием, признано незаконным и отменено [11, л. 95, 96–97].

Дополнительным источником обеспечения пожарной безопасности в городах стали пожарные общества, учреждаемые на основании Нормального устава, разработанного МВД 23 января 1896 г. Общества создавались с целью тушения пожаров и организации противопожарных мер. Консолидируя полномочия по-

лиции и самоуправления, они были вправе содержать собственную пожарную команду, трубочистов, осуществлять надзор за точным соблюдением установленных пожарных и строительных правил [18, с. 1]. Важнейшей характеристикой обществ была их обособленность, как в вопросах внутреннего управления, так и финансирования. Средства на содержание формировались за счёт взносов членов общества, пожертвований, субсидий, поступлений за очистку труб и оказание прочих услуг [18, с. 4, 10]. Членами городского пожарного общества могли стать лица с 21 года, а по согласию родителей – с 17 лет [18, с. 2]. В январе 1917 г. в связи с обстоятельствами военного времени, отвлекшими значительную часть мужского населения, МВД допустило участие в обществах женщин и несовершеннолетних с 16 лет [19, л. 26]. К 1915 г. городские пожарные общества функционировали в Дмитриеве, Льгове, Новом Осколе, Фатеже, Старом Осколе и Щиграх [5, с. 64]. Деятельность данных организаций не была прямо связана с городским самоуправлением и не снимала с него обязательств по обеспечению пожарной безопасности всеми указанными выше средствами, однако наличие независимых участников, содействовавших процессу городского благоустройства, упрощало работу городских дум и управ, а также способствовало повышению уровня жизни населения.

Реализация сложного комплекса противопожарных мер не гарантировала защиту от огня, который ежегодно уничтожал имущество горожан на десятки тысяч рублей. Органы городского самоуправления могли оказать поддержку погорельцам, однако это не входило в обязанности муниципалитетов, поэтому, оценивая потенциал бюджета, город мог отказать в помощи. Например, в 1910 г. после пожара в Грайвороне на заседаниях городской думы рассматривались не-

¹ Городовое положение... С. 309.

² Там же. С. 309.

сколько обращений местных жителей: 19 марта – прошение мещанина И.Ф. Смородского об отпуске городского леса на восстановление сгоревшего дома, 19 августа – аналогичное ходатайство крестьянина Я. И. Борисенко и 13 октября – мещанки Т. Кабановой. В каждом случае городская дума нашла предлог отказать просителю, «имевшему другой дом», не являвшемуся собственником или «имевшему достаточные средства» [20, л. 22, 72 об., 120 об.]. Подобные обстоятельства ставили горожан в сложные условия, предупредить которые позволяло страхование.

Разновидностью страховых услуг, организуемых органами городского самоуправления, являлось взаимное страхование от огня. Положение о взаимном страховании предоставляло право учреждать общества, действовавшие отдельно по каждому городу или в нескольких одновременно. Подобные организации могли создаваться при городском управлении, в этом случае общество пользовалось ссудой из городских сумм, а городская дума имела право участвовать через своего представителя в заседаниях общества для «ограждения интересов городской казны». Участие во взаимном страховании было добровольным [6, с. 35, 36]. В Грайвороне, к примеру, такое общество существовало, а 13 октября 1910 г. на заседании городской думы гласные избрали членом наблюдательного комитета от самоуправления купца А.П. Петренко [20, л. 121]. Возможно,

именно расходы на покрытие убытков по страховым выплатам в этот год не позволили обеспечить поддержку нуждающимся горожанам.

Выводы

Деятельность органов городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности представляла комплексное направление, в которое входили как полномочия, так и обязанности. Правотворческая активность дум по обеспечению противопожарных мер, не обремененная тратами из городских бюджетов, исправно осуществлялась в соответствии с действующим законодательством и местными особенностями, в некоторых случаях создавая позитивную практику общественных инициатив, например об организации ночных караулов. Когда же городам приходилось выполнять обязанности по содержанию пожарной части, даже объективно важные вопросы имущественного благосостояния, жизни и здоровья обывателей могли конфликтовать с проблемой наполняемости городских бюджетов, как следствие, исполнительские проволочки провоцировали вмешательство полиции и губернской администрации. В целом противопожарная деятельность в городах представляется динамично развивавшимся направлением благоустройства, в котором муниципалитеты играли в основном организационную роль.

Список литературы

1. Обзор Курской губернии за 1885 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1886. 58, [47] с.
2. Обзор Курской губернии за 1895 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1896. 82, [119] с.
3. Обзор Курской губернии за 1905 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1906. [4], V, 203 с.
4. Обзор Курской губернии за 1910 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1911. [3], VII, 156, LXXI с.
5. Обзор Курской губернии за 1915 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1916. [4], VII, 136, LXXXV с.

6. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 228. Оп. 1. Д. 802.
7. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2210.
8. ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1493.
12. Кузнецов В.В. Ночные караулы городского самоуправления во второй половине XIX века // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник статей*. Вып. 10. Ч. 3. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2024. С. 41–45.
13. Новичкова Н.Ю. Социокультурный опыт обеспечения пожарной безопасности в городах Российской империи: монография. Иваново: Иван. пожарно-спасательная акад. ГПС МЧС России, 2020. 268 с.
14. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2218.
15. Обзор Курской губернии за 1875 г. Курск: Тип.-лит. Губ. правл., 1876. [83, 54] с.
16. ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2022.
18. Нормальный устав городских пожарных обществ. Вологда: Тип. т-ва «Знаменский и Цветов», 1896. 15 с.
19. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2217.
20. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836.

References

1. Review of Kursk province for 1885. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1886. 58, [47] p. (In Russ.)
2. Review of Kursk province for 1895. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1896. 82, [119] p. (In Russ.)
3. Review of Kursk province for 1905. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1906. [4], V, 203 p. (In Russ.)
4. Review of the Kursk province for 1910. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1911. [3], VII, 156, LXXI p. (In Russ.)
5. Review of the Kursk province for 1915. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1916. [4], VII, 136, LXXXV p. (In Russ.)
6. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. 228. Op. 1. D. 802. (In Russ.)
7. GAKO. F. 54. Op. 1. 2210. (In Russ.)
8. GAKO. F. 1589. Op. 1. 14. (In Russ.)
9. GAKO. F. 377. Op. 1. 2. (In Russ.)
10. GAKO. F. 1589. Op. 1. 6. (In Russ.)
11. GAKO. F. 54. Op. 1. D. 1493. (In Russ.)
12. Kuznetsov V.V. Night guards of urban self-government in the second half of the XIX century. In: *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii: sbornik statej = Public safety, legality and law and order in the III millennium: collection of articles*. Is. 10, pt. 3. Voronezh: Voronezh. in-t MVD Rossii; 2024. P. 41–45. (In Russ.)
13. Novichkova N.Y. Socio-cultural experience of fire safety in the cities of the Russian Empire. Ivanovo: Ivan. Pozharno-spasatel'naya akad. GPS MChS Rossii; 2020. 268 p. (In Russ.)
14. GAKO. F. 54. Op. 1. d. 2218. (In Russ.)

15. Survey of Kursk province for 1875. Kursk: Tip.-lit. Gub. pravl.; 1876. [83, 54] p. (In Russ.)
16. GAKO. F. 1589. Op. 1. D. 8. (In Russ.)
17. GAKO. F. 54. Op. 1. D. 2022. (In Russ.)
18. The normal charter of urban fire societies. Vologda: Tip. t-va "Znamenskii i Tsvetov"; 1896. 15 p. (In Russ.)
19. GAKO. F. 54. Op. 1. 2217. (In Russ.)
20. GAKO. F. 54. Op. 1. 1836. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Кузнецов Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел России, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: vvk.vspu@yandex.ru,
ORCID: 0009-0003-6045-0310

Vadim V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines Department, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia Federation,
e-mail: vvk.vspu@yandex.ru,
ORCID: 0009-0003-6045-0310

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(477.75)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-241-254>

Духовно-правовая деятельность учреждений караимского конфессионального самоуправления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)

А.С. Ткачев¹✉¹ Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

пр-т Академика Вернадского, д. 4, г. Симферополь 295007, Российская Федерация

✉ e-mail: antontkachov@gmail.com

Резюме

Актуальность работы определяется необходимостью объективного изучения прошлого народов, проживающих в многонациональных и поликонфессиональных регионах, каким общепризнано является и Крымский полуостров.

Цель исследования: анализ духовно-правовой деятельности органов караимского конфессионального самоуправления Российской империи во второй половине XIX – начале XX века.

Задачи: изучение процесса формирования структур караимского конфессионального самоуправления после присоединения Крыма к России, а также их иерархии и соподчинения; анализ основных аспектов деятельности Таврического и Одесского караимского духовного правления и Троцкого караимского духовного правления, относившихся к духовно-правовой сфере; характеристика функциональных обязанностей сотрудников указанных учреждений.

Методология. В ходе работы с архивными документами автор использовал методы эвристики, герменевтики, корреляции, метод актуализации, сравнительно-исторический метод, а также хронологический и ретроспективный методы.

Результаты. В статье дан анализ духовно-правовой деятельности учреждений караимского конфессионального самоуправления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. На основании выявленных архивных документов рассмотрены такие наиболее характерные направления этой работы, как: регистрация актов гражданского состояния; вынесение решений по бракам караимов с представителями других конфессий, а также с прозелитами; определения по делам о разводах и духовным завещаниям; сбор статистических сведений о караимском населении.

Выводы. Основным предназначением Таврического и Одесского караимского духовного правления и Троцкого караимского духовного правления стали организация и контроль внутренней жизни караимских общин Российской империи в сфере религиозной обрядности, статистического учета рождаемости, брачности и смертности караимского населения, а также коммуникация с высшими административными инстанциями, направленная на укрепление российского присутствия в регионах. Наиболее значимым направлением работы этих учреждений являлась духовно-правовая деятельность.

Ключевые слова: Российская империя; конфессиональная история; караимы; учреждения конфессионального самоуправления; прозелитизм; смешанные браки.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Ткачев А.С. Духовно-правовая деятельность учреждений караимского конфессионального самоуправления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 241–254. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-241-254>.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Принята к публикации 03.06.2025

Опубликована 28.09.2025

The spiritual and legal activities of the bodies of Karaite confessional self-government in the Russian Empire (the second half of the 19th century and the early 20th century)

Anton S. Tkachev¹ ✉

¹V.I. Vernadsky Crimean Federal University

4 Akademika Vernadskogo Ave., Simferopol 295007, Russian Federation

✉ e-mail: antontckachov@gmail.com

Abstract

The relevance of the work lies in a comprehensive analysis of the historical trajectory of the diverse ethnic and religious communities inhabiting the multifaceted and multicultural region known as the Crimean peninsula.

The purpose of the research is to analysis of the spiritual and legal activities of Karaite confessional self-governing bodies in the Russian Empire during the second half of the 19th and early 20th centuries.

Objectives: The study of the process of formation of Karaite confessional self-government bodies after the annexation of Crimea to Russia, as well as their hierarchy and subordination; analysis of the main aspects of the activities of the Taurida and Odessa Karaite Spiritual Board and the Troky (aka Trakai) Karaite Spiritual board, related to the spiritual and legal sphere; and characterization of the functional duties of staff in these institutions.

Methods. During the process of working with archival materials, the author employed a variety of methods, including heuristics, hermeneutics, correlation, actualization, comparative historical analysis, and chronological and retrospective approaches.

Results. The article analyzes the spiritual and legal activities of Karaite confessional self-government bodies in the Russian Empire during the second half of the 19th century and early 20th century. Based on identified archival documents, it considers the most characteristic aspects of this work, such as registration of civil status documents, making decisions on marriage between Karaites and members of other faiths or proselytes, cases of divorce, and spiritual wills. It also collects statistical information about Karaite population.

Conclusions. The primary objective of the Taurida and Odessa Karaite Religious Boards, as well as the Troki Karaite Religious Board, was to orchestrate and oversee the internal operations of Karaite communities within the Russian Empire. Their responsibilities encompassed the administration of religious ceremonies, the compilation of vital statistics pertaining to births, marriages, and deaths among the Karaite populace, as well as maintaining communication channels with higher-level administrative authorities with the aim of consolidating Russia's presence in these regions. Of paramount importance in their operations was their engagement in spiritual and legal activities.

Keywords: confessional history; Karaites; confessional self-government bodies; Russian Empire; proselytism; mixed marriages.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachev A.S. The spiritual and legal activities of the bodies of Karaite confessional self-government in the Russian Empire (the second half of the 19th century and the early 20th century). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):241–254. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-241-254>.

Received 13.05.2025

Accepted 03.06.2025

Published 28.09.2025

Введение

Крымские караимы – один из старожильческих народов, населяющих Крымский полуостров с эпохи средневековья. История их появления в этом регионе, вопросы этногенеза, религиозных прак-

тик, этноконфессиональной идентичности, аспекты взаимоотношений с мусульманской и еврейской рабанитской общиной до сих пор являются предметом оживленной научной дискуссии. При проведении научной реконструкции ис-

тории создания и деятельности учреждений караимского конфессионального самоуправления в Российской империи непосредственный интерес представляют этапы их формирования, легитимации и профильной работы. Особенную актуальность данный вопрос приобретает в рамках исследования прошлого многоэтнического и поликонфессионального населения Крыма и Северо-Западного края Российской империи в конце XVIII – второй половине XIX в., а также в контексте изучения реализации курса властей по интеграции «иноподданного» населения в этих регионах в российский социум.

После того, как в 1783 г. Крым стал частью Российской империи, необходимость оптимизации интеграционных процессов в отношении старожильского населения полуострова в российское языковое и культурное пространство привела представителей имперского политического истеблишмента, а также светских и религиозных лидеров крымско-татарской мусульманской и караимской общин к мысли о необходимости законодательной регламентации их юридического статуса. Вызвано это было прежде всего необходимостью получения крымскими татарами и караимами определенных преференций экономического характера, так и в отношении приобретения ими определенных льгот, связанных с узаконением гражданских прав и обязанностей. В конце XVIII – начале XIX в. правительство разработало и приняло ряд законов и постановлений, в соответствии с которыми крымским татарам и караимам был предоставлен ряд привилегий. А когда после разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли новые территории, часть караимского населения, ранее проживавшего на литовских и польских землях, в 1793–1795 гг. также стала российскими подданными. Они направляли властям прошения и ходатайства о предоставлении им «преиму-

ществ» и о разграничении прав с евреями-рабанитами.

Для более эффективного взаимодействия с караимским и мусульманским населением российские власти использовали созданные в первой трети XIX в. структуры караимского и мусульманского конфессионального самоуправления: Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП), основанное в 1832 г.; Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП), образованное в 1837 г.; Трокское караимское духовное правление (ТрКДП), открытие которого состоялось в 1863 г. Эти учреждения, являвшиеся высшими духовными инстанциями для крымских мусульман и караимов, призваны были стать связующим звеном в вопросах взаимоотношений церкви и государства и выполняли функции государственных органов Российской империи вплоть до 1917 г.

Проблемы изучения социокультурной эволюции караимов в Российской империи в конце XVIII – начале XX в., их религиозной и культурной жизни, а также историко-этнографического наследия сегодня представляют исследовательский интерес для многих российских и зарубежных специалистов. Так, например, в публикациях Г. Ахиезер [1], М.И. Гаммала [2, с. 29–51], В.А. Ельяшевича [3, с. 52–61], Ф. Миллера [4], Д. А. Прохорова [5], Д.З. Фельдмана [6, с. 53–63], Д. Шапира [7], а также ряда других специалистов рассмотрены различные аспекты, связанные с процессом интеграции караимов в российский социум на рубеже столетий, анализируются проблемы их аккультурации и этапы оформления юридического статуса. При этом разноплановая деятельность ТОКДП и ТрКДП в указанный хронологический период комплексно не изучалась. Так, например, детально не проанализирована история создания, штатный состав, регламентация и основные направления работы учрежде-

ний караимского духовного самоуправления Российской империи. Поэтому целью данной статьи является анализ духовно-правовой деятельности этих учреждений в условиях многоэтнического и поликонфессионального социума Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Методология

Для более полного раскрытия тематики исследования были задействованы документы, хранящиеся в региональных и центральных архивохранилищах Российской Федерации. Одним из обширных и информативных архивных собраний, где сосредоточены материалы по различным эпизодам прошлого караимов Российской империи, является Государственный архив Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь). Наиболее значимым для научного анализа является фонд 241 ГАРК «Таврическое и Одесское караимское духовное правление Таврического губернатора». В его делах сосредоточены оригиналы и копии распорядительных документов высших органов власти, регулировавших работу ТОКДП и ТрКДП: законы, постановления Сената, циркуляры Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД, уставы, проекты, а также иная документация, отражающая внутреннюю структуру и сферу деятельности караимских духовных правлений. В фонде были выявлены материалы, содержащие запросы, ведомости, «общественные приговоры» отдельных караимских общин, черновые записки и итоговые документы с распоряжениями и рапортами караимского духовенства, а также повестки, уведомления, черновики писем, ходатайств и прочая документация.

Привлекались документы и материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург). Наибольший объем

сведений о деятельности ТОКДП и ТрКДП выявлен в фонде 821 «Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий МВД». В частности, речь идет о документах, в которых отражены перипетии борьбы караимов за изменение их правового статуса в Российской империи. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва) обнаружены документы, имеющие отношение к утверждению караимов в правах в первые годы после присоединения Крыма к России. Использовались и опубликованные законодательные акты центральных органов власти Российской империи, сборники законов, официальных постановлений и распоряжений правительства, а также данные статистики.

Работа с архивными документами и материалами потребовала применения ряда общенаучных и конкретно-исторических методов. Например, помимо методов эвристики, герменевтики и метода актуализации, при определении закономерностей и логики исторических событий изучаемого периода, а также при анализе их особенностей нашел применение сравнительно-исторический метод. Метод корреляции уместен при осуществлении научной реконструкции истории взаимоотношений караимских общин (с их традиционно патриархальным укладом жизни, вплоть до постепенной интеграции в российское языковое и культурное пространство) с ТОКДП и ТрКДП за весь период деятельности этих учреждений. Хронологический метод использовался при сопоставлении различных событий, происходивших как непосредственно в Таврической губернии, так и на территории западных губерний Российской империи, поскольку эти события имели общие причины и свою логику развития, что позволило их увязать в единый исторический сюжет. Ретроспективный метод позволил рассмотреть с позиции современной науки события в их совокупности, а также дать их аргументированный анализ с учетом того, как эти

события могли повлиять на эволюционное развитие всего региона в целом и караимских общин в частности.

Результаты и их обсуждение

После присоединения Крыма к России в конце XVIII – первой половине XIX в. российское правительство приняло ряд законов и постановлений в отношении крымских караимов, где закреплялись их права и привилегии. Начало этому было положено Указом императрицы Екатерины II от 8 июня 1795 г. «Об увольнении таврических евреев, именуемых караимы, от положенных на всех вообще евреев податей», в соответствии с которым караимы освобождались от двойного налогообложения, наравне с другими купцами и мещанами, проживавшими в Таврической области, от уплаты «рекрутского» сбора и от солдатского постоя в их домах [8, л. 10–11]. Впервые на законодательном уровне караимы смогли закрепить свой новый статус, который уравнивал их с крымскими татарами; одновременно в правовом поле они дистанцировались от евреев-рабанитов.

В течение первой трети XIX в. караимам удалось добиться от властей принятия еще нескольких постановлений, в которых подтверждались их гражданские права. 3 марта 1837 г. последовал указ № 9991 с «Положением об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которое получило право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. В тексте закона говорилось о том, что «живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устройении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав, которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство»¹. Анализ этого документа продемонстрировал, что при разработке пунктов проек-

та «Положения» светский лидер крымской караимской общины Симха Бабович, избранный вскоре ее *гахамом* (духовным главой караимов), ориентировался на правительственный указ, принятый ранее в отношении Таврического магометанского духовного правления (ТМДП). 8 апреля 1863 г. император Александр II подписал закон, в соответствии с которым окончательно были оформлены гражданские права караимов. Они получили возможность поступать на военную службу в армию, проходить обучение в вузах России, занимать государственные посты, административные должности в различных учреждениях и т. д. Наконец, 2 мая 1863 г. правительство законодательно утвердило, в соответствии с поступившим прошением от имени караимов западных губерний, решение о создании караимского духовного правления в г. Троки (ТрКДП).

Первым пунктом текста «Положения» 1837 г. определялся состав Таврического караимского духовенства, куда вошли: *гахам*, *газзаны* и *шамашим*². Должность газзана соответствовала должности раввина синагоги у евреев-рабанитов, причем газзан мог избираться в тот или иной приход выборными членами общины по «общественному приговору», и затем официально назначался гахамом. Шамашами служили лица, ответственные за административную и хозяйственную деятельность. Они также занимались обучением детей, вели документацию по финансовой отчетности средств кенасы. Эта должность тоже была выборной. Местом жительства гахама определялась Евпатория как город, в котором в первой половине XIX в. существовала наиболее

¹ Высочайше утвержденное Положение о Таврическом Караимском духовенстве // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 12, отд. 1, № 9991. С. 132.

² В переводе с древнееврейского хахам (в караимской версии – гахам) означает «мудрец», глава правления и религиозный авторитет караимов. Газзаны (от ивр. хаззан – «кантор») – караимские священнослужители, совершающие богослужение в молитвенном храме караимов – кенасе.

многочисленная и экономически независимая караимская община. Что касается ТрКДП, то правление дислоцировалось в г. Троки (ныне – г. Тракай в Литовской Республике), находилось в непосредственном подчинении у ТОКДП и занималось вопросами организации религиозной жизни караимов западных губерний России. Трокский караимский гахам во всех организационных и религиозных вопросах подчинялся Таврическому и Одесскому караимскому гахаму.

Одной из основных обязанностей учреждений конфессионального самоуправления караимов стала организация учета и контроль за ведением актов гражданского состояния (АГС) – документов, с помощью которых происходила фиксация рождений, фактов заключения и расторжения браков, усыновления (удочерения), перемены имени, а также смерти. Официально эти функции определялись законом 3 марта 1837 г. В частности, в пп. 24 и 25 этого документа закреплялось правило, что гахам должен был ежегодно снабжать «приходских духовных шнуровыми, за своею подписью, тетрадами, для записывания рождающихся, сочетающихся браком и умирающих», а при получении в конце года метрических тетрадей от газзанов он был обязан представлять составленные из этих метрик общие ведомости в ДДЦИИ МВД¹.

В фондах ГАРК сохранились метрические книги о родившихся, сочетавшихся браком и умерших караимах за разные годы, которые составлялись караимскими газзанами. Здесь же имеются экстракты из метрических книг кенас за отдельные годы, причем практически все они выполнены на караимском языке. Например, в фонде 851 «Евпаторийская караимская кенаса» (87 ед. хр.) сохранились метрические книги и дру-

гие документы караимской общины Евпатории за 1821–1920 гг. Помимо этого, в делах фонда 241 ГАРК отложились заявления караимов, поданные в ТОКДП с просьбами о выдаче различного рода справок: о рождении, о смерти и о бракосочетании. Эти документы составлялись и выдавались сотрудниками духовного правления на основании ходатайств и прошений членов общин. Имеются также алфавитные указатели караимов, которым выдавались метрические свидетельства и их копии из ТОКДП, а также ответы на подобные прошения, где сформулированы причины, по которым просителям было отказано в получении тех или иных справок и свидетельств.

Метрические книги представляют собой прошитые и скрепленные печатью газзана брошюрованные тетради, куда заносились все необходимые сведения. Такая метрическая книга, как правило, имеет несколько разделов (или состоит из трех отдельных тетрадей): «О родившихся», «О бракосочетавшихся», «Об умерших». Так, например, метрические книги о родившихся, умерших и бракосочетавшихся караимах в Мелитополе за 1863–1873 г. и в Бахчисарае за 1854–1859 гг. содержат подробные сведения об этих категориях караимского населения. Записи велись мелитопольским газзаном более 10 лет и бахчисарайским газзаном на протяжении шести лет [9, л. 1–21; 10, л. 1–18; 11, л. 1–23 об.]. В разделе каждой из книг «О родившихся» указаны пол, имена новорожденных, имена и фамилии родителей, а также число и месяц рождения. В разделе «О бракосочетавшихся» газзан вписывал имена и фамилии брачующихся, даты их рождения («сколько лет отроду»), имена и фамилии свидетелей (копии брачных договоров *шетаров*, куда вносились обязательства супругов друг перед другом, перечень приданого невесты, приносимого ею в дом жениха,

¹ Высочайше утвержденное Положение о Таврическом Караимском духовенстве // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 12, отд. 1, № 9991. С. 134.

подписи свидетелей – *шошбинов*, также дублировались в отдельную книгу).

Когда метрическая книга подходила к концу, один из ее экземпляров газзан отправлял в ТОКДП на проверку и хранение. Так, в январе 1878 г. и. о. караимского газзана Елизаветграда И.С. Катък сообщал в ТОКДП: «Прилагая при сем три метрические тетради за 1877 год, в которых записаны родившиеся, умершие и бракосочетавшиеся караимы г. Елизаветграда, имею честь просить Правление взамен их выслать другие три тетради на 1878 год» [12, л. 15]. Также следует заметить, что, помимо непосредственной информации о численности в той или иной караимской общины и о ее демографических показателях, подобные рапорты содержат важные сведения о работе самого духовного правления. Например, из рапорта старшего газзана Херсонской караимской кенасы И. Пенбека, приславшего в ТОКДП метрические тетради о родившихся, умерших и бракосочетавшихся караимах Херсона, становится известно, что в январе 1878 г. правление находилось не в месте своей постоянной дислокации в Евпатории, а переехало в Карасубазар [12, л. 17]. Очевидно, это было вызвано тем, что ТОКДП вместе с другими административными учреждениями города было эвакуировано в связи с начавшейся Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

Первоначально газзаны вели метрические книги, записывая данные о всех родившихся, сочетавшихся браком и умерших в подведомственных им приходах караимах на караимском языке. Однако затем эти сведения стали дублироваться и на русском языке. Так, например, метрические записи со статистическими сведениями о караимах Симферополя за 1872 г. симферопольский газзан И. К. Синани представил на караимском языке с прилагавшимся здесь же переводом на русский язык, причем в списках

указывались сведения не только о возрасте, но также и о социальном статусе того или иного члена общины [13, л. 1–3 об.].

При необходимости уточнения данных из метрических книг по запросу того или иного члена общины или же по требованию ТОКДП газзаны могли предоставить не только данные о самом просителе, но и о его ближайших родственниках. Например, в 1874 г. в ТОКДП поступила выписка о метрической записи севастопольского караимского купца 1-й гильдии Юфуды Рофе, о членах его семьи – жене и детях, а также о родных братьях купца и о всех членах их семей [14, л. 1]. Подобные документы проливают свет не только на биографию того или иного представителя караимской общины, позволяя проследить его жизненный путь и выявить близкородственные связи, но и восполняют недостающие сведения о его окружении, членах семьи и родственниках.

Помимо всего прочего, документация АГС, хранящаяся в ТОКДП и ТрКДП, иногда была затребована для предоставления по запросу того или иного учреждения. В качестве примера можно привести эпизод, когда Бердянская городовая управа в январе 1878 г. обратилась к ТОКДП с просьбой сообщить ей метрические сведения о сыне бердянского мещанина Бабака Майтопа Берахе, поскольку в семейных списках мещан Бердянска он числился умершим в 1869 г. В другом случае по сведениям, представленным в Бердянскую городскую управу, у бердянского мещанина Ильи Чалбору в 1859 г. родился сын Моше, как это было записано в метрической книге о родившихся караимах за 1859 г. Однако родственники указали, что в действительности сына уже скончавшегося к тому времени И. Чалбору звали не Моше, а Бераха, который тоже «в 1859 или в 1860 году умер» [12, л. 34–35, 39]. В ответ на эти запросы ТОКДП письменно предоставило необхо-

димую информацию, сверив в документации правления все требуемые сведения: «... о смерти ни Моше, ни Берахи [Чалбору] Духовному правлению не известно, и по метрическим книгам [он] нигде не значится». Поэтому запрос Бердянской управы ТОКДП был перенаправлен непосредственно газзану караимской общины Бердянска для окончательного выяснения обстоятельств по данному вопросу [12, л. 55].

В 1881 г. ТОКДП обратилось в циркуляре к подведомственным газзанам с сообщением о том, что гахам направил запрос в вышестоящие инстанции о том, как именно следует записывать в метрические книги тех детей, которые по тем или иным причинам в свое время не были внесены в метрические книги [15, л. 1], т. к. из-за этого при ведении документации часто возникала путаница. Например, когда в 1874 г. в Российской империи было объявлено о введении всеобщей воинской повинности, то призыву подлежало все мужское население, достигшее 21-летнего возраста, без различия сословий. Однако в призывных списках, которые составлялись воинскими присутствиями на местах, часто выявляли различные несоответствия. Например, многих внесенных ранее в такие списки караимов к моменту призыва либо уже не было в живых (о чем записей в метрических книгах по какой-то причине не обнаружилось), либо они находились в других городах или даже за границей, «по торговым делам». В ряде случаев возрастные данные того или иного представителя общины не соответствовали тем, что были указаны в документах [5, с. 337–338].

В 1882 г. С.М. Панпулов разослал всем газзанам циркуляр с предписанием о порядке ведения метрических книг, в котором подчеркивалась необходимость тщательно проверять вносимые сведения по всем трем пунктам отчетности АГС (а именно по рождаемости, брачности и

смертности) [16, л. 1–19]. Все присылаемые газзанами сведения тщательно проверялись членами духовного правления, и если в них были замечены ошибки или какие-либо неточности, то ТОКДП направляло распоряжение об устранении подобных недостатков (как это, например, произошло в 1878 г., когда при проверке метрических тетрадей соответствующие замечания получили симферопольский, перекопский и бахчисарайский газзаны) [12, л. 37], а газзану Екатеринославской караимской общины метрические книги были возвращены в апреле 1878 г. для надлежащего исправления в связи с тем, что тот вел записи не в шнуровых тетрадах, предназначенных для внесения данных, а на простой оберточной бумаге [12, л. 79].

Важным компонентом работы ТОКДП и ТрКДП стала верификация духовных завещаний представителей караимских общин. Духовным завещанием в Российской империи считался частноправовой акт, определяющий право наследования того или иного имущества (как движимого, так и недвижимого) тому или иному лицу или организации. В завещательном листе могли применяться такие формулировки, как «завещаю все движимое и недвижимое имущество» или «завещаю такую-то часть...» (например, половину или треть имущества) и т. п. Все нотариальные духовные завещания совершались нотариусом при личном присутствии завещателя [17, с. 744].

Вместе с тем родственники завещателя или его наследники вынуждены были обращаться в ТОКДП для получения различных свидетельств, подтверждающих их притязания и наследственные права. Например, в 1878 г. в ТОКДП поступило прошение от Б.М. Шишмана, в котором говорилось: «Необходимо мне иметь свидетельство о дне смерти покойного отца моего потомственного почетного гражданина Моше Абрамовича

Шишмана, для предоставления в Симферопольский окружной суд при представлении духовного завещания <...> [поэтому] покорнейше прошу Духовное правление выдать мне просимое свидетельство». При этом получить в ТОКДП необходимый для последующего судопроизводства документ проситель уполномочил потомственного почетного гражданина Б.И. Бабовича [12, л. 45]. В ответ на это прошение Б.М. Шишмана старший газзан Евпаторийской караимской кенасы А.М. Ефет подготовил необходимый рапорт для составления ответа духовным правлением [12, л. 46].

Информация о духовных завещаниях караимов собрана в различных тематических фондах ГАРК. Так, например, в делах фонда 376 «Симферопольский окружной суд» отложились материалы, связанные с юридическим утверждением духовных завещаний и о вводе в наследование имущества представителей многих караимских общин: купца М. Гелеловича, И.И. Казаса, М. Кискачи (Евпатория), С.А. Крыма, Ш. Койки (Феодосия), Ш. Кискачи, С.А. Пастак (Симферополь), Ш. и И. Коджак (Севастополь), Ш.М. Кефели (Бахчисарай) и др. [18, с. 590–594] Практическое значение для многих нуждавшихся караимов имело устройство трудового поселка «Имдат Пигит» («Помощь Пигита») на земле, пожертвованной в соответствии с пунктами духовного завещания караимского табачного промышленника И.Д. Пигита (1851–1916). После его смерти более 3,5 млн руб. было направлено на благотворительные цели [19, л. 2, 5 об.]. Таким образом, участие органов караимского конфессионального самоуправления в подготовке необходимой документации характеризует эту важную юридическую сторону деятельности ТОКДП и ТрКДП.

Ведение газзанами метрических книг и последующее их предоставление в ТОКДП и ТрКДП вскоре стало востребо-

ванным в связи с еще одним видом документирования, а именно ведением статистического учета. Зимой 1834 г. правительство утвердило «Правила для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических Комитетов в Губерниях», а 28 января 1835 г. был издан указ о создании губернских статистических комитетов, которые возглавили гражданские губернаторы. Таврический губернский статистический комитет (ТГСК) открылся 20 декабря 1834 г., а в 1860 г. реформированным губернским и областным статистическим комитетам поручили сбор статистико-экономических материалов по каждой губернии. В соответствии со штатным расписанием ТГСК неперенными (постоянными) его сотрудниками теперь считались представители христианских и «иноверческих» исповеданий (в Таврической губернии это были Таврический муфтий и Таврический и Одесский караимский гахам)¹. С этого момента ТОКДП, ТрКДП и лично гахам представляли статистические данные о проживающих в Российской империи караимах.

Сбор подобной информации, которая была затребована Центральным статистическим комитетом для составления общих данных в ходе ревизий населения России, как правило, заключался в предоставлении газзанами на местах следующих сведений: об общей численности мужского и женского караимского населения; о числе караимских кенас в приходе (или молитвенных домов, размещенных в наемных помещениях); о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших караимов в той или иной общине; и, наконец, о наличии мидраша (начальной караимской школы) или русско-

¹ Высочайше утвержденное Положение о губернских и областных статистических комитетах // Полное собр. законов Рос. империи. Собр. 2. Т. 35, Отд. 2, № 36453. С. 506.

караимского министерского караимского училища (РКМУ), об общем числе учащихся, а также о контингенте педагогов. Аккумулируя все предоставленные газзанами данные, ТОКДП и ТрКДП составляли сводные ведомости, которые затем отсылались в губернские статистические комитеты для составления общегубернских статистических отчетов, а также в ДДДИИ МВД. Благодаря сохранившимся в фондах ГАРК и РГИА сведениям сегодня существует возможность точного подсчета общей численности караимов, проживавших в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Наиболее объемно деятельность учреждений караимского конфессионального самоуправления иллюстрируют документы, освещающие проблему разводов, смешанных браков и демонстрирующие уровень прозелитизма в караимских общинах. За всю историю существования этих инстанций они регулярно рассматривали многочисленные вопросы, касавшиеся брачно-семейной сферы. Сотрудники ТОКДП и ТрКДП внимательно относились к делам о заключении браков между представителями караимских общин, детально разбирали претензии сторон в ходе разбирательств по бракоразводным делам, которые длились в отдельных случаях в течение нескольких лет. Вместе с тем наиболее актуальной в сфере семейного права являлась проблема прозелитизма и так называемых «смешанных» браков, а именно браков караимов с представителями других конфессий и религиозных течений.

В региональных и федеральных архивах сохранились многочисленные материалы, освещающие данную проблему. Наиболее контрастно она проявилась в начале XX в., когда в ТОКДП стали поступать ходатайства о смене вероисповедания или же о признании браков караимов с носителями других религий. Например, в 1917 г. в ТОКДП поступило

прошение от бахчисарайского мещанина, студента Харьковского технологического института М.А. Чавке о регистрации его брака с еврейкой С.Я. Абер. «Имея в виду серьезный и решительный шаг, я позволяю обратиться к Вам за разрешением этой просьбы, – объяснял свое решение проситель. – Мне только этот брак может принести тихое, семейное счастье. Мне, как человеку, сжившемуся с караимством, тесно связанному с ним и сроднившемуся с караимской религией, ни в коем случае нежелательно перейти в другую веру, и поэтому моя сердечная просьба к Вам разрешить этот брак, отнестись к моему делу сочувственно и утвердить мою просьбу, высказавшись за нее положительно <...> В противном случае мне придется принять другую веру, что заставит всю жизнь мучиться угрызениями совести, чуждаться родного мне караимства, и чувствовать себя преступным по отношению к своей религии» [20, л. 64]. Тем не менее, несмотря на эту горячую просьбу М.А. Чавке и его повторное ходатайство в ТОКДП, и. о. караимского гахама Б.С. Ельяшевич в ответ на это заключил, что подобные браки запрещены «законами караимской веры и узаконениями императрицы Екатерины II» [20, л. 64]. Случаи перехода из караимизма в другую конфессию резко возросли в сложный период между двумя революциями 1917 г. и последующего государственного переустройства.

Разводы в караимских семьях хотя и имели место, но при этом не были явлением частым и обыденным. Тем не менее в этом вопросе караимы руководствовались Священным Писанием, т. к., согласно текстам Танаха, «если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего» (Второз. 24:1). В процессах по бракоразвод-

ным делам сотрудники ТОКДП и ТрКДП неоднократно проявляли максимальную гибкость и терпение, и в целях возможного сохранения брачного союза давали возможность супругам изменить принятое ими ранее решение о разводе (если это не противоречило религиозным установлениям). Кроме того, органы караимского конфессионального самоуправления старались не допустить расторжения брака без судебного разбирательства; в бракоразводном процессе супруги должны были прежде всего руководствоваться правилами, «основанными на здравом смысле и на началах справедливости» [21, с. 53].

Как правило, на развод мог подать один из супругов. В ряде случаев от мужа и жены поступали совместные заявления, где стороны изъявляли обоюдное согласие на развод. Так, например, в январе 1916 г. в адрес харьковского газзана М.Э. Фенерли поступило заявление от севастопольского мещанина И.И. Джигита и его жены Р.И. Джигит (урожд. Хороз) с просьбой «по обоюдному согласию без никаких споров между нами расторгнуть наш брак» [20, л. 19]. Причиной и поводом для развода могли стать самые различные обстоятельства. В частности, в марте 1916 г. Таврическому и Одесскому караимскому гахаму С.М. Шапшалу поступило прошение от караима Р.Я. Кискачи, проживавшего в Твери, в котором он ходатайствовал о разводе со своей женой, поскольку та уехала, забрав все свои вещи и заявив, что больше не вернется к мужу, ибо, по ее собственным словам, «она не желает жить там, где стоят солдаты». Причина ссоры супругов якобы состояла в том, что в их квартиру разместили военнотружущих. Но при этом проситель ходатайствовал перед гахамом о разводе с той целью, чтобы он смог жениться на другой женщине. Ответ ТОКДП, подписанный и. о. гахама старшим газзаном Б.С. Ельяшевичем после рассмотре-

ния всех обстоятельств дела Р.Я. Кискачи, был категоричен: «...без достаточных причин расторжение браков не совершается» [20, л. 66–67, 69–70].

Иногда караимскому духовному правлению приходилось принимать решения и по не вполне стандартным делам о браках и разводах. 31 мая 1916 г. в ТОКДП обратилась караимка Рахиль Гануковна Дормадор (урожд. Терьяки), ранее состоявшая в браке с Соломоном Дормадором, но впоследствии с ним разведенная. В прошении, в частности, говорилось: «Честь имею просить духовное правление разрешить мне вновь вступить в брак с прежним мужем моим Соломоном Давидовичем Дормадором. При сем прилагаю “гет”, выданный газзаном С.М. Нейманом 18 ноября 1914 г.» [20, л. 114]. В соответствии с караимским брачным законодательством, при расторжении брака муж (или в случае отказа мужа, духовный суд) выдавал разведенной жене лист, который назывался *гет*. Этот документ должен был служить доказательством свободы женщины и её прав на вступление в новый брак. Причем датировался этот документ не годом принятой у караимов эры от сотворения мира, а годом от разрушения Иерусалима и Храма, таким образом свидетельствуя о том, что «дело идет о разрушении семьи» [21, с. 54]. В случае с ходатайством Р.Г. Дормадор о повторном вступлении в брачный союз с бывшим супругом ТОКДП постановило: не встречая препятствий к заключению повторного брака между бывшими супругами, правление указало на то, чтобы «брак этот был совершен по всем правилам караимской веры» [20, л. 116].

Таким образом, проанализированные материалы демонстрируют, что широкое поле деятельности органов караимского конфессионального самоуправления и спектр функциональных обязанностей их сотрудников позволял охватить практи-

чески все стороны жизни караимских общин Российской империи в XIX – начале XX в. В частности, ТОКДП и ТрКДП занимались вопросами брачно-семейных отношений в караимской среде, выносили решения по спорным и сложным вопросам в делах о разводах, вступления караимов и караимок в брак с представителями иных конфессиональных групп населения, скрупулезно анализировали доводы сторон в спорных ситуациях в связи с рассмотрением духовных завещаний и вопросами наследства и т. п. Основной обязанностью этих учреждений стал контроль за ведением документации, относящейся к актам гражданского состояния (АГС), сбор статистических сведений о караимском населении, составление отчетной документации, которую затем сотрудники ТОКДП и ТрКДП направляли в центральные органы власти.

Вместе с тем ТОКДП и ТрКДП уже к началу XX в. де-факто перестали быть теми религиозными инстанциями, авторитет которых оставался непререкаемым для значительной части караимского сообщества. Активная интеграция караимов в российское общество, распространение идей европейского Просвещения, реформирование традиционной системы караимского народного образования, рост количества смешанных браков и увеличение числа прозелитов среди представителей караимских общин постепенно нивелировали значение религиозных установлений караимизма и правил, декларируемых учреждениями конфессионального самоуправления. С принятием правительством 12 декабря 1904 г. указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», в котором пересматривались права раскольников, представителей других христианских конфессий и иноверцев, а также указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» многие положения, закрепленные ранее в уставах о ТОКДП и

ТрКДП, утратили свою актуальность. В частности, всем конфессиям разрешалось беспрепятственно возводить молитвенные здания, издавать религиозную литературу, создавать духовные братства. Было разрешено преподавание Закона Божьего на родном языке. Этим указом предполагалось «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения», а также «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей Империи»¹. И если в догматических правилах караимизма смешанные браки караимов с представителями иных конфессий по-прежнему были запрещены, то в соответствии с российским гражданским законодательством они признавались легитимными. В дальнейшем о необходимости изменения ряда пунктов «Положения о караимском духовном правлении» 1837 г. говорилось уже на общенациональных караимских съездах, совещаниях караимского духовенства и заседаниях Караимского национального совета, состоявшихся в 1917–1919 гг. Но с окончательным установлением советской власти в Крыму в начале 1920-х гг. органы караимского конфессионального самоуправления были упразднены.

¹ Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. Изд. 3-е, пересм. и доп. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 3–6.

Список литературы

1. Akhiezer G. The Crimean Karaite communities: History, culture, and leadership through the early twentieth century. Daly City: The Karaite Press, 2021. 204 p. <https://doi.org/10.1556/062.2024.00450>.
2. Гаммал М.И. К вопросу о становлении общинной карьеры Авраама Луцкого в 30-х годах XIX века // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. М.: Изд-во Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2022. С. 29–51. <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2022.3>.
3. Ельяшевич В.А. Бухгалтерские книги сынов Писания: о традиционных источниках дохода общины крымских караимов // Этнография Крыма и сопредельных территорий: материалы I Крымских этнографических чтений. Симферополь: Антиква, 2024. С. 52–61.
4. Miller P. Karaite separatism in nineteenth-century Russia. Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1993. 252 p.
5. Прохоров Д.А. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начале XX века. Симферополь: Антиква, 2019. 632 с.
6. Фельдман Д.З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2000. № 3. С. 53–63.
7. Shapira D. Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism. Ankara: KaraM, 2003. 120 p.
8. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1239. Оп. 3. Д. 55069.
9. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1789.
10. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1789-б.
11. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1666.
12. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1556.
13. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1725.
14. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1704.
15. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1781.
16. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1572.
17. Русское гражданское право. Чтения Д.И. Мейера / под ред. А. Вицына. 3-е изд. СПб.: Тип. Тиблена и К, 1864. 789 с.
18. Прохорова А.В. Духовные завещания представителей крымских караимских общин как источник по истории развития благотворительности в Таврической губернии в середине XIX – начале XX века // Социально-политические и культурные проблемы современности: материалы III Международной научно-теоретической конференции. Симферополь: ДИАЙПИ, 2010. С. 590–594.
19. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1102. Оп. 3. Д. 116.
20. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1342.
21. N. N. [Казас И.И.] Общие заметки о караимах // Караимская жизнь. 1911. Кн. 3–4. С. 37–72.

References

1. Akhiezer G. The Crimean Karaite communities: History, culture, and leadership through the early twentieth century. Daly City: The Karaite Press; 2021. 204 p. <https://doi.org/10.1556/062.2024.00450>.

2. Gammal M.I. On the formation of Avraham Lutsk's Community career in the 1930s. In: Culture of Slavs and culture of Jews: dialogue, similarities, differences. Moscow: Izd-vo Tsentra nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh "Sefer", 2022. P. 29–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2658-3356.2022.3>.
3. El'jashevich V.A. Accounting books of the Sons of Scripture: on the traditional sources of income of the Crimean Karaite community. In: *Etnografiya Kryma i sopredel'nykh territorii: materialy I Krymskikh etnograficheskikh chtenii = Ethnography of Crimea and adjacent territories: materials of the First Crimean Ethnographic Readings*. Simferopol: Antiqva; 2024. P. 52–61. (In Russ.)
4. Miller P. Karaite separatism in nineteenth-century Russia. Cincinnati: Hebrew Union College Press; 1993. 252 p.
5. Prokhorov D.A. The Karaites of the Russian Empire in the late eighteenth and early twentieth centuries. Simferopol: Antiqva; 2019. 632 p. (In Russ.)
6. Fel'dman D.Z. S.A. Beim – head of the Karaite community of Crimea (according to archival materials). *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' = East. Afro-Asian Societies: History and modernity*. 2000;(3):53-63. (In Russ.)
7. Shapira D. Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism. Ankara: KaraM; 2003. 120 p.
8. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 1239. Op. 3. D. 55069. (In Russ.)
9. GARC (The State Archive of the Republic of Crimea). F. 241. Op. 1. D. 1789. (In Russ.)
10. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1789-b. (In Russ.)
11. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1666. (In Russ.)
12. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1556. (In Russ.)
13. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1725. (In Russ.)
14. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1704. (In Russ.)
15. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1781. (In Russ.)
16. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1572. (In Russ.)
17. Vitsin A. (ed.) Russian civil law. Readings by D.I. Meyer. 3rd ed. St. Petersburg: Tip. Tiblena i K; 1864. 789 p. (In Russ.)
18. Prokhorova A.V. Spiritual wills of representatives of the Crimean Karaite communities as a source on the history of charity development in the Taurida province in the middle of the 19th – early 20th centuries. In: *Social'no-politicheskie i kul'turnye problemy sovremennosti: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii = Socio-political and cultural problems of modernity: proceedings of the 3rd International scientific and theoretical conference*. Simferopol: DIAPI; 2010. P. 590–594. (In Russ.)
19. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1102. Op. 3. D. 116. (In Russ.)
20. GARK. F. 241. Op. 1. D. 1342. (In Russ.)
21. N. N. [Kazas I.I.] General notes on the Karaites. *Karaimskaja zhizn' = Karaite life*. 1911;(3-4):37-72. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Антон Сергеевич, аспирант, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация,
e-mail: antontkachov@gmail.com,
ORCID: 0009-0003-3430-3165

Anton S. Tkachev, Postgraduate Student, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
e-mail: antontkachov@gmail.com,
ORCID: 0009-0003-3430-3165

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94/314.14

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>**Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы**И.А. Шконда¹✉¹Адыгейский государственный университет

ул. Первомайская, д. 208, г. Майкоп 385000, Российская Федерация

✉e-mail: crpmriq@mail.ru

Резюме

Актуальность. Социально-демографические процессы предвоенной поры и периода Великой Отечественной войны играли ведущую роль в формировании мобилизационной и трудовой базы страны. Они остаются во многом определяющими для послевоенных, вплоть до настоящего времени, поколений российских граждан. Региональный аспект проблемы позволяет не только раскрыть влияние глобальных потрясений на региональные сообщества, но и исследовать, прогнозировать и предупреждать негативные явления в сфере социально-демографического развития.

Цель исследования – обобщить и верифицировать известные факты по демографическому развитию Адыгейской автономной области в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

Задачи исследования состоят в систематизации имеющихся сведений о численности населения и развитии демографических структур Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы, а также определении степени влияния на них глобальных и региональных исторических тенденций, таких как социалистическая трансформация экономики 1930-х годов и Великая Отечественная война.

Методология. При подготовке работы применялись основополагающие принципы исторической науки (историзма и объективности), а также ряд конкретно-исторических и общенаучных методов (аналитический, сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический и пр.).

Результаты. В ходе исследования удалось установить, что Адыгейская автономная область в 1930-1940-е годы развивалась в контексте общих для населения СССР глобальных потрясений. Это привело к ряду негативных явлений в демографической сфере: спаду рождаемости, деформации демографических структур, сверхсмертности населения, созданию предпосылок демографического кризиса. Относительная стабилизация 1950-х годов способствовала восстановлению региона после Великой Отечественной войны и значительным темпам естественного и миграционного прироста населения. Однако в полной мере восстановиться демографически региону так и не удалось.

Вывод. Потрясения 1930–1940-х годов оказали крайне негативное влияние на народонаселение Адыгейской автономной области, что стало первопричиной будущего демографического кризиса. Требуется дальнейшее изучение и углубление знаний о влиянии глобально-исторических событий на демографическое развитие региональных сообществ на примере Адыгейской автономной области.

Ключевые слова: демография; перепись населения; Адыгея; коллективизация; раскулачивание; Великая Отечественная война; оккупация; демографический кризис.

Благодарности: Научному руководителю доктору исторических наук, профессору Адыгейского государственного университета, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Малышевой Елене Михайловне.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шконда И.А. Историко-демографические процессы в Адыгейской автономной области в 1930-1950-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 255–270. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.

Поступила в редакцию 30.06.2025

Принята к публикации 18.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930-1950s

Igor A. Shkonda¹✉

¹Adyghe State University

Pervomayskaya Str. 208, Maykop 385000, Russian Federation

✉ e-mail: crpmriq@mail.ru

Abstract

Relevance. The socio-demographic processes of the pre-war period and the period of the Great Patriotic war played a leading role in the formation of the mobilization and labor base of the country. They remain largely decisive for the post-war, up to the present time, generations of Russian citizens. The regional aspect of the problem allows not only to reveal the impact of global shocks on regional communities, but also to study, predict and prevent negative phenomena in the field of socio-demographic development.

The purpose of the study is to summarize and verify known facts on the demographic development of the Adyghe Autonomous region in the pre-war, war and post-war periods.

The objectives of the study are to systematize the available information on the population size and development of demographic structures of the Adyghe Autonomous region in the 1930s–1950s, as well as to determine the degree of influence of global and regional historical trends on them, such as the socialist transformation of the economy in the 1930s and the Great Patriotic war.

Methodology. In preparing the work, the fundamental principles of historical science (historicism and objectivity) were used, as well as a number of specific historical and general scientific methods (analytical, comparative historical, historical-genetic, statistical, etc.).

Results. The study established that the Adyghe Autonomous region in the 1930s and 1940s developed in the context of global upheavals common to the population of the USSR. This led to a number of negative phenomena in the demographic sphere: a decline in the birth rate, deformation of demographic structures, excess mortality of the population, and the creation of prerequisites for a demographic crisis. The relative stabilization of the 1950s contributed to the recovery of the region after the Great Patriotic war and significant rates of natural and migration population growth. However, the region never fully recovered demographically.

Conclusion. The upheavals of the 1930s and 1940s had an extremely negative impact on the population of the Adyghe Autonomous Region, which became the root cause of the future demographic crisis. Its further study and deepening of knowledge about the influence of global historical events on the demographic development of regional communities is required using the example of the Adyghe autonomous region.

Keywords: demography; population census; Adyghea; collectivization; dispossession; repressions; Great Patriotic war; occupation; demographic crisis.

Acknowledgments: To the scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Adyghe State University, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Elena M. Malysheva.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shkonda I.A. Historical and demographic processes in the Adyghe autonomous region in the 1930-1950s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):255–270. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-255-270>.

Received 30.06.2025

Accepted 18.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Историческая демография является в настоящее время активно развивающимся направлением научного знания. Инте-

рес и актуальность этому направлению со стороны научного сообщества придаёт не только открытие новых исторических фактов, дополнение существующего ис-

торического нарратива данными по статистике народонаселения или состоянию демографических структур того или иного периода в том или ином регионе, но и сопоставление этих фактов с историческими процессами, исследование их взаимовлияния. Представляется важным практическое применение исследований в области исторической демографии вследствие нарастающей тенденции обострения демографических проблем, в первую очередь в Европе и Северной Америке, не исключая России.

Востребовано изучение истории демографических процессов с целью установления исторической практики их развития, выявления закономерностей и предупреждения ухудшения ситуации.

Особо актуальным направлением является изучение демографических процессов на макро- и микроуровнях, изучение влияния глобальных исторических событий на малые (региональные) сообщества. Одним из них с полным основанием может считаться Адыгея, которая в 1930–1940-е гг. вместе со всей страной пережила ряд серьёзных потрясений, которые оставили тяжёлый след на её демографических структурах. Изучение этого опыта, а также его кратковременных последствий в течение 1950-х гг. является одной из важнейших современных задач исторической демографии региона и всего Северо-Западного Кавказа.

Методология

Основными принципами настоящего исследования выступают базовые принципы исторической науки: историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть демографическое развитие Адыгейской автономной области (далее – ААО) в конкретно-исторических условиях, а принцип объективности – с различных исторических позиций учесть при конструировании объективной исторической картины прошлого зачастую противоположные мнения исследователей по тем или иным вопросам, разо-

браться в противоречивых процессах и тенденциях.

Методы исследования историко-демографических вопросов имеют некоторую вариативность при исследовании регионального материала. Это определяется целями и задачами исследования, а также состоянием источниковой базы по проблематике. В случае Адыгейской автономной области имеется явное ограничение числа архивных источников ввиду отсутствия в фондах Национального архива Республики Адыгея (далее – НАРА) статистической документации по движению народонаселения в 1933–1941 гг., наиболее судьбоносные для страны и региона. Источниковая база по исследуемому вопросу в фондах Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК) и Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ) в значительной степени уступает в полноте формам и документам, которые должны были храниться «на местах». Более того, значительная часть сохранившихся документов имеет низкое качество и не отражает наиболее значимые качественно-статистические характеристики народонаселения, что в итоге требует расширения набора научных инструментов и методов, применяемых в исследовании.

Недостаток источников по проблеме повышает значение сравнительного и генетического методов, которые позволяют расширить поле исследования, сопоставляя историю и динамику развития процессов за счёт сравнения региональных параметров демографических процессов и явлений с аналогичными процессами в других, исторически схожих с Адыгеей регионах.

В настоящем исследовании востребовано обращение к методам статистики для обработки массивов количественных данных. Это позволяет составить представление о демографических процессах и сопоставить их с уже имеющимися теоретическими представлениями в историо-

графии вопроса, дополнить картину исторического прошлого новыми данными.

Результаты и их обсуждения

Обращаясь к проблеме исторической демографии в Адыгее, в первую очередь необходимо рассмотреть исторический контекст, в котором развивалась Адыгейская автономная область в середине прошлого века. Черкесская (Адыгейская) автономная область, с 1928 г. Адыгейская автономная область, была создана в 1922 г. из цепочки районов Майкопского и Краснодарского отделов Кубано-Черноморской области в местах проживания адыгов вдоль левого берега реки Кубань. Новообразованный регион был сложен в управлении из-за социально-этнических противоречий и плохой инфраструктурной взаимосвязи различных его частей, вытянувшихся более чем на 170 км вдоль Кубани, при глубине территории всего в 25–30 км.

Основополагающим явлением в формировании предвоенной демографической картины стали социально-экономические потрясения 1930-х гг. Сельское хозяйство региона переживало нэповский подъём, которому способствовали экономическая активность населения и плодородные чернозёмные почвы. Но уже в начале 1930-х гг. это обернулось тяжёлыми последствиями во время коллективизации, раскулачивания и голода 1932–1933 гг. [1, с. 57–58] Так, только число репрессированных (казнённых и высланных на спецпоселение) кулаков и членов их семей оценивается не менее чем в 8,6 тыс. человек [2, с. 132], что примерно эквивалентно естественному приросту населения автономии за 2,5 года. Проблема последствий голода 1932–1933 гг. на территории Адыгеи специально пока ещё не исследовалась, а оценка числа его жертв в 1 тыс. погибших кажется весьма заниженной уже исходя из оценки жертв в целом по Краснодарскому краю в 800 тыс. человек [3, с. 134]. Ещё больший урон был нанесён

сокращением рождаемости, высокие показатели которой на тот момент обеспечивали и высокий естественный прирост населения. Его снижение в Адыгее составило только в 1927–1931 гг. 19,1%, с 3537 до 2862 человек [4, л. 1, 5]. Ухудшал ситуацию отток населения, которое бежало в более благополучные районы промышленных центров, Поволжья и Закавказья, а также становилось отходниками в город. Так как таковых на территории автономии не было (административный центр находился в Краснодаре, не входящим в состав ААО), то это создавало серьёзную социально-экономическую проблему для региона.

Потрясения 1930-х гг. привели к изменению структуры общества и деформации половозрастной пирамиды. Дополнительным кризисным фактором было вступление в репродуктивный возраст в этот период поколения женщин, рождённых в период демографического спада Первой мировой и Гражданской войн. При этом существенного ускорения развития региона так и не произошло. В середине 1930-х гг. Адыгея по-прежнему оставалась экономически нестабильным и аграрным регионом. Коллективизация не привела к существенному ускорению темпов развития сельского хозяйства, а сектор обрабатывающей и тяжёлой промышленности так и не возник. Пытаясь это преодолеть, во второй половине 1930-х гг. союзное правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение автономной области, включив в её состав г. Майкоп с окрестностями и Гиагинский район.

Расширение практически удвоило население автономии со 126,5 тыс. человек в 1931 г. [5, с. 125] до 225,4 тыс. человек в 1937 г. [6, с. 45], однако присоединение новых территорий не могло структурно улучшить демографические показатели. Демографические проблемы в ААО были только частью общего демографического кризиса на юго-западе СССР, вызванного коллективизацией и

голодом, и присоединяемые к Адыгее территории также страдали от его последствий, что особенно было заметно в городе.

Со времён Гражданской войны промышленность левого берега Кубани прибывала в глубоком упадке. Крупные предприятия, построенные царским правительством в главном экономическом центре региона – Майкопе, были закрыты или не вырабатывали пиковых мощностей. Тяжёлая промышленность фактически была разрушена. Это привело к критическому ухудшению социально-экономической ситуации и падению рождаемости, которая составляла к 1930 г. порядка 14,2 случаев на 1000 населения [7, л. 164], когда в сельской местности этот показатель составлял 39,5 рождений на 1000 человек [4, л. 13; 8, л. 5]. Отчасти такая кризисная ситуация компенсировалась притоком сельского населения в город в период активной индустриализации 1930-х гг., но голод и репрессии практически сводили на нет этот прирост. За весь межпереписной период 1926–1939 гг., даже с учётом известных проблем репрезентативности результатов переписи 1939 г., население города выросло всего на 3346 человек [6, с. 45; 9, с. 23].

Число жертв репрессий в Адыгее также только предстоит установить – на данный момент в открытых источниках упоминаются имена почти 2,8 тыс. человек¹. К сожалению, этот список нельзя считать полным, как и необходимо отметить, что он в некоторой степени неразделим со списком жертв раскулачивания. Однако эта цифра уже является примерно соответствующей годовому приросту населения Адыгейской автономной области в рассматриваемый период.

Негативные демографические изменения прямо сказались на показателях рождаемости и численности населения,

что не могло не быть замечено союзным правительством, которое ощутило как часть экономических последствий, так и не дождалось «расширенного воспроизводства населения при социализме». В 1935–1936 гг. были приняты меры, направленные на повышение защищённости института семьи и увеличение социальных обязательств государства. В сочетании с компенсаторным ростом рождаемости эти меры привели к её резкому увеличению в середине 1930-х гг., но уже с 1937 г. вновь началось устойчивое снижение показателей. В Майкопе в 1941 г. рождаемость составила всего 59,7% от уровня 1937 г. [7, л. 164]

Рождаемость в городах обычно значительно ниже, чем в сельской местности. Это связано с ростом [репродуктивной] культуры, меньшей жилищной обеспеченностью, расширением занятости женщин в общественном производстве. Поэтому процесс увеличения удельного веса городского населения сам по себе является фактором, понижающим уровень рождаемости [10, с. 42]. Но спад рождаемости в 1930-е гг. был только частично обусловлен общими тенденциями демографического перехода. В большей степени на него влияла социально-экономическая нестабильность. Несмотря на повышение внимания государства к демографической сфере, социальная политика оставалась малоприоритетной и финансировалась по остаточному принципу [11, с. 577–578]. При этом, даже осознавая наличие негативных демографических тенденций, государство не могло существенно повлиять на рождаемость, т. к. было жёстко ограничено собственными идеологическими установками и не могло признать себя неправым в экономических экспериментах. Процессы демографического перехода, которые в развитых странах занимали десятилетия, в СССР произошли скачкообразно, что только усилило их негативные последствия.

¹ Список репрессированных. Республика Адыгея // Бессмертный барак: сайт. URL: https://bessmertnybarak.ru/books/spisok_repressiy_adygeya/ (дата обращения: 10.06.2025).

Коллективизация на селе привела к социально-экономической нестабильности и снижению эффективности труда. К концу 1930-х гг. начался некоторый рост сельского хозяйства, но в большей степени он был обусловлен невозможностью кризиса продолжаться вечно. В то же время вопрос о «потерянной выгоде» для села вследствие реформ начала 1930-х гг. остаётся открытым.

Желание форсировать темпы индустриализации было для государства естественным в условиях наметившегося кризиса международных отношений и милитаризации Германии. Советский Союз по-прежнему остро страдал от последствий Гражданской войны, которая почти полностью разрушила промышленность. В 1920-х гг. объёмы промышленного производства постепенно восстанавливались, но смогли в большинстве только выйти на уровень 1916 г. или незначительно его превзойти. Почти 15 лет развития экономики оказалось потеряно. Но сталинская индустриализация, форсировав процесс увеличения доли городского населения, шла без учёта его социальных потребностей и нужд, что к априорным негативным издержкам урбанизации добавило снижение жизненного уровня и продолжительности жизни, снижение рождаемости и рост смертности [12, с. 86].

Исследование демографических тенденций 1930-х гг. осложняется известной недостоверностью или неполнотой сохранившихся источников, что влияет не только на репрезентативность итогов социалистической трансформации в демографической сфере, но и осложняет исследование демографических вопросов, связанных с Великой Отечественной войной, лишая исследователей надёжной «стартовой» базы.

За отправную точку демографических исследований периода войны, как союзного, так и регионального масштаба, обычно берётся 1939 г., когда прошла последняя «предвоенная» перепись населения. Но, как известно, эта перепись про-

ходила в очень сложных для статистических органов и науки условиях на фоне объявленной провальной переписи 1937 г., которая показала нежелательные для руководства СССР результаты последствий голода, раскулачивания, репрессий и провала антирелигиозной политики. Особенно эти последствия по объективно-историческим причинам были ощутимы на юге страны.

В значительной степени результаты переписи страдали от приписок и фальсификаций. Так, согласно сведениям известного учёного В.Б. Жиромской, население Адыгеи, вопреки заявленной итогами переписи цифре в 241 799 человек, составляло только 237 711 человек [13, с. 525]. Однако стоит указать, что даже эта цифра не является окончательной и требует дальнейшего изучения, т. к. цифры были получены при работе с архивами федерального уровня, в то время как документы, отправляемые в союзный центр властями автономии, как правило, уже были «приукрашены». В силу перечисленных причин перепись 1939 г. принимается не только отправной точкой исследований войны, но сама по себе требует дополнительного анализа и проверки.

Определение и принятие верхней границы демографических исследований по периоду Великой Отечественной войны вызывает ещё большую сложность. Первая «послевоенная» перепись была проведена только в 1959 г., через четырнадцать лет после окончания войны, что было мотивировано нежеланием привлечь внимание к неоправданно большим потерям, из-за чего плановая перепись 1949 г. была отменена¹.

Проблема как недостаточно репрезентативных и неточных результатов переписи 1939 г., так и «отдалённости» переписи 1959 г. создаёт определённые методологические проблемы в изучении

¹ История переписей населения в России: сборник информационных материалов / ред. кол. Н.С. Колотова, М.М. Чернышова [и др.]. Челябинск: Росстат, 2009. С. 47.

«демографии войны». Это положение вызывает необходимость обратиться также и к анализу таких источников, как документы делопроизводства статистики, здравоохранения и партии, которые, однако, обладают заведомо меньшим объёмом информации, нежели итоги переписи населения. Другим аспектом, повлиявшим на явную недостаточность исследования демографических процессов в Адыгее в 1941–1945 гг., является то, что Адыгейская автономная область находилась в этот период в составе Краснодарского края, что смещает акцент упомянутых источников делопроизводства в пользу обобщения данных по краю.

Фонды региональных архивохранилищ содержат значительный объём материалов и документов различных ведомств, сведений, делопроизводственной документации и т. п. В первую очередь речь идёт о фондах Национального архива Республики Адыгея, в которых хранятся уникальные и ещё практически не введенные в научный оборот документы делопроизводства и статистики времён войны и послевоенного периода. В них особо выделяются отчётные документы органов статистики и ЗАГС, материалы исследования состояния народного хозяйства и выполнения пятилетних планов, партийная документация. Вторым по значимости для исследования рассматриваемого вопроса выступает Государственный архив Краснодарского края. В ГАКК хранятся копии уникальных документов по расследованию злодеяний фашистских оккупантов на территории Краснодарского края, в том числе и его национальных автономий. Помимо этого важно отметить фонды, хранящие документацию о взаимодействии властей автономной области с краем. Изучение этих источников в рамках региональной специфики практически не проводилось. Фонды Российского государственного архива экономики наиболее важны из хранилищ федерального уровня, т. к. содержат самое полное обобщение оригина-

налов и копий делопроизводственной документации, которая в силу различных причин могла оказываться в различных региональных архивах или не сохраниться вовсе. Фонды НАРА и РГАЭ составляют основу источниковой базы по проблеме демографического развития Адыгеи в середине XX в.

В это же время при обилии источников по проблематике нельзя говорить об избытке историографического осмысления проблемы. Специальные исследования демографии региона в годы войны в своих статьях посвятили только Л.А. Яновская [14], А.А. Куваева [15] и Е.Ф. Кринко [16], что является явно недостаточным для полноценного освещения проблемы. Значительно чаще проблемы «военной демографии» в Адыгее становились составной частью более масштабных исследований. В первую очередь это касается аналогичных по задачам исследований по истории Краснодарского края и Северного Кавказа в целом, благодаря которым имеется некоторая картина встроенности региона в общие тенденции демографических процессов военных лет. Также демографические проблемы зачастую попадали в спектр интересов учёных-историков, занимающихся социальными проблемами истории Великой Отечественной войны. Особое внимание в этом контексте привлекают работы Е.М. Малышевой [10; 12] и В.Н. Ракачёва [17].

Адыгейская автономная область прошла в 1941–1945 гг. через серьёзные испытания, оказавшие неизгладимое влияние на её население. Сразу по получении известия о начале войны в Адыгее начались мобилизационные мероприятия и запись добровольцев. В первые дни войны на фронт ушло из Адыгейской автономной области более 20 тыс. человек [18, с. 9], а к октябрю 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны сражалось уже более 41 тыс. жителей автономии [19, л. 265]. Всего же за годы войны на фронт ушло более 80 тыс. уроженцев Адыгеи или каждый третий её житель [13,

с. 539]. Многие из них стяжали себе неуываемую славу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Адыгея гордится 28 Героями Советского Союза и 14 полными кавалерами ордена Славы – уроженцами и жителями региона¹, первым из которых стал поэт и национальный герой черкесского народа Хусен Андрухаев (1920–1941), подорвавший себя в неравном бою с врагом у господствующей высоты села Дьяково Луганской области.

Экстремальные условия военных лет вызвали характерные общие тенденции демографических изменений практически для населения всех регионов страны, как тыловых, так и прифронтовых, территорий военных действий и глубокого тыла. Это военная мобилизация, эвакуация, период оккупации, сокращение рождаемости и увеличение смертности, рост показателей инвалидности, сиротства и вдовства, снижение жизненного уровня и медицинского обслуживания. Адыгея не стала исключением: население области в условиях войны испытало свойственные всему обществу трудности и достойно справилось с ними. Однако демографические процессы в регионе имели свою специфику, требующую специального изучения: сложился исторический опыт, который необходимо исследовать, т. к. остаются незаполненные ниши для исторического научного анализа на макро- и микроуровнях.

Изначально Адыгея и Кубань были глубоким тылом, и вторжение немецких захватчиков на эти территории советским командованием не рассматривалось. При этом Кубань оставалась большим, густонаселённым регионом, который вносил огромный вклад в экономическое развитие страны, в особенности в снабжение её хлебом. Именно в 1930-е гг. появилось

выражение «Кубань – всесоюзная житница». В Кубань эвакуировали предприятия и население западных областей, многочисленные беженцы прибывали на юг из осаждённого Ленинграда. Поэтому ко времени стремительного прорыва вермахта к Кавказу Адыгея была типичным тыловым регионом, который отдал значительную часть мужского населения фронта, но получил некоторые эвакуированные экономические мощности и население.

Внезапный кризис южного фланга боевых действий в июле 1942 г. и смещение фронта на Кавказ сделал невозможной организованную эвакуацию. Так, по утверждению Е.Ф. Кринко, не были эвакуированы даже многие партработники и члены их семей. Из 900 членов Майкопской городской организации ВКП(б) в городе осталось более четверти – 228 человек [16, с. 56]. В данном случае речь уже не идёт о предприятиях и беженцах. Меры по подготовке Майкопа к оккупации начали приниматься только 7 августа 1942 г., всего за два дня до появления немцев. Как следствие, только в последний момент удалось уничтожить хотя бы партактив, но планы подпольной сети в городе со всеми именами, местами явок, паролями достались врагу [20, с. 134]. Занятие города и области произошло стремительно и неожиданно для её руководства и жителей [18, с. 14].

Оккупация продолжалась менее полугода, с начала августа 1942 г. до середины февраля 1943 г., но её последствия оказались устрашающими. Государственная комиссия по расследованию злодеяний оккупантов в Краснодарском крае выявила, что было убито около 4 тыс. мирных жителей [16, с. 56], из которых более половины – в Майкопе. Многие люди сами смогли бежать с захваченной врагом территории или попытаться укрыться в сельской местности. В итоге численность населения Адыгеи за время оккупации сократилась почти на 11%, с 226 422 до 201 829 человек (табл. 1).

¹ Адыгея в годы Великой Отечественной войны // Национальный музей Республики Адыгея: сайт. URL: [\(дата обращения: 10.06.2025\)](https://adyg-museum.ru/ru/exposition/adygeya-v-gody-velikoy-otechetsvennoy-voyny1/#:~:text= (дата обращения: 10.06.2025))

Таблица 1. Численность населения Адыгеи и её районов до и после оккупации, чел. [21, л. 1, 3]**Table 1.** Population of Adygea and its districts before and after the occupation, people [21, l. 1, 3]

Районы	01.01.1942	21.08.1943	Соотношение 1943 г. к 1942 г. %
г. Майкоп	61 917	42 643	68,87%
Районы (сельское население) – всего	164 505	159 190	96,77%
В том числе:			
Майкопский	20 878	21 682	103,85%
Гиагинский	27 193	26 593	97,79%
Кошехабльский	26 261	25 648	97,66%
Шовгеновский	20 774	17 046	82,05%
Красногвардейский	25 433	28 800	113,24%
Тахтамукайский	21 502	19 512	90,74%
Теучежский	22 464	19 909	88,63%
Всего ААО	226 422	201 829	89,14%

В то же время, если население Майкопа сократилось почти на треть, ситуация в сельской местности была несколько лучше. В условиях села выжить было значительно проще, чем в городе, особенно в условиях краха на фоне оккупации связей «город – село». Так если в большинстве районов Адыгеи спад населения был на практике незначителен, то в Красногвардейском районе, который славился до войны аграрными успехами, население с января 1942 г. по август 1943 г. выросло с 25,5 до 28,8 тыс. человек.

Большинство жителей Майкопа были горожанами в первом поколении и бежали к близким в родные села и станицы. В силу географической и исторической специфики население Майкопа было практически не интегрировано в население автономии и сохраняло устойчивые связи со станицами бывшего Майкопского отдела, которые оставались на тот момент или остаются до сих пор в составе Краснодарского края. Как итог это усилило отток жителей в период оккупации из области.

После освобождения области её население стало постепенно восстанавливаться. Возвращение беженцев и эвакуа-

ция способствовали относительно быстрому восстановлению Адыгеи и улучшению социальной обстановки. Проявлением трудового героизма, патриотического подъёма и стабилизации социально-экономической обстановки стало то, что уже всего через несколько месяцев после своего освобождения Адыгея сама начала направлять помощь жителям Сталинграда.

Однако катастрофическое влияние войны на демографические структуры региона проявилось не только в период оккупации. Война унесла и продолжала уносить жизни военнослужащих Красной армии, уроженцев Адыгейской автономной области. Из призванных в армию погибли или пропали без вести 30 543 человек, имена которых восстановлены [13, с. 539]. Согласно совместному исследованию Е.М. Малышевой, Ю.А. Яхутля, В.В. Касьянова, А.И. Брантова, называется уточнённое число в 33 179 человек [18, с. 22]. До конца подвести итог этим страшным цифрам не удалось до сих пор. Многочисленные проблемы учёта, военная неразбериха, утеря части документов, а зачастую и просто небрежность работников военного учёта привели к тому, что определение потерь отдельных регионов

по военно-учётным документам на данный момент практически невозможно. Главным источником в данном вопросе служат региональные Книги памяти, по которым в 1995 г. и было подсчитано число жителей Адыгеи, не вернувшихся с войны. Несмотря на все известные недостатки Книг памяти, которые уже давно требуют корректировки, внесения дополнений и исправлений, а также исключения из их списков людей, учтённых сразу за несколькими регионами (чаще всего по месту призыва и по месту гибели / захоронения), эти поимённые списки остаются главным, ценнейшим и уникальным свидетельством региональной истории.

Потери Адыгейской автономной области в 1941–1945 гг. оказались очень тяжёлыми. В ярко выраженном аграрном регионе преобладало сельское население, в подавляющем большинстве не имевшее отсрочек и брони от мобилизации [16, с. 55]. С каждым годом до сих пор список не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны и погибших в оккупации жителей региона только пополняется. На сегодняшний день число погибших земляков оценивается в 35 620 человек на фронтах и более чем в 5 тыс. мирных жителей, включая 150 партизан¹.

Сильный удар по народонаселению ААО нанесли негативные социально-экономические последствия войны. Резко сократилась рождаемость и выросла смертность. В 1944 г. общий коэффициент рождаемости составлял всего 9,7 случаев на 1000 населения, а смертность – более 11,6 случаев на 1000 человек [22, л. 10]. Естественный прирост населения, таким образом, был отрицательным.

¹ Историческая справка об участии жителей Адыгеи в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (к 80-летию Великой Победы) // Государственный совет – Хасе Республики Адыгея: сайт. URL: <https://gshra.ru/socially/istoricheskaya-spravka-ob-uchastii-zhiteley-adygei-v-velikoy-otechestvennoy-voynе-1941--1945-godov-k-80-letiyu-velikoy-pobedy.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Характеризуя демографические процессы периода Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что они во многом соответствовали общегосударственным тенденциям с учётом региональной специфики, которую создали меняющиеся обстоятельства положения региона по отношению к фронту. На демографических показателях Адыгейской автономной области априори негативно отразились издержки полугодовой оккупации, сложности восстановления разрушенного народного хозяйства, инфраструктуры и экономики после освобождения в условиях продолжавшейся войны. В этих условиях положительную роль сыграло только то, что регион всё же не был долгое время в прифронтовой зоне, что увеличило бы инфраструктурные и экономические потери. Поэтому Адыгея, опираясь на трудовой героизм её жителей, смогла продолжить работу на благо фронта и Победы, несмотря на пережитую катастрофу.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, как отмечает Е.М. Малышева, одной из особенностей развития социальных связей в обществе в военные годы была взаимопомощь трудящихся тыловых районов освобождённым от оккупации регионам. На помощь народам Северного Кавказа пришли трудящиеся Урала, Грузии, Дагестана, других республик и областей [10, с. 279].

Новый период в истории Адыгеи, как и всей страны, был связан с послевоенным восстановлением. Демографическое развитие региона в этот период впервые за два десятилетия в большей степени зависело от внутрирегиональных процессов, нежели от вовлечения Адыгеи в глобальные исторические события. На Адыгейскую автономную область, безусловно, продолжали оказывать влияние общие тенденции внутренней политики СССР, среди которых имели место некоторые негативные явления – голод 1946 г., репрессии, постепенное нарастание кризиса колхозной системы, которое к тому же ускоряло и без того быструю урбанизацию. Но в целом экономический

подъём и отсутствие глобальных потрясений позволило региону встать на путь стабильного развития, в том числе и в демографической сфере.

Демобилизация привела к реализации волны отложенных рождений, на протяжении первых послевоенных лет продолжался подъём рождаемости, который закрепился в итоге более чем на десятилетие в районе 22,1–22,8 случаев на 1000 человек [23, л. 1; 24, л. 85], что несколько превышало довоенные показатели. В сочетании с низкими показателями смертности – не более 8,7 случаев на 1000 населения [25, л. 12], это позволило ААО оставаться в зоне уверенного естественного прироста населения. Более того после 1953 г. наметился явный тренд на улучшение качества здравоохранения, что привело дополнительно к снижению смертности в среднем до 7,6 случаев на 1000 населения [24, л. 85].

В 1950-е гг. значительное влияние на развитие региона также начали оказывать миграционные процессы. В 1920–1930-е гг. они носили для Адыгеи в основном отрицательный характер. Сначала крестьяне старались выехать из полностью сельского региона в близлежащие города Краснодарского края, в первую очередь в сам Краснодар. Присоединённый к автономии Майкоп «оттянул» на себя урбанизационную миграцию, сделав

хотя бы отчасти её внутренней для ААО. Но к тому времени Адыгея уже находилась в центре раскулаченной и голодающей Кубани, что спровоцировало массовую миграцию жителей в более благополучные районы страны. Адыгея, как и весь Северный Кавказ, в предвоенные годы имела репутацию нестабильного региона с проблемами снабжения и высокой долей антисоветских настроений.

В 1940–1950-х гг. ситуация изменилась. Адыгея стала приобретать современную репутацию курортного предгорного региона с мягким климатом, подходящего для комфортной жизни. В течение 1950-х гг. ААО имела исключительно положительный миграционный обмен с другими регионами СССР, который с каждым годом постепенно увеличивался. Смягчение внутренней политики и реабилитация жертв политических репрессий привели к некоторой волне возвратной миграции.

Итоги в большей степени уже не войны, а послевоенного развития подвела перепись 1959 г., первая за двадцать лет. Как видно из приведённых в таблице 2 данных, несмотря на явно замедленное восстановление в первые восемь послевоенных лет, ААО к 1959 г. вышла на темпы уверенного прироста населения, решительно превзойдя результаты переписи 1939 г. при всей их спорности.

Таблица 2. Численность населения Адыгейской автономной области согласно всесоюзным переписям населения 1939 г. [27, с. 22] (официальные данные) и 1959 г., а также промежуточные показатели 1942 [21, л. 1] и 1952 гг. [25, л. 1]

Table 2. Population of the Adyghe Autonomous Region according to the all-Union population censuses of 1939 [27, p. 22] (official data) and 1959, as well as intermediate indicators of [21, l. 1] and 1952 [25, l. 1]

Район	1939	1942	1952	1959
Майкоп	55 871	61 917	60 686	82 135
Сельская местность	191 003	164 505	170 489	202 555
Всего ААО	246 874	226 422	231 175	284 690

*Рабочий посёлок Яблоновский отнесён автором к сельскому населению для большей репрезентативности результатов переписи в вопросе динамики численности населения.

Союзные власти в преддверии переписи активно раздавали статусы городов и посёлков городского типа, чтобы фор-

мально улучшить показатели урбанизации [26, с. 87]. В рамках этой политики 27 марта 1958 г. хутор Яблоновский был

объединён вместе с двумя соседними аулами и совхозом в рабочий посёлок Яблоновский. Отчасти проблема учёта населения Яблоновского стояла и раньше. Так, согласно переписи 1926 г., население посёлка учитывалось в население Краснодар, а не Адыгеи, которой он при этом подчинялся. В связи с этим в таблице 2 как сельское население в 1959 г. указано суммарное сельское население и население рабочего посёлка Яблоновского, что корректнее отражает тренд движения населения за 1939–1959 гг. По официальным же данным в 1959 г. городское население – 95 462 человека, сельское – 189 228 человек [27, с. 23].

Эту манипуляцию можно считать весьма своевременной, поскольку даже после неё показатели урбанизации в Адыгее оказались весьма скромными. За двадцать лет доля городского населения возросла всего на 5,1% до 33,5%, притом близких Адыгеи по исторической специфике Кабардино-Балкарии – на 15,3%, Карачаево-Черкессии – на 7,4% [13, с. 646]. Схожие результаты наблюдались по всем автономиям Северного Кавказа.

Адыгейская автономная область, как и весь Советский Союз, пережили социалистическую трансформацию экономики и Великую Отечественную войну, которые уже сами по себе оказали бы на любую демографическую систему катастрофическое влияние. Их же сочетание можно считать наихудшим развитием событий. В одной Адыгейской автономной области только война унесла более 40 тыс. жизней, численность людей, погибших в период раскулачивания, репрессий и голода в регионе, только предстоит установить учёным-историкам, но из описанных выше предпосылок можно говорить о том, что речь идёт не менее чем о 30 тыс. погибших.

Ещё более катастрофические последствия события 1930–1940-х гг. имели для демографических структур. Несмотря на получение автономной областью некоторой компенсации за счёт миграции из

других регионов в 1950-е гг., половозрастная структура общества была серьёзно деформирована, отражая резкий недостаток рождений в 1917–1921 гг., 1930–1933 гг. и в 1942–1945 гг.

Массовая гибель, в первую очередь мужского населения, привела к острой диспропорции полов. Согласно сведениям Е.Ф. Кринко, на 1945 г. в группе жителей 25–49 лет (1895–1919 гг. рождения) женщин было 77,2% и 75% среди людей 1920–1926 гг. рождения. В старших возрастных группах ситуация была немного лучше, но такой же критической: в группе 50–59 лет женщин – 64,4%, а в группе старше 60 лет – 61,4% [16, с. 57–58]. Эти катастрофические показатели в сочетании с демографическим переходом и непродуманностью государственной пронатальной политики привели в итоге к постепенному нарастанию демографического коллапса, который проявился в полной мере в период демографического кризиса в Российской Федерации.

Выводы

Приведённые данные, которые в целом обобщают существующие научные представления о демографическом развитии Адыгеи в 1930–1950-е гг., явно нельзя считать достаточными. Если даже поверхностно обратиться к понятию исторической демографии и аналогичным работам по другим регионам РСФСР, то становится ясно, что охваченный существующими исследованиями спектр демографических показателей является «типичным» при исследовании влияния условий глобальных потрясений на народонаселение отдельно взятого сообщества, но далеко не исчерпывает поставленной проблемы. Остаются практически не исследованными проблемы социальных изменений в структуре населения, развития здравоохранения, не существует завершённой научной парадигмы, охватывающей изменения в структуре населения. Не исследовано влияние на структуру населения мероприятий военного

времени, в первую очередь мобилизации экономики.

Не исследованными остаются специфические для региона проблемы. Период 1930–1940-х гг. – это период дальнейшей трансформации дореволюционной сословной системы, оказывавшей по-прежнему влияние на жизнь общества, особенно на юге страны, где была весома доля казачества, которое продолжало в исследуемый период играть важную роль в структуре населения, но при этом активно трансформировалось в новых реалиях. С другой стороны, на структуру населения продолжало оказывать влияние, несмотря на войну и оккупацию, национальное строительство и миграционное движение между местами традиционного проживания адыгской общности.

Менявшаяся ситуация и её влияние на потенциал воспроизводства населения и демографических потерь населения Адыгеи в исследуемый период требует дальнейшего научного анализа с привлечением различных по видовой принадлежности групп исторических источников и их сопоставления с другими краями, автономиями и республиками северокавказского региона. Особого внимания

требует также исследование сохранившихся архивных документов и проблема достоверности информации, отображённой в них, которая неминуемо возникает даже при их поверхностном анализе, выявляющем множество нестыковок, явных противоречий и «необъяснимого» поведения отражённых в них показателей.

Демографические процессы периода социалистической трансформации и Великой Отечественной войны приняли в Адыгее весьма сложный характер, вызванный переплетением довоенных тенденций и смены «ролей» и положения региона в ходе войны. Это вызывает исследовательский интерес к проблеме, по которой наличествующих наработок явно недостаточно. Проблема истории демографического развития региона в переломные для страны и мира годы носит более сложный и комплексный характер, нежели простой подсчёт численности населения и мобилизационных и миграционных движений населения. Адыгея обладает очень специфическим историческим опытом в исследуемой проблематике, который ещё только предстоит раскрыть в исследовательском поле.

Список литературы

1. Куваева А.А. Трансформация социальной структуры населения Адыгеи в 30-е гг. XX в.: историко-демографический аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 57-62.
2. Ващенко И.И. Коллективизация и раскулачивание в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2021. 168 с.
3. Ракачев В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. №7. С. 131-134.
4. НАРА (Национальный архив Республики Адыгея). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 90.
5. Административно-территориальное деление Союза ССР: Районы и города СССР на 1931. М.: Власть Советов, 1931. 311 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов / сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
7. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 57.
8. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 237.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю. А. Поляков [и др.]. М.: Наука, 1992. 254 с.

10. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: Адыгея, 2000. 432 с.
11. Леонтьева Е.А. Социальная защита населения в 50–60-е годы XX века (на материалах южного Урала) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 577-589.
12. Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: Вече, 2011. 492 с.
13. Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Полит. энцикл., 2019. 767 с.
14. Яновская Л.А. Динамика рождаемости и смертности среди мирного населения Адыгеи в период Великой Отечественной войны // Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм народов Адыгеи в годы Великой Отечественной войны: опыт и уроки истории: Всероссийская научно-практическая конференция. СПб.; Майкоп: Качество, 2008. С. 329-339.
15. Куваева А.А. Демографическая ситуация в Адыгее накануне и в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ (конец 30–50-е гг. XX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 27-32.
16. Кринко Е.Ф. Война и демография: население Адыгеи в 1941–1945 гг. // Историческая демография. 2009. № 2(4). С. 55-59.
17. Ракачёв В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 350 с.
18. Адыгейская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: документы и материалы (к 80-летию освобождения от немецко-фашистской оккупации) / Е.М. Малышева, Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянов, А.И. Брантов. Майкоп: ЭЛИТ, 2023. 378 с.
19. НАРА. Ф. П-17. Оп. 22. Д. 1423.
20. Кирин Д.А. Эвакуационные мероприятия в военный период (на примере Адыгейской автономной области) // Битва за Кавказ в исторических и культурных символах (ко Дню воинской славы России – годовщине завершения освобождения Кавказа 9 октября 1943 г.): сборник материалов Международного молодёжного научно-практического форума. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2024. С. 131-135.
21. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7.
22. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2а. Д. 2.
23. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 314.
24. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 319.
25. НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2а. Д. 20.
26. Ракачёв В.Н. Урбанизация и особенности расселения на Кубани и Ставрополье в 1930–1950-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №2. С. 84-88.
27. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года СССР. М.: Госстатиздат, 1962. 284 с.

References

1. Kuvaeva A.A. Transformation of the social structure of the population of Adygea in the 1930s: historical and demographic aspect. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* = *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2010;(3):57-62. (In Russ.)

2. Vaschenko I.I. Collectivization and dispossession in Adygea: general trends and features of implementation. Maykop: Izd-vo Magarin O.G.; 2021. 168 p. (In Russ.)
3. Rakachev V.N. Famine and its demographic consequences as a result of the state policy of grain procurement in Kuban and Stavropol in the 1930s. *Vlast' = Power*. 2012;(7):131-134. (In Russ.)
4. NARA (National Archives of the Republic of Adygea). F. R-4. Op. 1. D. 90. (In Russ.)
5. Administrative-territorial division of the USSR: Districts and cities of the USSR in 1931. Moscow: Vlast' Sovetov; 1931. 311 p. (In Russ.)
6. Zhiromskaya V.B., Polyakov Y.A. All-Union Population Census of 1937: General results. Collection of documents and materials. Moscow: ROSSPEN; 2007. 320 p. (In Russ.)
7. NARA. F. R-4. Op. 2. D. 57. (In Russ.)
8. NARA. F. R-4. Op. 1. D. 237. (In Russ.)
9. Polyakov Y.A., et al. All-Union Population Census of 1939: Main results. Moscow: Nauka; 1992. 254 p. (In Russ.)
10. Malysheva E.M. The Ordeal. Society and power: the problems of their interrelation during the Great Patriotic War of 1941-1945. Maykop: Adygea; 2000. 432 p. (In Russ.)
11. Leontyeva E.A. Social protection of the population in the 50-60s of the 20th century (based on the materials of the southern Urals). In: *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine = Military history of Russia: problems, searches, solutions: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*. Vol. 2. Volgograd: Izd-vo VolGU; 2015. P. 577-589. (In Russ.)
12. Malysheva E.M. For the sake of Motherland. Patriotism of the people in 1941-1945. Moscow: Veche; 2011. 492 p. (In Russ.)
13. Wars and the population of the South of Russia in the 18th - early 21st centuries: demographic processes and consequences. Moscow: Polit. encycl.; 2019. 767 p. (In Russ.)
14. Yanovskaya L.A. The dynamics of birth and death rates among the civilian population of Adygea during the Great Patriotic War. In: *Patriotizm i internatsionalizm kak istochniki pobedy sovetskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Patriotizm narodov Adygei v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: opyt i uroki istorii: Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya = Patriotism and internationalism as sources of the victory of the Soviet people during the Great Patriotic War. Patriotism of the peoples of Adygea during the Great Patriotic War: experience and lessons of history. All-Russian scientific and practical conference*. St. Petersburg; Maykop: Quality; 2008. P. 329-339. (In Russ.)
15. Kuvaeva A.A. Demographic situation in Adygea on the eve and during the Great Patriotic War: a comparative analysis (late 1930s-1950s). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State Technological University*. 2015;(3):27-32. (In Russ.)
16. Krinko E.F. War and demography: the population of Adygea in 1941-1945. *Istoricheskaya demografiya = Historical demography*. 2009;(2):55-59. (In Russ.)
17. Rakachev V.N. Population of Kuban and Stavropol in the 1930-1950s: historical and demographic study. Krasnodar: Kuban. gos. un-t; 2017. 350 p. (In Russ.)
18. Malysheva E.M., Yakhutl Y.A., Kasyanov V.V., Brantov A.I. Adyghe Autonomous Region during the Great Patriotic War. 1941-1945: documents and materials (for the 80th anniversary of liberation from Nazi occupation). Maykop: EIIT; 2023. 378 p. (In Russ.)
19. NARA. F. P-17. Op. 22. D. 1423. (In Russ.)
20. Kirin D.A. Evacuation measures during the war period (on the example of the Adyghe Autonomous Region). In: *Bitva za Kavkaz v istoricheskikh i kul'turnykh simvolakh (ko Dnyu voinskoi slavy Rossii – godovshchine zaversheniya osvobozhdeniya Kavkaza 9 oktyabrya*

1943 g.): *sbornik materialov Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-prakticheskogo foruma* = *The Battle for the Caucasus in historical and cultural symbols (on the Day of Military Glory of Russia - the anniversary of the completion of the liberation of the Caucasus on October 9, 1943): collection of materials from the International Youth Scientific and Practical Forum*. Stavropol: Izd-vo SKFU; 2024. P. 131-135. (In Russ.)

21. NARA. F. R-4. Op. 2. D. 7. (In Russ.)

22. NARA. F. R-4. Op. 2a. D. 2. (In Russ.)

23. NARA. F. R-4. Op. 3. D. 314. (In Russ.)

24. NARA. F. R-4. Op. 3. D. 319. (In Russ.)

25. NARA. F. R-4. Op. 2a. D. 20. (In Russ.)

26. Rakachev V.N. Urbanization and settlement patterns in Kuban and Stavropol in the 1930s-1950s. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and socio-educational thought*. 2014;(2):84-88. (In Russ.)

27. Results of the 1959 All-Union Population Census of the USSR. Moscow: Gosstatizdat; 1962. 284 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Шконда Игорь Андреевич, аспирант кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: crpmriq@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-6607-7652

Igor A. Shkonda, Postgraduate Student of the Department of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maykop, Russian Federation,
e-mail: crpmriq@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-6607-7652

Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года

И.З. Самситдинов^{1✉}, И.З. Самситдинов¹

¹Уфимский университет науки и технологий

Заки Валиди, д. 32, г. Уфа 450076, Российская Федерация

✉ e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа истории развития местного самоуправления в Башкортостане, что связано с рядом нерешенных вопросов как правового и государственного, так и общеполитического, социологического и политического характера. Вопросы развития местного самоуправления в Башкортостане, как составной части общероссийского процесса, находятся в стадии активного реформирования, что обуславливает поиск оптимальных моделей демократического развития. Важным аспектом является исследование внутренних противоречий и политической раздробленности Башкирии, которые предопределили поэтапный характер её присоединения к России. Период с 1864 по 1917 год характеризуется особым вниманием к местному самоуправлению и влиянию земских и городских реформ на башкирское население, а также ограничениям, вызванным колониальной политикой Российской империи.

Целью настоящего исследования является всестороннее изучение института местного самоуправления, а также выявление и анализ его влияния на формирование и развитие социальной, политической и культурной идентичности башкирского народа как важного компонента его исторического самосознания и этнокультурной самобытности.

Задачами исследования: отразить всю действительность, которая происходила после присоединения башкиров к Российской империи.

Методология. В исследовании использовались такие методы научного познания, как исторический, сравнительный, метод анализа, синтеза, обобщения, систематизации, а также некоторые другие методы.

Результаты. В ходе исследования установлено, что даже с введением местного самоуправления положение башкир не изменилось существенно, и они продолжали оставаться лишенными политического самоопределения и национальной автономии.

Вывод. Установлено, что, несмотря на наличие волостных старшин, представляющих интересы башкир и татар, ключевые позиции управления оставались за великими русскими помещиками и чиновниками, которые не проявляли интереса к национальным нуждам угнетенных народов.

Ключевые слова: Российская империя; Золотая Орда; башкиры; реформы; местное самоуправление; правительство.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Самситдинов И.З., Самситдинов И.З. Территориальная организация башкир и особенности местного самоуправления в башкирском крае со второй половины XVI века до 1917 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 271–285. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-271-285>.

Поступила в редакцию 03.06.2025

Принята к публикации 29.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Territorial organization of the bashkirs and features of local Self-government in the Bashkir region from the second half of the 16th century to 1917

Ilfat Z. Samsitdinov^{1✉}, Ilnur Z. Samsitdinov¹

¹Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi, Ufa 450076, Russian Federation

✉ e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Abstract

Relevance. The relevance of this study is due to the need for a comprehensive analysis of the history of the development of local self-government in Bashkortostan, which is associated with a number of unresolved issues of both legal and governmental, as well as general philosophical, sociological and political nature. The issues of the development of local self-government in Bashkortostan, as an integral part of the all-Russian process, are under active reform, which leads to the search for optimal models of democratic development. An important aspect is the study of the internal contradictions and political fragmentation of Bashkiria, which predetermined the gradual nature of its accession to Russia. The period from 1864 to 1917 is characterized by special attention to local self-government and the impact of zemstvo and city reforms on the Bashkir population, as well as the restrictions caused by the colonial policy of the Russian Empire.

The purpose of this study is a comprehensive study of the institution of local self-government, as well as the identification and analysis of its impact on the formation and development of the social, political and cultural identity of the Bashkir people as an important component of their historical identity and ethno-cultural identity.

Objectives of the study are to reflect the entire reality that took place after the Bashkirs joined the Russian Empire.

Methodology. The study used such methods of scientific knowledge as historical, comparative, method of analysis, synthesis, generalization, systematization, as well as some other methods.

Results. The study established that even with the introduction of local self-government, the position of the Bashkirs did not change significantly, and they continued to be deprived of political self-determination and national autonomy.

Conclusion. It was established that, despite the presence of volost elders representing the interests of the Bashkirs and Tatars, key management positions remained with the great Russian landowners and officials who showed no interest in the national needs of the oppressed peoples.

Keywords: Russian Empire; Golden Horde; Bashkirs; reforms; local self-government; government.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Samsitdinov I.Z., Samsitdinov I.Z. Territorial organization of the bashkirs and features of local self-government in the Bashkir region from the second half of the 16th century to 1917. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(4):271–285. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-271-285>.

Received 03.06.2025

Accepted 29.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Необходимость комплексного анализа истории развития местного самоуправления в Башкортостане в настоящее время связана с рядом нерешенных вопросов как правового и государственного, так и общеполитического, социологического и

политического характера. Вопросы развития местного самоуправления в Башкортостане как составной части общероссийского процесса находятся в стадии активного реформирования, что обуславливает поиск оптимальных моделей демократического развития. Несмотря на значительное количество работ, посвящен-

ных историческим и современным аспектам строительства местного самоуправления в Башкортостане, комплексное исследование вопросов становления, формирования и интеграции местного самоуправления региона в российское правовое пространство остается недостаточно изученным. В рамках данной работы акцент сделан на историко-теоретических аспектах исследуемой проблемы.

Отдельные исторические и теоретические аспекты исследуемых проблем в том или ином виде рассматривались в трудах П. Ашлей, Р. Гнейста, П. Лабанда, А. Токвиля, Л. Штейна, С.А. Авакьяна, В.П. Безбородова, А.И. Насильчикова, И.В. Выдрина, А.Д. Градовского, И.Р. Гибаева, З.Д. Еникеева, М.Д. Загряцкого, А.Н. Кокотова, К.М. Коркунова, М.А. Курчинского, Н.И. Лазаревского, В.А. Лапини, М.Ф. Маликова, Г.С. Михайлова, В.Д. Перевалова, В.В. Погосского, М.И. Свешникова, В.И. Фадеева, Б.Н. Чичерина. Они положили начало научному и практическому пониманию характера и специфики формирования исторической и национальной концепции развития местного самоуправления.

В исторической науке исследованием проблем развития башкирского общества, управления и местного самоуправления заняты А.З. Асфандиров, Б.А. Азнабаев, Н.В. Бикбулатов, З.Ф. Гатаулина, Р.Г. Буканова, Н.Ф. Демидова, Т.С. Искужин, Ф.А. Ишкулов, А.Н. Тимонин и др.

В коллективной работе Ф.А. Ишкулова, Т.С. Искужина, З.Ф. Гатауллиной [1] рассматривается история становления государства и права Башкортостана в составе СССР. В свою очередь Б.А. Азнабаев и Р.Г. Буканова в своих трудах выявили управленческие особенности башкирского общества с момента их появления до нынешних времен [2; 3; 4; 5]. Каждый из указанных ученых изучает либо определенный период истории Башкортостана и оценивает как правовые, так и социологические, этнические и иные его характеристики, присущие изучаемому времен-

ному промежутку, либо делает общие этнографические изыскания.

Таким образом, ряд вопросов, анализируемых в исследовании, еще не получили должного научного обоснования, поэтому исследование, направленное на обобщение и систематизацию состояния и тенденций развития организации и деятельности местного самоуправления в Башкортостане, представляет значительный научный и практический интерес.

Методология

Методологической основой исследования является комплексный подход, включающий применение различных методов научного познания.

Исторический метод используется для изучения развития местного самоуправления в Башкирии в хронологической последовательности, выявления закономерностей и особенностей каждого этапа.

Сравнительный метод применяется для сопоставления различных моделей местного самоуправления, существовавших в Башкирском крае и других регионах России, а также для выявления общих черт и различий в их функционировании.

Метод анализа позволяет разделить исследуемый объект на составные части и изучить каждую из них в отдельности, выявляя их взаимосвязи и влияние на развитие местного самоуправления в целом.

Метод синтеза используется для объединения полученных результатов анализа в единую картину, позволяющую сформулировать целостное представление об истории и современном состоянии местного самоуправления в Башкирии.

Метод обобщения применяется для выявления общих тенденций и закономерностей в развитии местного самоуправления, а также для формулирования выводов и рекомендаций, имеющих практическое значение.

Помимо указанных методов, в исследовании используются и другие об-

щенаучные методы, такие как системный подход, позволяющий рассматривать местное самоуправление как сложную систему взаимосвязанных элементов, а также формально-юридический метод, применяемый для анализа нормативных правовых актов, регулирующих деятельность местного самоуправления.

Результаты и их обсуждение

Интересы дальнейшего объединения русских земель и необходимость защиты населения от набегов татар заставили Русское государство начать в середине XV в. прямую вооруженную борьбу с Казанским ханством, и события эти отразились на неоднозначных судьбах башкирского этноса. Географически Башкирия непосредственно граничит на протяжении сотен километров с Казанским ханством, к тому же значительная часть уже принудительно была введена в территории Казанского ханства и соседней Ногайской Орды, в которых все более возрастало турецкое влияние. Башкиры по своему языку, культуре и быту были близки к казанским татарам [6, с. 175].

У единого Русского государства в течение всего исторического времени было множество скрытых противников и открытых врагов, и главным врагом Русского государства к XVI в. на восточных границах стало сильное Казанское ханство, правители которого продолжили открытую агрессивную политику всеми доступными способами и методами ведения войны завоевания и закабаления народов, прежде всего на западных рубежах [7, с. 194]. С самого начала своего государственного оформления как отдельного и самостоятельного ханства они не сумели выработать оригинальной политической стратегии и продолжили агрессивную, завоевательную политику своих предшественников, канувших в лету правителей Золотой Орды, но еще более жестокими средствами истребления соседних этносов, полного их уничтожения и превращения части населения в ра-

бов. В Казанском ханстве политический и социальный строй, основные методы государственного управления во многом были идентичными таковым в Крымском и Астраханском ханствах. Вся высшая политическая власть сконцентрирована в руках одного человека – верховного хана, хотя как элемент псевдодемократии созывался коллективный орган, выполняющий чисто декоративные функции утверждения решений хана, и все же для решения судьбоносных задач время от времени созывался курултай, решение на котором принимали уже коллективно, всеми крупными феодалами и собственниками основных средств производства и природных ресурсов, но главным и верховным распорядителем и собственником всего и вся выступал хан [8, с. 236].

Во второй четверти XVI в. Русское государство вступило на путь решительной борьбы с Казанским ханством. Военный конфликт России с Казанским ханством был неизбежен не только в плане борьбы с казанско-турецкой агрессией. Казанское ханство держало в своих руках волжский торговый путь, мешало развитию торговых отношений России с восточными странами. В то же время Казанское ханство препятствовало распространению русской колонизации дальше на восток, в богатые пушниной районы Западной Сибири. 2 октября 1552 г. после полуторамесячной осады Казань была взята. Силой русского оружия был сломлен один из наиболее опасных врагов Русского государства, наследовавший агрессивные тенденции Золотой Орды. Вместе с тем был разгромлен оплот реакционных сил, стремившихся установить свое господство в Восточной Европе и сломить растущую мощь Русского государства. С падением Казани и присоединением Казанского ханства границы Русского государства приблизились к Башкирии [9, л. 1].

Следует отметить, что с момента подчинения Западной Башкирии Казанскому ханству одной из тяжелых повин-

ностей башкир была военная служба. Наряду с уплатой обременительного ясака башкиры принуждены были по требованию хана выставлять определенное количество вооруженных воинов для участия в завоевательных походах или на бегах казанских феодалов. Военную службу в пользу Казанского ханства несли не только башкиры, но и другие покоренные народы, но башкирскую родоплеменную знать казанский хан считал выгодным использовать на дипломатическом поприще, чтобы через них в некоторой степени смягчить мнение о себе как исключительном агрессоре и завоевателе. Один из башкирских биев Килимбет в 1508 г. ездил по поручению казанского хана Мухаммед-Эмина в Москву в качестве посла к Ивану III [10, с. 76]. Казанские ханы использовали башкир и на последних этапах борьбы с Москвой. В западных районах Башкирии бытует чрезвычайно много преданий и легенд, связанных с этим периодом истории народа. Содержание большинства этих преданий сводится к следующему: по зову казанского хана тысячи башкир-воинов принуждены были идти защищать Казань от русского наступления. Все они были вооружены луками, копьями и имели запасных лошадей со всем снаряжением. В то же время башкирская феодальная знать, которая к этому времени экономически окрепла, стремилась к политической самостоятельности. Предводители башкир, зная положение в Казани, учли реальное соотношение сил. Предвидя неизбежный крах Казанского ханства, они воспользовались сложившейся обстановкой, чтобы навсегда покончить с вековой зависимостью.

В середине XVI в. ногайские мурзы уже не представляли собой той грозной, непобедимой силы, какой они были для башкир несколькими десятилетиями раньше, этому способствовали несколько факторов: во-первых, это последствия междоусобной вооруженной борьбы между отдельными кланами за верхов-

ную власть, во-вторых, это неурожай и последовавший за ним голод и вымирание населения, а также привнесенная чума, поразившая в конце 1540-х гг. большую часть Поволжья. Ногайские правители уже к этому времени были не в состоянии удержать власть, обозначились два фронта противостояния: против Русского государства и против подъема освободительного движения башкир. Видные ногайские родо-племенные союзы, кочевавшие в Башкирии, после окончательного падения в 1552 г. Казани приняли единственно правильное геополитическое решение: они окончательно покинули обжитые места кочевок и, увлекая за собой часть башкирского населения, мигрировали в более благоприятные по климатическим условиям низовья р. Волги и на северный Кавказ. Вполне логически объяснимо, что все ногайцы в силу объективных обстоятельств могли переселиться, и в дальнейшем они мирными способами ассимилировались с башкирским этносом. Основную тяжесть междоусобиц несли трудящиеся башкиры, не прекращавшие борьбу за освобождение от гнета ногайских, казанских и сибирских феодалов [11, л. 23].

Политическая раздробленность Башкирии не могла обеспечить единовременного вхождения башкир в состав Русского государства. Процесс присоединения Башкирии к Русскому государству продолжался с 1553–1554 гг. до 1557 г. Первыми приняли русское подданство западные башкирские племена. Произошло это событие некоторое время спустя после взятия Казани, примерно в 1554 – начале 1555 г. Как правило, каждое башкирское племя посылало свое посольство [12, л. 39].

Следующим крупным шагом в этом процессе было присоединение башкирского племени мин. Присоединение минских башкир к Русскому государству предшествовала длительная борьба с ногайцами. Вслед за минцами в том же 1555 г. посольство к «белому царю» от-

правили башкиры племени юрматы – восточные соседи минцев. Юрматынцы и минцы с давних времён были связаны друг с другом. Некогда эти два племени входили в один племенной союз и подчинялись одному хану. В период ногайского господства племена юрматы и мин часто объединялись в борьбе против общего врага. Накануне присоединения юрматынцев к Русскому государству у них происходили события, аналогичные тем, которые предшествовали прибытию в Казань посольства минских башкир. Об этом подробно рассказывает шежере башкир племени юрматы «О подданстве белому царю». В конце 1555 г. объединённое посольство в Казань направили юго-восточные племена усерган, кыпсак, бурзян и тамьян. В состав посольства юго-восточных башкир к московскому царю вошли крупные башкирские феодалы – представители родоплеменной знати [13, с. 22].

В 1555 – начале 1556 г. посольства в Казань направляли северо-восточные племена. Однако не все северо-восточные башкиры направили свои посольства к наместнику русского царя. В середине XVI в. и позднее башкиры, жившие по рекам Аю, Юрюзани, на северных отрогах Южного Урала и в Зауралье, были в зависимости от Сибирского ханства, враждебно настроенного против России. Поэтому в 1555 – начале 1556 г. посольства в Казань направили только западные табынцы, жившие в соседстве (севернее) с юрматынцами и кыпсаками. Следует отметить, что в течение 1555 – начале 1556 г. в составе Русского государства оказалась вся Башкирия, за исключением той её части, которая подчинялась Сибирскому ханству. Однако в Казани присоединение башкир к Русскому государству окончательно не завершилось. Здесь башкиры ещё не получали царских жалованных грамот, которыми закреплялось их подданство русскому царю. Жалованные грамоты башкиры получали в Москве, когда их посольства прибывали к

самому царю. В Москву башкиры направляли свои посольства спустя примерно год после посещения Казани. Большинство посольств побывало в Москве в конце 1556 – первой половине 1557 г. [11, л. 22]

Способ землевладения и землепользования первоначально у башкир утвердился как общинный, земля почиталась и принадлежала всему племени или роду, поэтому по спорным вопросам пользования и восстановления плодородия башкиры выступали не как индивидуальные собственники, а как представители единого собственника – общины. Ясак башкиры выплачивали от имени всей волости или отдельным родом за общую земельную вотчину. Но ко времени вхождения башкирского населения в состав единого Русского государства общинное владение землей как социальный и экономический институт были разрушены, собственниками стали отдельные баи – феодалы [14, с. 37].

Во второй половине XVI в. южная граница Башкирии соприкасалась с кочевьями ногайских улусов, чья знать все еще надеялась восстановить свое господство над башкирским населением. Однако в начале XVII в. ногайцы потерпели сокрушительное поражение от калмыцких войск, продвигавшихся в регион Южного Урала, что вынудило их отступить от башкирских рубежей. Это событие положило начало длительному периоду соперничества между башкирами и калмыками за контроль над плодородными пастбищными угодьями. Калмыцкие феодалы стремились к захвату башкирских кочевий, но башкиры оказывали им активное и упорное сопротивление [15, с. 105]. К концу XVII в. натиск калмыков ослаб в связи с миграцией значительной части их племен на восток. На южных и юго-восточных границах Башкирии появились новые соседи – казахские племена, также претендовавшие на часть башкирских пастбищ.

Одной из ключевых задач воеводского аппарата управления был сбор налогов и различных повинностей с населения. Ясак с башкир, тептярей, бобылей и других народов взимался на основании «окладных ясачных книг». Воевода обладал широкой юрисдикцией над всем населением Башкирии. В 1728 г. представители четырех башкирских дорог документально подтверждали, что с момента основания Уфы «судьей... всегда был... один воевода». Однако некоторые вопросы, касающиеся земельных споров, имущественных прав и разводов, башкиры решали на своих собственных третейских судах, сохраняя элементы традиционного самоуправления [16, с. 123].

В период с середины XVI до первой трети XVIII в. башкиры обсуждали важнейшие вопросы общественной жизни на народных собраниях, известных как йыйыны. Однако центральное правительство постепенно ограничивало их право на проведение подобных собраний, опасаясь проявлений сепаратизма. Указом от 11 февраля 1736 г. башкирам было разрешено собираться «к речке Чесноковке» только один раз в год для проведения общих собраний представителей всех четырех дорог [17, л. 137–139]. В 1739 г. правительство наложило запрет на подачу коллективных челобитных от имени всего башкирского народа. Башкиры могли обращаться с прошениями только от имени населения одной волости, и лишь в исключительных случаях – «от всякой дороги». Это ограничивало возможности башкир влиять на решения центральной власти [12, л. 40].

В начале XVIII в. приказная и воеводская система управления в стране подверглась реформированию и была заменена губернской. В соответствии с указом от 18 декабря 1708 г., в России было образовано восемь губерний: Уфимский уезд преобразован в отдельную Уфимскую провинцию и включен в состав обширной Казанской губернии, но в 1728 г. Уфимская провинция перешла в непо-

средственное ведение Сената, вследствие ее исключительной значимости в экономическом и военном отношении, зауральская же часть Башкирии, наименее населенная, расположенная к востоку от Уральских гор, осталась в составе Тобольского уезда Сибирской губернии.

В 1798 г. в Башкирии кантонная система управления, полномочия которой распространялись не только на башкир, но и на мишарей, оренбургских и уральских казаков, во многом способствовала экономическому и социальному развитию региона. Главной целью реформы было стремление центральной московской власти усилить позиции государства на юго-восточной границе империи, укрепить авторитет политической власти в регионе. Кантонная система не была уникальным изобретением России, аналогичные системы существовали и в других государствах с военно-феодальным устройством, таких как Австро-Венгрия и Пруссия. В конце XVIII в. кантонное управление и военные поселения вводились в отдельных регионах.

Подчеркнем, кантональная система организации государственного управления происходит постепенно, и только в 1754 г. башкир и мишарей начинают призывать на воинскую службу в Оренбургскую пограничную линию [18, с. 76]. В конце 1780-х гг. уфимский губернатор генерал-лейтенант О.А. Игельстром принимает решение переводить наиболее подготовленных к службе башкир и мишарей в почетное военное сословие. Источники сообщают, что в 1789 г. 20908 башкирских дворов уже были разделены на 103 юрты (команды), под руководством старост и пятидесяти двух их помощников, назначенных Игельстромом. Для формирования Военной гвардии были назначены еще шестьдесят три полковых старейшины и 213 центурионов. В среднем на каждые 50 семей приходился один чиновник, что значительно облегчало «контроль за образом жизни и поведением населения» [17, л. 36]. В то же вре-

мя, несмотря на военную службу, башкиры официально оставались под контролем гражданской администрации, что создавало определенную двойственность в их положении. К лету 1865 г. политическая обстановка настолько стабилизировалась, что Указом от 2 июля отменялась система кантонного управления в Башкирии, упразднялось Башкирское войско. Башкиры, мишари, тептяри и бобыли переводились в отдельное податное сословие. Правительство уравнивает их в гражданских правах с «прочими свободными сельскими обывателями», подчиняет единым и общим гражданским властям – мировым посредникам, уездным и губернским по крестьянским делам присутствиям. Формируются сельские и волостные управления, сходные с подобными же государственными структурами в других губерниях, где преобладает русское население. Царское правительство, переводя башкир из военного в гражданское ведомство, окончательно уравнивает их с другими народами, тем самым вопрос о самостоятельности решается естественным путем. Русская империя к середине XIX в. на востоке дошла до Тихого океана, а на юге присоединила киргизкайсацкие (казахские) орды. Башкирия приобрела статус обычной, внутренней губернии России, и полностью отпала необходимость пограничной службы башкир, мишарей, тептярей и бобылей уже не только по Оренбургской, но и по Сибирской линиям и границам [19, с. 412].

На упразднение кантонной системы управления в Башкирии в определённой степени повлияли начавшиеся в рамках феодального строя процессы формирования капиталистических отношений. Хронологически это совпало с отменой крепостного права в России, что не было случайным совпадением. Развитие капиталистического уклада в стране шло по особому пути, обусловленному географическими факторами: в отличие от Европы, где он формировался в основном в центре, в России движение шло как

вглубь – в центральные регионы, так ивширь – на восточные и южные окраины империи. Рост капитализма «вширь» – распространение его на другие территории путем заселения их выходцами из центральных губерний страны, а также втягивания местных жителей в буржуазные производственные отношения. Башкирия и её народы постепенно шли в русло общего развития России, и они не могли остаться в стороне от капиталистического развития, хотя особенности жизни народов края (например, сохранение скотоводства у башкир, медленный переход к оседлости и т. д.) замедляли это развитие.

К 1860 г. Башкирия представляла собой многонациональный край России. В административном отношении она не была единой, более половины (52%) коренного башкирского населения проживало в Уфимской, 35% – в Оренбургской, 13% – в Пермской, Вятской и Самарской губерниях [20, с. 28].

Во второй половине XIX в. современная территория Башкортостана в основном входила в состав Уфимской и Оренбургской губерний, и уже к 1859 г. в них постоянно проживало 1977,2 тыс. человек, в первой – 1152,2 тыс. чел., во второй – 825 тыс. человек. Из них примерно 834,3 тыс. душ входили в состав регулярного башкирского войска, а 204,9 тыс. – в Оренбургское казачье войско. В собственности государства было 442,8 тыс. человек, 56,7 тыс. относились к удельным, 133,2 тыс. были в прямой крепостной зависимости помещиков и 134,6 тыс. были приписаны горным заводам. Стоит подчеркнуть, что изменение правового положения башкир, а именно отмена кантонной – военно-феодальной системы управления, совпало с земской, городской, судебной и иными типично буржуазными реформами 60-70-х годов XIX века, формально провозглашалось равенство, но при этом полностью игнорировались их национально-этнические

особенности, связанные с типами доминирующей хозяйственной и культурной жизнедеятельности. Тем самым формальное равенство выглядело во многом лишь декорацией [21, с. 56].

1 января 1864 года было утверждено и обнародовано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», что стало значительным шагом вперёд в развитии местного самоуправления. Этот акт способствовал укреплению представительных начал, расширению автономии различных социальных слоёв, а также стимулировал рост местного хозяйства и общее экономическое развитие регионов. Земская система основывалась на принципе всеобщего участия и косвенных выборов, при этом избирательные права граждан определялись их имущественным положением. Для сельского населения имущественный ценз не устанавливался: вместо этого была введена многоступенчатая избирательная схема, при которой на сельских сходах выбирались выборщики, а уже они, в свою очередь, формировали состав гласных уездных земских собраний.

В соответствии с текстом Городового положения от 16 июня 1870 г. в 509 городах России вводились всеобщие органы городского самоуправления, а именно городские думы (избирались на четыре года), и отдельные городские управы как органы исполнительной власти. Основная часть городов края оказалась подготовленной к преобразованиям, инициированным сверху [22, с. 50–52].

В 1869 и 1879 гг. поэтапно вводились должности неперенных членов по башкирским делам в составе присутствий Мензелинского, Бирского и Белебеевского уездов и особого чиновника по размежеванию спорных башкирских поземельных дач, входящего в Уфимское губернское присутствие. В 1882 г. количественный состав чиновников претерпевал изменения вследствие значительного объема измерительных и межевых работ, впо-

следствии этих неперенных членов названного присутствия заменили земские начальники. Но ни одно из перечисленных должностных лиц не представляло интересов башкирского народа. Весьма своеобразно понимая свою «цивилизаторскую» миссию, они с особым усердием стремились к тому, чтобы уничтожить башкирские кочевки, а кочевые места утилизировать под пашни. Последствием этого явился упадок башкирского хозяйства. «Башкиры, – справедливо писал Д.П. Никольский в 1899 г., – не могли приспособиться сразу к новым условиям жизни, в особенности при такой системе управления, какая практиковалась за все это время» [23, с. 13].

Сельское и волостное общественное управление представляло собой в дореволюционной Башкирии то звено в общей структуре управления, которое было сравнительно более близким к национально-специфическим нуждам и запросам башкирского населения. На этом этапе башкиры имели относительно свободный доступ к органам административного управления. На территориях с преобладающим башкирским населением волостными старшинами, как правило, избирались представители башкир, а в татарских районах – преимущественно татары. Из 177 волостных старшин по пяти (без Мензелинского) уездам Уфимской губернии в 1914–1915 гг. 83 были башкирами и татарами, но полномочия низовых звеньев башкирского управления были ограниченными и по множеству вопросов башкирских сельских обществ и даже волостных сходов приходилось добиваться утверждения со стороны вышестоящих участков или уездных властей. Эти низовые звенья системы управления отнюдь не могли выступать как проводники национальной идеи, будучи простыми исполнителями вышестоящей административной инстанции.

В начале XX в. среди начальников различных административных районов Российской империи насчитывалось девять генерал-губернаторов и 19 военных губернаторов. Но независимо от формы управления (и в Финляндии, и в далеком Туркестане, и в татаро-башкирских районах внутренней России) от имени самодержавного русского царя властвовали его опричники разных чинов и званий. Административное устройство земель, деление на губернии и уезды проводилось без какого-либо учета национальных особенностей. В целом башкиры, татары, другие национальности Поволжья и Урала во многом были лишены политических и социальных условий для самостоятельного и полноценного развития как этносов, не могли свободно выстраивать хозяйственные отношения в пространстве собственной этнической идентичности, даже не могли всегда свободно пользоваться родными языками, не имели права на национальное самоопределение. Были лишены собственного политического управления, национальной государственности и автономии [17, л. 135].

Здравомыслящие администраторы и земские деятели нередко высказывали трезвые суждения о положении и нуждах коренной национальности Башкирии. О башкирах, обезземеливаемых колонизаторами, писал в 1906 г. в докладе губернатору уфимский либерал Плансон. Он считал, что те земли, которые хотят захватить башкиры, «...действительно нужны им» и что они в свое время «были отняты у них» [24, с. 118]. Определенную работу среди башкир и татар провели земства Уфимской губернии. Начиная с 1908 г., особенно в 1911–1912 гг., они активизировали свою деятельность в области постановки дела просвещения коренных жителей Башкирского края. Земства понимали, что «уже одно то обстоятельство, что Уфимская губерния является центром “Дикой Башкирии”, – требует

самого внимательного отношения к вопросам инородческого образования со стороны земства» [25, с. 70]. Уфимское земство принципиально считало, что для органов местного самоуправления «не должно быть “ни эллин ни иудей”, не должно быть разделения на сыновей и пасынков». Одновременно оно признавало, что при необыкновенной пестроте этнического состава населения края «не может быть создано совершенно одинаковых для всех местностей образовательных норм» и что при подготовке закона о всеобщем обучении должны быть учтены национально-специфические особенности башкир, татар и других народов [26, с. 19]. Представители Уфимского земства возбудили целый ряд ходатайств об улучшении положения мектебе и медресе, башкирских, татарских и других русско-инородческих школ, о подготовке необходимых для них педагогических кадров, о правах учителей из башкир и татар и т. д. [27, с. 125–126]

Следует подчеркнуть важный исторический факт: царское правительство директивно устанавливало ограничения на представительство нехристианского населения в органах местного самоуправления. Так, в Уфимской и Оренбургской губерниях было предписано, что число членов городской думы от нехристианских народов не должно превышать одной трети её состава. Однако на практике их доля значительно была ниже заявленных нормативов: в 1915 г. из 140 депутатов в городах Уфа, Белебей, Бирск и Стерлитамак всего лишь 27 представляли татарскую буржуазию и привилегированную часть татарской интеллигенции. Аналогично за 40 лет существования уездных земств Уфимской губернии башкиры и татары составляли всего около 314 из общего числа 1163 членов, а к 1914–1915 гг. их представительство снизилось ещё больше – из 133 гласных земств только 23 были татарами или

башкирами. За весь этот период среди председателей уездных земских управ Уфимской губернии татар было всего четыре, а башкир ни одного. В числе руководителей губернских и уездных земских управлений в 1912–1915 гг. башкиры также не присутствовали, насчитывалось всего 3–4 татарина. В губернском земском собрании в 1914–1915 гг. из 43 гласных лишь трое были татарами, а башкиры практически отсутствовали. В Государственном совете империи Уфимская губерния представлялась графом А.П. Толстым, а в Государственной думе IV созыва – пятью русскими и тремя татарами. В частности, депутат Ш.Ш. Сыртланов отметил: «Я, представитель Уфимской губернии, выбранный коренными жителями башкирами, очень немного членов этого народа в Думе» [28, с. 921].

Выводы

Введение института местного самоуправления стало важным этапом демократизации российского государственного устройства. Однако реформа земского самоуправления и система местной администрации не смогли существенно изменить политическое и правовое положение башкир как самостоятельной национальной общности. Изначально эта система носила половинчатый характер и не обеспечивала полноценного представительства или учета национальных особенностей башкир. Дополнительно к этому правительственные указы административно-управленческого характера отражали характер времени: обострение классовых противоречий и приближение революционных событий. История развития местного самоуправления в Башкирии показывает, что многонациональный народ региона, несмотря на численное меньшинство, сохранял свои национальные особенности, традиции и культурные ценности. Башкиры всегда отстаивали право на непосредственное участие в

управлении своей территорией через общины и традиционные институты самоуправления, добиваясь учета своих интересов.

Важно отметить, что с момента присоединения Башкирии к России башкиры никогда не ставили целью выход из состава государства, они воспринимали Россию как сильное государство и признавали ее власть. Российские императоры и высшие органы власти зачастую признавали право башкир на самостоятельное управление с учетом их исторических, культурных и национальных особенностей, как делали для других национальностей России (например, тептяри, мишари, русские). В этом контексте можно говорить о признании определенной автономии или особого статуса башкир. На современном этапе закрепление права населения на осуществление местной власти «с учетом исторических и иных традиций» стало важным шагом к демократическому развитию региона. Однако действующее законодательство зачастую чрезмерно регламентирует формы реализации этого права, ограничивая возможность проявления инициативы и творчества граждан на местах.

Местное самоуправление, по сути, сохраняет черты общинного строя, но при этом приобретает новые черты в рамках государственно-организованного общества: оно должно сохранять социальный элемент и обладать возможностями для многообразия форм самоорганизации граждан. Ключевым условием эффективного развития местного самоуправления является предоставление гражданам свободы инициативы и самостоятельности при сохранении рамок закона. Закон должен создавать условия для проявления творчества масс, а формы реализации этого творчества определяются народом с учетом традиций, образа жизни и исторического опыта региона.

Проведенное исследование систематизирует хронологические и методические аспекты становления и развития местного самоуправления в Башкортостане. Результаты эмпирического анализа позволяют понять текущую ситуацию с формированием институтов самоуправления в контексте нового законодательства, а также выявить особенности социальной структуры региона: его население, культуру, язык и образование. Авторы не ограничиваются лишь анализом существующих проблем; они также предлагают пути их решения, прежде всего с учетом исторически сложившихся традиций населения. Эти проблемы открывают новые горизонты для дальнейших глубоких историко-правовых исследований отдельных периодов формирования системы местного самоуправления в Башкортостане. На основе всестороннего анализа можно сделать главный вывод: только

интеграция традиций народа с современными моделями управления позволит создать эффективную систему местного самоуправления в России. Такая модель должна учитывать историческую predisposedность российского народа к самоорганизации, синтезировать отечественный и зарубежный опыт и опираться на научные основы развития гражданского общества. Только при наличии научно обоснованной модели возможно обеспечить подлинную демократическую самоорганизацию граждан на локальном уровне, развитие правового государства и формирование активных гражданских институтов. Это создаст условия для формирования полноценного гражданина – активного участника общественной жизни страны, что является необходимым условием устойчивого развития российского общества в целом.

Список литературы

1. Ишкулов Ф.А., Искужин Т.С., Гатауллина З.Ф. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 1996. 172 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства: (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.): монография. Уфа: БашГУ, 2005. 228 с.
3. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: БашГУ, 2016. 360 с.
4. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 261 с.
5. Буканова Р.Г., Игдавлетов И.С. Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века. Уфа: Башк. энцикл., 2021. 184 с.
6. Самситдинов И.З. Обеспечение баланса интересов при взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления: опыт и проблемы на примере РБ // Городские башкиры: урбанизация и этничность: материалы IX межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 173-175.
7. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. 2-е изд. Уфа: Китап, 2009. 296 с.
8. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.
9. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 394. Оп. 2. Д. 425. Л. 1.
10. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 335 с.

11. НА РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 435.
12. НА РБ. Ф. 122. Оп. 175. Д. 46.
13. Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX веков о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству: материалы научной конференции. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. С. 22-31.
14. Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я., Нагаева Л.Г. Родной Башкортостан. Уфа: Сонико, 1992. 301 с.
15. Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т. 1, ч. 1 / под ред. А.П. Смирнова. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.
16. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 / под ред. Н.В. Устюгова. М.;Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 106 с.
17. НА РБ. Ф. 3190. Оп. 28. Д. 21.
18. Рахимов Р.Н. Проекты реформ Башкиро-мещеряцкого войска первой половины XIX в. // Материалы Международной научной конференции Victoria Gloria Fama, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. С. 76-86.
19. Гумеров Ф.Х. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа: КИТАП, 1999. 567 с.
20. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.
21. Юлдашбаев Б.Х. Проблема нации и политическое положение башкир в составе царской России. Уфа: БГУ, 1979. 88 с.
22. Самситдинов И.З. Тенденции и потенциал развития местного самоуправления в России (на материалах Республики Башкортостан) // Идель-Уральские правовые чтения: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации. Уфа: БашГУ, 2013. С. 48-54.
23. Никольский Д.П. Башкиры. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. 377 с.
24. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905-1907 гг. в Башкирии / под ред. С.М. Васильева [и др.]. Уфа: Бакнигоиздат, 1956. 293 с.
25. План деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: утвержденный Губернским земским собранием очередной сессии 1912 г. 2-е изд., доп. Уфа: Уфим. губ. земство, 1913. 86 с.
26. Отчет Уфимской губернской земской управы XXXVII очередному Уфимскому земскому собранию. Уфа: Уфим. губ. земство, 1911. 43 с.
27. Очерки деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: 1875–1910 гг. Уфа: Уфим. губ. земство, 1910. 160 с.
28. Стенографические отчеты / Государственная дума. 1906. Сессия 1-я. Т. 2: Заседания 19-38 (с 1 июня по 4 июля). СПб., 1906. 867-2013 с.

References

1. Ishkulov F.A., Iskuzhin T.S., Gataullina Z.F. History of the State and law of Bashkortostan. Ufa: Kitap; 1996. 172 p. (In Russ.)
2. Aznabaev B.A. Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state: (the second half of the XVI - the first third of the XVIII centuries). Ufa: BashGU; 2005. 228 p. (In Russ.)

3. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 18th century. Ufa: BashGU; 2016. 360 p. (In Russ.)
4. Bukanova R.G. Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the XVI-XVII centuries. Ufa: Kitap, 2010. 261 p. (In Russ.)
5. Bukanova R.G., Igdayetov I.S. Bashkiria and the Islamic factor in the Southeastern Politics of Russia in the 17th – first Half of the 19th Century. Ufa: Bashk. entsikl.; 2021. 184 p. (In Russ.)
6. Samsitdinov I.Z. Ensuring a balance of interests in the interaction of public authorities and local governments: experience and problems on the example of the Republic of Bashkortostan. In: *Gorodskie bashkiry: urbanizatsiya i etnichnost': materialy IX mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Urban Bashkirs: urbanization and ethnicity: proceedings of the IX Interregional scientific and practical conference*. Ufa: IYAL UNTs RAN; 2016. P. 173-175. (In Russ.)
7. Kuzeev R.G. Historical ethnography of the Bashkir people. 2nd ed. Ufa: Kitap; 2009. 296 p. (In Russ.)
8. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1960. 276 p. (In Russ.)
9. NA RB (National Archive of the Republic of Bashkortostan). F. 394. Op. 2. D. 425. L. 1. (In Russ.)
10. Usmanov A.N. Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state. 2nd ed. Ufa: Bashk. kn. izd-vo; 1982. 335 p. (In Russ.)
11. NA RB. F. 122. Op. 22. D. 435. (In Russ.)
12. NA RB. F. 122. Op. 175. D. 46. (In Russ.)
13. Asfandiyarov A.Z. Bashkir sources of the XVI–XIX centuries on the voluntary annexation of the region to the Russian state. In: *Istoricheskoe znachenie dobrovol'nogo prisoedineniya Bashkirii k Russkomu gosudarstvu: materialy nauchnoi konferentsii = The historical significance of Bashkiria's voluntary accession to the Russian state: proceedings of the scientific conference*. Ufa: Bashk. kn. izd-vo; 1982. P. 22-31. (In Russ.)
14. Khisamitdinova F.G., Sharipova Z.Ya., Nagaeva L.G. Native Bashkortostan. Ufa: Soniko; 1992. 301 p. (In Russ.)
15. Smirnova A.P. (ed.) Essays on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 1, pt. 1. Ufa: Bashkniгоizdat; 1956. 303 p. (In Russ.)
16. Ustyugova N.V. (ed.) Materials on the history of the Bashkir ASSR. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1936. 106 p. (In Russ.)
17. NA RB. F. 3190. Op. 28. D. 21. (In Russ.)
18. Rakhimov R.N. Projects of reforms of the Bashkir-Meshcheryak army of the first half of the 19th century. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Victoria Gloria Fama, posvyashchennoi 300-letiyu Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi = Materials of the Victoria Gloria Fama International scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Military historical museum of artillery, engineering troops and communications troops*. Pt. III. St. Petersburg: VIMAIViVS; 2003. P. 76-86. (In Russ.)
19. Gumerov F.Kh. The laws of the Russian Empire on Bashkirs, mishars, tepties and bобыl. Ufa: KITAP; 1999. 567 p. (In Russ.)
20. Usmanov Kh.F. The development of capitalism in Bashkiria's agriculture in the post-reform period. 60-90-ies of the XIX century. Moscow: Nauka; 1981. 370 p. (In Russ.)
21. Yuldashbaev B.Kh. The problem of the nation and the political position of the Bashkirs in Tsarist Russia. Ufa: BGU; 1979. 88 p. (In Russ.)

22. Samsitdinov I.Z. Trends and potential of development of local self-government in Russia (based on the materials of the Republic of Bashkortostan). In: *Idel'-Ural'skie pravovye chteniya: materialy Vserossiiskoi zaочноi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* = *Idel-Ural Legal readings: materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the constitution of the Russian Federation*. Ufa: BashGU; 2013. P. 48-54. (In Russ.)

23. Nikol'skii D.P. Bashkirs. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina; 1899. 377 p. (In Russ.)

24. Vasil'eva S.M. Collection of documents and materials on the revolutionary movement of 1905-1907 in Bashkiria. Ufa: Baknigoizdat; 1956. 293 p. (In Russ.)

25. The plan of activity of the Ufa Provincial Zemstvo for public education: approved by the Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of 1912. 2nd ed. Ufa: Ufim. gub. zemstvo; 1913. 86 p. (In Russ.)

26. Report of the Ufa Provincial Zemstvo Council to the XXXVII regular Ufa Zemstvo Assembly. Ufa: Ufim. gub. zemstvo; 1911. 43 p. (In Russ.)

27. Essays on the activities of the Ufa Provincial Zemstvo in public education: 1875-1910. Ufa: Ufim. gub. Zemstvo; 1910. 160 p. (In Russ.)

28. Verbatim reports. State Duma. 1906. Session 1. Vol. 2. Sessions 19-38 (from June 1 to July 4). St. Petersburg; 1906. 867-2013 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Самситдинов Ильфат Закиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Ilfat Z. Samsitdinov, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Самситдинов Ильнур Закиевич, аспирант кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Ilnur Z. Samsitdinov, Postgraduate Student of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, e-mail: ilfat_samsitdino@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)«1914/19»

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>**Этика как основа развития научной школы (на примере петербургской исторической школы)****И.Е. Барыкина¹ **

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

 e-mail: ibarykina@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время для системы высшего образования актуальной является задача формирования и развития научных школ. Это ставит в повестку дня исследования по проблематике «научной школы»: определение самого понятия, принципов создания научной школы, ее деятельности и жизнеспособности.

Цель исследования – выявить принципы деятельности научной школы, способствующие ее становлению и развитию

Задачи: изучить воспоминания разных поколений историков, чья научная деятельность разворачивалась в рамках одной научной школы; выявить характерные черты научной школы, обеспечившие ее развитие; проследить преемственность качеств наставника, передававшихся от поколения к поколению внутри научной школы.

Методология исследования включает сравнительно-исторический и системный подходы, принципы объективности и историзма, эмпирический метод сбора данных, основанный на выявлении исторических источников – воспоминаний представителей разных поколений историков и их источниковедческом анализе.

Результаты. От поколения к поколению петербургских (ленинградских) историков в течение XX века передавались не только методологические основы и темы научных исследований, но и нравственные качества, которыми должен обладать наставник. Требовательность к себе и к ученикам, и вместе с тем уважение к личности, интеллигентность и благородство являлись этическими принципами этой научной школы.

Выводы. Преемственность идей петербургской исторической школы заключалась не только и не столько в общих принципах научной и преподавательской деятельности, но и в нравственном эталоне, заложенном ее основателем А.С. Лаппо-Данилевским.

Ключевые слова: научное знание; образование; научная школа; петербургская историческая школа; традиции; наставничество; этика.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Минпросвещения России в рамках государственного задания по теме «Образы героев в российской педагогике» (проект № VRFY-2025-0030).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барыкина И.Е. Этика как основа развития научной школы (на примере петербургской исторической школы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 286–298. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>.

Поступила в редакцию 29.05.2025

Принята к публикации 30.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Ethics as a basis for the development of a scientific school (using the example of the St. Petersburg historical school)

Inna E. Barykina¹

¹Herzen University
48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation

✉e-mail: ibarykina@mail.ru

Abstract

Relevance. Currently, the task of forming and developing scientific schools is relevant for the higher education system. This puts on the agenda of research on the problems of the "scientific school": defining the concept itself, the principles of creating a scientific school, its activities and viability.

Purpose – to identify the principles of the scientific school that contribute to its formation and development

Objective: to study the memoirs of different generations of historians whose scientific activity unfolded within the framework of one scientific school; to identify the characteristic features of the scientific school that ensured its development; to trace the continuity of the qualities of a mentor passed down from generation to generation within the scientific school.

The research methodology includes comparative historical and systematic approaches, principles of objectivity and historicism, an empirical method of data collection based on the identification of historical sources - memoirs of representatives of different generations of historians and their source analysis.

Results. From generation to generation of St. Petersburg (Leningrad) historians during the 20th century. not only the methodological foundations and topics of scientific research were transmitted, but also the moral qualities that a mentor should possess. Demandingness towards oneself and towards students, and at the same time respect for the individual, intelligence and nobility were the ethical principles of this scientific school.

Conclusion. The continuity of the ideas of the St. Petersburg historical school consisted not only and not so much in the general principles of scientific and teaching activities, but also in the moral standard laid down by its founder A.S. Lappo-Danilevsky.

Keywords: scientific knowledge, education, scientific school, St. Petersburg historical school, traditions, mentoring, ethics.

Funding: This work was carried out as part of the state-commissioned assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, project 'Images of heroes in Russian pedagogy' (project No. VRFY-2025-0030).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barykina I.E. Ethics as a basis for the development of a scientific school (using the example of the St. Petersburg historical school). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):286–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-286-298>.

Received 29.05.2025

Accepted 30.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Формирование молодых ученых, «воспроизводство научных кадров» традиционно является задачей высшей школы, и на рубеже прошлого и нынешнего столетия эта миссия приобрела особую актуальность. На наших глазах уходят из жизни те, кто во второй половине XX в. составил «золотой фонд» отечественной

науки. Следующее поколение ученых приходит им на смену, и оно, в свою очередь, призвано подготовить преемников. Появление новых способов передачи и освоения информации, развитие возможностей искусственного интеллекта ставят вопрос о роли наставника в процессе подготовки молодых исследователей, о создании научных школ. Закономерно по-

явление работ, в которых исследуются понятие «научной школы» и проблемы ее изучения. Е.А. Ростовцев в монографии о Санкт-Петербургском университете отнес этот исследовательский вектор к «антропологической проблематике российской науки и высшей школы второй половины XIX – начала XX в.». Он выделил в ней два аспекта, подчеркнув, что они в большинстве случаев касались гуманитарного знания: «отношения внутри научных корпораций» и «многочисленные исследования схоларной проблематики» [1, с. 94–95]. К таким исследованиям по «схоларной проблематике», появившимся в последнее время, относятся, например, монографии Б.С. Кагановича «Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков» (СПб., 1995), Е.А. Ростовцева «А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа» (Рязань, 2004), а также работы А.В. Свешникова.

Зачастую в историографии научная школа рассматривается как особая система методов научного исследования. Впервые аналитический обзор деятельности петербургской исторической школы, научной «в классическом ее понимании» [2, с. 303], дал С.Н. Валк (1887–1975) в очерке «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет». Он определил феномен научной школы, с одной стороны, как особую методологию исследования, подчеркивая, что в петербургской исторической школе соединились лучшие традиции «московского исторического круга», видевшего в научности истории «средство (орган) общественного воспитания», и петербургской исторической школы, отличавшейся «критической историографией, которая вопрос о составе и приемах изучения источников считала основой в деятельности ученого-историка» [3, с. 41, 45]. С другой стороны, в статье Валка научная школа предстает как система преемственности, передачи этого методологического подхода от одного поколения ученых к другому на протяжении столетия.

Существенную характеристику научной школы отметил московский исследователь В.В. Тихонов: «...научное и личностное взаимодействие между учителем и его учениками, а также различными поколениями представителей сообщества» [4, с. 14].

Научную школу как «систему воспроизводства профессионального научного сообщества» рассматривает в своих работах А.В. Свешников. Он сосредоточился на петербургской школе медиевистов начала XX в., справедливо полагая, что модернизационные процессы этого периода оказали большое влияние на научное сообщество. Среди исторических научных школ Свешников выделяет кружки, сложившиеся «вокруг В.О. Ключевского в Москве и С.Ф. Платонова в Санкт-Петербурге» [5, с. 108]. На примере школы медиевистов, сформировавшейся вокруг И.М. Гревса (1860–1940), Свешников вывел следующие характерные особенности научной школы: «набор принципиальных теоретико-методологических и конкретно-исторических взглядов, составляющий фундамент школы» и «школообразующие практики» (семинары, практические занятия, образовательные экскурсии и т. п.). «Профессиональная социализация шла в данном случае в рамках школы, посредством школы и была неразрывно связана с конструированием школьной идентичности. <...> Школа оказалась возможной именно как социальная группа» [5, с. 110] к созданию которой сознательно стремился Гревс. Участники этой группы не были связаны политическими взглядами, но Гревс старался «патерналистски выстроить целостное мировоззрение своих учеников» [5, с. 111].

Свешников выделил такую важную черту этого сообщества, как роль наставника. Эта черта для петербургской исторической школы являлась фундаментальной, наставник был «системообразующим элементом», вокруг которого выстраивались все остальные характерные признаки этого феномена. Для научной

школы Лаппо-Данилевского фигура наставника стала основой своеобразного «долгожительства», которым не могли похвастаться многие научные кружки.

Методология

Принципы объективности и историзма легли в основу методологии исследования как основа научного подхода. С помощью эмпирического метода сбора данных были выявлены и на основании системного подхода объединены в одно целое воспоминания учеников и учителей петербургской исторической школы. Эти мемуары были подвергнуты источниковедческому анализу, что позволило определить характерные черты петербургской исторической школы как научного и социального феномена. Было проведено сравнение этого явления с подобным – московской исторической школой, что дало возможность выделить уникальные качества рассматриваемого феномена.

Первый научный анализ воспоминаний такого рода предпринял С.Н. Валк, среди многочисленных работ которого выделяются труды по источниковедению. В очерке об исторической науке в Ленинградском университете [3] ученый привел отзывы о научной деятельности своих предшественников и современников, в то же время сверяя эти высказывания с собственной оценкой отечественной историографии. Суждения о педагогической деятельности своих учителей С.Н. Валк строил не только на основании своих впечатлений, но и на утверждениях других учеников, например, своего коллеги Б.А. Романова.

Воспоминания о новом поколении преподавателей петербургской исторической школы – о С.Н. Валке и Б.А. Романове – оставили их выдающиеся ученики. Это не единичные реплики, а своеобразное «многоголосье» (воспоминания Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, В.Г. Чернухи, В.М. Панеяха и др.), позволяющее

вывести общее мнение. Можно добавить к этим историческим источникам устную историю – автору статьи довелось неоднократно слышать высокие отзывы упомянутых историков о своих учителях, к авторитету которых они обращались как к высокому мерилу своей жизни и научной работы.

И, наконец, Б.В. Ананьичу [6, с. 107] посвящена книга воспоминаний, вышедшая после его кончины, в которой звучит целый «хор» его учеников, живущих и работающих в разных городах и разных странах. Эти тексты, лишенные официальной тональности, близки к устной истории по непосредственности изложения и свежести впечатлений. Данная особенность не снижает их значимости, а наоборот, приближает читателя к научному феномену. Знакомство автора статьи с Б.В. Ананьичем позволяет верифицировать эти отзывы.

Выбранная методология исследования обеспечила возможность обнаружить свойства научной школы как системы «воспроизводства» научных кадров, главную роль в которой играло личностное взаимодействие учеников и учителей.

Результаты и их обсуждение

Многие современные петербургские историки вспоминают лекции Б.В. Ананьича (1931–2015). В течение почти 60 лет его научная деятельность была связана с Санкт-Петербургским институтом истории РАН, а преподавательская – с Санкт-Петербургским университетом. Научные интересы Ананьича охватывали различные сюжеты экономической, политической и социальной истории России второй половины XIX – начала XX в. Он производил на своих учеников впечатление «незаурядной, выдающейся личности», человека «высокой интеллигентности», «с четкой системой нравственных координат». Размышляя на лекциях вслух, он давал студентам возможность

«ощутить ткань истории, ее живое дыхание, ее пульс», показывая «как действовали пружины власти, чем были мотивированы те или иные политические решения, как взаимодействовали и/или противостояли друг другу разные властные, общественные и партийные группировки». Являясь ученым с мировым именем, Ананьич общался со своими учениками на равных, как с исследователями, интересуясь их мнением по поводу своих научных работ [7, с. 29–30]. Он «учил, не наставляя, а показывая, вовлекая в мир истории» [8, с. 40]. Во многом Ананьич перенял стиль преподавания и общения у своего учителя – Б.А. Романова (1889–1957).

Однокашники Ананьича, учившиеся на историческом факультете Ленинградского университета в первые послевоенные годы, вспоминали, что «еще застали большую группу представителей старой академической науки»: Е.В. Тарле, Н.И. Полетику, В.В. Струве и др. Из этой группы, несшей «на себе печать “серебряного века” российской культуры и науки», выделялась «фигура старца-аристократа» Романова, «одевавшегося как-то “вызывающе” – в пальто-доху и шапку “боярку”, что было совершенно не принято» [2, с. 299].

Романов сочетал в своей научной деятельности «антик» (историю Древней Руси) и «модерн» (историю России конца XIX – начала XX в.). В небольшую группу учеников Романова, которых он называл «сынами» [9, с. 81], кроме Ананьича, входили Н.Е. Носов, А.А. Фурсенко, В.М. Панеях и Р.Ш. Ганелин. Они оказались «не только прочным фактом личной биографии» ученого, но и «существенным явлением» отечественной науки [10, с. 140]. Носов и Панеях продолжили традицию изучения «антика», Ананьич, Ганелин и Фурсенко – «модерна». В изучении «модерна» Романов оказался новатором, нарушившим традицию исследова-

ния событий не ранее чем через 50 лет после того, как они произошли, т. к. полвека спустя становились доступными архивные документы. Романов также изменил традиционный взгляд на экономическую историю, доказав, что «паровозы, вагоны» тоже могут стать предметом исторического исследования [11, с. 299]. Работу в этом направлении продолжил Ананьич.

Авторитет Романова, не только научный, но и нравственный, был неоспорим в глазах студентов. «В Борисе Александровиче одном было больше таланта, чем во всех нас, его учениках, вместе взятых», – отмечал Ананьич. Он передал впечатления от занятий на семинаре по истории российского империализма в 1948 г. Сначала первокурсники были разочарованы тем, что Романов «просто читал вслух работу Ленина с комментариями». Но дальнейшие занятия преподаватель построил в форме рассказа о работе над своей первой монографией «Россия в Маньчжурии». «Он замечательно рассказывал» [6, с. 107]. Очевидно, что студентов увлек не только ораторский дар преподавателя (как в рассказе Чехова), но и его подход к научному исследованию: Романов часто использовал в своих книгах приемы научно-литературного изложения, избегая стандартных выводов, заключений и положений, взамен разворачивая «текущую цепь фактов, следующих один за другим, как они определены изучением источников» [10, с. 123].

У Романова был большой опыт работы в средней школе, он стал преподавать сразу после окончания университета в 1911 г., был учителем истории в нескольких петербургских гимназиях, Смольном институте, а после революции – в трудовых школах, и лишь в 1924 г. перешел в Центрархив и посвятил себя научным изысканиям [10, с. 115]. Он получил доступ к документам по экономической истории предреволюционного периода, то-

гда же и возник его научный интерес к «модерну». Одновременно, в 1919 г., Романов стал преподавать в университете. С 1944 по 1950 г. Романов вел практические занятия со студентами первого курса, разбирая вместе с ними текст «Русской Правды». Первокурсники «в знак восхищения и благодарности за увлекательные, глубокие, неповторимые занятия по «Русской Правде» преподнесли ему шкатулку с миниатюрным текстом исторического источника и лупой. Этим откликом на свою преподавательскую работу Романов очень гордился: «Значит, не даром я вкладывал всего себя в эти занятия» [10, с. 138]. С 1950 г. Романов руководил студенческим историческим кружком. Преподавание увлекало его, занятия «питали морально». Ему было интересно следить за ростом студентов, их вхождением в науку, к которому он их «подталкивал» [10, с. 139]. Не случайно у Романова появилась группа учеников, продолживших его исследования, помнивших его слова: «держаться вместе» [9, с. 76]. Они перенимали у своего учителя «систему нравственных координат», которую он никогда специально не конструировал для них, но был ее олицетворением.

Учителями Романова были преподаватели дореволюционного Петербургского университета. Он поступил на историко-филологический факультет в 1906 г., когда под влиянием революционных настроений изменилась университетская жизнь. Вместо курсовой системы обучения появилась предметная: посещение лекций стало необязательным, необходимо было сдать экзамены по установленным предметам и зачеты по «просеминарию» и трем «семинариям» (в современном учебном плане на смену им пришли практические занятия). Романов вспоминал: «Нам пришлось <...> самим творить свою жизнь. <...> Можно сказать, что наша жизненная мускулатура свободно и

здорово развивалась именно в этом процессе свободного выбора и неподсказанных решений» [10, с. 108]. Семинарские занятия в этот период превратились в главную форму университетского обучения. Романов посещал «семинарии» по русской истории, которые вели выдающиеся российские ученые А.Е. Пресняков, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский.

Своим учителем Романов считал Преснякова (1870–1928), известного исследованиями как по истории Древней и Средневековой Руси, так и по истории Российской империи XIX в. Пресняков в 1907 г. только начинал свою преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента, и для первых практических занятий, на которых оказался Романов, выбрал летописи. Каждый студент должен был выступить на семинаре с сообщением, и тема, выбранная Романовым, относилась к участию смердов в княжеских походах на половцев. Очевидно, на молодого человека произвели впечатление лекции преподавателя, и Пресняков, в свою очередь, отметил способного студента. Между ними не только установились дружеские отношения, они были единомышленниками, обсуждали коллизии своей научной работы [10, с. 109–111]. Именно Преснякову была свойственна манера научно-литературного изложения с опорой на исторические источники, получившая развитие в работах Романова [10, с. 123].

Еще одним учеником Преснякова был университетский товарищ Романова, выдающийся отечественный историк Валк, занимавшийся преимущественно историей России XIX в. Как и Романов, он казался студентам «как бы выходцем из другого мира, гораздо менее шумного и безалаберного»: «с потрепанным школьным портфелем, вечно забываемым в аудиториях, почти никогда не снимаемым пенсне». «Он был необычайно учтив

и застенчив» [2, с. 299], стеснителен и деликатен, «никогда не ошибаясь, всех студентов называл по имени и отчеству, никогда не входил первым ни в одну дверь» [2, с. 315]. При этом сильное впечатление на студентов производила «необыкновенная» личность профессора: «энциклопедически образованный ученый, знаток искусства и коллекционер, меломан, превосходный Учитель и поразительно благородный человек, человек естественного, повседневного и какого-то обыденного благородства». «У него была феноменальная память, а с нею вместе и академический кругозор» [2, с. 301]. Ученики отмечали его интерес не только к прошлому, но и к настоящему, он читал газеты на нескольких иностранных языках.

Валк оказал влияние на развитие отечественной исторической науки не только исследованиями в области источниковедения и истории России, но и преподавательской работой, подготовив множество новых ученых. «Сотни выпускников ЛГУ прошли через его курсы и семинары, многие десятки стали его прямыми учениками». Валк читал курсы источниковедения и архивного дела. «Лекции его носили скорее характер бесед, лишенных какой бы то ни было назидательности, но глубоко поучительных. В них всегда были представлены самые глубокие и важные в теоретическом и практическом отношении сведения об историческом источнике и работе с ним». На практические занятия вместе со студентами приходили выпускники, аспиранты и защитившие диссертации ученые. Это было «ученое собрание» исследователей-единомышленников, объединенных «темой общего звучания» [2, с. 315]. Даже много лет спустя В.Г. Чернуха, ученица Валка, ставшая известным ученым, в беседах со своими аспирантами ссылаясь на авторитет учителя по проблемам внутренней политики второй половины XIX в.

Ученики Валка часто вспоминали, что, как и Романов, на первом курсе он дал им возможность почувствовать себя серьезными исследователями, предложив самостоятельно разобрать «первый в их жизни важнейший исторический источник» – «Русскую Правду», поставив таким образом их на один уровень с известными учеными. Мнение первокурсников «рассматривалось наравне с теми точками зрения, которые были представлены и обсуждались в литературе» [2, с. 315].

Помимо Преснякова, повлиявшего на Валка «всем характером своего творчества», его учителем был А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), один из основоположников петербургской исторической школы, «которая вопрос о составе и приемах изучения источников считала основой в деятельности ученого-историка» [3, с. 45]. Занимаясь экономическими вопросами истории Средневековой Руси, он полагал, что «научным построениям должно предшествовать тщательнейшее исследование источников», «источниковедческий анализ» [2, с. 303]. Закономерный итог этих штудий был подведен в книге «Методология истории» [12].

Сложные взаимоотношения сложились между кружком студентов, объединившихся вокруг Лаппо-Данилевского, и кружком Платонова – они соперничали. Платонов видел разницу между этими профессиональными сообществами в том, что вокруг Лаппо-Данилевского собирались «дворяне по воспитанию», «с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории», соединенные «общим credo», а «платоновцы, разночинцы, люди другого общества», «с меньшим запасом научных сил», связанные только личной дружбой [13, с. 133]. Однако с такой оценкой нельзя согласиться в полной мере, социальное происхождение не помешало Валку, выходцу из небогатой еврейской семьи,

войти в кружок Лаппо-Данилевского. Все же Платонов верно подметил, что кружок Лаппо-Данилевского, из которого выросла целая научная школа, имел общее кредо. Это кредо усвоили и передали следующим поколениям ученики Лаппо-Данилевского.

Лаппо-Данилевский стал для Валка Учителем с большой буквы, «научным и нравственным эталоном». Валк поступил в университет в 1907 г., приехав в Петербург из небольшого города в Царстве Польском, национальной окраине Российской империи. Занятия на первом и втором курсе разочаровали, т. к. были далеки от его представлений о «сложности, строгости, возвышенности научного процесса», он даже хотел бросить учебу в университете [2, с. 302]. Но на семинарских занятиях у Лаппо-Данилевского, где происходило полное изучение исторического источника, предшествовавшее его научной публикации, ожидания Валка, наконец, совпали с реальностью.

Лаппо-Данилевский был передовым ученым в полном смысле этого слова. Он опережал свое время, работая «на высочайшем отечественном уровне», «на гребне мировой исторической науки», пользуясь авторитетом среди коллег, будучи избранным ими в 36 лет действительным членом Императорской Академии наук. «Сочетание преподавательской и исследовательской работы А.С. считал обязательным» [2, с. 303]. При этом он был очень строгим преподавателем и требовательным научным руководителем. Студенты испытывали по отношению к Лаппо-Данилевскому, по замечанию Романова, «страх логический, страх эстетический», ощущая на лекциях «неумолимую строгость», в основе которой был «моральный источник» [10, с. 112]. По воспоминаниям Валка, переданным его учениками, Лаппо-Данилевский был «человеком довольно сдержанным и сухим, закрытым», «он никогда не спускался с

высоты собственных знаний на студенческий уровень», «всегда преподавал (читал, спрашивал, объяснял, строил семинарий) на уровне своих знаний». От студентов требовалось «большое напряжение, постоянная подготовка». В числе его учеников оказывались «как бы прошедшие особый научный тест», обладавшие какими-то общими качествами. Войдя в эту «семью», Валк «как бы попал к “своим”». Помимо высоких нравственных требований, это единство было основано на «научном реализме», «конкретном, непосредственном отношении к источнику» [3, с. 63] – характерной методологической черте петербургской исторической школы.

Лаппо-Данилевский был для Валка «образцом, в котором он до последних лет своих не усомнился». «Общественное» влияние на него также оказал Гревс – основатель петербургской школы историков-медиевистов [2, с. 304]. Если Лаппо-Данилевский был не склонен вмешиваться в общественно-политическую жизнь, то Гревс этой жизнью активно интересовался и в ней участвовал, был в рядах наиболее прогрессивных профессоров, обладал «природным талантом к науке и крупным педагогическим дарованием», оказывал «воздействие» на студентов «широтой культурных взглядов, удивительным отношением к людям, особенно молодым, начинающим свой путь» [13, с. 176–177].

Гревс преподавал не только в университете, но и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Одна из курсисток, В.П. Андреева-Георг, вспоминала: «Он считал, что “профессор – это прекрасная общественная роль”. Он полагал, что профессор обязан владеть аудиторией на основе и в результате своей ученой деятельности и непрерывной исследовательской активности. <...> Семинарии он вел мастерски: умел научить по-настоящему заниматься наукой, быть свободным и

независимым в ее сфере, т. е. знать, каким путем, через какие источники, книги, справочники, подойти к разработке вопроса и как с ним справиться. Кроме того, И.М. Гревс умел научить любить науку, постичь ее красоту и притягательные свойства. Умел увлечь предстоящей научной работой даже в той краткой беседе...» [14, с. 176].

Гревс считал очень важной работу со студентами именно на семинарских занятиях. Это направление продолжил и развил Валк, ценивший семинарские занятия «более всего», положивший «в их основу работу самих студентов над историческими источниками» [2, с. 304]. Другое направление просветительской и преподавательской работы Гревса – образовательные путешествия как способ изучения городской среды – сегодня продолжают развивать современные педагоги.

Научное и нравственное влияние на Валка также оказал В.И. Семевский (1848–1916). Из его рук Валк «принял эстафетную палочку» в изучении крестьянской реформы Александра II и крестьянского движения. К Семевскому, уже не преподававшему в университете и посвятившему себя исследовательским занятиям, Валка направил Лаппо-Данилевский, с запиской и просьбой дать ему работу. Семевский считал помощь студенчеству «одной из своих общественных обязанностей» и предложил молодому человеку работу в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат. Возможно, Валк стал участником занятий, которые Семевский вел на дому.

От Лаппо-Данилевского и его соратников по научному цеху к Валку и Романову, а от них к ученикам передавалось общее кредо наставников петербургской исторической школы – не только высокие научные достижения, ораторские способности, а, в первую очередь, внутреннее благородство, укорененность нравственных начал, демократизм в отношении к

студентам, требовательность к себе и к ученикам, уважение к их мнению. Это кредо сформулировал Н.И. Кареев, профессор Петербургского университета, занимавшийся также вопросами школьного преподавания истории. Он отмечал, что «в деле образования (да и воспитания тоже) на первом плане должен стоять вопрос не о том, что сделать из воспитываемого, а что делать для него самого: тем, что мы для него сделаем, определится и то, что из него выйдет». Он подчеркивал, что, различая добродетель и порок в прошлом, преподаватель истории должен быть убежден в незыблемости нравственных основ: «Преподавателю истории нет надобности быть учителем морали, но он, несомненно, должен быть морально настроенным человеком в более сильной степени, нежели преподаватель <...>, которому на своих уроках не приходится иметь дело с такими нравственными ценностями, каких сплошь и рядом касается историческое преподавание» [15, с. 165–167]. Эти утверждения в полной мере относятся и к принципам петербургской исторической школы.

Безусловно, профессора других университетов обладали высокими нравственными качествами, но уникальность петербургской исторической школы состояла в том, что эти качества не исчезали с уходом из жизни конкретного ученого, а передавались от одного поколения наставников к следующему, таким образом продолжалась жизнь научной школы со своими нравственными принципами и методологической традицией.

К научному и нравственному авторитету представителей петербургской исторической школы неоднократно обращались их коллеги из Москвы. П.Н. Милюков вспоминал, как он приехал в Петербург в 1892 г. после неудачной защиты своей диссертации в Москве, где его научный руководитель, В.О. Ключевский, выступил с резкой критикой. Милюков

отметил различия между петербургской и московской историческими школами, подчеркнув тщательную работу с источниками петербургских историков, но вместе с тем как недостаток их приверженность истории Древней Руси, тогда как московские историки уже разрабатывали более актуальные темы. Однако Милюков нашел в Петербурге Лаппо-Данилевского, «подходившего к вопросам истории более широко и отвлеченно», и Семевского, «историка крестьянского вопроса и русских общественных движений от декабристов до петрашевцев». Милюков отметил «его большое влияние на молодежь» [16, с. 163]. В среде петербургских историков Милюков получил поддержку.

Понимание и поддержку нашла в Ленинграде и Л.Г. Захарова, ученица П.А. Зайончковского. Он настоятельно рекомендовал ей в качестве докторской диссертации исследование по внутренней политике Николая II, несмотря на то, что эта научная тема Захарову не привлекала. Она подчинилась авторитету учителя и начала работать в историческом архиве Ленинграда, при этом не только собирая материал для статьи «Николай II и его окружение», но и изучая дневники деятелей эпохи Великих реформ Александра II. Осознав, что именно исследование по истории крестьянской реформы привлекает ее как научная тема, Захарова сразу же позвонила известному ленинградскому историку, профессору университета С.Б. Окуню, а затем по его приглашению приехала к нему домой, чтобы поделиться своими открытиями и сомнениями. Свое обращение к ленинградскому историку, который не был ее научным руководителем (однако дружил с Зайончковским), Захарова объясняла высоким научным и нравственным авторитетом Окуня. «Всем, кто серьезно занимался своим делом и кого считали человеком порядочным, двери гостеприимного дома

профессора Окуня были открыты. <...> Вот и в тот памятный день меня охотно приняли». Профессор внимательно выслушал охваченного энтузиазмом молодого историка, дал советы по дальнейшей научной работе. И на вопрос о том, как быть с мнением научного руководителя, настаивавшего на другой теме, посоветовал написать статью, показать ее Зайончковскому, и обнадежил тем, что вопрос уладится. «Счастливая и благодарная, получив фактическое благословение» на выбранную тему, Захарова «распрощалась и уехала в Москву» [17, с. 8–9].

О московской исторической школе в отдельности и в сравнении с петербургской написано множество научных работ. Сравнительный метод использовал в своей статье о Ленинградском университете С.Н. Валк, подчеркнув, что одним из достоинств московской научной школы было отношение к исторической науке как к «органу» «умственного, нравственного и гражданского воспитания общественных сил». Валк показал, что в деятельности Н.И. Кареева, выпускника Московского университета, преподававшего затем в Петербурге, соединились лучшие качества двух школ. Н.И. Кареев «воспринял» от «традиций московского исторического круга» «своеобразное определение научности истории как средства (органа) общественного воспитания». «Широкий общеобразовательный уклон» он сумел соединить со скрупулезным изучением исторического источника, характерным для петербургской исторической школы [3, с. 41–42].

Преимущество тематики и методологии исследований московской исторической школы рассматривается в объемной монографии В.В. Тихонова. Задача книги – реконструкция научных биографий историков, анализ особенностей их исследовательской деятельности. Сосредоточившись на этих проблемах, В.В. Тихонов лишь повторил высказыва-

ние С.Н. Валка об особенностях двух исторических школ, перефразировав его для московской школы как «интерес к социальной тематике и стремление концептуализировать полученные фактические данные, создать широкие исторические обобщения» [4, с. 19]. Однако суждение Валка глубже, он выделил ту черту научной школы, которая могла передаваться от поколения к поколению и стать основой ее развития. Эта тема еще ждет своего исследователя.

Выводы

Преимственность идей, не только научных, но и нравственных, объединивших учителей и учеников петербургской исторической школы, их передача от Лаппо-Данилевского, Преснякова,

Гревса, Семевского к Романову и Валку, а от них к послевоенному поколению историков обусловили «взрыв» отечественной исторической мысли в Ленинграде во второй половине XX в., когда в российскую историографию вошли работы Ананьича, Ганелина, Чернухи и их однокашников и соратников по научной работе. В свою очередь эти историки подготовили новую плеяду учеников, которые преподавали и преподают в университетах нашей страны. Опыт петербургской исторической школы, его научный и нравственный аспекты имеет теоретическое и практическое значение как для ученых, занимающихся открытием нового знания, так и для тех, кто преподает в вузах.

Список литературы

1. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Полит. энцикл., 2017. 903 с.
2. Ганелин Р.Ш., Чернуха В.Г. С.Н. Валк (1887–1975) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 26. СПб.: Наука, 1998. С. 299–316.
3. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106.
4. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
5. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века в контексте российской модернизации // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 107–112.
6. Из воспоминаний Б.В. Ананьича // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / отв. вред. Н.И. Ананьич. СПб.: Лики России, 2016. С. 107.
7. Витухновская М.А. Памяти Бориса Васильевича Ананьича // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 29–33.
8. Правилова Е.А. In memoriam // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 40–42.
9. Рибер А. Борис Васильевич Ананьич // Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним / Н.И. Ананьич (ред.). СПб.: Лики России, 2016. С. 80–85.
10. Валк С.Н. Борис Александрович Романов // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 107–145.
11. Ганелин Р.Ш. Б.А. Романов – историк революционного движения в России // Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 209–228.

12. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.
13. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 967 с.
14. Андреева-Георг В.П. И.М. Гревс // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918) / С.Н. Валк (ред.) [и др.] Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 173–175.
15. Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 226 с.
16. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1990. 446 с.
17. Захарова Л.Г. Путь к теме // Александр II и отмена крепостного права в России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 5–38.

References

1. Rostovtsev E.A. Metropolitan University of the Russian Empire: academic class, society and government (the second half of the 19th – early 20th centuries). Moscow: Polit. entsikl.; 2017. 903 p. (In Russ.)
2. Ganelin R.Sh., Chernukha V.G. S.N. Valk (1887-1975). In: Auxiliary historical disciplines. Vol. 26. St. Petersburg: Nauka; 1998. P. 299-316. (In Russ.)
3. Valk S.N. Historical science at Leningrad University for 125 years. In: Selected works on historiography and source studies. St. Petersburg: Nauka; 2000. P. 7-106. (In Russ.)
4. Tikhonov V.V. The Moscow historical school in the first half of the twentieth century: the scientific work of Yu.V. Gauthier, S.B. Veselovsky, A.I. Yakovlev and S.V. Bakhrushin. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2012. 320 p. (In Russ.)
5. Sveshnikov A.V. The St. Petersburg school of medievalists of the early 20th century in the context of russian modernization. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*. 2011;(1):107-112. (In Russ.)
6. From the memoirs of B.V. Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.). Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 107. (In Russ.)
7. Vitukhnovskaya M.A. In memory of Boris Vasilyevich Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.). Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 29–33. (In Russ.)
8. Pravilova E.A. In memoriam. In: Anan'ich N.I. (ed.) Ananyich Boris Vasilyevich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 40-42. (In Russ.)
9. Riber A. Boris Vasilyevich Ananyich. In: Anan'ich N.I. (ed.) Boris Vasilyevich Ananyich. How we remember him. St. Petersburg: Liki Rossii; 2016. P. 80-85. (In Russ.)
10. Valk S.N. Boris Alexandrovich Romanov. In: Selected works on historiography and source studies. St. Petersburg: Nauka; 2000. P. 107-145. (In Russ.)
11. Ganelin R.Sh. B.A. Romanov is a historian of the revolutionary movement in Russia. In: Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s–1970s. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2006. P. 209-228. (In Russ.)
12. Lappo-Danilevskii A.S. Methodology of history. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 621 p. (In Russ.)
13. Presnyakov A.E. Letters and diaries. 1889–1927. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2005. 967 p. (In Russ.)

14. Andreeva-Georg V.P. I.M. Grevs. In: Valk S.N., et al. (eds.). St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) courses (1878-1918). Leningrad: Izd-vo LGU; 1965. P. 173-175. (In Russ.)
15. Kareev N.I. About school history teaching. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha; 1917. 226 p. (In Russ.)
16. Milyukov P.N. Memoirs. Vol. 1. Moscow: Sovremennik; 1990. 446 p. (In Russ.)
17. Zakharova L.G. The way to the topic. In: Alexander II and the abolition of serfdom in Russia. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); 2011. P. 5-38. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Барыкина Инна Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России (с древнейших времен до начала XIX века), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ibarykina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9910-6766, Researcher ID: Q-3442-2018

Inna E. Barykina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of Departments of Russian History (from ancient times to the beginning of the 19th century), Herzen University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: ibarykina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9910-6766, Researcher ID: Q-3442-2018

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), название (полужирный), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса, аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (от 15 до 25 источников). Пристатейные списки литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять на официальный сайт журнала <https://hisplus.elpub.ru/jour>

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru